

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Founder: Perm State University

Научный журнал издается
Пермским государственным
национальным исследовательским
университетом с 2010 г.

Тематика статей журнала отражает научные интересы специалистов в области социально-гуманитарного знания. В публикуемых материалах рассматриваются актуальные проблемы философии, психологии и социологии, обсуждаются результаты эмпирических исследований.

Subjects of articles of the journal reflect scientific interests of experts in the field of socially-humanitarian knowledge. Actual problems of philosophy, psychology and sociology are considered in published materials. Results of empirical researches are also discussed in the articles.

Издание включено в Перечень ВАК РФ по следующим научным специальностям, по которым принимаются статьи:

- 09.00.01 Онтология и теория познания
- 09.00.11 Социальная философия
- 09.00.03 История философии
- 09.00.13 Философская антропология, философия культуры
- 19.00.01 Общая психология, психология личности, история психологии
- 22.00.01 Теория, методология и история социологии
- 22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы
- 22.00.08 Социология управления

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66481 от 14 июля 2016 г.

Подписной индекс журнала «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология» в Объединенном каталоге «Пресса России» — 41011

© ФГБОУ ВО «ПГНИУ», 2020

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Александр Юрьевич Внутских (чл.-кор. РАЕ, докт. филос. наук, профессор, Пермь)

Заместитель главного редактора

Александра Юрьевна Бергфельд (доцент, канд. психол. наук, Пермь)

ФИЛОСОФИЯ

Владимир Васильевич Миронов (чл.-кор. РАН, профессор, докт. филос. наук, Москва), *Олег Александрович Барз* (акад. МАИА, докт. филос. наук, профессор, Пермь), *Наталья Ириковна Береснева* (докт. филос. наук, профессор, Пермь), *Владимир Николаевич Железняк* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Сергей Владимирович Комаров* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Лева Асканазович Мусаелян* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Сергей Анатольевич Никольский* (профессор, докт. филос. наук, Москва), *Сергей Владимирович Орлов* (докт. филос. наук, профессор, Санкт-Петербург), *Александр Владимирович Перцев* (акад. РАЕН, профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург)

ПСИХОЛОГИЯ

Юрий Петрович Зинченко (акад. РАО, профессор, докт. психол. наук, Москва), *Виктор Дмитриевич Балин* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Елена Васильевна Левченко* (профессор, докт. психол. наук, Пермь), *Наталья Анатольевна Логинова* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Ирина Анатольевна Мироненко* (докт. психол. наук, профессор, Санкт-Петербург), *Людмила Александровна Мосунова* (докт. психол. наук, профессор, Киров), *Александр Октябрьевич Прохоров* (профессор, докт. психол. наук, Казань), *Елена Евгеньевна Сапогова* (профессор, докт. психол. наук, Москва)

СОЦИОЛОГИЯ

Зинаида Петровна Замараева (докт. социол. наук, профессор, Пермь), *Евгения Анатольевна Когай* (профессор, докт. филос. наук, Курск), *Наталья Александровна Лебедева-Несевря* (докт. социол. наук, профессор, Пермь), *Елена Леонидовна Омельченко* (докт. социол. наук, профессор, Санкт-Петербург), *Галина Ивановна Осадчая* (акад. РАСН, чл.-кор. РАЕН, профессор, докт. социол. наук, Москва), *Татьяна Николаевна Юдина* (акад. РАСН, профессор, докт. социол. наук, Москва)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Дмитрий Иванович Широканов (акад. НАН Беларуси, профессор, докт. филос. наук, Минск, Беларусь), *Александр Алексеевич Строканов* (доктор наук, профессор, директор Института русского языка, истории и культуры, университет Северного Вермонта, США), *Дьёрдь Сарвари* (доктор философии, директор Bardo Consulting Organizational Development Office, Венгрия), *Джорджио Де Маркус* (доктор наук, профессор департамента аудиовизуальных коммуникаций и рекламы, Мадридский университет Комплютенсе, Испания), *Стивен Д. МакДауэлл* (доктор наук, профессор, директор Школы коммуникации, Университет штата Флорида, США), *Майкл Э. Рьюз* (доктор наук, профессор философского факультета, университет штата Флорида, США), *Пол Эйткен* (доктор наук, адъюнкт-профессор факультета бизнеса, Университет Бонд, Австралия)

Адрес редакционной коллегии

614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15. Тел. +7(342) 2396-305.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru.
Web-site: <http://www.philsoc.psu.ru/vestnik>

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Alexander Yu. Vnitskikh (Associate member of RANH, Doctor of Philosophy, Professor)

Deputy Editor-in-Chief

Alexandra Yu. Bergfeld (Associate Professor, Ph.D. in Psychology)

PHILOSOPHY

Vladimir V. Mironov (Associate member of RAS, Professor, Doctor of Philosophy, Moscow), *Oleg A. Barg* (Academician of IAIA, Doctor of Philosophy, Professor, Perm), *Natalya I. Beresneva* (Doctor of Philosophy, Professor, Perm), *Vladimir N. Zheleznyak* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Sergey V. Komarov* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Leva A. Musaelyan* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Sergey A. Nikolsky* (Professor, Doctor of Philosophy, Moscow), *Sergey V. Orlov* (Doctor of Philosophy, Professor, Saint Petersburg), *Alexander V. Pertsev* (Academician of RANS, Professor, Doctor of Philosophy, Yekaterinburg)

PSYCHOLOGY

Yury P. Zinchenko (Academician of RAE, Professor, Doctor of Psychology, Moscow), *Viktor D. Balin* (Professor, Doctor of Psychology, Saint Petersburg), *Elena V. Levchenko* (Professor, Doctor of Psychology, Perm), *Natalya A. Loginova* (Professor, Doctor of Psychology, Saint Petersburg), *Irina A. Mironenko* (Doctor of Psychology, Professor, Saint Petersburg), *Lyudmila A. Mosunova* (Doctor of Psychology, Professor, Kirov), *Alexander O. Prokhorov* (Professor, Doctor of Psychology, Kazan), *Elena E. Sapogova* (Professor, Doctor of Psychology, Moscow)

SOCIOLOGY

Zinaida P. Zamaraeva (Doctor of Sociology, Professor, Perm), *Evgeniya A. Kogai* (Professor, Doctor of Philosophy, Kursk), *Natalya A. Lebedeva-Nesevrya* (Doctor of Sociology, Professor, Perm), *Elena L. Omelchenko* (Doctor of Sociology, Professor, Saint Petersburg), *Galina I. Osadchaya* (Academician of RASS, Associate member of RANS, Professor, Doctor of Sociology, Moscow), *Tatyana N. Yudina* (Academician of RASS, Professor, Doctor of Sociology, Moscow)

EDITORIAL COUNCIL

Dmitri I. Shirokanov (Professor, Doctor of Philosophy, Academician of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus), *Alexander A. Strokanov* (Professor, Director of the Institute of Russian Language, History and Culture, Ph.D., Northern Vermont University – Lyndon, USA), *György Sarvari* (Ph.D., Ddirector of Bardo Consulting Organizational Development Office, Hungary), *Giorgio De Marchis* (Professor of the Department of Audiovisual Communication and Advertising, Ph.D., Complutense University of Madrid, Spain), *Stefan D. McDowell* (John H. Phipps Professor of Communication, Ph.D., Florida State University, USA), *Michael E. Ruse* (Lucyle T. Werkmeister Professor and Director of the History and Philosophy of Science Program, Ph.D., Florida State University, USA), *Paul Aitken* (Adjunct Professor of the School of Business, Ph.D., Bond University, Australia)

Address of Editorial Board

Perm State University, Bukirev str., build. 15, Perm, Perm Krai, Russia, 614990

Tel. +7(342) 2396-305.

E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru

Web-site: <http://www.philsoc.psu.ru/vestnik>

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

- Диалектика формирования и развития пространственно-временной структуры человеческой личности. Открытие и крах экзистенциального горизонта для-себя 531
Политов А.В.
Dialectics of the formation and development of the human personality's spatiotemporal structure. Opening up and crash of the for-self existential horizon
Andrey V. Politov
- Отчужденный характер сущности человека как основное содержание кризиса современной цивилизации 541
Мельников В.О.
Alienated nature of human essence as the main content of the civilization crisis
Viktor O. Melnikov
- Интерсубъективные аспекты процесса социальных коммуникаций в марксистском анализе Г.В. Плеханова 552
Жилина В.А., Гранин Д.В.
Intersubjective aspects of the social communication process in Plekhanov's Marxist analysis
Vera A. Zhilina, Denis V. Granin
- Теизм и атеизм: гносеологическое тождество в различии 560
Поросенков С.В., Шишкина М.К.
Theism and atheism: epistemological identity in difference
Sergey V. Porosenkov, Maria K. Shishkina
- Эстетизация образа андрогина в современной культуре 569
Изрина С.О.
Aesthetization of the image of androgyne in modern culture
Svetlana O. Izrina

ПСИХОЛОГИЯ

- Моделирование предметной области психологических исследований боли 579
Чулошников А.И.
Modeling the subject areas of psychological research on pain
Alexey I. Chuloshnikov
- Эмоциональные мотивы суицидального поведения подростков 596
Пырьев Е.А., Очеретина Ю.А.
Emotional motives of adolescent suicidal behavior
Evgeny A. Pyriev, Yulia A. Ocheretina

СОЦИОЛОГИЯ

- Роль организационной культуры и практик управления в развитии доверия в организациях: опыт российских и зарубежных исследований 610
Германов И.А., Маркова Ю.С., Безруков А.В.
The role of organizational culture and management practices in the development of trust in organizations: experience of Russian and foreign research
Igor A. Germanov, Yulia S. Markova, Anton V. Bezrukov
- Развитие экосистемы социального предпринимательства в Северо-Западном регионе России 622
Иванова М.М., Бородкина О.И.
Development of the ecosystem of social entrepreneurship in the Northwestern region of Russia
Maria M. Ivanova, Olga I. Borodkina

Проблемы применения медиативных технологий в образовательных организациях: опыт Свердловской области <i>Крестьянова Л.С., Ершова А.В.</i>	637	Problems of using mediation technologies in educational organizations: experience of the Sverdlovsk region <i>Lubov S. Krestyanova, Anastasiya V. Ershova</i>
Мифология сетевых сообществ Рунета <i>Плотичкина Н.В.</i>	649	Mythology of RuNet network communities <i>Natalia V. Plotichkina</i>
Мнение российских женщин о государственных мерах стимулирования рождаемости и поддержки семей с детьми (по материалам социологического исследования в Алтайском крае) <i>Шрайбер А.Н., Артюхина В.А., Колесникова О.Н.</i>	659	Russian women's public opinion on state measures to stimulate the birth rate and support families with children (based on the materials of sociological study in Altai Krai) <i>Angelina N. Shrayber, Valentina A. Artjukhina, Olga N. Kolesnikova</i>
Проблемы занятости и миграции сельской молодежи Республики Калмыкия <i>Бадмаева Н.В.</i>	669	Employment and migration problems of rural youth in the Republic of Kalmykia <i>Nogan V. Badmaeva</i>
Трансформация реализации социальных и богослужебных практик религиозных организаций города Перми под воздействием самоизоляции и пандемии <i>Сироткин П.Ф.</i>	679	Transformation of social and liturgical practices of Perm religious organizations under the influence of lockdown and the pandemic <i>Pavel F. Sirotkin</i>

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

Информация о Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы психологической службы вуза в новых реалиях» <i>Макарова И.В., Жданова С.Ю., Бузина Т.С., Юдина Т.О., Кулыгина М.А., Хломов К.Д.</i>	688	Information about the Russian scientific and practical conference with international participation «Modern problems of the university psychological service in new realities» <i>Irina V. Makarova, Svetlana Yu. Zhdanova, Tatyana S. Buzina, Tatyana O. Yudina, Maya A. Kulygina, Kirill D. Khlomov</i>
Наши рецензенты	693	Our reviewers
Информация для авторов	695	Guidelines for English-speaking authors

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1:316

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-4-531-540

**ДИАЛЕКТИКА ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ
ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ СТРУКТУРЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ
ЛИЧНОСТИ. ОТКРЫТИЕ И КРАХ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО
ГОРИЗОНТА ДЛЯ-СЕБЯ***Политов Андрей Викторович**Пермский национальный исследовательский политехнический университет*

Цель данной статьи — исследование сущности диалектических принципов для-другого и для-себя и присущих им модусов, формирующих один из уровней пространственно-временной структуры человеческого бытия — личностную хронотологию. Теоретическая и методологическая база обусловлена синтезом культур-центристской программы, диалектической и органицистской моделей мироздания, реляционистского истолкования времени-пространства, хронотопологической концепции А.А. Ухтомского и М.М. Бахтина. В результате раскрыты диалектические основания формирования пространственно-временного каркаса человеческой личности согласно принципам для-другого и для-себя. Принцип для-другого формирует личностный мир-хронотоп человека, помещая его в ситуацию коммуникации с другими, лишая личностное бытие самостоятельности, обособленности, погружая его в сферу отчужденности и заботы, характеризующую публичное пространство социальной хронотологии. Но именно в событии отчуждения и экзистенциальной падшести коммуникации для-другого личностный мир посредством деформации и разрушения реконструируется в сферу, которая обладает способностью к соприсутствию с личностными мирами Других, впервые обнаруживаемых в качестве равноправных и самостоятельных акторов общественной жизни. На стадии для-другого личность приобщается к социальной хронотологии, получает способность ориентирования в окружающем мире и открывает путь к обретению следующей стадии — для-себя. Хронотопологический принцип для-себя служит заключительной порождающей моделью пространства и времени человеческой личности, согласно которой личностному миру открывается возможность экзистирования, свободы, приобщения к трансцендентному, катарсического и экстатического переживания, полноты бытия, экзистенциально подлинного со-бытия с Другим. Принцип для-себя окончательно конструирует личностный хронотоп человека, обогащая его этическим, эстетическим, аксиологическим и экзистенциальным горизонтом.

Ключевые слова: хронотоп, пространство, время, локус, личность, человек, культура.

**DIALECTICS OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT
OF THE HUMAN PERSONALITY'S SPATIOTEMPORAL STRUCTURE.
OPENING UP AND CRASH OF THE FOR-SELF EXISTENTIAL HORIZON***Andrey V. Politov**Perm National Research Polytechnic University*

The goal is to study the essence of dialectical principles for-other and for-self and their modes, which form one of the levels of the spatiotemporal structure of human existence — personal chronotology. The theoretical and methodological basis is due to the synthesis of the cultural centrism, dialectical and organicist

models of the universe, the relational interpretation of time and space and the chronotopological concept. As a result, the dialectical foundations of the formation of the spatiotemporal frame of the human personality are revealed according to the principles for-other and for-self. The principle for-other forms the personal chronotope, placing it in a situation of communication with others, depriving the personal being of independence, isolation, immersing it in the sphere of alienation and care that characterizes the public space of social chronotopology. But it is precisely in the event of alienation and the existential fall of communication for-other that the personal world is reconstructed through deformation and destruction into a sphere that has the ability to copresence with the personal worlds of Others, who are firstly discovered as equal and independent actors of social sphere. At the for-other stage, the person joins social chronotopology, gets the ability to orientate in the world around him and opens the way to finding the next for-self stage. The chronotopological principle for-self serves as the final generative model of space and time of the human personality, according to which the personal world opens up the possibility of existence, freedom, involvement with the transcendent, catharsis and ecstatic experience, fullness of being, existentially genuine coexistence with the Other. The principle for-self finally constructs a personal chronotope and enriching him with an ethical, aesthetic, axiological and existential horizon.

Keywords: chronotopos, space, time, locus, personality, human, culture.

Модусы для-другого: линейный и петлевой хронос

На стадии для-другого проявляются два модуля, линейный и петлевой хронос, с возникновением своим конституирующих человеческую жизнь до самого ее завершения, становящихся способом человеческого бытия, его временем в полноценном смысле: линейный и петлевой хронос — это и есть то время, которое мы знаем. Пространство отходит на второй план, становится не более чем фоном, декорацией, на фоне которой каждому отведено свое место. Пространство навсегда застревает в дихотомии внешнего и внутреннего и неразрывно связанного с ней противоречия подлинного и неподлинного, собственного и чужого; отныне личностный мир будет разорван в этих антиномиях, преодолеть которые человек оказывается не в состоянии, ибо они становятся способом его ориентирования в окружающем мире-хронотопе. Линейный и петлевой хронос есть две стороны одного и того же времени, пульсирующего в локусе, точке, складке настоящего здесь и сейчас, необратимо ничтожащегося (здесь отсылаем к знаменитому сартровскому термину «неантизация», «ничтожение» [Филиппов Л.И., 1977, с. 120]) в уже-не-существующее, присутствующего как еще-не-существующее [Нестерова О.Е., 2002; Черняков А.Г., 2001, с. 37–46]. В вечной повторяемости, но временности существования только здесь и сейчас заключена суть негативно-диалектической и парадоксально-диалектической природы хроноса. Время не

может быть как вечное есть [Аврелий Августин, 1991, с. 58], но может только как есть здесь и сейчас, всякий раз уже и еще не существующее, бесконечное слабое бытие сущего (вспомним положение Фомы Аквинского о материи как слабейшем виде бытия [Фома Аквинский, 2000, с. 389; 2006, с. 534]), но — единственно возможный способ его существования, поскольку он делает возможным путь, по которому должно пройти сущее. В этом этическая глубина времени: бесконечно слабый, но единственно возможный способ бытия сущего.

Линейность хроноса — выстраиваемая постфактум причинно-следственная цепь пульсаций, колебаний, мерцаний временения (используется термин «мерцание», обоснованный в [Комаров С.В., 2007, с. 716–726]); именно линейный хронос, парадоксально-диалектическим образом как бы и не существующий, но только преходящий (поскольку каждый временной акт есть уже-не-бытие), существует неизбежно в приносимой им с собой необходимости, необратимости, цепи причин и следствий — символе фаталистичности и брэнности пути сущего. Хронос линеен, но вместе с тем цикличен, периодичен, поскольку представляет собой постоянное, вечное колебание, замкнутый цикл есть – уже-не-есть – еще-не-есть. Время снова показывает противоречивость — линейный хронос есть хронос петлевой, замкнутый в себе цикл, путь прехождения, но и одновременно постоянное возвращение одного и того же. Отрезок бытия сущего — репрезентант линии времени — осуществляется как череда повторяющихся циклов, периодов. В имманентном,

наличном человек не только буквально живет настоящим, поскольку таков способ его бытия [Хайдеггер М., 1998, с. 277–280], но вместе с тем как бы несет в-себе, в своем локусе ареал последних нескольких лет, повторяющихся — мерцающих — в настоящем, причем это повторение спаивает воедино имманентную, личностную и когнитивную хронотологию: время застревает и в наличной повседневности (в виде локально-временных сгустков вещей, раскиданных по окружающему пространству и напоминающих о себе — сигнализирующих о времени), и в сознании (в виде лабиринта идущих по кругу мыслей). Вещи и особенно книги представляют собой спрессованное время, сжатые временные континуумы, обретшие вещно-предметный облик.

Время обнаруживает себя в пространстве как локально сгущенное непрошедшее в настоящем; эти сгустки сжатого времени наполняют локус и топос человеческой жизни. Индивид, живя настоящим, на деле не может жить только им (а может, и вовсе не живет настоящим), ибо он существует не только во множестве временных форм разных хронологий настоящего, но и во множестве времен прошедшего непрошедшего, еще длящегося, незаконченного, разбросанного в окружающем локусе. Линейное время оказывается вовсе не линейным, но множеством циклических процессов, бесконечно однообразно повторяющихся, являющихся способом бытия сущего. Эволюция сущего повторяется не только в его онтогенезе, а экзистенциально, эстетически она соприсутствует в каждом мгновении, в каждой пульсации временения сущего, которое несет в своем локусе-складке всю родовую и индивидуальную историю, явленную бесконечность в конечности здесь и сейчас; в каждом акте временения явлена вся сущность времени. Временная нагруженность локуса-складки и линейна — разворачивается в целокупную причинно-следственную цепь эволюции, истории, и циклична, поскольку однообразно повторяется по кругу, в замкнутой периодичности. Опять противоречие: время бесконечно в своем мерцании (но это дурная бесконечность слабейшего вида бытия), но его линейность не может быть бесконечной (время провиденциально сосчитано и потому есть ограниченное прехождение) и, строго го-

воря, не может быть линейностью как таковой, поскольку всякая линия есть топологическая явленность бесконечности; поэтому конечная линейность реализуется только как отрезок — временный путь сущего, точнее — множественная, и в этом бесконечная цикличность отрезков (путей сущего).

Петлевой хронос сообщает имманентной, личностной, когнитивной, социальной хронологии бесконечную (для конечного сущего) периодичность, цикличность: жизнь движется по кругу, все существует и воспроизводится в бесконечной череде циклических процессов: «Все опять возвратится ко мне: раскаленная ночь и томленье...» [Ахматова А.А., 1999, с. 56]. Время и жизнь петляют, запутывают человека в себе, застывают, словно в болоте, или скачут, несутся. Подобным способом структурированное время естественным образом отчуждается от сущего, становится внешним или внутренним, моим либо чужим, что приводит к необратимому разрушению целостного ценностного горизонта мироздания, отныне и навеки расколото в дурной бесконечности антиномичного дифференцирования. Человек сталкивается с бесконечным разнообразием топологических и хрональных форм, уровней, со сложносочетанной неоднородной структурой, экзистенциально отчужденной, чужеродной, враждебной. Для-другого представляет собой такую стадию функционирования и формирования личностной (и взаимосвязанных с ней иных форм) хронологии, в которой отчетливо, картинно является дурная бесконечность пульсаций, циклов, отрезков, метаморфоз времени и следующего за ним пространства; в этой стадии для сущего впервые в явственной форме выступает метауровневое, метафорическое в бытии.

Когнитивная хронология, в свою очередь, воспринимает и воспроизводит в-себе разворачивающийся перед ней и погружающий внутрь себя мир линейного и петлевого хроноса — неприятный и неблизкий топос бесконечных коридоров, переходов, тоннелей, сбинок, шахт, засоров, тупиков, запертых или открытых дверей, помещений, явленно выражающих отчужденность своего пространства, транспортных узлов, систем коммуникаций, транзитных потоков, являющихся ничем иным, как превращенной формой времени, его

символической и топологической репрезентацией, не реальным бытием, но метафорой, метаобразом хроноса, антибытием, вывернутым наизнанку, характеризующимся принципиальной неполнотой, отчуждением. Закрытое, замкнутое время предстает не просто в качестве завершённой длительности, но представляет собой навсегда закрытую возможность, смерть, ничто, небытие, ад:

«Гарсен. ... А [что находится] снаружи?

Коридорный (*оторопело*). Снаружи?

Гарсен. Да, снаружи. По другую сторону этих стен.

Коридорный. Там коридор.

Гарсен. А в конце коридора?

Коридорный. Другие комнаты, и коридоры, и лестницы.

Гарсен. А дальше?

Коридорный. Это все» [Сартр Ж.-П., 2008, с. 117].

Принцип для-себя. Открытие экзистенции в падшести для-другого

Вторичная стадия формирования и функционирования личностной хронотопологии для-другого оставляет ее локусом отчужденности, падшести, растворенным в социальной хронотопологии без следа какой-либо автономности, где принцип в-себе полностью отрицается и функционально исключается. Именно в стадии для-другого социальная хронотопология получает свое наибольшее развитие и влияние. Пространственные модусы в-себе оказываются разрушенными хрональными модусами для-другого и более не восстанавливаемыми: петлевой и линейный хронос навсегда вторгаются в локус бытия сущего, становятся его распорядком, способом и узкоограниченным смыслом бытования. Но парадоксально-диалектическим образом именно в экзистенциальном дне безвыходности и бессмысленности однообразного течения жизни («существования»), дурной бесконечности повторяющихся процессов, может зародиться обратное, противодействующее движение третичного модуса формирования и функционирования личностной хронотопологии для-себя, выступающего тотальным противоположением, отрицанием для-другого. Множество индивидов может вовсе не оказаться в возможности открытия третичного

принципа для-себя просто потому, что они находятся в ином экзистенциальном чувстве бытия, другой экзистенциальной настроенности, и, как следствие, либо не способны, либо не нуждаются в каком-либо ином для-другого способе существования, всецело оставаясь во втором как в раз и навсегда обретенном жизненном смысле и основании. Подобные субъекты попросту не видят падшести, — хотя объективно могут существовать в ней и быть ее проводниками, — но они не способны отрефлексировать данную экзистенциальную ситуацию (и для таковых она не является ни экзистенциальной, ни ситуацией), поскольку загораживаются от трансцендентного горизонта, живя буквальной наличностью бытия, редуцирующего всякий ценностный, эстетический, экзистенциальный горизонт.

В обмирщенности принцип для-другого торжествует, самочинно утверждая себя как единственно данный. Борьба эстетического, экзистенциального и наличного, имманентного в локусе-складке сущего предельно обострена. Живущие принципом для-другого делают локус своего бытия эманацией повседневности, полным уничтожением эстетического и экзистенциального горизонта. Не случайно обмирщенность руководствуется усредненностью и нормальностью. Локус-складка, в котором разыгрываются модусы для-другого, служит словно бы заслоном, тупиком, уничтожающей силой для экзистенциальных исканий, отрицаемых проводниками наличного бытия, обыденности. Чтобы выйти из локуса падшести для-другого, нужно из него выпасть, попасть в ситуацию внаходимости по отношению к всегдашней озабоченности, антиэкзистенциальной, но социализированной находимости для-другого; для этого необходима способность экзистенциальной настроенности на трансцендентное, возможность уловить подлинный сигнал потустороннего в брэнности посюстороннего. Экзистенциальная настроенность рождается парадоксально-диалектическим и негативно-диалектическим способом — в абсолютной падшести наличного бытия; только тотально утверждаемая посюсторонность может породить горизонт потустороннего, но для присутствия при таком рождении, для получения вести о нем, нужно иметь возможность экзистенциальной настро-

енности на понимание падшести и видения парадоксально-диалектического порождения иного в утверждаемом только-одном.

Первым модусом для-себя выступает открытие экзистенции в падшести линейного и петлевого хроноса; экзистенция (экзистирование) понимается как особого рода временение, впервые проявляющееся время для-себя, рождающееся из своей противоположности времени для-другого, коим выступал линейный и петлевой хронос. Экзистенция в качестве способа временения противоречива — как сам хронос в целом, — поскольку зарождается именно потому, что ей не в чем зародиться, неоткуда прийти; она связана с трансцендентным [Ясперс К., 2012а, с. 36–40], потусторонним, является его проводником и, в свою очередь, делает сущее проводником трансцендентного тоже. Но поскольку экзистенция есть форма временности и, следовательно, несет в себе все противоречия и неукорененность времени, то она открывает горизонт трансцендентного сущему не как таковым, но парадоксально-диалектическим, более того — негативно-диалектическим образом. По сравнению с линейным и петлевым хроносом наличного бытия, принципом для-другого, экзистентное время для-себя слишком рафинированно, слабо и утонченно, эстетично и возвышенно, как вообще все трансцендентное, чтобы противостоять брэнности и падшести для-другого и освободить сущее от его оков, цепей. Экзистенция как временная форма поступает соответствующим образом, не открываясь, но приоткрываясь сущему лишь на миг, в то время как линейный и петлевой хронос господствует в онтической сфере безраздельно. Сущее не может отказаться от линейного и петлевого времени, оно укоренено в них, падшесть не может быть преодолена никоим образом, и в этой ситуации, в этом локусе времени экзистенции приходит буквально ниоткуда, открывая возможность горизонта трансцендентного, но только на мгновение.

Время экзистенции есть парадоксальный миг свободы и стремление к трансцендентному, открывающиеся в локусе человека вопреки причинности наличной бытийности: «От мирового бытия я прихожу, разбивая его, к себе самому, как возможной экзистенции. Я есмь в ней как свобода и обращен в коммуникации на

другую свободу» [Ясперс К., 2012b, с. 4]. Противоречие экзистирования состоит в том, что его как временной формы оказывается категорически недостаточно для собственно существования сущего, способ которого укоренен как раз в линейно-петлевом времени, в модусе для-другого, но не для-себя и не в-себе, что сигнализирует об экзистенциальной падшести и неподлинности всего сущего. Тем не менее модус осуществления принципа для-себя все-таки оказывается возможен, но лишь как порыв, стремление, движение от противного; экзистентно-трансцендирующее движение индивида от... к... диалектически скоррелировано, синхронизировано с над- и внесубъектным движением к личности трансцендентного, экзистентного, вступающего в противостояние с линейно-петлевым хроносом и проявляющегося не в образе-символе течения, хода, потока, линии, периода, цикла, но, наоборот, в виде единственного мига, момента, события. В экзистировании-трансцендировании локус бытия, выражаясь языком Бахтина, ценностно уплотняется и обогащается [Бахтин М.М., 2003b, с. 55–56], событийность бытия достигает подлинного экзистенциального выражения, что невозможно в наличном бытии, но и невозможно на сколь-нибудь долгий промежуток времени. Экзистенция, открываясь, сразу же захлопывается, закрывается, лишая локус личностного хронотопа трансцендентного горизонта и оставляя ему лишь след, остаток, память. Ценностный горизонт времени экзистенции остается в круге сущего как мнемонический горизонт.

Понятие времени экзистенции ведет к открытию философии события. В действии принципа для-себя происходит частичное восстановление принципа в-себе, архетипичного образа ближнего круга — локуса первичной протоэкзистенциальной подлинности. Личность испытывает тоску и тягу к утраченному, стремится восстановить, восполнить его, но, поскольку существует в необратимости линейно-петлевого времени, не может, а способна только сообразно налично приобретенному способу временения для-себя противостоять принципу для-другого в форме определенной реплики стадии в-себе. Речь идет об открытии событийной (со-бытийной) свободы в открытости экзистенции — впервые обретаемой в

человеческой жизни в-себе и для-себя бытии: «Именно на следующее утро он и не пошел в школу. [...] Но объяснять матери ничего не хотелось. [...] Игорь поехал на ВДНХ. И там в одиночестве шатался по павильонам [...]. Было свободно, тревожно, странно, одиноко и хорошо. Впервые было так» [Амлинский В.И., 1982, с. 164–165]. Открытость и со-бытийность экзистенции ведут к возможности ее подлинной со-разделенности с другим и другими, отличной от падшести коммуникации для-другого. Со-разделенность бытия парадоксальным образом как раз невозможно принять и воспринять в социализированности и обобщественности модуса для-другого, поскольку экзистенциалы настроенности, подлинности, открытости этому модусу чужды и всячески им уничтожаются; экзистенциальная со-разделенность, подлинность и действительная со-бытийность бытия, когда человек истинно со-разделяет и со-раскрывает локус своей жизни иным экзистенциям, возможна только в действии по принципу для-себя. На ступени для-другого имеет место со-разделенность не экзистенциальная, но фактическая, налично данная со-расположенностью, не характеризующаяся со-творчеством экзистенций. На пустынной поверхности наличного бытия экзистенция, которая есть и глубина и возвышенность, не выживает, не может раскрыться; обыденность сглаживает, упрощает, сравнивает локус человека, экзистенция же его углубляет, возвышает, усложняет, облагораживает.

Ближний круг восстанавливается в круге общения, со-разделенности, со-причастности, со-бытийности, в раскрывшемся, ставшем окрепшим локусе которого человек уже может быть для-других, оставаясь для-себя. В открытости и свободе со-общения, со-бытия экзистенции происходит этическое, эстетическое восстановление и принципиально новое формообразование мира личностной хронотопологии, бросившего вызов падшести круга для-другого и начинающего путь для-себя. Экзистенциальный горизонт события, стадии для-себя, раскрывается в понятии со-творчества, со-обогащения локуса бытия, что чуждо социальной механике для-другого. Истинное бытие другого сохраняется и выражается в событии, в его локусе, в его хронотопе, поскольку последний истинно не может быть приватизиро-

ван никем из участников события, но может быть только действительно со-разделен — быть локусом экзистенциальной подлинности, неотчужденности, совместного экзистенциального, эстетического, этического со-творчества [Бахтин М.М., 2003а, с. 102–104]. Экзистентный модус для-себя переоткрывает и неценимо усиливает ценностный и бытийный горизонт личностного мира-хронотопа, делая его полноценным, самостоятельным, развернутым; время экзистенции проявляется как время подлинного чувства, открытости и со-разделенности моего локуса бытия с Другим, открытым мне в подлинности со-бытийности.

Вторичная падшесть. Пустота и закрытие экзистенции. Оставшееся время

Время экзистенции имеет недостаточное основание и не может быть ни способом бытия, ни сколь угодно устойчивой хроноальной формой. Экзистенцией можно дышать, вдохновляться ее порывом, но нельзя избрать способом существования; экзистенцией можно жить (как вдохновением), но жить ей нельзя (как жизнью), что еще раз демонстрирует парадоксальную природу времени. Экзистенция связана с катарсисом и экстазисом [Железняк В.Н., 2015, с. 563–564], не могущими длиться ни вечно, ни продолжительно долго, но только миг. Человек, живущий экзистенцией, избравший ее, стремится перебороть бессмысленность и тщету наличного бытия, на всю жизнь оставшись в экзистенциальном порыве. Всякое время конечно, а экзистенция конечна вдвойне, поскольку есть только миг, и потом закрывается, оставляя личность наедине с наличным бытием. Неукорененность экзистенции является причиной и ее необратимого краха, и краха обретенного ценностного горизонта личностного мира, который вновь, уже вторично, погружается в ситуацию падшести, отчужденности, пустоты здесь-бытия: «Вечную действительность мы нигде не находим как некое вневременно наличное иное и не находим ее также как постоянное во времени. [...] Она не получает формы долговечности, или формы устойчивого порядка, но обретает только вид краха» [Ясперс К., 2013, с. 235]. Причинность, необходимость, необратимость, вечный бег времени толкают человека на отход от экзистенции, ее предательство и забве-

ние; следствием прихода экзистенции в локус человека является не только открытие ценностного и трансцендентного горизонта, обретение подлинности и свободы, но и неизбежное последующее падение в забвение.

Разочарование в экзистенции есть разочарование в жизни, когда человек вновь, уже на новом этапе и с большим опытом, сталкивается с самой сущностью времени. Очаровывая человека, экзистенция точно с такой же силой разочаровывает; последним, завершающим модусом принципа для-себя становится вторичная падшесть, повторно отчужденное пространство и оставшееся время. Экзистирование, каким оно было, представляется невозможным, неповторимым для разочаровавшегося и теперь уже окончательно экзистенциально падшего человека. Экзистенциальную ситуацию перехода к зрелости и затем постепенно к старости сопровождает метаморфоза «жизненного» мира в «жилое» пространство, неизменно приходящая к человеку с течением времени. Для того чтобы мир был «жизненным», необходима прежде всего молодость, юность экзистенции, возможность которой посещает индивида в его существовании лишь однократно. Человеку не остается ничего, кроме оставшихся времени существования (именно существования, а не жизни) и локуса бытия. Свободы нет, со-творчество, со-разделенность, со-открытость скоротечны, призрачны и в целом невозможны. Все, что у меня есть, — это мое, оставшееся мне время и мое пространство, разумеется, отчужденные, не «мои», но все-таки являющиеся единственным свершением моего оставшегося пути.

Хронос стал моим только потому, что он остался мне как существу после всех метаморфоз жизненного пути. Оставшееся время порождает подчиненную топологическую форму — заботу о пространстве, обустройство человеком собственного локуса, в целом бессмысленное в брэнности и преходящести всего окружающего, но остаточнo-экзистенциально оправданное; вариант экзистенциального осмысления заботы о пространстве-локусе существования можно найти в [Железняк В.Н., 2016]. Событийный ряд жизни сохраняется, но со-бытие существенно меняет ценностный горизонт, воспринимается намного суше — как набор возможностей, что свидетельствует о

ситуации экзистенциальной внеаходимости, потерянности. Не в силах противостоять брэнности хроноса, индивид может только попытаться содержать, обустроить локус собственного существования. Оставшееся время рождает паллиатив экзистирования — топологически модифицированную заботу о локусе собственного существования; ее вариантом является забота о себе [Фуко М., 1998, с. 109–117], забота о теле, уход за телом как топологически организованной структурой [Азаренко С.А., 2019, с. 10]. Своеобразное топологическое оформление озабоченности в ситуации оставшегося времени становится формой и способом жизни; не в силах противостоять хроносу, человек переключается на пространство. Обустройство локуса и обустройство жизни представляют собой форму экзистенциальной смиренности перед открытой закрытостью будущего времени, знаменует собой свершившийся переход от жизни к «существованию». Закат личностного ценностного горизонта смыкается с обмирщенным падшим горизонтом равнодушного ко всему и ко всем времени:

«...— А ты что будешь делать?

— Я буду вырезать по дереву. [...]

— А я что буду делать?

— Что захочешь! — великодушно сказал товарищ секретаря. [...]

— Не хочу я вырезать по дереву. Я математик.

— И пожалуйста! И занимайся себе математикой на здоровье!

— Математикой я и сейчас занимаюсь на здоровье.

— Сейчас ты получаешь за это жалованье. Глупо. Будешь прыгать с вышки.

— Зачем?

— Ну как — зачем? Интересно ведь...

— Не интересно.

— Ты что же хочешь сказать? Что ты ничем, кроме математики, не интересуешься?

— Да вообще-то ничем, пожалуй... День проработаешь, до того обалдеешь, что больше ничем уже не интересуешься» [Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н., 1999, с. 487–488].

Заключение

Подведем итоги исследования, в завершающей части которого были представлены два важ-

нейших принципа формирования личностного мира. Центральное значение принципа для другого состоит в том, что он приобщает доселе закрытый и замкнутый в-себе микрокосм только что начинающей свое оформление личностной сферы к открытости публичного пространства, к безграничности коммуникации (еще раз подчеркнем, что социальная коммуникация для-другого принципиально внеэкзистенциальна, а экзистенциальное ее воплощение возможно только по принципу для-себя) и общности социальной хронотопологии. Личность буквально выходит в мир — ее пространственные и временные координаты, бывшие до этого самозамкнутыми, приобщаются, присоединяются к социальным пространству и времени, а в этом движении личностному миру постепенно открывается и все мироздание, что означает, что личностный хронотоп человека из буквального микрокосма превращается в макрокосм, начинает носить собственно человеческий, относящийся ко всей цивилизации и культуре характер, — происходит приобщение к культурной и цивилизационной хронотопологии.

Принцип для-себя открывает в пространстве и времени личностного мира горизонты самости, экзистенции, трансцендентного, свободы, подлинности и полноты бытия. Без этого последнего принципа невозможно понять эстетическую, этическую, аксиологическую, семантическую нагруженность и личностно-индивидуальную определенность (действительную связь с человеком) времени и пространства. Не «только» человек, развиваясь, стремится к приобретению подлинного бытия для-себя — синхронным с ним образом обогащаются и эволюционируют его время и пространство — его жизнь и мир. Личностный мир-хронотоп не сводится буквально к окружающему человека локусу, в котором он живет, не просто означает собой жизненный мир индивида; подобное понимание при всей своей общей правильности остается поверхностным, неглубоким.

Человеческая личность и личностная хронотопология сопряжены в бытийной диалектике как одно целое. Личностный хронотоп представляет собой единственную, единичную и уникальную, становящуюся здесь и сейчас в событийности бытия свершившуюся возмож-

ность моей жизни. В каждом бытийном акте, в каждой событийности бытия пространство и время человеческой жизни раскрываются как экзистенциальная, эстетическая, этическая, ценностная смыслонаполненность бытия личности. Вместе с тем следует признать, что в сложном процессе становления и всего эволюционного пути человеческих пространства и времени имеют место и негативно-диалектические, парадоксально-диалектические стороны, деструктурирующие и деформирующие личностный хронотоп и весь жизненный путь человека. Время и пространство в таком случае вырождаются в своих аксиологических и экзистенциальных антиподов — анти-время и анти-пространство со всеми присущими этой отрицательной метаморфозе последствиями.

Список литературы

- Аврелий Августин.* Исповедь. М.: Ренессанс: ИВО–Сид, 1991. 488 с.
- Азаренко С.А.* Социальная онтология и топологическое философствование // На философских перекрестках. М.: Академ. проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2019. С. 6–39.
- Амлинский В.И.* Нескучный сад // Амлинский В.И. Московские страницы. М.: Моск. рабочий, 1982. С. 109–309.
- Ахматова А.А.* Собр. соч.: в 6 т. Т. 2, кн. 1: Стихотворения, 1941–1959. М.: Эллис Лак, 1999. 640 с.
- Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. М.: Рус. словари: Языки славянской культуры, 2003. Т. 1. С. 69–263.
- Бахтин М.М.* К философии поступка // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. М.: Рус. словари; Языки славянской культуры, 2003. Т. 1. С. 7–68.
- Железняк В.Н.* Мышление и воля. Принцип тождества мышления и воли в классическом рационализме и его историческая эволюция. Пермь: Изд-во ПНИПУ, 2015. 616 с.
- Железняк В.Н.* Урбанизация и рустическая экзистенция // Уральская философская школа: 50 лет — 50 имен. Екатеринбург: Изд-во Урал. инта управления – филиала РАНХиГС, 2016. С. 285–293.
- Комаров С.В.* Метафизика и феноменология субъективности: исторические пролегомены к фундаментальной онтологии сознания. СПб.: Алетейя, 2007. 736 с.

Нестерова О.Е. Историко-философские предпосылки учения Августина о соотношении времени и вечности // Августин: pro et contra. Личность и идейное наследие блаженного Августина в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманист. ин-та, 2002. С. 707–722.

Сартр Ж.-П. За закрытыми дверями // Хрестоматия по философской антропологии. Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2008. С. 114–152.

Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Улитка на склоне // Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Пикник на обочине. Отель «У погибшего альпиниста». Улитка на склоне. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 1999. С. 379–613.

Филиппов Л.И. Философская антропология Жан-Поля Сартра (критический очерк). М.: Наука, 1977. 290 с.

Фома Аквинский. Сумма против язычников. Кн. 1. Долгопрудный: Вестком, 2000. 464 с.

Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть первая. Вопросы 1–64. М.: Издатель Савин С.А., 2006. 870 с.

Фуко М. История сексуальности III: забота о себе. Киев: Дух и литера; Грунт; М.: Рефл-Бук, 1998. 288 с.

Хайдеггер М. Введение в метафизику. СПб.: Высш. религ.-филос. шк., 1998. 303 с.

Черняков А.Г. Онтология времени. Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля и Хайдеггера. СПб.: Высш. религиоз.-филос. шк., 2001. 460 с.

Ясперс К. Разум и экзистенция. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2013. 336 с.

Ясперс К. Философия. Книга первая. Философское ориентирование в мире. М.: Канон+; РООИ «Реабилитации», 2012. 384 с.

Ясперс К. Философия. Книга третья. Метафизика. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2012. 296 с.

Получено 27.05.2020

References

Akhmatova, A.A. (1999). *Sobranie sochineniy: v 6 t. T. 2, kn. 1. Stikhotvoreniya. 1941–1959* [Collected works: in 6 vols. Vol. 2, pt. 1: Poems. 1941–1959]. Moscow: Ellis Lak Publ., 640 p.

Amlinskiy, V.I. (1982). *Neskuchnyy sad* [Boring garden]. *Moskovskie stranitsy* [Moscow pages]. Moscow: Moskovskiy Rabochiy Publ., pp. 109–309.

Aquinas, Thomas (2000). *Summa protiv yazychnikov. Kn 1* [Summa against the Gentiles. Book 1]. Dolgoprudny: Vestkom Publ., 464 p.

Aquinas, Thomas (2006). *Summa teologii. Chast' pervaya. Voprosy 1–64* [Summa of theology. Pt. one. Questions 1–64]. Moscow: Savin S.A. Publ., 870 p.

Augustinus (1991). *Ispoved'* [Confessions]. Moscow: Rennans Publ., IVO–SiD Publ., 488 p.

Azarenko, S.A. (2019). *Sotsial'naya ontologiya i topologicheskoe filosofstvovanie* [Social ontology and topological philosophy]. *Na filosofskikh perekrestkakh* [At philosophical intersections]. Moscow: Akademicheskiiy Proekt Publ., Yekaterinburg: Delovaya Kniga Publ., pp. 6–39.

Bakhtin, M.M. (2003). *Avtor i geroy v esteticheskoy deyatelnosti* [Author and hero in aesthetic activity]. *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected works: in 7 vols]. Moscow: Russkie Slovary Publ., Yazyki Slavyanskoy Kul'tury Publ., vol. 1, pp. 69–263.

Bakhtin, M.M. (2003). *K filosofii postupka* [To the philosophy of the act]. *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected works: in 7 vols]. Moscow: Russkie Slovary Publ., Yazyki Slavyanskoy Kul'tury Publ., vol. 1, pp. 7–68.

Chernyakov, A.G. (2001). *Ontologiya vremeni. Bytie i vremya v filosofii Aristotelya, Gusserlya i Khaideggera* [Ontology of time. Being and time in the philosophy of Aristotle, Husserl and Heidegger]. Saint Petersburg: HRPS Publ., 460 p.

Filippov, L.I. (1977). *Filosofskaya antropologiya Zhan-Polya Sartra (kriticheskiy ocherk)* [Philosophical anthropology of Jean-Paul Sartre (critical essay)]. Moscow: Nauka Publ., 290 p.

Foucault, M. (1998). *Istoriya seksual'nosti III: zabota o sebe* [The history of sexuality III: self-care]. Kiev: Dukh i Litera Publ., Grunt Publ., Moscow: Refl-Buk Publ., 288 p.

Heidegger, M. (1998). *Vvedenie v metafiziku* [Introduction to metaphysics]. Saint Petersburg: HRPS Publ., 303 p.

Jaspers, K. (2013). *Razum i ekzistentsiya* [Reason and existence]. Moscow: Kanon+ Publ., ROOI «Reabilitatsiya» Publ., 336 p.

Jaspers, K. (2012). *Filosofiya. Kniga pervaya. Filosofskoe orientirovanie v mire* [Philosophy. The first book. Philosophical orientation in the world]. Moscow: Kanon+ Publ.; ROOI «Reabilitatsiya» Publ., 384 p.

Jaspers, K. (2012). *Filosofiya. Kniga tret'ya. Metafizika* [Philosophy. The third book. Metaphysics]. Moscow: Kanon+ Publ.; ROOI «Reabilitatsiya» Publ., 296 p.

Komarov, S.V. (2007). *Metafizika i fenomenologiya sub'ektivnosti: istoricheskie prolegomeny k fundamental'noy ontologii soznaniya* [Metaphysics and phenomenology of subjectivity: historical prolegomena to the fundamental ontology of consciousness]. Saint Petersburg: Aleteyya Publ., 736 p.

Nesterova, O.E. (2002). *Istoriko-filosofskie predposylki ucheniya Avgustina o sootnoshenii vremeni i vechnosti* [Historical and philosophical background of the teachings of Augustinus on the relationship of time and eternity]. *Avgustin: pro et contra. Lichnost' i ideynoe nasledie blazhennogo Avgustina v otsenke russkikh mysliteley i issledovateley. Antologiya* [Augustinus: pro et contra. The personality and ideological heritage of St. Augustinus in the assessment of Russian thinkers and researchers. Anthology]. Saint Petersburg: RCHI Publ., pp. 707–722.

Sartre, J.-P. (2008). *Za zakrytymi dveryami* [Behind closed doors]. *Khrestomatiya po filosofskoy antropologii* [Anthology on philosophical anthropology]. Perm: PSTU Publ., pp. 114–152.

Strugatskiy, A.N. and Strugatskiy, B.N. (1999). *Ulitka na sklone* [Snail on the slope]. *Piknik na obochine; Otel' «U pogibshego al'pinista»; Ulitka na sklone* [Roadside picnic; Hotel «At the deceased climber»; Snail on the slope]. Moscow: AST Publ., Saint Petersburg: Terra Fantastica Publ., pp. 379–613.

Zheleznyak, V.N. (2015). *Myshlenie i volya. Printsip tozhdestva myshleniya i voli v klassicheskom ratsionalizme i ego istoricheskaya evolyutsiya* [Thinking and will. The principle of the identity of thinking and will in classical rationalism and its historical evolution]. Perm: PNRPU Publ., 616 p.

Zheleznyak, V.N. (2016). *Urbanizatsiya i rusticheskaya ekzistentsiya* [Urbanization and rustic existence]. *Ural'skaya filosofskaya shkola: 50 let — 50 imen* [Ural School of Philosophy: 50 years — 50 names]. Yekaterinburg: Ural Institute of Management – a branch of RANEPА Publ., pp. 285–293.

Received 27.05.2020

Об авторе

Политов Андрей Викторович

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и права

Пермский национальный исследовательский
политехнический университет,
614990, Пермь, Комсомольский пр., 29;
e-mail: erikhczeren@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4175-9040>

About the author

Andrey V. Politov

Ph.D. in Philosophy, Associate Professor
of the Department of Philosophy and Law

Perm National Research Polytechnic University,
29, Komsomolskiy av., Perm, 614990, Russia;
e-mail: erikhczeren@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4175-9040>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Политов А.В. Диалектика формирования и развития пространственно-временной структуры человеческой личности. Открытие и крах экзистенциального горизонта для-себя // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 4. С. 531–540. DOI: 10.17072/2078-7898/2020-4-531-540

For citation:

Politov A.V. [Dialectics of the formation and development of the human personality's spatiotemporal structure. Opening up and crash of the for-self existential horizon]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 4, pp. 531–540 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2020-4-531-540

УДК 1:301

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-4-541-551

ОТЧУЖДЕННЫЙ ХАРАКТЕР СУЩНОСТИ ЧЕЛОВЕКА КАК ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ КРИЗИСА СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Мельников Виктор Олегович

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Кризисное состояние современного капиталистического, глобального, «текучего», неолиберального и т.д. общества (т.е. современной цивилизации) может быть выражено в различных аспектах — экономическом, геополитическом, экологическом, социально-классовом и т.д. Однако все эти аспекты являются лишь внешними проявлениями, феноменами более фундаментальной проблемы — кризиса сущности человека, а точнее — ее до предела отчужденного характера. В современной философской литературе выделяют различные подходы к человеческой сущности. В данной статье автором берется за основание один из вариантов марксистского представления данного предмета, согласно которому сущность человека проявляется в способе его существования, т.е. саморазвитии посредством преобразования всех форм материи. Данный способ производства человеком своей собственной жизни можно выразить в виде иерархизированной структуры его сущностных свойств или сил. Такой план сущности человека представляет собой абстрактную схему, которая модифицируется в соответствии с конкретно-историческими условиями существования человека, наполняя ее все новым и новым содержанием. Со времен появления частной собственности, классов и государства модель общественного развития становится такой, что общество в целом развивается, обогащается содержательно за счет обнищания своих индивидуальных членов. Это достигает своего апогея сегодня, когда отчуждение человека от своей родовой сущности, от своего действительного способа существования, превращает его в частичного и одномерного. Данный процесс понимается автором как кризисный, поскольку, по-видимому, он обнаруживает некий предел, за которым происходит либо переход на новую модель, где развитие каждого является условием для развития всех, либо — стагнация и разрушение всей системы.

Ключевые слова: сущность человека, сущностные свойства, труд, отношения, сознание, кризис цивилизации, отчуждение.

ALIENATED NATURE OF HUMAN ESSENCE AS THE MAIN CONTENT OF THE CIVILIZATION CRISIS

Viktor O. Melnikov

Perm State University

The crisis state of the modern capitalist, global, 'liquid', neoliberal, etc. society (i.e. modern civilization) can be expressed in various aspects: economic, geopolitical, ecological, social-class, etc. However, all these aspects are only external manifestations, phenomena of a more fundamental problem — the crisis of human essence or, more specifically, its alienated nature. There are various approaches to understanding the human and its essence in modern philosophical literature. In this article, the author considers one of the versions of the Marxist representation of this subject, according to which the essence of the human is manifested in the mode of its existence, i.e. self-development through the transformation of all forms of matter. This method of the human's production of its own life can be expressed in the form of a hierarchical structure of its essential attributes or forces. Such a plan of human essence is an abstract scheme

that is modified in accordance with the concrete historical conditions of human existence, filling it with new content each time. Since the emergence of private property, classes and the state, the model of social development has been such that society as a whole develops due to the degradation of its individual members. This reaches its climax today, when the alienation of human from its generic essence, from its actual mode of existence turns it into a partial and one-dimensional. This process is understood by the authors as a crisis one since, apparently, it reveals a certain limit beyond which there takes place either the transition to a new model, where the development of each is a condition for the development of all, or — stagnation and destruction of the entire system.

Keywords: human essence, essential properties, labor, relations, consciousness, crisis of civilization, alienation.

Введение

Тема кризиса современного общества волнует многих ученых. Это не удивительно: на кону стоит выживание человечества как рода. Масштабные кризисы в экономике, политические пертурбации и угроза войны, экологическая катастрофа — эти и многие другие проблемы современности рассматриваются с разных сторон и ракурсов, как и причины, которые привели к такой ситуации. На наш взгляд, анализ любого общественного процесса следует начинать с ключевого объекта социальной философии — с человека, его сущностных свойств в конкретно-историческом измерении. Поэтому и основное содержание кризиса современной цивилизации было бы продуктивно, на наш взгляд, выразить через данную схему. Стоит оговориться, что под «современной цивилизацией» мы понимаем все капиталистическое, глобальное, «текущее» [Бауман З., 2008], неолиберальное (можно продолжать до бесконечности) общество XXI в. Под «кризисом» же — дальнейшую невозможность воспроизводства данной системы с потенциальной возможностью полного ее разрушения.

Для начала необходимо резюмировать некоторые представления диалектического и исторического материализма о сущности человека. Нужно отметить, что темой человека, его сущности, отдельных ее сторон, занимались марксисты разных исторических периодов. Наиболее продуктивным, на наш взгляд, можно считать советский послевоенный период. В изучение данной темы внесли свой вклад, например, такие известные философы, как: Э.В. Ильенков, И.Т. Фролов, В.В. Орлов [Ильенков Э.В., 1979; Фролов И.Т., 2008; Орлов В.В., 1974] и т.д. С позиций этих авторов, сущность человека — быть субстанциальным существом, т.е. бесконечно саморазвиваться, что он и делает посред-

ством преобразования материи. Саморазвитие посредством преобразования материи можно рассматривать как в отношении ко всему бесконечному миру, так и в отношении к особенной его части — социальной форме материи, обществу. Именно эта, особенная, составляющая нас будет интересовать в этой статье.

Сущность человека

Итак, сущность человека как социального существа в контексте его отношения к самому себе можно рассматривать как в виде целостного образования (чем она всегда и является), так и в виде отдельных сторон этой целостности. Уже родоначальники исторического материализма выделяли несколько основных сторон человеческой сущности: материальную (производственную), социальную (реляционную) и духовную [Маркс К., Энгельс Ф., 1955b, с. 28–29]. Данные стороны выражаются в соответствующих сущностных свойствах — труде, общении (социальной структуре), сознании. Это т.н. «актуальный уровень» сложной, иерархизированной структуры человеческой сущности. Выделяют также «потенциальный уровень», к которому относятся способности и потребности [Орлов В.В., Васильева Т.С., 2006, с. 74], реализующие свойства актуального уровня (способности и потребности в труде, общении и духовной жизни). Разумеется, что это далеко не полный перечень сущностных свойств.

Труд есть главное, определяющее, субстанциальное свойство человека. Посредством труда он добывает необходимые для своего существования средства, тем самым воспроизводя себя как человека. Однако поскольку человек при помощи труда всегда создает больше средств, чем требуется для своего поддержания, то следует говорить не только о воспроизводящей, но и о производящей, т.е. развиваю-

щей, роли труда. Человек в процессе труда всегда становится сложнее, чем был до совершения этого процесса. Как более сложное существо человек получает возможность удовлетворять более сложные потребности, использовать более мощные, фундаментальные силы природы, создавать новые орудия труда, — тем самым «помогая» процессу саморазвития материи продолжаться дальше. Направленность на развитие — это способ существования не только материи, но и человека (который является ее частью), через этот процесс он стремится реализовать тождество себя как конечного существа и всего бесконечного мира, с сохранением содержания различий между ними. Подобная диалектическая связь бесконечности и конечного как его части наблюдается и на уровне социальной формы материи — во взаимоотношениях рода (как потенциально бесконечного) и индивида (как принципиально конечного): максимально полное развитие индивида возможно, только если бытие других людей он превращает в бытие для себя, а свое собственное бытие превращает в бытие для других — «свободное развитие каждого является условием для свободного развития всех» [Маркс К., Энгельс Ф., 1955а, с. 447].

При этом труд — это не только процесс, но и отношение: между человеком и природой (сам труд и предмет труда), между человеком и средствами труда, наконец, между человеком и человеком как в индивидуальном смысле (отношения между разными качественными состояниями трудящегося индивида), так и в общественном (в рамках разделения труда). Ключевой формой таких трудовых (производственных) отношений становятся отношения собственности. Труд и собственность неразрывно связаны, т.к. без отношения присвоения невозможно преобразовать ни один предмет: только присвоив самому себе орудие труда, предмет труда (сырье) и, наконец, собственную рабочую силу, человек способен совершить трудовой акт.

В этой связи уже в самой природе труда заложено формирование реляционной системы общества. Человек посредством труда развивает не только себя, но и других людей, общество — отсюда вытекает необходимость рассмотрения общения — как еще одного сущностного свойства. К. Маркс писал, что «сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному

индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [Маркс К., 1955, с. 3]. При этом ключевой составляющей этого реляционного свойства сущности человека являются не просто отношения, а вполне конкретное отношение между родом и индивидом, которое выступает как отношение общего и особенного, тождества и различия. Данное отношение несет в себе глубокое противоречие: между потенциально бесконечной родовой человеческой сущностью и конечной индивидуальной человеческой сущностью.

Посредством труда людей, их общения, происходит выстраивание социальной структуры общества. «Человек производит человека — себя самого и другого человека; предмет, являющийся непосредственным продуктом деятельности его индивидуальности, вместе с тем оказывается его собственным бытием для другого человека, бытием этого другого человека и бытием последнего для первого» [Маркс К., Энгельс Ф., 1974, с. 117]. Через производство себя и другого люди создают семьи, этносы и, наконец, — весь человеческий род [Корякин В.В., 2008]. Причем это происходит объективно — в рамках их жизнедеятельности.

Данную схему выстраивания социальной структуры общества необходимо дополнить указанием на то, что она относится к производству не только материального бытия людей, но и общественного сознания. Традиционно выделяют чувственное и логическое сознание, различные формы (экономическое, политическое, нравственное, историческое и т.д.) и т.д. Для нас здесь важно отфиксировать, что сознание обладает достаточно сложной, разветвленной структурой, благодаря которой человек может вступать в практическое взаимодействие с миром, однако сама эта сложность структуры зависит от той степени сложности бытия, которое человек выстраивает. В этом смысле сознание всегда исторично. Так как сознание исторично, то оно конкретно: являясь отражением реальных процессов, оно всегда в более или менее приближенном виде воспроизводит их в идеальной форме. Однако поскольку сознание идеально, поскольку оно имеет двойственный характер (как «мысль о предмете» и «мысль о мысли»), то оно получает возможность отрываться от реальной действительности, приобретая относительную самостоятельность. В этом

свойстве сознания заключены огромные возможности для развития человека: например, сам процесс познания мира был бы попросту невозможен без этого. Однако в жизнедеятельности общества это приводит зачастую к заблуждениям, иллюзиям, неадекватному отражению действительности.

Отчужденный характер человеческой сущности

Рассмотренная нами сущность человека представляет собой общий, абстрактный план этой самой сущности. На каждом конкретно-историческом этапе эта общая сущность модифицируется в соответствии с особенными условиями существования человека в рамках конкретной общественно-экономической формации. При этом общим же для всех антагонистических формаций является процесс отчуждения индивидуальной человеческой сущности от родовой, нарастающее противоречие между сущностью и существованием, формирование «одномерного человека» и т.д.

Феномен отчуждения исследовался и до Маркса, однако именно он выразил его на диалектико-материалистической основе. Начиная с ранних работ («К еврейскому вопросу», «Экономическо-философские рукописи 1844 года»), эта тема активно развивалась им и в «Капитале» (что признается, правда, не всеми современными марксистами, но тем не менее это так, см., напр.: [Рагозин Н.П., 2017]).

С появлением частной собственности, классов и государства модель развития общества становится следующей: оно развивается, обогащается содержательно за счет обнищания своих членов. Растет дифференциация труда, и люди вместо целостного образования становятся все более и более частичными. Человек при такой модели является средством развития общества, а не целью. При капитализме этот процесс проявляется наиболее ярко (т.к. с экономических отношений спадают идеологические наслоения предыдущих формаций, например, религия), однако, по-видимому, обнаруживается некий предел: человек становится максимально отчужденным от самого себя, причем в результате своей же собственной деятельности. Именно это и становится основным содержанием цивилизационного кризиса.

К. Маркс в своих работах блестяще продемонстрировал отчужденный характер производства человеком своей собственной жизни в рамках капиталистического общества. Человек занимается трудом, чтобы жить и развиваться, однако при капитализме он ставится в такое положение, когда он вынужден продавать свою рабочую силу капиталисту в обмен на возможность получения жизненных средств (заработной платы). Продукт же труда рабочего ему не принадлежит, он отчуждается в пользу собственника средств производства. К. Маркс писал, что таким образом произведенный продукт становится внешним, чуждым рабочему, создает вокруг рабочего вещный мир, который ему не принадлежит, но тем не менее создан его руками, т.е. происходит самоотчуждение человека. Однако человек отчуждается не только от результата труда, но и от непосредственного процесса, т.к. капиталист определяет, что производить, как это делать и при помощи каких орудий. Рабочий создает товары не для собственного потребления, он не может потребить их для саморазвития, а потому сам процесс становится чуждым для него, он не видит в нем смысла. Поскольку получается, что человек интересен капиталистическому способу производства крайне односторонне, исключительно как рабочий, причем рабочий узкой специализации, то он становится одномерным, частичным индивидом, т.е. отчуждается от своей индивидуальной человеческой сущности, от самого себя. «Существующий экономический строй совершенствует рабочего и унижает человека» [Маркс К., Энгельс Ф., 1974, с. 57]. Наконец, отчуждаясь от самого себя, не имея возможности реализовать целостно свою производящую сущность, он отчуждается от рода.

Создание внешнего для рабочего мира, «абстрагирование» себя из действительного мира происходит в рамках абстрактного труда. Абстрактный труд — это простой средний труд, он измеряется общественно необходимым рабочим временем, «которое требуется для изготовления какой-либо потребительной стоимости при наличных общественно нормальных условиях производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда» [Маркс К., 1960, с. 47]. Абстрактный труд находится в диалектическом единстве с конкретным трудом, где функция последне-

го — переносить стоимость средств производства на новый продукт, создавая потребительскую стоимость, действительную полезность товара. Главной же задачей абстрактного труда является создание стоимости, отчуждаемой в дальнейшем в пользу капиталиста. «Между вещественным и абстрактным, стоимостным богатством общества существует глубокое внутреннее противоречие, которое в конечном счете приведет к коренным изменениям в обществе. Идя далее, можно сказать, что расщепление вещественного и абстрактного богатства связано с расщеплением человеческой сущности на ее действительную и абстрактную, отчуждаемую стороны, или сущности, которое имеет исторически преходящий характер» [Орлов В.В., Васильева Т.С., 2006, с. 112].

Данная абстрактная, отчужденная сторона человеческой сущности выражается в капитале. Капитал — это самовозрастающая стоимость, это накопленный абстрактный труд, аккумулярованный в средствах производства. Он вбирает в себя «живой труд» человеческих индивидов и тем самым возрастает, требуя в дальнейшем еще больше человеческой энергии. Таким образом, он не просто создается рабочими, он в дальнейшем противостоит им как враждебная, чуждая сила. Она проникает во все сферы жизни человека, подчиняя и перестраивая их согласно логике ускорения дальнейшего накопления. «Отчуждение превращает сущностные силы человека в капитал как однородную, лишенную внутренних качественных различий субстанцию; качественное многообразие и неповторимость живых человеческих личностей в процессе отчуждения сводится к абстрактной сущности и количеству. Вследствие своей абстрактности, сведенности к количеству капитал приобретает своеобразную универсальность. Наконец, как самовозрастающая стоимость, капитал обладает уникальной способностью к аккумуляции в себе своего абстрактного богатства, неограниченному накоплению» [Орлов В.В., Васильева Т.С., 2006, с. 128].

Эксплуатация человека человеком характерна для всех антагонистических формаций, однако именно при капитализме высшего уровня достигается модель развития общества, где одни люди становятся средством для развития других людей. «Рабочий становится тем беднее,

чем больше богатства он производит» [Маркс К., Энгельс Ф., 1974, с. 87].

Модель общественного развития, основанная на эксплуатации одних в пользу других, неизбежно проявляется в отчуждении и социальной, реляционной стороны сущности человека. Это наглядным образом показано в уже описанном нами механизме отчуждения индивида от самого себя и от человеческого рода. С самого появления частной собственности и классов нужен был институт, который бы закреплял подчиненное положение одного класса по отношению к другому. «Вместе с разделением труда дано и противоречие между интересом отдельного индивида и общим интересом всех индивидов, находящихся в общении друг с другом. Притом этот общий интерес существует не только в представлении как “всеобщее”, но, прежде всего, он существует в реальной действительности в качестве взаимной зависимости индивидов, между которыми разделен труд», при этом этот общий интерес принимает форму иллюзорной «всеобщности» в лице государства [Маркс К., Энгельс Ф., 1955b, с. 31–32]. «Сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него, есть государство» [Маркс К., Энгельс Ф., 1961, с. 170]. Фактически, государство — это отчужденное экономическое бытие людей, политически отчуждаемое от них. Государство создается самими людьми ежедневно в рамках отчужденного процесса производства своей собственной жизни и управления этими производственными (а также всеми остальными вытекающими из них) процессами.

Классы представляют собой самый явный признак модели общественного развития: «жизнь одних — средство для развития других». Пока на одном полюсе (крайне немногочисленном) создается богатство, полное всяких излишеств, на другом — нищета и изнурительный труд, который и создает богатство первого полюса. Есть ряд убедительных исследований, посвященных социальному расслоению в мире, которые подтверждают данный тезис. В частности, в 2016 г. британская организация Oxfam выпустила доклад, в котором говорится, что состояние 1 % самых богатых жителей Земли больше, чем совокупное состояние остальных 99 % населения планеты, а состояние 8 богатейших людей больше состояния половины жи-

телей планеты [An economy..., 2016]. Что во времена Маркса, что сегодня, социально-классовые отношения составляют ядро социальной структуры, а классовая борьба — политическое выражение противоречий между родовой и индивидуальной человеческой сущностью. Однако не только государство и классы как элементы социальной структуры являются признаками деформированной реляционной составляющей сущности человека. Все остальные элементы этой системы также видоизменяются в рамках текущей модели общественного развития «человек — лишь средство». Так, например, в рамках исторических общностей людей одни нации «обогащаются» за счет других — такое очень часто можно увидеть в истории человечества. При этом эта модель реализуется не только в отношениях между народами, но и внутри: каждый этнос выживает как этнос за счет неэтнической части жизни своих членов. Семья также часто является группой с достаточно жесткой, патриархальной системой управления внутри, где родители реализуют свои утраченные в детстве и молодости возможности через своих детей, невзирая на желания самого ребенка. Наконец, на уровне индивидов в капиталистическом обществе культивируется эгоизм, индивидуализм, происходит «товаризация отношений», когда люди относятся друг к другу не как к человеку, а как к ресурсу. Поскольку индивид также отчуждается от самого себя, от своей жизни, он начинает жить жизнью других. По большому счету, логика накопления содержания за счет обнищания (также содержательного) другого в определенной форме реализуется на каждом уровне социальной структуры, который, например, в рамках капитализма, затрагивается капиталом.

Отчужденное материальное бытие, выражаемое в капитале, отчужденная социальная структура, выражаемая в буржуазном государстве и других ее элементах, неизбежно отражается и в отчужденном сознании. «Тот класс, который представляет собой господствующую материальную силу общества, есть вместе с тем и его господствующая духовная сила» [Маркс К., Энгельс Ф., 1955b, с. 45]. Именно поэтому при капитализме все классы отражают материальное бытие в своем сознании, в первую очередь, буржуазным способом. Буржуазная идеология проникает вместе с капита-

лом на все уровни общественного сознания, становясь внешней, чуждой оболочкой для сознания пролетариата, активно внедряясь в него и «окапываясь» в нем. Для этого она использует множество инструментов: массовую культуру, СМИ, учебники, искусство и философию. В работах представителей Франкфуртской школы отличным образом было показано, как все эти, казалось бы, разрозненные элементы сливаются в единую систему тоталитарного контроля над массовым сознанием, см., напр.: [Маркузе Г., 2003]. Сегодня к этим привычным инструментам добавился Интернет, огромное количество всяческих бизнес-тренеров, коучей и т.д. Буржуазный класс в этом смысле по-прежнему пытается выдать свой классовый интерес за интерес всего общества, и публичное демонстрация людей, «поднявшихся с самого низа» социальной лестницы, — еще один способ сделать это. Тем не менее нельзя переоценивать значение буржуазных идеологов и действительно активную пропаганду буржуазного образа жизни в формировании около- или псевдобуржуазного сознания в среде пролетариата. Наибольшую роль в этом процессе играет само буржуазное материальное бытие — способ производства людьми своей собственной жизни; т.к. рабочие создают основу для своей жизнедеятельности, вступая в капиталистические производственные отношения, занимаясь отчужденным трудом, то вполне естественно, что элементы буржуазной идеологии активно проникают в их сознание, становясь где-то даже частью их мировоззренческого ядра. Возникает глубокое противоречие: буржуазное сознание активно проникает в сознание рабочих, однако их образ жизни далеко не похож на буржуазный. Отражая свое действительное материальное бытие, имеющее крайне нищенский характер, в среде рабочих начинает формироваться то, что классики марксизма называли классовым сознанием, или становлением «класса-для-себя». Тем не менее это сознание никогда не бывает «чистым»: оно наполнено различными пережитками, стереотипами, элементами архаики и т.д. в зависимости от того, насколько близко к базису общественной жизни оно находится.

Данная структура отчужденной человеческой сущности (представленная в производстве, системе отношений и сознании) выражает внутреннее содержание цивилизационного кри-

зиса. Анализ внешних его проявлений — экономических, экологических кризисов, войн, увеличения неравенства в мире и т.д. — не входит в задачу данной работы. Здесь лишь нельзя не подчеркнуть, что все эти внешние моменты являются следствиями кризиса самого человека. Антропологическое основание кризиса современной цивилизации — точнее, модели общественного развития, когда все общество в целом обогащается за счет обнищания индивидов, — налицо.

Снятие отчуждения?

Является ли данный результат необратимым и окончательным? На наш взгляд, — нет, как минимум потому, что сущностные свойства человека полностью не могут быть отчуждены. Отчуждению подвергается лишь их сторона — процесс и результат их реализации. Таким образом, с этих позиций можно попробовать найти возможность для разрешения кризиса человеческой сущности, причем (и это особенно важно) вполне в рамках непосредственного преодоления процесса отчуждения, на его же основе («положительное снятие» в терминах диалектики).

Какая же модель может прийти на смену текущей кризисной? Для нас возможным ответом является модель, где человек является целью развития общества. К. Маркс говорил, что любая следующая формация обязательно вызревает в недрах предыдущей, и данный случай не исключение: постепенная эгалитаризация общества, как и идеи о свободном, справедливом и гуманном обществе, возникали на протяжении всей истории человечества. Однако реализация этих идей всегда наталкивалась на материальную ограниченность предыдущих эпох. Сегодня же невероятный рост производительных сил позволяет судить о возникновении возможности освобождения родовой и индивидуальной сущности человека от отчужденного характера.

Текущие кризисные процессы в недрах старой модели общественного развития и переход к новой были бы попросту невозможны без тектонических сдвигов в общественной материальной субстанции — труде. Труд, как известно, развивается. Марксом были выделены три исторические формы труда: ручной, машинный и автоматизированный. Последний нередко называется также всеобщим, научным

трудом. «Всеобщим трудом является всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение. Он обуславливается частью кооперацией современников, частью использованием труда предшественников» [Маркс К., 1961, с. 116]. Основным содержанием «всеобщности» такого труда становится развитие человека посредством преобразования материального мира в целом, т.е. сразу нескольких форм материи, включая социальную. Последнее — очень важный момент: например, производство социальных отношений впервые становится результатом целенаправленного труда. При этом Маркс призывал делать разницу между всеобщим трудом и совместным трудом, т.к. в последнем случае имеется в виду непосредственный совместный труд определенного коллектива индивидов. Увеличение производственных цепочек до уровня превращения всего планетарного общества в «социальную фабрику», конечно, является важной основой всеобщего труда. Однако принципиальным отличием становится момент кооперации с накопленным трудом предшественников — т.е. со всеми производительными силами человечества.

Всеобщий труд это автоматизированный труд, где человек — контроллер и регулировщик. Человек встает рядом с процессом преобразования природы, не занимаясь им непосредственно, в виде физического труда. Действительно, всеобщий труд как онаученный, т.е. насыщенный наукой, труд становится показателем преодоления противоречия между умственным и физическим трудом, в нем это разделение труда (разделение, положившее начало становлению частной собственности, классов и государства — т.е. модели отчужденного труда и, следовательно, отчужденной сущности человека) снимается. При этом естественно возникает вопрос о характере такого труда: он материальный или духовный? Не останавливаясь на этом подробно, отметим, что есть целый ряд убедительных исследований (как отечественных, так и зарубежных), показывающих, что данный труд все-таки носит материальный характер, см., напр.: [Орлов В.В., Васильева Т.С., 2006; Гриценко В.С., 2012; Dyer-Witthford N., 2014; Срничек Н., 2019].

Развитие «всеобщности» в труде не означает уменьшения индивидуальности в нем. В целом все обстоит как раз наоборот: растет индивиду-

лизация труда, его персонализация под конкретного человека. Поскольку всеобщий труд выражает единение материального и интеллектуального труда, то, конечно, индивидуальная компонента в нем становится все сильнее. Конечно, капиталистические отношения и здесь оказывают свое влияние, эксплуатируя человека куда «глубже», чем это было раньше, однако сам по себе тренд индивидуализации в рамках развития всеобщего труда демонстрирует переход к модели общественного развития, где развитие всех возможно лишь через развитие каждого.

«Новая форма труда связана с принципиально новым *предметом труда, средством и продуктом труда*. Предмет и продукт компьютерного труда — не избежать каламбура — не имеет *предметной* формы, а представляет собой отношение, или, как уже отмечалось, абстрактную структуру. Средство труда — компьютеры и система компьютеров, вплоть до “всемирной паутины”... Интернет — первая *общественная* в пределах Земли производственная структура, не имеющая себе равных среди всегда *локальных* технологических структур прошлого. Компьютерный труд обладает поэтому *глубоко общественным характером, не сопоставимым по содержанию и широте с общественным характером труда прошлых эпох*» [Орлов В.В., Васильева Т.С., 2006, с. 226–227]. Фактически, сегодня компьютеры стали «универсальной платформой» (какой, например, был паровой двигатель), на которой строится все производство, обращение и финансовализация капитала, развитие общественных услуг, быт людей. Действительно: во многих даже развивающихся странах компьютеры стали обыденностью, причем не только в производстве, но и в быту. Бытовое (персональное) использование компьютеров не стоит сбрасывать со счетов. Н. Срничек в книге «Капитализм платформ» указывает, что люди, проводя время за компьютером, сидя в интернете, заняты вполне материальной деятельностью (он не называет это трудом) — производством данных. Материальность этого «сырья» (по словам Срничека) обусловлена не только субстратной (данные должны храниться на материальных носителях) составляющей, и не только потому, что средство этой деятельности тоже материально (компьютер), но в первую очередь потому, что источником этих данных являются практические

действия материальных (живых, телесных) пользователей. Эти данные (сырье) затем собираются, анализируются и используются для извлечения прибыли в рамках наиболее современной формы капиталистической компании — т.н. «платформ» (Google, Apple, Uber и т.д.) [Срничек Н., 2019].

Присвоение всеобщих сил человека как своей собственной рабочей силы в рамках индивидуального процесса всеобщего труда и их последующая реализация в общественном продукте неизбежно потребует изменения характера производственных отношений — установления общественной собственности на средства производства. Частично сегодня это уже происходит как в рамках распространения цифровых продуктов, конфликтующих с товарной формой, так и в рамках распространения предсказанных еще Марксом переходных форм — акционерных обществ и кооперативных предприятий рабочих.

Новая историческая форма труда, а также формирующиеся на ее основе новые производственные отношения не могли не отразиться на общественной структуре — реляционной структуре сущности человека. Сегодня можно видеть рост влияния горизонтальных связей с точки зрения усиления как сектора некоммерческих организаций, так и бизнес-структур и, конечно, непосредственно индивидов. Так, ресурсы и возможности Интернета, социальных сетей интегрируют человечество как на местном, региональном, так и национальном и глобальном уровне. Сегодня сеть Интернет стала технологической платформой глобализации, площадкой по интеграции культур, языков, народов в единое (но при этом разнообразное) смысловое, дискурсивное поле. В социальных сетях сегодня зарегистрировано уже несколько миллиардов человек, которые ежедневно пересылают миллиарды же сообщений. На этом фоне ломаются привычные представления о пространстве/времени, вернее, они расширяются: сегодня можно в режиме реального времени по видеосвязи поговорить с человеком с другого конца планеты. Примечательно, что данные фактические изменения реляционной составляющей общества приводят к прямо противоположным последствиям: росту коллективности, интеграции, солидарности и, одновременно, — эгоизма, индивидуализма и отчужденно-

сти. На наш взгляд, это как раз следствие перехода от одной модели общественного развития к другой, где первая сохраняется и в определенном виде входит во вторую (и это притом, что первая пока занимает доминирующее положение). Отчужденная сущность человека при текущей модели накладывает свой отпечаток на все социальные феномены, в том числе те, которые по своей природе должны были способствовать преодолению этого отчуждения (социальные сети, распространение мобильной связи и т.д.). Тем не менее новые производительные дают новые возможности и для классовой борьбы, что было отражено в ряде исследований, см., напр.: [Dyer-Witheyford N., 2014; Томин Л.В., 2014].

Разумеется, эти глубинные изменения не могли не оставить след и на сознании как на еще одном сущностном свойстве человека. Причем развитие всеобщего труда влияет на это как напрямую (результат его отражения в индивидуальном сознании тех людей, кто в него вовлечен), так и косвенно (отражение процессов, которые происходят вследствие развития всеобщего труда). Поскольку всеобщий труд представляет собой единство материального и интеллектуального труда, то попросту невозможно представить его становление без развития духовной стороны сущности человека. Нередко эту нематериальную сторону всеобщего труда называют всеобщим интеллектом. «Возникновение всеобщего интеллекта (“развитие всеобщих сил в человеческой голове”, всеобщего социального знания, общественного интеллекта) подготовлено двумя формами технологических изменений. Первая форма — это *развитие системы производства, основанной на автоматической системе машин*, состоящей из многочисленных механических и интеллектуальных органов, таким образом, сами рабочие составляют сознательное соединительное звено в этой структуре. Другая — это *сеть транспорта и коммуникаций, интегрирующая мировой рынок*» [Гриценко В.С., 2012, с. 145]. В рамках развития всеобщего интеллекта реализуется модель «накопления содержания общего через обогащение единичного»: поскольку в рамках всеобщего труда растет его индивидуализация (происходит обогащение индивидуального бытия), то, следовательно, развивается и индивидуализация сознания.

Таким образом, можно говорить, что сегодня на наших глазах формируется новая модель общественного развития, в которой человек становится целью развития, а не средством. Формирование данной модели в перспективе может снять отчужденный характер человеческой сущности и стать основой создания нового общества. Не стоит, впрочем, преувеличивать масштабы происходящего: данная модель находится во многом еще в зачаточном состоянии и нас ожидает целый ряд драматичных эпизодов взаимоотношений между двумя моделями, а точнее — между различными общественными силами, которые будут их защищать.

Заключение

Сегодня ускоряющийся темп жизни ставит перед обществом достаточно много проблем, которые требуют своего решения. Как известно, более эффективное решение проблемы — это борьба с причиной, ее породившей, а не со следствиями, которые из нее вытекают. При этом зачастую нелегко добраться до действительных причин проблем — здесь нужно применять четкую, последовательную, внутренне непротиворечивую методологию анализа социальной системы. По нашему мнению, субстанциальный, антропологический подход к анализу общества, подход, который начинает исследование с человека, может претендовать на такую характеристику. С позиций данного подхода кризис современной цивилизации обусловлен кризисом сущности человека, ее отчужденным характером в рамках реализации модели общества «человек лишь средство». На наш взгляд, такая ситуация сложилась вполне объективно вследствие своих собственных внутренних законов развития. Вследствие этих же законов эта модель общественного развития должна подойти к своему пределу — что и выражается сегодня в качестве масштабного цивилизационного кризиса. В силу объективных законов исторического процесса данная модель развития общества должна будет уступить более прогрессивной, такой, где свободное развитие каждого являлось бы условием для свободного развития всех, такой, где сущность человека вновь приобретет целостный и содержательный характер.

Список литературы

Бауман З. Текущая современность / пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
Гриценко В.С. Труд в постиндустриальном обществе: дис. ... канд. филос. наук. Пермь, 2012. 221 с.

Ильенков Э.В. Проблема идеального // Вопросы философии. 1979. № 6. С. 128–140.

Корякин В.В. Труд и единый закономерный исторический процесс / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2008. Ч. 2. 340 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. Т. 4. С. 419–459.

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. Т. 3. С. 7–544.

Маркс К., Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1961. Т. 21. С. 23–178.

Маркс К., Энгельс Ф. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1974. Т. 42. С. 41–174.

Маркс К. Капитал. Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1960. Т. 23. 908 с.

Маркс К. Капитал. Т. III // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1961. Т. 25, ч. 1. 546 с.

Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. Т. 3. С. 1–4.

Маркузе Г. Одномерный человек / пер. с англ. А.А. Юдина. М.: АСТ, 2003. 331 с.

Орлов В.В. Материя, развитие, человек. Пермь, 1974. 397 с.

Орлов В.В., Васильева Т.С. Философия экономики. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2006. 266 с.

Рагозин Н.П. Проблема всеобщего труда и его отчуждения в «Капитале» К. Маркса // Культура и цивилизация (Донецк). 2017. № 2(6). С. 36–59.

Срничек Н. Капитализм платформ / пер. с англ. и науч. ред. М. Добряковой. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2019. 128 с.

Томин Л.В. Современные политические конфликты: постструктуралистский анализ. СПб.: СПбГУП, 2014. 183 с.

Фролов И.Т. Перспективы человека : опыт комплексной постановки проблемы, дискуссии, обобщения. 3-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 296 с.

An economy for 1 % // Oxfam briefing paper. 2016. Jan. 18. URL: https://www.oxfam.org/sites/www.oxfam.org/files/file_attachments/bp210-economy-one-percent-tax-havens-180116-en_0.pdf (accessed: 29.09.2020).

Dyer-Witheford N. *Cyber-Proletariat: Global Labour in the Digital Vortex*. 2014. URL: https://warwick.ac.uk/fac/arts/english/currentstudents/postgraduate/masters/modules/en9b5worldlitanthropocene/dyer-witheford_cyberproletariat-global_labour_in_the_digital_vortex.pdf (accessed: 29.09.2020).

Получено 29.09.2020

References

An economy for 1 %. Oxfam briefing paper. 2016. Jan. 18. Available at: https://www.oxfam.org/sites/www.oxfam.org/files/file_attachments/bp210-economy-one-percent-tax-havens-180116-en_0.pdf (accessed 29.09.2020).

Bauman, Z. (2008). *Tekuchaya sovremennost'*. *Per. s angl.* [Liquid modernity. Trans. from Eng.]. Saint Petersburg: Piter Publ., 240 p.

Dyer-Witheford, N. (2014). *Cyber-proletariat: Global labour in the digital vortex*. Available at: https://warwick.ac.uk/fac/arts/english/currentstudents/postgraduate/masters/modules/en9b5worldlitanthropocene/dyer-witheford_cyberproletariat-global_labour_in_the_digital_vortex.pdf (accessed 09.29.2020).

Frolov, I.T. (2008). *Perspektivy cheloveka: opyt kompleksnoy postanovki problemy, diskussii, obobshcheniya* [Human perspectives: experience of complex problem formulation, discussions, generalizations]. Moscow: LKI Publ., 296 p.

Gritsenko, V.S. (2012). *Trud v postindustrial'nom obschestve: dis. ... kand. filoz. nauk* [The labor in post-industrial society: dissertation]. Perm: PSTU Publ., 221 p.

I'cnkov, E.V. (1979). *Problema ideal'nogo* [Problem of the ideal]. *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy]. No. 6, pp. 128–140.

Koryakin, V.V. (2008). *Trud i edinyy zakonomernyy istoricheskiy protsess* [Labor and a single consistent historical process]. Perm: PSU Publ., pt. 2, 340 p.

Marcuse, H. (2003). *Odnomernyy chelovek* [One-dimensional man]. Moscow: AST Publ., 331 p.

Marx, K. and Engels, F. (1955). *Manifest kommunisticheskoy partii* [The communist manifesto]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K.,

Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 4, pp. 419–459.

Marx, K. and Engels, F. (1955). *Nemetskaya ideologiya* [The German ideology]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 3, pp. 7–544.

Marx, K. and Engels, F. (1961). *Proiskhozhenie sem'i, chastnoy sobstvennosti i gosudarstva* [The origin of the family, private property and the state]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 21, pp. 23–178.

Marx, K. and Engels, F. (1974). *Economicheskofilosofskie rukopisi 1844* [Economic and philosophic manuscripts of 1844]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 42, pp. 41–174.

Marx, K. (1960). *Kapital. T. 1* [Capital. Vol. 1]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 23, 908 p.

Marx, K. (1961). *Kapital. T. 3* [Capital. Vol. 3]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 25, pt. 1, 546 p.

Marx, K. (1955). *Tezisy o Feyerbakhe* [Theses on Feuerbach]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 3, pp. 1–4.

Orlov, V.V. and Vasil'eva, T.S. (2006). *Filosofiya ekonomiki* [Philosophy of the economy]. Perm: PSU Publ., 266 p.

Orlov, V.V. (1974). *Materiya, razvitie, chelovek* [The matter, development, human]. Perm: PSU Publ., 397 p.

Ragozin, N.P. (2017). *Problema vseobscheego truda i ego otchuzdeniya v «Kapitale» K. Marksa* [Problem of universal labour and its alienation in K. Marx's «The Capital»]. *Kult'ura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization]. No. 2(6), pp. 36–59.

Srnicek, N. (2019). *Kapitalizm platform* [Platform capitalism]. Moscow: HSE Publ., 128 p.

Tomin, L.V. (2014). *Sovremennye politicheskie konflikti: poststrukturalistskiy analiz* [The modern political conflicts by poststructuralism analyses]. Saint Petersburg: SPBU Publ., 183 p.

Received 29.09.2020

Об авторе

Мельников Виктор Олегович
аспирант кафедры философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: viktor_melnikov_psu@rambler.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0483-7364>

About the author

Viktor O. Melnikov
Ph.D. Student of the Department of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: viktor_melnikov_psu@rambler.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0483-7364>

Просьба сослаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Мельников В.О. Отчужденный характер сущности человека как основное содержание кризиса современной цивилизации // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 4. С. 541–551. DOI: 10.17072/2078-7898/2020-4-541-551

For citation:

Melnikov V.O. [Alienated nature of human essence as the main content of the civilization crisis]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 4, pp. 541–551 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2020-4-541-551

УДК 141.82:316

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-4-552-559

**ИНТЕРСУБЪЕКТИВНЫЕ АСПЕКТЫ
ПРОЦЕССА СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ
В МАРКСИСТСКОМ АНАЛИЗЕ Г.В. ПЛЕХАНОВА**

Жилина Вера Анатольевна, Гранин Денис Владимирович

Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова

Статья посвящена проблеме корреляции трансформаций социальных процессов и отражения их в социальной теории философии. В сравнительном анализе классической формы марксизма и концепции Г.В. Плеханова как представителя «русского» марксизма доказательно обнаружены различия в трактовке основного методологического принципа — принципа материалистического понимания истории. Гипотеза исследования заключается в тезисе, что в марксизме Г.В. Плеханова в вопросах трактовки сути социального субъекта обнаруживаются экзистенциальные характеристики. Раскрыта intersubjective природа социального субъекта, который рассматривается в концепции Г.В. Плеханова в качестве главной движущей силы в истории. Показано, что «русский» марксизм всегда демаркирован от позиции экономического детерминизма. В этом контексте предпринята попытка минимизации риска потери эффективности социального анализа в имеющихся философских направлениях мысли. Обоснована ведущая роль принципа материалистического понимания истории в современном социальном анализе. Анализ современных социальных отношений позволяет констатировать острую актуальность исследования сути социального субъекта. Особо подчеркивается противоречивость включения человека в общество, что в условиях непростой геополитической обстановки в мире и тенденций глобализации коммуникационных потоков в обществе приобретает статус проблемы безопасности культуры отдельных народов. В этом контексте отмечена значимость анализа экзистенциальных характеристик социального субъекта. Сформулированы основные характеристики производительных сил общества как источника социальной стабильности с целью минимизации риска массовизации социального субъекта. Результаты исследования могут быть использованы как в последующем анализе специфики отечественной философской мысли, так и в теоретическом осмыслении динамики социальных отношений и логики истории.

Ключевые слова: социум, марксизм, социальный субъект, социальные коммуникации, принцип материалистического понимания истории.

**INTERSUBJECTIVE ASPECTS OF THE SOCIAL COMMUNICATION
PROCESS IN PLEKHANOV'S MARXIST ANALYSIS**

Vera A. Zhilina, Denis V. Granin

Nosov Magnitogorsk State Technical University

The article deals with the correlation of transformations of social processes and their reflection in the social theory of philosophy. Comparative analysis of the classical form of Marxism and the concept of G.V. Plekhanov as a representative of 'Russian' Marxism reveals differences in the interpretation of the main methodological principle — the principle of materialistic understanding of history. According to the research hypothesis, there are existential characteristics found in G.V. Plekhanov's Marxism in the interpretation of the essence of social subject. The paper reveals the intersubjective nature of social subject, which is considered in the concept of G.V. Plekhanov as the main driving force in history. It is shown that «Russian» Marxism is always demarcated from the position of economic determinism. In this context, an attempt is made to minimize the risk of social analysis losing its effectiveness in the existing philosophi-

cal directions of thought. The paper proves the leading role of the principle of materialistic understanding of history in modern social analysis. The analysis of modern social relations allows us to note high relevance of studying the essence of social subject. The author emphasizes the contradictory nature of human inclusion in society, which, in the context of the difficult geopolitical situation in the world and globalization of communication flows, acquires the status of a problem of individual peoples' culture security. In this context, the importance of analyzing the existential characteristics of social subject is noted. The main characteristics of the productive forces of society as a source of social stability are formulated in order to minimize the risk of massization of social subject. The research results can be applied both in the subsequent analysis of the specifics of Russian philosophical thought and in the theoretical consideration of the social relations dynamics and the logic of history.

Keywords: society, Marxism, social subject, social communications, principle of materialistic understanding of history.

Введение

Современные процессы глобализации не только усложняют поле социальных коммуникаций, но и существенно влияют на традиции научного и философского анализа общества. Так, например, в современных условиях привычные формационные стадии развития зачастую оказываются лишенными четких границ. В свою очередь, сложность и многослойность социального бытия, видимо, снижает эффективность действия принципа материалистического понимания истории. Между тем и сегодня соотношение производительных сил и производственных отношений выступает конечным предельным основанием доказательств возможностей исторических дисциплин претендовать на статус научных [Бузгалин А.В., 2013]. Именно в их соотношении гуманитарные и экономические науки до сих пор обнаруживают методологический принцип повторяемости и, соответственно, основание для теоретического воспроизводства моделей, классификаций.

Другой особенностью современного соотношения закономерностей социального развития и логики развития социальной мысли является акцентирование на сознательной стороне объективных законов общества. В философском контексте ситуация усложняется изначально позитивистской формой марксистского принципа материализма в истории. Данная форма позволяет рационализировать по принципам научного анализа философский подход к обществу и тем самым совершает прорыв в имеющихся исследованиях социума. Но касательно понимания социального субъекта позитивистский уклон вульгаризированных версий марксизма провоцирует упрощение модели но-

сителя общественных отношений через сведение его сущности исключительно к общей социальности. Такое толкование принципа материалистического понимания истории нередко становилось одной из причин необоснованных обвинений К. Маркса в экономическом детерминизме.

Данная ситуация актуализирует исследования сути детерминант социальных процессов. Актуализируется и область исторической ретроспективы. В частности, снять ложные обвинения в адрес марксизма, повысить эффективность социальных исследований и одновременно минимизировать риски социальной практики за счет предвидения проблемных областей может анализ разных направлений марксистской мысли. В отечественной философской мысли особый интерес вызывают марксистские взгляды Г.В. Плеханова вследствие их «практической» привязки к социальным процессам в России того времени. С точки зрения академического философского подхода марксизм Плеханова интересен самобытностью трактовки социального субъекта, в которой, по мнению авторов, во многих аспектах можно проследить экзистенциальные черты. Непосредственной целью данного исследования является реконструкция марксистского анализа Г.В. Плеханова в корреляции с современными трансформациями процессов социальных коммуникаций. В плане теории инновационным аспектом исследования станет попытка проследить экзистенциальные свойства в характеристиках социального субъекта, рассматриваемого Г.В. Плехановым в качестве основного носителя базисных отношений общества.

Специфика принципа материалистического монизма в отечественном марксизме

В анализе социальной реальности Плеханов всегда исходит из главного марксистского принципа, доказывая его эффективность через предлагаемые им решения социальных проблем. Вместе с тем «русский» марксизм изначально стремится избегать упрощенных толкований учения К. Маркса. Действительно, в своих работах Плеханов неоднократно указывает, что основоположники марксизма не вкладывают в понимание принципов материализма в истории никакого другого смысла, кроме как принципа вторичности, выводимости детерминант общественного сознания из процессов общественного бытия. Доказательством этого, по мнению отечественного философа, может служить даже самое раннее изложение теоретических основ данного учения в «Немецкой идеологии» и в «Предисловии к критике политэкономии». Одновременно при анализе творчества Г.В. Плеханова очевиден тот факт, что он «усиливает» материалистическую составляющую социального анализа [Плеханов Г.В., 1956a]. Многие исследователи его творчества особо отмечают, что в основе всех его философско-исторических трудов лежит методологический принцип материалистического монизма. Но вместе с тем, например, в работе «О материалистическом понимании истории» Г.В. Плеханов заявляет, что признание роли экономического фактора не приближает к материалистическому пониманию истории «автоматически». «Экономический материализм, — подчеркивает Плеханов, — еще не исключает исторического идеализма. Да и это еще не совсем точно; мы говорим — еще не исключает идеализма, а следует сказать: может быть, и до сих пор чаще всего бывал просто его разновидностью» [Плеханов Г.В., 1956b, с. 241]. Другими словами, принцип материалистического монизма не гарантирует демаркации от традиционно идеалистических трактовок общества. Традиционный подход к истории, когда идеальное начало позиционируется в качестве ведущей детерминанты, по мнению Г.В. Плеханова, также способен признать существенное значение экономических детерминант.

Эти утверждения убедительно показывают, что для отечественного мыслителя материализм в истории — это, прежде всего, претензия на це-

лостную концепцию истории, соответственно, отрицание сведения истории к простой сумме некоторых ее составляющих. В реалиях современной социальной практики следует отметить особую значимость трудов Г.В. Плеханова по преодолению стереотипов об односторонности материалистического понимания истории именно в рамках диалектики соотношения повторяющегося, общего и уникально единичного. Владея знаниями об историческом прошлом страны и будучи прекрасно осведомленным о социальном, политическом и гражданском состоянии современной ему России, Г.В. Плеханов убедителен в опровержении тезиса о том, что вся специфика общественной жизни людей сводится исключительно к состоянию производственных отношений. Более того, он прозорливо предостерегает от неправомерности отождествления производственных и экономических отношений. В то время как и в современной философской мысли часто производственные отношения трактуются в аспекте замещения собой всего спектра отношений экономических [Чесноков Г.Д., 2013]. Между тем в самом марксизме производственные отношения определены именно в качестве экономического *базиса*. Базис находится в диалектической связи с надстройкой, которая разворачивает через себя всю палитру социальных коммуникаций — нравственных, политических, религиозных, правовых и иных отношений. В работах Г.В. Плеханова обнаруживается принципиальный фокус на постоянной изменчивости спектра общественных отношений. Спецификой его концепции, особо значимой для современного онтологического анализа общества, является сохранение человека в объективных взаимодействиях базиса и надстройки. Отрицание некоторой застывшей модели общества построено на признании того факта, что носителем всех общественных отношений является сам человек. Начала всех изменений следует искать в экономических трансформациях, но при этом нужно не забывать, что вся специфика общественных закономерностей зависит от их воплощенности в сознании конкретных членов общества [Плеханов Г.В., 1956c, 1956d]. Знание истории позволяет Г.В. Плеханову увидеть детерминанту человеческого фактора не только в деяниях великих исторических личностей, но и в действиях масс. Во многом это становится своеобразной теоретической рефлекс-

сией его собственного политического опыта. Весьма значимым представляется демаркация духовного и идеологического в марксизме Г.В. Плеханова. Уделяя большое внимание роли надстройки, он тем не менее далек от абсолютизации роли идеологического фактора в социальных изменениях. Можно скорее говорить о предостережении со стороны Плеханова относительно опасности обратного сведения: закономерностей базиса к закономерностям надстройки. Риски социального развития, связанные с преувеличением роли идеологии в движении и устойчивости общества, наглядно были продемонстрированы советским периодом развития России [Рубцов А.В., 2018], да и не только им.

Экзистенциальный срез традиционной диалектики взаимодействия производительных сил и производственных отношений

Представление об обществе как некоем целостном организме традиционно в социально-философском анализе. Более того, идеалистические системы в силу неразделенности идеального онтологического основания не допускают механистического расчленения общественных структур, что присуще школам метафизического материализма. Русский марксизм в силу многих причин особый акцент делает именно на целостности общества, причины функционирования которого лежат в нем самом. Это отражает общие особенности российской культуры: внешние факторы в ней чаще рассматриваются как некий деструктивный фактор, который с необходимостью лишается разрушительной силы в механизмах внутренних структурных связей. Отсюда принципиально разнится основание целостности социума в классическом варианте марксизма и в трудах «русского» марксиста. В западной философской традиции К. Маркс воссоздает целостность социального анализа через признание производственной деятельности человека в качестве ведущего детерминирующего фактора, хотя и отмечает, что общество — это в первую очередь живые человеческие индивиды [Маркс К. 1955; Маркс К., Энгельс Ф., 1955]. Г.В. Плеханов в выделенном Марксом экономическом факторе стремится сохранить исходный элемент самой производственной деятельности — человека, производящего [Плеха-

нов Г.В., 1956b]. Вследствие беспокойного социально-политического состояния российского общества конца XIX в. классическая модель общества в русском марксизме обретает экзистенциальный окрас, несколько опережая тенденции развития западной философской мысли. Общество — это, прежде всего, сообщество людей, которое и представляет собой некий специфичный организм, который изначально в природе отсутствует. Люди объединены целью преобразования мира, но в этом объединении они сохраняют свою индивидуальность [Пружинин Б.И., 2004]. И в этом отношении материальные производственные отношения в непосредственном плане оказываются вторичными относительно их носителей, на что и указывают представители русского марксизма.

Само признание действия объективной исторической необходимости, по мысли Г.В. Плеханова, актуализирует проблему роли самого человека в развертывании собственной истории. Именно такое признание заставляет теоретический анализ констатировать: человек есть свобода. В свою очередь, свобода, выступая сущностной характеристикой человека, одновременно детерминирует два основных вывода в социальном анализе: она не означает отрицания наличия закономерности, одновременно она не позволяет фаталистически позиционировать человека лишь в качестве средства этой закономерности [Жилина В.А., 2009]. Отсюда следует признать, что методология принципа материалистического понимания истории существенным образом трансформирует семантику социального субъекта как движущего фактора развития общества. Одной из сущностных характеристик социального субъекта становится собственное осознание им необходимости его деятельности для общества [Ахметзянова М.П., 2004]. Примечательно, что для Г.В. Плеханова это осознание проявляется во всех сферах деятельности человека, а не только в срезе логики развития производительных сил. Убедительным доказательством присутствия экзистенциального уклона в русском марксизме может служить, например, сфера учения о роли народных масс. Плеханов стремится зафиксировать значимость каждого во влиянии на ход истории. История не может делаться одиночками, но и коллективный социальный субъект — это не аморфное образование, истолкованное в

духе крайнего реализма вульгаризаторов марксизма. Позиционируя социального субъект, Г.В. Плеханов успешно уходит от упрощенного его понимания как субъекта-покорителя мира, субъекта-инженера социальной реальности метафизической философии в область intersubjectивности и, соответственно, *смысла* социальных коммуникаций [Филимонова Т.И., 2013].

Теоретическую значимость такого переворота трудно переоценить. В измененных социальных условиях именно такое наполнение теоретического конструкта «производительные силы» создает платформу для моделирования механизмов самоорганизации производительных сил [Azarnert L.V., 2010]. Производительные силы сегодня не свободны от процессов цифровизации социальных отношений. Измененный социальный субъект попадает в сферу производственных отношений, пронизанных медиавозможностями [Dolado J. et al., 1994]. В результате экзистенциальные характеристики, с одной стороны, и экономические характеристики — с другой, начинают формировать некие сквозные симбиотические свойства [Сущенцова М.С., 2017].

Результаты исследования

Сложность социальных коммуникаций в современных условиях настоятельно требует от гуманитарного знания междисциплинарного анализа, а проблема сохранения целостности подхода к анализу общества актуализирует обращение к марксистской теории. Проведенное исследование позволяет выделить в социальной концепции Г.В. Плеханова момент экзистенциальности социального субъекта. В частности, его анализ места и роли непосредственного носителя общественных отношений снимает в себе воплощенные в личности систему знаний, навыков, мотиваций [Жилина В.А., 2018]. Отсюда логичен вывод о несводимости отечественного марксизма к экономическому материализму как вульгарной интерпретации классической и Марксовой политэкономии. Доказательства данного тезиса получены в исследовании применения Г.В. Плехановым методологического принципа материалистического монизма. Диалектическое понимание сути и содержания производительных сил позволяет увидеть их подвижность в изменении соотношения их формы и содержания. Следовательно, кон-

цепция Г.В. Плеханова, с одной стороны, исходит из тезиса об изменчивости экзистенциальной природы субъекта, а с другой — свидетельствует о применимости методов его анализа к пониманию intersubjectивной природы социальных коммуникаций. Погруженность Г.В. Плеханова в реалии социальной практики России позволяет ему определить тот факт, что получаемый субъектом социальный опыт зависит от конкретно-исторических условий, от специфики эпохи. И именно этот опыт, а не только сугубо экономические факторы, позволяет производительным силам кардинально менять характер самой эпохи. В приложении к реалиям современного социального развития этот тезис получает продолжение. Его применение может распространиться, например, на сферу мотивационных составляющих деятельности. Детерминация субъекта надстроечными явлениями происходит не напрямую, а опосредованно, через механизмы получения им знаний. Данные результаты получены в исследовании специфики раскрытия принципа материалистического монизма в философии Г.В. Плеханова и в обнаружении экзистенциальных характеристик производительных сил.

Заключение

В области логики развития философских теорий данные положения русского марксизма обретают особую значимость. Данное понимание сути социального субъекта во многом способно прояснить реальную сопоставимость тех направлений философской мысли в социальном анализе, которые совсем недавно позиционировались как крайние противоположности. Так, в срезе теоретических исследований сегодняшнего дня становится очевидной известная условность противопоставления структурного функционализма, акцентировавшего объективность характеристик носителя общественных отношений, и экзистенциализма с его ориентацией на персональную замкнутость. Показательно, что постмодернизм, провозгласивший «смерть» субъекта как некое третье решение, оказывается не способным стать универсальным основанием для решения социальных проблем. Заимствование из социологии и политологии категории «актор» само по себе не способно восполнить пробелы в философском моделировании социального субъекта [Poutvaara P., 2008].

Вместе с тем реалии социальной практики расширяют зону рисков массовизации социального субъекта: ни индивидуализм, ни культурная грамотность, к сожалению, сегодня не могут быть демаркационными показателями предотвращения растворения субъекта в массовидности. Одним из направлений решения такого рода проблем как в области теории, так и в области социальной практики может стать развернутый анализ аспектов интерсубъективных характеристик социального субъекта, предложенных в концепции Г.В. Плеханова.

Список литературы

Ахметзянова М.П. Кризис как движущая сила развития личност // Кризис как иррациональное явление: сб. ст. Магнитогорск: МГТУ, 2004. С. 61–64.

Бузгалин А.В. В.И. Ульянов: Философия, опредмеченная в историческом процессе // Русский марксизм: Георгий Валентинович Плеханов, Владимир Ильич Ульянов (Ленин). М.: РОССПЭН, 2013. С. 256–290.

Жилина В.А. Критическая рефлексия как ключевая составляющая современного образования // Вопросы философии. 2018. № 6. С. 59–65. DOI: <https://doi.org/10.7868/s0042874418060043>

Жилина В.А. Проблема определения идеологического субъекта // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 29(167). С. 44–50.

Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. Т. 3. С. 1–4.

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пороков // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. Т. 3. С. 7–544.

Плеханов Г.В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю // Плеханов Г.В. Избранные философские произведения: в 5 т. М.: Госполитиздат, 1956. Т. 1. С. 507–730.

Плеханов Г.В. О материалистическом понимании истории // Плеханов Г.В. Избранные философские произведения: в 5 т. М.: Госполитиздат, 1956. Т. 2. С. 236–266.

Плеханов Г.В. О мнимом кризисе марксизма // Плеханов Г.В. Избранные философские произведения: в 5 т. М.: Госполитиздат, 1956. Т. 2. С. 335–345.

Плеханов Г.В. Философские и социологические воззрения Маркса // Плеханов Г.В. Избранные философские произведения: в 5 т. М.: Госполитиздат, 1956. Т. 2. С. 450–453.

Пружинин Б.И. Ratio Serviens? // Вопросы философии. 2004. № 12. С. 41–55.

Рубцов А.В. Превращения идеологии. Понятие идеологического в «предельном» расширении // Вопросы философии. 2018. № 7. С. 18–27. DOI: <https://doi.org/10.31857/s004287440000219-5>

Сушенцова М.С. Рациональность, мораль и экономическая координация: контуры взаимодействия // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2017. Т. 9, № 2. С. 46–62. DOI: <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2017.9.2.046-062>

Филимонова Т.И. Некоторые аспекты плехановской концепции исторического развития как идеи о становлении человека // Русский марксизм: Георгий Валентинович Плеханов, Владимир Ильич Ульянов (Ленин). М.: РОССПЭН, 2013. С. 72–98.

Чесноков Г.Д. Г.В. Плеханов о материалистических взглядах К. Маркса на исторический процесс // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 2. С. 210–233.

Azarnert L.V. Free education, fertility and human capital accumulation // Journal of Population Economics. 2010. Vol. 23, iss. 2. P. 449–468 DOI: <https://doi.org/10.1007/s00148-008-0205-8>

Dolado J., Goría A., Ichino A. Immigration, human capital and growth in the host country // Journal of Population Economics. 1994. Vol. 7, iss. 2. P. 193–215. DOI: <https://doi.org/10.1007/bf00173619>

Poutvaara P. On human capital formation with exit options: comment and new results // Journal of Population Economics. 2008. Vol. 21, iss. 3. P. 679–684. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00148-006-0129-0>

Получено 01.11.2020

References

Akhmetzyanova, M.P. (2004). *Krizis kak dvizhushchaya sila razvitiya lichnosti* [Crisis as a driving force for personal development]. *Krizis kak irratsional'noye yavleniye: sb. st.* [The crisis as an irrational phenomenon: collect. articles]. Magnitogorsk: MGTU Publ., pp. 61–64.

Azarnert, L.V. (2010). Free education, fertility and human capital accumulation. *Journal of Population Economics*. Vol. 23, iss. 2, pp. 449–468. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00148-008-0205-8>

Buzgalin, A.V. (2013). *V.I. Ul'yanov: Filosofiya, opredmechennaya v istoricheskoprocesse* [V.I. Ulyanov: philosophy defined in the historical process]. *Russkiy marksizm: Georgiy Valentinovich Plekhanov, Vladimir Il'ich Ul'yanov (Lenin)* [Russian Marxism: Georgy Valentinovich Plekhanov, Vladimir Ilyich Ulyanov (Lenin)]. Moscow: ROSSPEN Publ., pp. 256–290.

Chesnokov, G.D. (2013). *G.V. Plekhanov o materialisticheskikh vzglyadakh K.Marksa na istoricheskiy protsess* [G.V. Plekhanov on Marx's materialistic views on the historical process]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Social and Humanitarian Knowledge]. No. 2, pp. 210–233.

Dolado, J., Gorla, A. and Ichino, A. (1994). Immigration, human capital and growth in the host country. *Journal of Population Economics*. Vol. 7, iss. 2, pp. 193–215. DOI: <https://doi.org/10.1007/bf00173619>

Filimonova, T.I. (2013). *Nekotorye aspekty plekhanovskoy kontseptsii istoricheskogo razvitiya kak idei o stanovlenii cheloveka* [Aspects of Plekhanov's concept of historical development as an idea of human development]. *Russkiy marksizm: Georgiy Valentinovich Plekhanov, Vladimir Il'ich Ul'yanov (Lenin)* [Russian Marxism: Georgy Valentinovich Plekhanov, Vladimir Ilyich Ulyanov (Lenin)]. Moscow: ROSSPEN Publ., pp. 72–98.

Marx, K. (1955). *Tezisy o Feyerbakhe* [Theses on Feuerbach]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 3, pp. 1–4.

Marx, K. and Engels, F. (1955). *Nemetskaya ideologiya. Kritika noveyshey nemetskoj filosofii v litse ee predstaviteley Feyerbakha, B. Bauera i Shtirnera i nemetskogo sotsializma v litse ego razlichnykh porokov* [Critique of modern German philosophy according to its representatives Feuerbach, B. Bauer and Stirner, and of German socialism according to its various prophets]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 3, pp. 7–544.

Plekhanov, G.V. (1956). *K voprosu o razviti monisticheskogo vzglyada na istoriyu* [The development of the monist view of history]. *Plekhanov G.V. Izbrannye filosofskie proizvedeniya: v 5 t.* [Plekhanov G.V. Collected works: in 5 vols]. Moscow: Gospolitizdat Publ., vol. 1, pp. 507–730.

Plekhanov, G.V. (1956). *O materialisticheskom ponimanii istorii* [Materialist conception of history]. *Plekhanov G.V. Izbrannye filosofskie proizvedeniya: v 5 t.* [Plekhanov G.V. Collected works: in 5 vols]. Moscow: Gospolitizdat Publ., vol. 2, pp. 236–266.

Plekhanov, G.V. (1956). *Filosofskie i sotsiologicheskiye vozzreniya Marksa* [Philosophical and sociological views of Marx]. *Plekhanov G.V. Izbrannye filosofskie proizvedeniya: v 5 t.* [Plekhanov G.V. Collected works: in 5 vols]. Moscow: Gospolitizdat Publ., vol. 2, pp. 450–453.

Plekhanov, G.V. (1956). *O mnimom krizise marksizma* [On the alleged crisis in Marxism]. *Plekhanov G.V. Izbrannye filosofskie proizvedeniya: v 5 t.* [Plekhanov G.V. Collected works: in 5 vols]. Moscow: Gospolitizdat Publ., vol. 2, pp. 335–345.

Poutvaara, P. (2008). On human capital formation with exit options: comment and new results. *Journal of Population Economics*. Vol. 21, iss. 3, pp. 679–684. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00148-006-0129-0>

Pruzhinin, B.I. (2004). Ratio Serviens? *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy]. No. 12, pp. 41–55.

Rubtsov, A.V. (2018). *Prevrashcheniya ideologii. Ponyatie ideologicheskogo v «predel'nom» rasshirenii* [The transformation of ideology. The concept of the ideological in the «extreme» extension]. *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy]. No. 7, pp. 18–27. DOI: <https://doi.org/10.31857/s004287440000219-5>

Sushentsova, M.S. (2017). *Ratsional'nost', moral' i ekonomicheskaya koordinatsiya: kontury vzaimodeystviya* [Rationality, morality and economic coordination: the contours of interaction]. *Zhurnal institucional'nykh issledovaniy* [Journal of Institutional Studies]. No. 9, no. 2, pp. 46–62. DOI: <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2017.9.2.046-062>

Zhilina, V.A. (2018). *Kriticheskaya refleksiya kak klyuchevaya sostavlyayuschaya sovremennogo obrazovaniya* [Critical reflection as a key component of modern education]. *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy]. No. 6, pp. 59–65. DOI: <https://doi.org/10.7868/s0042874418060043>

Zhilina, V.A. (2009). *Problema opredeleniya ideologicheskogo sub'ekta* [The problem of defining an ideological subject]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. No. 29(167), pp. 44–50.

Received 01.11.2020

Об авторах

Жилина Вера Анатольевна

доктор философских наук, доцент,
заведующая кафедрой философии

Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова,
455000, Магнитогорск, пр. Ленина, 38;
e-mail: vera-zhilina@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2954-109X>

Гранин Денис Владимирович

аспирант кафедры философии

Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова,
455000, Магнитогорск, пр. Ленина, 38;
e-mail: philosophybox34@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2662-0585>

About the authors

Vera A. Zhilina

Doctor of Philosophy, Docent,
Head of the Department of Philosophy

Nosov Magnitogorsk State Technical University,
38, Lenin av., Magnitogorsk, 455000, Russia;
e-mail: vera-zhilina@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2954-109X>

Denis V. Granin

Ph.D. Student of the Department of Philosophy

Nosov Magnitogorsk State Technical University,
38, Lenin av., Magnitogorsk, 455000, Russia;
e-mail: philosophybox34@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2662-0585>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Жилина В.А., Гранин Д.В. Интерсубъективные аспекты процесса социальных коммуникаций в марксистском анализе Г.В. Плеханова // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 4. С. 552–559. DOI: 10.17072/2078-7898/2020-4-552-559

For citation:

Zhilina V.A., Granin D.V. [Intersubjective aspects of the social communication process in Plekhanov's Marxist analysis]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 4, pp. 552–559 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2020-4-552-559

УДК 141.45

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-4-560-568

ТЕИЗМ И АТЕИЗМ: ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОЕ ТОЖДЕСТВО В РАЗЛИЧИИ

Поросенков Сергей Владимирович, Шишкина Мария Константиновна

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Гносеологическое исследование особенностей теистического и атеистического мышления вне аксиологической и культурно-исторической противопоставленности соответствующих мировоззренческих позиций открывает взаимодействие и моменты тождества теизма и атеизма. Принцип академического объективизма, который сводит к минимуму аксиологическую обусловленность оппозиции теизма и атеизма, позволяет в гносеологическом аспекте установить взаимоотношение теизма и атеизма, тождественные антропоморфные познавательные компоненты в теистическом и атеистическом мышлении, одинаковое развертывание оппозиций общего и единичного в объеме исходного понятия теистического и атеистического объяснения мира. Экзистенциальная потребность человека в определенности абсолютного бытия также ведет к однотипному процессу рационального выражения принципов теизма и атеизма. В этом выражении значительную роль играют символы, образующие смысловое поле рационализации указанных принципов. Моменты гносеологического тождества теизма и атеизма позволяют сделать вывод о возможности положительного продуктивного взаимодействия субъектов виртуального общения в Интернете и при глобальном взаимодействии культур. Также процесс быстрого роста религиозности в России после эпохи атеизации в значительной степени объясняется гносеологическими компонентами тождества и совпадения теизма и атеизма. Гносеологические особенности теистического и атеистического мышления в их взаимосвязи позволяют согласовать различные мировоззренческие позиции субъектов образовательного процесса, особенно связанные с преподаванием социально-гуманитарных дисциплин.

Ключевые слова: теистическое мышление, атеистическое мышление, бог, материя, бытие, знак, символ.

THEISM AND ATHEISM: EPISTEMOLOGICAL IDENTITY IN DIFFERENCE

Sergey V. Porosenkov, Maria K. Shishkina

Perm State University

The epistemological study of the features of theistic and atheistic thinking outside the axiological and cultural-historical opposition of the corresponding worldview positions reveals the interaction and moments of identity of theism and atheism. The principle of academic objectivism minimizes the axiological dependence of the oppositions of theism and atheism. In the epistemological aspect, it allows for determining the interreliance between theism and atheism, identical anthropomorphic cognitive components in theistic and atheistic thinking, identical development of the oppositions of the general and singular to the extent of the original concepts of theistic and atheistic explanations of the world. The man's existential demand for the certainty of absolute being also leads to a similar process of rational expression of the theism and atheism principles. In this expression, a significant role is played by symbols that form the semantic field of rationalization of these principles. The moments of epistemological coincidence of the theism and atheism identity allow us to draw a conclusion about the possibility of positive productive interaction between the subjects of virtual communication on the Internet and global interaction of cultures. Moreover, the rapidly increasing religiosity in Russia after the era of atheization is largely explained by the epistemological components of

the identity and coincidence of theism and atheism. Epistemological features of theistic and atheistic thinking in the aspect of their relationship allow us to reconcile different worldview positions of the educational process subjects, especially the teaching of social disciplines and humanities.

Keywords: theistic thinking, atheistic thinking, God, matter, being, sign, symbol.

В истории человеческой культуры оппозиция теизма и атеизма многообразно проявлялась в познании, мировоззренческих ориентациях, политических процессах, философских дискуссиях. По словам Л.Н. Митрохина, «попытки величайших мыслителей всех времен объяснить тайны религиозного мироощущения, выразить его в непротиворечивой, рационально обоснованной форме, как правило, сопровождались изнурительными сомнениями и яростными спорами относительно ключевых догматов христианства, в том числе и конфронтацией атеистической и теистической позиций, которые (по крайней мере, на “цивилизованном” Западе) не завершились по сию пору» [Митрохин Л.Н., 1993, с. 17]. Такая оппозиция несет в себе высокую ценностную нагрузку. И сегодня в контексте этой оппозиции возникают актуальные вопросы, отражающие те или иные грани сложных социальных процессов, процессов познания, где имеет значение взаимодействие теистического и атеистического мышления.

Поколению людей, выросших в СССР, было бы трудно и, быть может, невозможно представить, что религия сместится с периферии в центр духовной сферы российского общества, а абсолютное большинство респондентов в социологических опросах будет определять свою мировоззренческую позицию как позицию верующих. Следовательно, возникают два взаимосвязанных вопроса. Во-первых, был ли в советском обществе массовый атеизм? Во-вторых, действительно ли в постсоветской России имеет место массовая религиозность?

В этих вопросах присутствует дилемма противоположных ценностных ориентаций, исторически сформировавшихся в мировоззрении и рационально выраженных в теологических, философских и политических учениях. Поскольку большинство конфессий в России оформилось в рамках теистических религий, то основанная мировоззренческая дилемма, подразумевающаяся в сформулированных выше вопросах, сводится к оппозиции принципов теизма и атеизма. Сравнение гносеологических особенностей мышления, основанного на этих принципах, от-

части может дать ответ, объясняющий столь быстрое по историческим меркам движение мировоззренческого маятника от атеизма к теизму.

Установить точное число верующих в России довольно сложно, поскольку на данный момент не разработан универсальный критерий, по которому можно делить респондентов на верующих и неверующих. Поэтому характеристику верующих можно давать только на основании опросов, вопросы в которых не всегда составлены корректно и не могут показать всей картины. С конца 90-х гг. XX в. произошел резкий рост религиозности, о чем свидетельствуют статистические данные социологических исследований ФОМ и Сектора социологии религии ИСПИ РАН, а также В.Ф. Чесноковой из книги «Тесным путем». В период с 1989 г. до середины 90-х гг. можно говорить об увеличении почти в два раза числа верующих: с 20–30 % верующих в 1988–1989 гг. до 50–60 % к 1995 г. В это же время снизилось количество атеистов (неверующих): с 50 % до 30 %. Согласно результатам социологических опросов, число респондентов, называющих себя православными, особенно резко выросло с 1991 по 1992 г. [Чеснокова В.Ф., 2005, с. 54]. Представляется, что это связано с крушением Советского Союза, с исчезновением советской идеологии, которая объединяла людей. В этот период людям было необходимо что-то, что могло бы помочь им идентифицировать себя, соотносить с другими. Так как в это время людей уже нельзя было назвать советскими, они снова стали русскими, а русский человек для большинства синонимичен православному человеку.

В 2004–2005 гг. рост уровня религиозности практически прекратился, появились признаки стабилизации числа православных верующих. В 2011 г. доля верующих составила 65 %, тогда как в 2004 г. она составляла 59 %. Проведенные исследования подтверждают тот факт, что доля опрошенных, причисляющих себя к православным, выше, чем доля людей, называющих себя верующими. Как уже отмечалось, это связано с тем, что респонденты соотносят себя скорее с православной культурой, чем с верой.

По данным опроса, проведенного американским исследовательским центром Pew в 2017 г., 71 % россиян исповедуют православие и 75 % населения России верит в Бога. В исследовании также приводятся данные о мусульманах — их 10 %. Кроме того, исследователи пришли к выводу, что в России и странах Восточной Европы большинство верующих связывают свое мировоззрение с национальной идентичностью [Куперман А. и др., 2017].

Также весьма значимым выступает сопоставление теистического и атеистического мышления в вопросе о многообразных взаимодействиях в мировом информационном пространстве, где общаются представители разных культур, религий, мировоззрений. Существуют ли гносеологические предпосылки позитивного взаимодействия субъектов интернет-общения, исходящие из принципов теизма и атеизма?

Не теряет актуальности и вопрос о сопоставимости принципов теизма и атеизма в образовательной деятельности. Реализация принципа светского образования в России при доминировании религиозной ориентации в духовной жизни общества и мировоззрении людей предполагает определение познавательных позиций, где соизмеримы принципы теизма и атеизма.

В культурно-историческом контексте альтернатива «теизм – атеизм» выглядит как жесткое противопоставление мировоззренческих и познавательных позиций. В связи с этим возникает вопрос о том, насколько эта альтернатива детерминирована именно познавательным процессом. Иначе говоря, относительно обособленно от аксиологической составляющей этой альтернативы можно выделить следующую проблему: гносеологические особенности теистического и атеистического мышления и наличие или отсутствие в этих особенностях совпадений и даже тождества. Рассмотрение этой проблемы позволит внести определенность в интерпретацию быстрых массовых переходов от теизма к атеизму и наоборот.

Философское исследование, которое не зависит от регулятивного воздействия как теизма, так и атеизма, может исходить из принципов агностицизма, скептицизма, а также выражать мировоззренческую индифферентность. Однако позитивное исследование теистического и атеистического мышления не приведет к значимым результатам, если будет исходить толь-

ко из принципа сомнения или отрицательного отношения к исследуемой предметной области. В философской литературе достаточно обоснована методологическая позиция, сохраняющая гносеологическую дистанцию по отношению к теизму и атеизму. Это методологическая позиция академического объективизма, выраженная в философских работах Ю.А. Кимелева. Он полагает, что только методологические подходы академического объективизма и нейтрализма «позволяют воздать должное очевидному факту плюралистичности философии религии» [Кимелев Ю.А., 1998, с. 3]. Методология академического объективизма имеет в виду исследование на основе законов и правил логики, определяющих пользование арсенала гносеологических и онтологических аргументов при ориентации на нейтральность по отношению к теизму и атеизму. Это означает элиминирование оценочных и деонтических суждений.

Атеистическое мышление, отрицая объективное существование бесконечной, вечной, духовной, личностной реальности, опирается на идею естественной целесообразности существующего мира, которая открывается человеку по мере прогресса познания. Тем не менее гносеологические особенности теистического мышления присущи и мышлению атеистическому. Во-первых, если иметь в виду материалистический вариант атеизма, то материя предстает в мышлении в качестве и всеобщего понятия, и понятия единичного. Как единичное понятие материя функционирует в мышлении, когда ей придается смысл единой и единственной субстанции. Так и в теистическом мышлении бог — это и всеобщее понятие, и понятие единичное, если речь идет о принципе монотеизма. То есть общая гносеологическая особенность теистического и атеистического мышления заключается в том, что в познании на рациональном уровне разворачивается и воспроизводится антиномия общего и единичного в объеме исходного понятия.

Во-вторых, как в теистическом мышлении понятие «бог» обозначает абсолютное бытие, так и в атеистическом мышлении понятие «материя» обозначает абсолютное бытие. Абсолютное основание познания в аспекте собственного уникального понимания бытия и в аспекте всеобщего объяснения существующего мира необходимо для рационального системно-

го отношения разума ко всему, что доступно познанию. Абсолютность бытия, приписываемая богу в теистическом мышлении или материи в атеистическом мышлении, может быть реализацией экзистенциальной потребности или основанием методологии, но в том и другом случае процесс рационализации познания приобретает определенность.

В эпоху неклассической рациональности плюрализм всеобщих объяснений мира, которые основываются на несоизмеримых друг с другом способах понимания абсолютности бытия, поставил под вопрос вообще саму возможность монистического мировоззрения, как и возможность единой религиозной или единой научной картины мира. Поэтому оппозиция теистического и атеистического мышления включена в этот растущий плюрализм, но вместе с тем эти формы понимания и объяснения мира содержат общий гносеологический источник, заключающийся в потребности и способности человека понять и объяснить все существующее из некоторого абсолютного основания бытия.

В-третьих, общей гносеологической особенностью теистического и атеистического мышления выступает большая или меньшая мера проявления антропоморфизма. Если говорить исключительно формально-логически, то теология и атеизм дистанцируются от проявлений антропоморфизма в познании. Материалисты могут сказать, что, например, признание у материи способности порождать новое подразумевает чисто объективный смысл и что понятие «способность» берется лишь как формально антропоморфное. Однако необходимость мыслить материю как единичное понятие, имея в виду принцип материального единства мира, и подразумевать наличие именно способности придает материи те же черты тотальной субъектности, которая содержится в теистическом мышлении. Точно так же и теологии, отрицая антропоморфизм в познании бога, никуда не уходят от соответствующих антропоморфных экстраполяций. Крайняя форма отрицания антропоморфизма в теистическом мышлении представлена диалектической теологией К. Барта. Барт отвергает «естественную теологию» во всех ее вариантах: «...от разума к вере, от философии к теологии, от человека к Богу нет и не может быть перехода. Бог на небе, а человек на земле, между ними — непроходимая пропасть» [Барт К., 2010,

с. 218]. Диалектическая теология основывается на идее о том, что бог всегда иной по отношению ко всем возможностям человеческого познания. Однако диалектическое мышление понятий, как и отрицание человеческих возможностей, осуществляется человеком. В этом смысле и диалектическая теология сохраняет антропоморфные элементы мышления.

Наиболее сложно в рамках философии религии сохранить позицию нейтральности при изучении теизма и атеизма, когда речь идет о проявлении через изучаемую оппозицию политических, правовых, идеологических и различных субъективных интересов. Регулятивное воздействие принципов теизма и атеизма на процесс познания проявляется в том, что формируемые знания, концепции оказываются оцененными. Процессы оценки с позиций теизма и атеизма во взаимодействии с политическими, правовыми, идеологическими ценностями вовлекают исследователя, а философия религии превращается в ценностно-ориентированное познание. Вовлеченность исследователей в такие оценочные процессы снижает научную значимость получаемых знаний. Поэтому универсальная философская рефлексия относительно собственных ценностных ориентаций исследователя, предполагающая гносеологическую дистанцию по отношению к ценностям, определяет объективный характер изучения теизма и атеизма. Исследователь, будучи вовлеченным в те или иные политические или идеологические процессы, занимает те или иные социальные позиции при реализации универсальной философской рефлексии, принимает условность философского понимания религии вне ценностных регулятивов.

Академический объективизм и нейтральность по отношению к оппозиции теизм-атеизм не означает исключения познания ценностей, но предполагает признание принципа аксиологического плюрализма. Аксиологический плюрализм в объективном подходе к теизму и атеизму предполагает признание аксиологического равенства всех форм религиозного и атеистического мышления при условии их соответствия общечеловеческим ценностям. Плюрализм философских концепций «ведет к плюрализму философских концепций религии, которые демонстрируют качественную несоизмеримость онтологических и аксиологических объяснений ре-

лигии» [Поросенков С.В., 2010, с. 73]. Это значит, что ценностные системы, с которыми связаны формы теизма и атеизма, самодостаточны и в этом смысле равны. Следует отличать этот подход от постмодернистского уравнивания всех возможных ценностей вообще. Принцип аксиологического плюрализма в объективном подходе к теизму и атеизму не отрицает значения для каждого человека его личной веры, его нуминозного отношения к ценностям. Но именно философское исследование, опирающееся на принцип академического объективизма, предполагает и личную веру, и нуминозное отношение к ценностям предметом категориального анализа, где применяются философские принципы, а не эмпирические правила повседневной личной или общественной жизни.

Когда ценности, взаимодействующие с оппозицией теизм-атеизм, становятся предметом философского исследования, то формируемые в таком исследовании оценочные суждения относятся не к теизму или атеизму вообще, а к некоторым смысловым полям, образуемым определенными категориями рассматриваемой оппозиции. Так понятие монотеизма определяет в рамках теистического мышления смысловое поле единственной, несотворенной, вечной, бесконечной, духовной, личностной реальности. Оценочные суждения в рамках этого смыслового поля могут касаться понимания единственности бога в христианстве, иудаизме, брахманизме, исламе. Эти оценочные суждения могут раскрывать степень явного или скрытого влияния политеизма на понимание монотеистичности в различных религиях. Сравнения и оценки меры монотеистичности в данном случае ограничиваются смыслом принципа монотеизма.

Универсальной философской рефлексией в познании оппозиции теизм-атеизм, обусловлено исходное понимание бытия и тем самым превращение философа в субъекта таких логических высказываний, где проявляется динамичное дистанцирование от их ценностного содержания. В этом дистанцировании реализуется автономность философского познания по отношению к ценностным регулятивам религии, искусства, политики, права. Философия, как особый род познания, не сводима к этим явлениям культуры, а значит, соответствующим верованиям, убеждениям, нормам, ценностным ориентациям.

Ключевым понятием в теистических высказываниях является понятие «бог». Для европейских народов этот термин со временем стал основным и вместе с тем наиболее часто употребляемым. Бог как исходное понятие, закрепившись в том или ином языке, начинает проявлять себя как конечную языковую структуру. Это демонстрируется, например, при осуществлении таких функций языка, как информационная, эмоционально-побудительная, а также регулятивная.

Поскольку принцип монотеизма имеет в виду единственную и самотождественную бесконечную личностную реальность, постольку в монотеистических высказываниях слово «бог» приобретает значение имени «Бог». Имя в данном случае понимается и используется не в виде знаковой формы, оторванной от предметного содержания. Теология на протяжении всей своей истории обосновывает сопряженность всех значений слов естественного языка с именем бога. Имя Бог для субъекта теистического мышления является основанием психолингвистического самоопределения, так как служит объединяющим символом в диалоге между людьми и в диалоге человека с самим собой.

Законы формальной логики действуют в теистическом мышлении при использовании связки «есть» в суждениях и умозаключениях. Но существенной особенностью теистических высказываний является модальная нагруженность связки «есть». В теистических высказываниях связка «есть» подразумевает долженствование и оценку, некоторую принудительность предписания и оценки в значениях, которыми оперирует мышление. Чтобы своеобразие данных логических особенностей теистического мышления было более понятно, следует выяснить логическую специфику слова и понятия «бог».

Несмотря на различные трактовки понятия «бог» теми или иными направлениями теологии, общим для них является признание для этого понятия в качестве необходимого признака признак «существование». Фома Аквинский специально рассматривает эту особенность понятия «бог». «...Бог есть не только своя же сущность, но и свое же существование... Его сущность есть Его же существование» [Аквинский Ф., 2002, с. 35]. Следовательно, логика теистических высказываний, оперируя понятием «бог», подразумевает в связке

«есть» не формальное указание на простое наличие бога, а указание на абсолютное существование. Поэтому и такие функции связи «есть», как функция отождествления субъекта и предиката, функция связи субъекта и предиката, совмещены с признанием абсолютного существования понятия «бог».

Отмеченная особенность понятия «бог» связана с динамикой объема этого понятия в теистическом мышлении. Понимание бога в качестве творца всего сущего определяет мышление о нем как о понятии, включающем в себя объем всех понятий, образованных через обобщение предметных областей сотворенного существующего мира. В этом смысле понятие «бог» в теистическом мышлении выступает как предельно общее понятие. Разрабатывая онтологическое доказательство, Ансельм Кентерберийский определяет понятие «бог» следующим образом: «Бог есть то, более чего нельзя ничего помыслить» [Кентерберийский А., 1995, с. 141]. Д.В. Пивоваров так анализирует доказательство Кентерберийского: «...то, более чего нельзя помыслить, необходимо должно пребывать и в мысли, и в действительности. Если Бог это абсолютное совершенное Существо, то среди всех атрибутов Бога непременно должно быть также и бытие. То, что нельзя помыслить небытие Бога, составляет одно из Его свойств. Из понятия совершенства вытекает наличие всего, в том числе и бытия; следовательно, Бог есть» [Пивоваров Д.В., 2006, с. 178].

Динамика объема понятия «бог» в теистическом мышлении заключается в том, что наряду с тем, что бог наиболее общее понятие, оно вместе с тем понятие единичное. В иудаизме, христианстве, исламе утверждается, что бог один. И если один, он единственен, он поименован, то это значит, что бог — единичное понятие. Его объем включает только один элемент. Со времен Платона и Аристотеля известно, что в мышлении человека реализуется две сопряженные операции: обобщение понятий и ограничение понятий. Операция обобщения приводит к формированию наиболее общих понятий, включая философские категории, а операция ограничения ведет к формированию единичных понятий. В теистическом мышлении понятие «бог» функционирует в единстве противоположных операций ограничения и обобщения, причем в некоторых предельных вари-

антах. Предельная общность понятия «бог» ведет к отождествлению бога и бытия. А предельная единичность понятия «бог» ведет к идее предметной воплощенности бога в виде отдельного существа.

Отождествление понятия «бог» в предельно общем значении с понятием «бытие» многократно встречалось и встречается в теологии и религиозной философии. Как в онтологическом доказательстве А. Кентерберийского бытия бога, именно предельность обобщения приводит к отождествлению бога и бытия. А. Кентерберийский, осуществляя доказательство бытия бога, предполагал, что бог — это то, больше чего нельзя представить или помыслить. Идея А. Кентерберийского о том, что бог, это то, более чего нельзя ничего помыслить, содержит операциональный смысл, некоторую открытость в бесконечность операций обобщения понятий. Между тем часто этот операциональный смысл подменяют предметным смыслом: «Бог есть совокупность всех совершенств» [Кентерберийский А., 1995, с. 159]. При опровержении доказательства бога А. Кентерберийским часто не замечают, что он доказывает существование бытия, а не существования бога.

На это обстоятельство обратил внимание С.Л. Франк «Истинный и поучительный недостаток онтологического доказательства состоит совсем не в том, что он не в состоянии убедительно доказать свой тезис, а в том, что сам этот тезис остается двусмысленным. А именно, пытаясь доказать “|бытие” Бога, он проникает только до безусловного бытия и должен как-то отождествить Бога с последним» [Франк С.Л., 1990, с. 459].

Однако одновременно с этими особенностями нужно определить смысл понятия «бог» как символа. Так, например, П. Рикер считал, что под символом понимается «всякая структура значения, где один смысл, — прямой, первичный, буквальный, означает одновременно и другой смысл, косвенный, вторичный, иносказательный, который может быть понят лишь через первый. Этот круг выражений с двойным смыслом составляет собственно герменевтическое поле» [Рикер П., 1995, с. 18]. Или, иными словами, символ — знак с избыточным значением. К.А. Свасьян изучил множество исследований и выделил смыслопорождающую функцию символа: он выступает «в качестве всеобъ-

емлющего и собирательного понятия» [Свасьян К.А., 2000, с. 54]. Особенности символа следует принимать во внимание при исследовании теистических высказываний, так как бог — это всеобъемлющий символ для субъекта этих высказываний. При этом следует различать бинарные оппозиции знак-значение и символ-смысл. Оппозиция знак-значение ведет мышление к завершенности однозначности интерпретаций. Оппозиция «символ–смысл» направляет человеческое мышление за границы однозначных предметных интерпретаций, ведет к пониманию внепредметной целостности сущего. Когда бог как символ привлечен к диалогу и стороны диалога будут сводить его смысл к какой-то абсолютной завершенности, то неявно произойдет реинтерпретация символа в знак. Сохранение символической функции понятия «бог» в теистическом мышлении предполагает открытость его смысла бесконечному числу значений. Бог как символ ориентирует теистическое мышление не только на осознание некоторой интеграции всех значений существующего, но и на сопряженность с этим процессом экзистенциального самопонимания. Мышление на основе атеизма, так же, как и теистическое мышление, может опираться на исходное понятие, выполняющее символическую функцию. Так, материалистический вариант атеистического мышления в таком качестве опирается на категорию «материя». Признание бесконечности материи для атеистического мышления открывает смысловое поле интеграции всех предметных значений существующего мира. Формально в гносеологическом отношении через символический смысл всеобщих понятий нивелируется различие теистического и атеистического мышления о мире.

Глубокая связь принципов теизма и атеизма в человеческом познании является для философии религии основой выхода за рамки противопоставленности мировоззрения субъектов, стоящих на той или иной позиции. Это позволяет изучить действительную роль в познании этих способов понимания всего существующего. И. Ньютон руководствовался принципом теизма при обосновании всеобщности топологических и метрических свойств математического времени и математического пространства. Как пишет П.П. Гайденко, «налицо пантеистическая тенденция в ньютоновской натур-

философии, тенденция к сближению Бога и мира» [Гайденко П.П., 2003, с. 184]. Всеобщность математических формул по отношению к физической реальности обретала смысл, т.к. для И. Ньютона изначально единство мира было обусловлено единым источником его бытия. Вместе с тем автономность причинных и функциональных связей физических процессов, включая вопрос о собственной природе центростремительной силы во всех телах (так именовал И. Ньютон силу тяготения), не исключается, а, наоборот, подлежит изучению на основе возможностей человеческого разума.

С универсальной философской позиции можно также обосновать единство физической реальности и всеобщность топологических и метрических свойств пространства и времени на основе идеи материального единства мира, которая исключает допущение существования бога и представляет собой реализацию принципа атеизма. Как теизм, так и атеизм выполняют и могут выполнять конструктивную роль в научном познании. Разумеется, план сопоставления принципов теизма и атеизма как регуляторов научного познания не следует путать с различием религиозной и научной картины мира. Картины мира исторически преходящи и насыщены разнообразным содержанием, несущим в себе отпечаток конкретно-исторических условий, различий темпов изменения тех или иных компонентов мира. В частности, совершенно очевидно, что темп изменения содержания научных картин мира несоизмеримо более высок, чем темп смены содержания религиозных картин мира.

В изучении концепций религий гносеологическое уравнивание принципов теизма и атеизма позволяет избежать односторонних оценок и неконструктивного отрицания одних концепций на основе других. Возможным становится и адекватное воспроизведение принципов познания и связи категорий, реализованных в той или иной концепции.

Итак, во-первых, гносеологические особенности теистического и атеистического мышления определяют не только их содержательное противопоставление и взаимное отрицание, но и взаимополагание, неявное воспроизведение друг в друге. Во-вторых, теистическое и атеистическое мышление в различной форме реализуют один и тот же процесс антропоморфности

познания, поэтому в мировоззрении человека, в теоретической части мировоззрения конфессиональных групп, в атеистических учениях содержатся общие познавательные компоненты. В-третьих, общая гносеологическая особенность теистического и атеистического мышления в том, что разворачивается и воспроизводится антиномия общего и единичного в объеме исходного понятия. В-четвертых, как на основе принципа теизма, так и на основе принципа атеизма реализуется экзистенциальная потребность в выражении абсолютности бытия и его рациональной определенности. Исходя из вышесказанного, можно заключить, что при глобальном взаимодействии культур, общении в Интернете субъекты общения, воспроизводящие для объяснения мира принципы теизма и атеизма, не противопоставлены друг другу в каком-то исключительно взаимоотрицающем смысле. Также процесс роста религиозности после эпохи атеизации в России за последние десятилетия не является чем-то необычным и исключительным, т.к. точки взаимоположения принципов теизма и атеизма в мировоззрении сыграли роль гносеологической основы перехода к массовой религиозности.

И последний вывод, касающийся преподавания социально-гуманитарных дисциплин, где существенно значимым является воспроизведение культурно-исторических различий, в том числе различий между теистическим и атеистическим мировоззрениями. Гносеологические особенности теистического и атеистического мышления в аспекте их взаимосвязи позволяют согласовать различные мировоззренческие позиции субъектов образовательного процесса, найти основы взаимопонимания на фоне плюрализма мировоззрений.

Список литературы

- Аквинский Ф. Сумма теологии. М.: Элькор-МК, 2002. Ч. 1. 560 с.
- Барт Карл // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. 1. С. 217–219.
- Гайденко П.П. Научная рациональность и философский разум. М.: Прогресс–Традиция. 2003. 528 с.
- Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н.О. Лосского. М.: Мысль, 1994. 591 с.
- Кентерберийский А. Прослогион // Ансельм Кентерберийский. Сочинения. М.: Канон, 1995. С. 123–165.

Кимелев Ю.А. Философия религии: систематический очерк. М.: Изд. дом «Nota Bene», 1998. 424 с.

Куперман А., Сайгал Н., Шиллер А. Религия и национальная принадлежность в Центральной и Восточной Европе. Вашингтон: Pew Research Center, 2017. 52 с.

Митрохин Л.Н. Философия религии. М.: Республика, 1993. 416 с.

Пивоваров Д.В. Философия религии. Екатеринбург: Деловая книга, 2006. 640 с.

Поросенков С.В. Теизм и атеизм в определении предмета философии религии // Религиоведение. 2010. № 3. С. 73–80.

Поросенков С.В. Философия религии. Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2006. 114 с.

Рикер П. Конфликт интерпретаций: очерки о герменевтике. М.: Медиум, 1995. 415 с.

Свасьян К.А. Проблема символа в современной философии. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 2000. 200 с.

Франк С.Л. Непостижимое // Франк С.Л. Сочинения. М.: Правда, 1990. С. 181–559.

Чеснокова В.Ф. Тесным путем: процесс воцерковления населения России в конце XX века. М.: Академ. проект, 2005. 297 с.

Получено 15.07.2020

References

- Aquinas, T. (2002). *Summa teologiae* [Summa theologiae]. Moscow: Elkor-MK Publ., pt. 1, 560 p.
- Barth Karl (2010). *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t.* [New philosophical encyclopedia: in 4 vols]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 1, pp. 217–219.
- Canterbury, A. (1995). *Proslogion* [Proslogion]. *Sochineniya* [Works]. Moscow: Kanon Publ., pp. 123–165.
- Chesnokova, V.F. (2005). *Tesnym putem: protsess votserkovleniya naseleniya Rossii v kontse 20 veka* [Close way: the process of church formation of the Russian population at the end of the 20th century]. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., 297 p.
- Cooperman, A., Sahgal, N. and Shiller, A. (2017). *Religiya i natsional'naya prinadlezhnost' v Tsentral'noy i Vostochnoy Evrope* [Religious belief and national belonging in Central and Eastern Europe]. Washington: Pew Research Center Publ., 52 p.
- Frank, S.L. (1990). *Nepostizhimo*e [The incomprehensible]. *Sochininiya* [Works]. Moscow: Pravda Publ., pp. 181–559.

Gaydenko, P.P. (2003). *Nauchnaya ratsional'nost' i filosofskiy razum* [Scientific rationality and philosophical mind]. Moscow: Progress Publ., 528 p.

Kant, I (1994). *Kritika chistogo razuma. Per. s nem. N.O. Losskogo* [Critique of pure reason. Trans. from Germ. by N.O. Lossky]. Moscow: Mysl' Publ., 591 p.

Kimelev, Yu.A. (1999). *Filosofiya religii: sistematicheskiy ocherk* [Philosophy of religion: a systematic essay]. Moscow: Nota Bene Publ., 424 p.

Mitrokhin, L.N. (1993). *Filosofiya religii* [Philosophy of religion]. Moscow: Respublika Publ., 416 p.

Pivovarov, D.V. (2006). *Filosofiya religii* [Philosophy of religion]. Yekaterinburg: Delovaya Kniga Publ., 640 p.

Porosenkov, S.V. (2006). *Filosofiya religii* [Philosophy of religion]. Perm: PSTU Publ., 114 p.

Porosenkov, S.V. (2010). *Teizm i ateizm v opredelenii predmeta filosofii religii* [Theism and atheism in defining of philosophy of religion subject]. *Religiovedenie* [Study of Religion]. No. 3, pp. 73–80.

Riker, P. (1995). *Konflikt interpretatsiy: ocherki o germeneytike* [Conflict of interpretations: essays on hermeneutics]. Moscow: Medium Publ., 415 p.

Svasyan, K.A. (2000). *Problema simvola v sovremennoy filosofii* [The problem of symbol in modern philosophy]. Erevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR Publ., 200 p.

Received 15.07.2020

Об авторах

Поросенков Сергей Владимирович

доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: svp53@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2331-8276>

Шишкина Мария Константиновна

аспирант кафедры философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: mshishkina34@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4427-3639>

About the authors

Sergey V. Porosenkov

Doctor of Philosophy, Docent,
Professor of the Department of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: svp53@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2331-8276>

Maria K. Shishkina

Ph.D. Student of the Department of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: mshishkina34@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4427-3639>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Поросенков С.В., Шишкина М.К. Теизм и атеизм: гносеологическое тождество в различии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 4. С. 560–568.

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-4-560-568

For citation:

Porosenkov S.V., Shishkina M.K. [Theism and atheism: epistemological identity in difference]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 4, pp. 560–568 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2020-4-560-568

УДК 130.2:008

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-4-569-578

ЭСТЕТИЗАЦИЯ ОБРАЗА АНДРОГИНА В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Изрина Светлана Олеговна

Санкт-Петербургский государственный университет

Рассматриваются приемы эстетизации образа андрогина в качестве одного из способов андрогинизации современной культуры. Понимание феномена андрогинии обсуждается преимущественно в контексте изучения вопросов гендерной идентичности и базируется на психологической концепции Сандры Бем, которая доказала, что человек вне зависимости от собственного биологического пола способен сочетать феминные и маскулинные психологические характеристики и модели поведения, что позволяет индивиду максимально эффективно адаптироваться в социуме, выбирая, какие именно качества проявлять в зависимости от ситуации. Некоторые исследования фиксируют доминирование андрогинного типа гендерной идентичности среди молодежи, что, возможно, свидетельствует о процессе андрогинизации¹ в обществе. Андрогинизация происходит на различных социокультурных уровнях: на профессиональном, экономическом, культурном, психолого-педагогическом. Более того, некоторые исследователи наблюдают мировую тенденцию формирования андрогинного типа гендерной идентичности, а также анализируют процесс андрогинизации в русле цивилизационного подхода. В настоящей работе интерес представляет изучение одной из граней этого глобального процесса андрогинизации: влияния художественного кинематографического произведения на положительную рецепцию андрогинии в обществе через моделирование эстетически привлекательного образа андрогина. В качестве иллюстративного материала был выбран образ главного героя фильма-экранизации одноименного романа Вирджинии Вулф «Орландо» режиссера Салли Поттер (1992).
Ключевые слова: андрогин, андрогиния, андрогинизация, трансгендерный переход, гендер, гендерные исследования, небинарный гендер, эстетизация, кинематограф, современная культура.

AESTHETIZATION OF THE IMAGE OF ANDROGYNE IN MODERN CULTURE

Svetlana O. Izrina

Saint Petersburg State University

The article discusses the methods of anesthetization of the image of androgyne as one of the ways of androgyneization of modern culture. A modern understanding of the phenomenon of androgyne is mainly considered in the context of gender identity. It is based on the psychological concept of Sandra Bem that has proved that a person, regardless of his or her biological sex, is able to combine feminine and masculine psychological characteristics and behavior models. That allows them to become more adaptive in society and act as efficiently as possible, choosing exactly what qualities to show depending on the situation. Some studies have noticed the dominance of the androgynous type among the youth, which possibly indicates the intensification of the androgyneization process in modern society. Androgyneization goes at various social and cultural levels: professional, economic, cultural, psychological and pedagogical. More-

¹ Под процессом андрогинизации понимается социокультурная тенденция сближения, взаимопроникновения и в конечном счете отождествления «мужского» и «женского», «феминного» и «маскулинного».

over, some researchers observe the trend of formation of androgynous gender identity type. They also consider the process of androgynization in line with the civilizational approach. The present study focuses on analyzing one of the aspects of this global androgynization process — the effect of an art cinema work on the positive reception of androgyny in society through modeling of an aesthetically attractive androgynous image. As an illustration the author chose an image of the main hero in «Orlando» movie (1992) directed by Sally Potter.

Keywords: androgyne, androgyny, androgynization, transitioning, gender, gender studies, non-binary gender, aesthetization, cinematograph, modern culture.

*Same person. No difference at all.
Just different sex.*

Orlando

Кинематограф — новаторское искусство XX в., в полной мере отражающее специфику времени. Леонид Наумович Столович точно описал природу кинопроизведения, которое «представляет собой единство четырех процессов: в нем создается новая реальность, которая отражает объективную действительность, выражает субъективно-личностный мир художника и передает свое духовное содержание реципиенту» [Столович Л.Н., 1985, с. 54]. Аналогичным образом можно выявить закономерность взаимовлияния кинематографа и культуры: создание экранного художественного произведения обусловлено наблюдениями за социокультурными событиями, в свою очередь, кинофильм создает альтернативную реальность и репрезентует ее (целенаправленно или косвенно) как «идеальную», тем самым конструируя культурные тренды эпохи. Одним из таких культовых произведений эпохи стал фильм-экранизация одноименного романа Вирджинии Вулф «Орландо» (реж. Салли Поттер, 1992 г.)².

Социокультурный контекст «Орландо»

Любое художественное произведение является продуктом соответствующей эпохи (оно вписано в определенный социокультурный контекст и им же обусловлено), поэтому нам представляется логичным для начала воссоздать ту самую социокультурную парадигму, частью которой органично стал релиз фильма «Орландо». Антропологический поворот в культуре XX в.

задал новые аксиологические ориентиры, базирующиеся на идее «самоценности жизни, индивидуальности и свободы» [Конев В.А., 2014, с. 5]. В условиях динамично развивающейся реальности под влиянием интенсивных социальных кризисов возникла устойчивая потребность обращения к вопросам идентичности³, идентификации и самоидентификации в контексте парадигмы «человек и общество», а также взаимодействия человека с самим собой. Крайне остро проявилась потребность поиска новых форм и способов самовыражения, а также каналов взаимодействия с окружающими людьми.

Проблематикой дискурса идентичности заинтересовались также представители нового научного направления — *гендерные исследования*⁴ (конец XX – начало XXI вв.), которые эффективно интегрировали гендерный подход в методологическое и предметное поле различных

³ В научный дискурс термин «идентичность» ввел американский психолог Э. Эриксон в середине XX в., предлагая различные ракурсы его рассмотрения [Эриксон Э.Г., 1996]. Фактически, идентичность является результатом обретения субъективной целостности индивида, складывающейся в процессе взаимодействия с внешней средой (интеграции в социокультурное поле). В современном социокультурном контексте вокруг понятия «идентичность» образовано проблемное поле, обусловленное необходимостью поиска способов преодоления кризиса идентичности современного человека, вызванного утратой возможности получения непрерывного личностного опыта, и решения ряда социальных и культурных задач, связанных с данной проблематикой (соответствия человека и культуры, в том числе и проблемы гендерной идентичности). Подробнее см.: [Сапожникова Р.Б., 2005].

⁴ Ядром дискурса гендерных исследований является введенный в середине XX в. американским психологом Джоном Мани (John William Money) термин «гендер» (англ. *gender* от лат. *genus* «род») для различения биологических половых характеристик и полоролевых моделей социального воспитания [Money J.W., Ehrhardt A.A., 1972]. Сегодня под гендером преимущественно понимают «социальный пол», т.е. совокупность психолого-социальных характеристик индивида, соответствующих фемининной, маскулинной или иным моделям поведения в обществе. Подробнее о гендерных исследованиях см.: [Костикова И.В. и др., 2005, с. 52–73].

² Сразу оговоримся, что будем рассматривать экранизацию как самостоятельное художественное произведение, не учитывая особенностей литературного текста и замысла автора романа.

дисциплин, что способствовало развитию междисциплинарного характера гендерологии и значительно расширило круг научных задач. Сегодня актуальными являются исследования гендерной идеологии разных эпох (в историческом, антропологическом и экономическом ключе), изучение социологии гендера (принципов дифференциации гендерных ролей обществе, а также механизмов социокультурного конструирования гендера), гендерной лингвистики (закономерностей и результатов формирования языковых различий между полами в результате культурных и социальных воздействий), гендерной психологии (психология гендерных различий) и педагогики (гендерной социализации детей). Проблематика гендерных исследований затронула и область эстетики, которая по своей сути имеет междисциплинарный характер. Феминистская эстетика (впоследствии — гендерная эстетика) — философское направление, которое изучает механизмы влияния гендерных факторов на формирование представлений об искусстве, художниках и эстетической ценности. Интерес представляет также обратный процесс: влияние культурных и социальных факторов на формирование эстетических взглядов субъекта с целью формирования и укрепления норм и определенных предпочтений. На ранних этапах анализу подвергались нормы, регулирующие внешность женщины, а позднее актуализировались вопросы эстетического восприятия людей с ограниченными возможностями и представителей небинарного гендера [Korsmeyer C., 2020]. О последних мы поговорим далее.

Вопросами гендерной идентичности в рамках создания альтернативной теории пола озадачились и представители постструктуралистской феминистской мысли. Ряд исследователей (Джудит Батлер, Аннамари Ягосе и др.) в конце 1990-х гг. создают альтернативную гендерную теорию, сформированную под влиянием идей Мишеля Фуко, и называют ее квир-теория (англ. *queer* — «странный, другой»)⁵. Главная мысль заключалась в том, чтобы продемонстрировать

альтернативы жесткой бинарной системе гендера («мужское» vs «женское»). В этой связи вводится понятие «третий пол» («третий гендер», «иной пол»)⁶. Особое внимание в данной статье будет уделено андрогинии как центральному феномену, составляющему основу явления гендерной небинарности.

Современное понимание феномена андрогинии рассматривается преимущественно в контексте изучения вопросов гендерной идентичности и базируется на психологической концепции Сандры Бем [Bem S.L., 1974, 1978], которая доказала, что человек вне зависимости от собственного биологического пола способен сочетать феминные и маскулинные психологические характеристики и модели поведения, что позволяет индивиду максимально эффективно адаптироваться в социуме, выбирая, какие именно качества проявлять в зависимости от ситуации. Некоторые исследования фиксируют распространенность андрогинного типа гендерной идентичности среди молодежи [Великанова Л.П., 2008; Шишлова Е.Э., 2014], что свидетельствует об активизации процесса андрогинизации в обществе. Андрогинизация происходит на различных социокультурных уровнях: на профессиональном (например, разрабатывается теория андрогинного менеджмента А. Сарджента, определяющая эффективное лидерство через синтезирование наиболее продуктивных качеств обоих полов; наблюдается пересмотр «женских» и «мужских» профессий на основании востребованности тех или иных гендерных свойств личности без ориентации на биологический пол), экономическом (андрогинный типаж активно эксплуатируется с целью продвижения товаров и услуг), культурном (андрогинные персонажи все чаще становятся объектами художественной

⁵ Проблемное поле альтернативной теории пола было определено Дж. Батлер в работе «Гендерная тревога: феминизм и ниспровержение идентичности» [Butler J., 2006], тогда как теоретическая концепция была сформулирована А. Ягосе в книге «Введение в квир-теорию» [Jagose A., 1996].

⁶ Дж. Батлер уделяла особое внимание структуре гендерной идентичности: философ разработала теорию перформативного гендера, в которой утверждала, что жесткие рамки гендерных моделей навязываются властью, культурой и обществом через многократное и регулярное повторение шаблонов речевых актов и моделей поведения, детерминированных социумом как мужские и женские. Таким образом, обнаружить у человека однородную гендерную идентичность невозможно, поскольку с раннего детства мы попадаем под внешнее влияние. Более того, гендерная идентичность является неопределяемой и изменчивой, так как человек склонен выбирать те или иные гендерные модели в зависимости от ситуации и постоянно вновь конструировать собственную идентичность [Butler J., 2006].

рефлексии [Свиридова И.О., 2019], индустрия моды создает одежду и аксессуары линейки «унисекс»), психолого-педагогическом (исследуются механизмы гендерной социализации и разрабатываются технологии обучения с учетом индивидуальных гендерных особенностей [Клецина И.С., 1998]). Более того, некоторые исследователи прослеживают мировую тенденцию формирования андрогинного типа гендерной идентичности [Риккер Ю.О., 2013], а также анализируют процесс андрогинизации в русле цивилизационного подхода [Ерошенко Т.И., 2007].

Эстетизация андрогинного образа главного героя «Орландо»

Тема гендерной идентичности личности, а также сущность феминности и маскулинности в творчестве Вирджинии Вулф активно изучается исследователями на примере романа «Орландо» [Денисова И.В., 2014]. Активно ведутся дискуссии о жанровой природе данного произведения [Колотов А.А., 2000; Кияшко С.В., 2012], а также анализируется образ Орландо, в том числе как воплощение inferнальной души [Коробкина Е.Н., 2017, с. 117]. Не менее резонансным стало обсуждение фильма-экранизации романа В. Вулф «Орландо» режиссера Салли Поттер (1992) как в сопоставлении с оригиналом, так и в качестве самостоятельного произведения. Наиболее развернутым анализом фильма, по нашему мнению, является эссе Джулианны Пиддак «Travels with Sally Potter's Orlando: Gender, Narrative, Movement» («Путешествие с “Орландо” Салли Поттер: гендер, повествование, движение», пер. наш. — *С.И.*), в котором автор раскрывает смысловые пласты кинонарратива и прослеживает повествовательные линии с учетом исторического (колониального и постколониального), идеологического (феминистского) и художественного контекстов [Pidduck J., 1997]. В русле феминистской теории фильм анализирует также Сюзан Уоткинс [Watkins S., 1998], тогда как Сюзанна Феррис и Кетлин Уэйтс рассматривают художественное произведение как часть постмодернистской традиции [Ferriss S., Waites K., 1999]. Мы же обратимся к отдельному кинематографическому образу главного героя «Орландо» и проанализируем способы эстетизации андрогинности на его примере.

Для начала хочется отметить жанр кинокартины — драма⁷. Выбор жанра подчеркивает актуальность и злободневность проблемы поиска собственной гендерной идентичности, решением которой занимается главный персонаж Орландо на протяжении всего повествования. Сюжет фильма построен на всестороннем рассмотрении темы формирования гендерной идентичности через диахронический и синхронический анализ. Картину можно назвать фрагментарной, но не дискретной. Зрителю демонстрируются различные пути достижения синтеза, обретения героем целостности и гендерной идентичности.

Внутреннему пути героя вторит структура кинотекста. Во-первых, режиссер использует прием парцелляции художественного текста, выделяя семь самостоятельных фрагментов, каждый из которых имеет свое название. Каждый эпизод символизирует начало нового смыслового этапа и символически указывает на социальные инструменты (обстоятельства), с помощью которых Орландо пытается конструировать собственную идентичность⁸. В большинстве случаев герой, попадая в тот или иной социальный контекст, отвергает его (т.е. идентификация происходит через отрицание), тогда как в некоторых случаях он проходит обряд инициации. Прием парцелляции можно сравнить с техникой монтажа, в которой «два каких-либо куска, поставленные рядом, неминуемо соединяются в новое представление, возникающее из этого сопоставления как новое качество» [Эйзенштейн С.М., 2016, с. 5]. При этом стоит отметить, что благодаря высокохудожественной операторской работе у зрителя, в отличие от самого героя, не возникает столь острого конфликта между внутренним и внешним: в качестве доминирующих цветов выбираются контрастные пастельные тона, которые обращают внимание на некое противоречие (неявный сюжетный конфликт), однако, будучи

⁷ В отличие от романа В. Вулф, который преимущественно считается биографической сатирой.

⁸ Здесь следует отметить, что членение на главы присутствует в самом романе В. Вулф (там их 6), однако парцелляцию режиссера можно в некотором смысле считать авторской, поскольку С. Поттер выделяет 7 самостоятельных частей и выносит в заглавие ведущую тему каждого эпизода, тем самым меняя смысловую структуру исходного романного повествования.

приятными глазу, создают целостную картину. Таким образом, фрагментарность работает на реализацию основной идеи: из эпизодов складывается непрерывное повествование, вместе с тем как Орландо собирает свою личность по частям и в итоге обретает целостность.

Во-вторых, продолжительность истории составляет 350 лет⁹, что позволяет подчеркнуть вневременной и универсальный характер темы и рассмотреть проблему в диахронии (как временной, так и пространственной): повествование начинается в Британии в эпоху королевы Елизаветы I («Смерть»), продолжается во время Великих морозов 1607 г. в Лондоне («Любовь»), далее — 1650 г., в поместье лорда Орландо («Поэзия»), после перемещается в Константинополь 1700 г. («Политика»), возвращается в Англию эпохи Просвещения («Общество»), переносится в поместье Орландо (1850 г., «Секс») и завершается в начале XX в. в Лондоне («Рождение»).

Тем не менее идея синтеза и целостности гендерной идентичности главным образом сконцентрирована в лице главного героя, образ которого и подвергается эстетизации. Орландо проходит сложный путь обретения внутреннего «я»: в процессе кинематографического повествования он осуществляет трансгендерный переход, в результате которого обретает андрогинную целостность. Вербализованная идея андрогинии звучит из уст самого персонажа: «Тот же человек. Никакой разницы. Просто другого пола».

Эстетизация образа главного героя происходит различными способами. Прежде всего следует обратить внимание на выбор актера, который сыграл непосредственно Орландо. Режиссер приглашает на главную роль андрогина женщину, а не мужчину¹⁰. Британская актриса с

аристократическими корнями Тильда Суинтон сегодня занимает верхние строчки рейтингов публичных персон-«андрогинов» и обладает не просто андрогинной внешностью («хрупкой и болезненной красотой <...> ростом 180 сантиметров, прозрачно бледной кожей, угловатой фигурой андроида <...> и парадоксально андрогинной грацией» [Гусева М., 2014]), но и «почти бесполой силой» [Гусева М., 2014], являясь при этом в реальной жизни матерью двоих детей. Современная fashion-индустрия изобилует моделями-«андрогинами», к которым чаще всего относят тех, чья внешность может быть использована для создания как женских, так и мужских образов¹¹. Салли Поттер же использует скорее внешнюю «бесполость» актрисы, чтобы подчеркнуть гендерную неопределенность Орландо. Этот прием можно назвать сугубо режиссерским, поскольку в оригинальном тексте романа «Орландо» на разных этапах главный герой (или героиня) имеет более четкие гендерные характеристики.

Неоднозначность гендерной идентичности Орландо всячески акцентуализируется с помощью второстепенных персонажей: они обладают ярко выраженной гендерной принадлежностью, тогда как Орландо всегда остается гендерно нейтральным и при этом «отстраненно красивым» (мужчины обладают явными маскулинными характеристиками (телосложение, черты лица, соответствующие модели поведения), женщины в эпизодах подчеркнута феминны (обильно пользуются косметикой и маркируют свою привлекательность)). Образ главного героя остается неземным и отстраненным на фоне активно включенных в социокультурное пространство персонажей.

Еще одним способом эстетизации образа Орландо является умелый выбор костюмов для главного героя. Режиссер вслед за В. Вулф

⁹ Режиссер в данном случае сохраняет замысел В. Вулф (история также развивается в течение 350 лет), однако по-другому расставляет акценты: подчеркивает продолжительность повествования, четко определяя временные рамки каждого эпизода и развивая идею андрогинии через демонстрацию ее граней.

¹⁰ Хочется отметить, что В. Вулф называет главного героя исконно мужским именем Орландо (итал. Orlando), итальянским инвариантом имени Роланд, которое носили герои рыцарских поэм «Влюбленный Роланд» (итал. Orlando Innamorato) Маттео Марии Боярдо (итал. Matteo Maria Boiardo) и «Неистовый Роланд» (итал. Orlando furioso) Лудовико Ариосто (итал. Ludovico Ariosto). Следовательно, очевиднее было бы предположить утвержде-

ние на главную роль актера мужского пола с выраженными феминными чертами, однако С. Поттер выбирает актрису андрогинной внешности, сообразуясь с общим замыслом картины.

¹¹ Возникновение моды на андрогинность связывают с появлением в 1960-х гг. британской супермодели Твигги (англ. Twiggy, twig — «тростинка», настоящее имя — Лесли Лоусон/ Lesley Lawson), обладающей внешностью мальчика-подростка: хрупким «анорексичным» телосложением, узкими бедрами, маленькой грудью и большими «инопланетными» глазами. Подробнее см.: [Супермодель Твигги..., 2015].

намекает на двойственность Орландо через выбор одеяния, релевантного моде той или иной эпохи. Однако, если автор романа чаще всего «переодевает» своего героя, демонстрируя склонность к «обоеполости» (вспомним хотя бы эпизод оригинальной истории, в котором Орландо переодевается из женщины в мужчину и бродит по улицам), то С. Поттер синтезирует элементы мужского и женского образов. Например, в начале эпизода «Политика» в саду происходит разговор между королем, его спутницей и Орландо, при этом одеяние Орландо напоминает платье придворной дамы, но вписывается в мужской модный канон того времени. В финальном эпизоде картины не менее показательно облачение Орландо-женщины в традиционно мужскую одежду, популярную в начале XX в. При этом был выбран брючный костюм свободного кроя светлых пастельных тонов, который выгодно скрывал любые признаки того или иного пола.

Фигура Орландо также эстетизируется в единственном эпизоде, в котором режиссер вслед за автором романа обращается к телесности. Речь идет о кадре, в котором Орландо предстает перед зрителем после трансгендерного перехода. Зритель наблюдает физическую перемену главного героя (камера фиксирует покатые бедра Орландо, ее тонкую талию и небольшую грудь), при этом гендерная детерминированность оказывается ложной, исключительно телесной, и разбивается о лапидарное высказывание самого персонажа, постулирующее андрогинность как основу человеческого существа. Андрогинность главной героини маркируется не только ее репликой, но и беспристрастным взглядом, которым она рассматривает особенности своего нового тела. Прием обращения к телесности через изображение наготы также изначально эстетически окрашен: обнаженное тело уподобляется скульптуре с идеальными анатомическими пропорциями и соответствует античным канонам красоты¹².

Актуальность воплощенной в кинотексте проблематики подтверждает востребованность «Орландо» как дискурса. В 2017 г. театральная

компания «Clay&Diamonds»¹³ совместно с организацией «BFI»¹⁴ и ассоциацией «National Trust»¹⁵ запустила арт-проект «Orlando: The Queer Element», посвященный истории и науке о гендере, а также перспективами их развития в XXI в. В рамках художественного проекта был проведен юбилейный показ фильма «Орландо», в честь 25-летия картины показано несколько короткометражных картин, созданных студентами Королевского колледжа искусств, а также активно проводились просветительские научные семинары и лекции. Главной идеей всех мероприятий в рамках одного проекта стало погружение участников в проблематику гендерных исследований и знакомство с современной тенденцией гендерной небинарности.

Оба художественных произведения об Орландо (и роман В. Вулф, и фильм С. Поттер) вдохновили не только активистов-просветителей, но и художников. На 2020 г. запланировано проведение двух значимых для мира искусства мероприятий: арт-выставки The Costume Institute под названием «About Time: Fashion and Duration» в Metropolitan Museum of Art и ежегодного благотворительного приема The 2020 Met Gala. Оба события посвящены теме эволюции и преемственности модных тенденций в мире костюма. Куратор выставки Эндрю Болтон (Andrew Bolton) утверждает, что на выбор тематики повлияла сцена из костюмированной кинодрамы «Орландо», в которой героиня бежит по лабиринту в платье из XVIII в., а на выходе оказывается одетой в костюм уже другой эпохи¹⁶. Таким образом, стоит признать, что идеи романа В. Вулф являются чрезвычайно востребованными в современной культуре, а фильм С. Поттер становится по-настоящему культовым не только для XX, но и для XXI в.

¹³ Об организации «Clay&Diamonds» см.: <http://www.clayanddiamonds.com/>

¹⁴ Подробнее об организации «BFI» см.: <https://www.bfi.org.uk/>, о проекте см.: <https://www.bfi.org.uk/news-opinion/news-bfi/interviews/orlando-sally-potter-virginia-woolf-queer>

¹⁵ Подробнее о проекте на странице «National Trust» см.: <https://www.nationaltrust.org.uk/hanbury-hall-and-gardens/features/orlando-the-queer-element-at-hanbury-hall>

¹⁶ Подробнее о мероприятиях Metropolitan Museum of Art см.: <https://avenuemagazine.com/2020-met-gala-exhibit-theme-orlando-virginia-woolf-sandy-powell/> и <https://www.telegraph.co.uk/fashion/events/met-gala-2020-theme-time-fashion-duration-what-meaning/>

¹² Подробнее о феномене красоты см.: [Погонцева Д.В., 2013].

Вывод

На рубеже XX–XXI вв. процесс андрогинизации становится глобальным: начиная с разработки психологической концепции андрогинии С. Бем и альтернативной теории небинарного гендера Дж. Батлер (идеи которой зазвучали уже в романе В. Вулф «Орландо» [Вулф В., 2018, с. 506–546]), заканчивая популяризацией андрогинных образов с помощью визуального искусства (СМИ, кинематограф). Значительную роль в андрогинизации современной культуры играет кинематограф, поскольку трудно переоценить масштаб влияния художественного кинематографического произведения на положительную рецепцию андрогинии в обществе через моделирование эстетически привлекательного образа андрогина. На примере фигуры главного героя культового постмодернистского фильма «Орландо» продемонстрированы способы эстетизации облика персонажей с новой гендерной идентичностью и репрезентации концепта андрогинии. Данные способы, по мнению автора, можно рассматривать в качестве возможных механизмов интеграции маргинального явления «нового гендера» в современную культуру, а также создания культурной моды на гендерную неопределенность [Масловская А.Д., Динисламова С.Р., 2014].

Список литературы

- Великанова Л.П.* Мультиполярный подход в типологии гендерной идентичности // Известия КГТУ. 2008. № 13. С. 156–160.
- Вулф В.* Миссис Дэллоуэй; На маяк; Орландо / пер. с англ. Е.А. Суриц. М.: Эксмо, 2018. 640 с.
- Гусева М.* То ли девочка, а то ли виденье: самые успешные андрогинии // Собака.ру. 2014. URL: <http://www.sobaka.ru/photo/heroes/24630> (accessed: 01.06.2020).
- Денисова И.В.* Истоки гендерной идентичности личности в творчестве В. Вулф // Международный научно-исследовательский журнал. 2014. № 6/2(25). С. 32–33.
- Ерошенко Т.И.* Биполярность и целостность мужского и женского как универсальная проблема человека: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д, 2007. 48 с.
- Кияшко С.В.* Автобиографические и литературные аспекты интерпретации романа В. Вулф «Орландо» // Наукові записки Харківського національного педагогічного університету ім. Г.С. Сковороди. Серія: Літературознавство. 2012. № 2(1). С. 65–72.
- Клецина И.С.* Гендерная социализация: учеб. пособие. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1998. 92 с.
- Колотов А.А.* «По неизгладимым следам истины»: «Орландо» и «Флаш» Вирджинии Вулф // Филологический сборник: Зарубежные литературы на пороге XXI века: межвуз. сб. науч. тр. Красноярск: РИО КГПУ, 2000. С. 115–126.
- Конев В.А.* Антропологический поворот/ поворот культуры — новый вариант проекта модерна // Международный журнал исследований культуры. 2014. № 5(15). С. 5–11.
- Коробкина Е.Н.* Инфернальные души: метаморфозы образа // Вопросы русской литературы. 2017. № 1–2. С. 110–122.
- Костикова И.В. и др.* Введение в гендерные исследования: учеб. пособие для студ. вузов / под общ. ред. И.В. Костиковой. М.: Аспект Пресс, 2005. 255 с.
- Масловская А.Д., Динисламова С.Р.* Андрогиния в моде как норма поведения современной молодежи // Актуальные проблемы современных общественных наук: диалог общества и власти: материалы IV Междунар. науч.-практ. интернет-конф. Уфа: БАГСУ, 2014. С. 221–225.
- Погонцева Д.В.* Красота как междисциплинарный объект исследований // Концепт. 2013. № 5. URL: <https://e-koncept.ru/2013/13107.htm> (дата обращения: 03.06.2020).
- Риккер Ю.О.* Мировые тенденции формирования андрогинного типа гендерной идентичности (на примере КНР) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 7(33), ч. 1. С. 159–162. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-292X_2013_7-1_41.pdf (дата обращения: 20.05.2020).
- Сапожникова Р.Б.* Анализ понятия идентичность: теоретические и методологические основания // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2005. Вып. 1(45). С. 13–17.
- Свиридова И.О.* Андрогинные персонажи в современном изобразительном искусстве // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. № 2(39). С. 181–184. DOI: <https://doi.org/10.30725/2619-0303-2019-2-181-184>
- Столович Л.Н.* Жизнь-творчество-человек: функции художественной деятельности. М.: Политиздат, 1985. 414 с.

Супермодель Твигги — икона стиля 1960-х, или Как в моду вошли худоба и короткие стрижки / Культурология.рф. 2015. Available at: <https://kulturologia.ru/blogs/101115/27114/> (accessed: 02.06.2020).

Шишлова Е.Э. Психологическая и философская рефлексия феномена андрогина как «пост-гендера» // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 1(34). С. 244–253.

Эйзенштейн С.М. Монтаж (1938). М.: Директ-Медиа, 2016. 71 с.

Эриксон Э.Г. Детство и общество (Childhood and Society) / пер. с англ. и науч. ред.

А.А. Алексеева. 2-е изд. СПб.: Ленато: АСТ: Фонд «Университетская книга», 1996. 590 с.

Bem S.L. The measurement of psychological androgyny // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1974. Vol. 42, no. 2. P. 155–162. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0036215>

Bem S.L. Bem Sex Role Inventory: professional manual. Palo Alto, CA: Consulting Psychology Press, 1978. 37 p.

Butler J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. London: Routledge, 2006. 272 p.

Ferriss S., Waites K. Unclothing Gender: The Postmodern Sensibility in Sally Potter's «Orlando» // Literature/Film Quarterly. 1999. Vol. 27, no. 2. P. 110–115. URL:

<https://www.jstor.org/stable/43798722> (accessed: 10.06.2020).

Jagose A. Queer theory: an introduction. N.Y.: New York University Press, 1996. 156 p.

Korsmeyer C. Feminist Aesthetics // Stanford Encyclopedia of Philosophy / ed. by E.N. Zalta. 2020. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/feminism-aesthetics/> (accessed: 23.04.2020).

Money J., Ehrhardt A.A. Man and woman, boy and girl: Differentiation and dimorphism of gender identity from conception to maturity. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1972. 311 p.

Pidduck J. Travels with Sally Potter's Orlando: Gender, Narrative, Movement // Screen. 1997. Vol. 38, iss. 2. P. 172–189. DOI: <https://doi.org/10.1093/screen/38.2.172>

Watkins S. Sex Change and Media Change: From Woolf's to Potter's «Orlando» // Mosaic: An Interdisciplinary Critical Journal. 1998. Vol. 31, no. 3. P. 41–59. URL: <https://www.jstor.org/stable/44029810> (accessed: 10.06.2020).

Получено 28.06.2020

References

Bem, S.L. (1974). The measurement of psychological androgyny. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. Vol. 42, no. 2, pp. 155–162. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0036215>

Bem, S.L. (1978). *Bem Sex Role Inventory: professional manual*. Palo Alto, CA: Consulting Psychology Press., 37 p.

Butler, J. (2006). *Gender trouble: feminism and the subversion of identity*. London: Routledge Publ., 272 p.

Denisova I.V. (2014). *Istoki gendernoy identichnosti lichnosti v tvorchestve V. Woolf* [The origin of gender identity of a personality in the works of V. Woolf]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledpvel'skiy zhurnal* [International Research Journal]. No. 6/2(25), pp. 32–33.

Eisenstein, S.M. (2016). *Montazh (1938)* [Montage (1938)]. Moscow: Directmedia Publ., 71 p.

Erikson, E.H. (1996). *Detstvo i obschestvo. Per. s angl.* [Childhood and society. Trans. from Eng.]. Saint Petersburg: Lenato Publ., AST Publ., Fond «Universitetskaya kniga» Publ., 590 p.

Eroshenko, T.I. (2007). *Bipolyarnost' i tselostnost' muzhskogo i zhenskogo kak universal'naya problema cheloveka: avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk* [Bipolarity and integrity of male and female as a universal human problem: Abstract of D.Sc. dissertation]. Rostov-on-Don, 48 p.

Ferriss, S. and Waites, K. (1999). Unclothing gender: the postmodern sensibility in Sally Potter's «Orlando». *Literature/Film Quarterly*. Vol. 27, no. 2, pp. 110–115. Available at: <https://www.jstor.org/stable/43798722> (accessed 10.06.2020).

Guseva, M. (2014). *To li devochka, a to li viden'e: samye uspeshnye androginy* [Either a girl or a vision: the most successful androgynes]. *Sobaka.ru*. Available at: <http://www.sobaka.ru/photo/heroes/24630> (accessed 01.06.2020).

Jagose, A. (1996). *Queer theory: an introduction*. New York: New York University Press, 156 p.

Kiyashko, S.V. (2012). *Avtobiograficheskie i literaturnye aspekty interpretatsii romana V. Woolf «Orlando»* [Autobiographical and literary aspects of the interpretation of the novel by V. Woolf «Orlando»]. *Nauchye zapiski Khar'kovskogo natsional'nogo pedagogicheskogo universiteta im. G.S. Skovorody. Seriya: Literaturovedenie* [Naukovi zapiski HNPU imeni G.S. Skovorodi Literaturoznavstvo]. No. 2(1), pp. 65–72.

Kletsyna, I.S. (1998). *Gendernaya sotsializatsia* [Gender socialization]. Saint Petersburg: Herzen University Publ., 92 p.

Kolotov, A.A. (2000). «Po neizgladimym sledam istiny»: «Orlando» i «Flash» Virzhinii Vol'f [«On the indelible traces of truth»: «Orlando» and «Flush» by Virginia Woolf]. *Filologicheskii sbornik: Zarubezhnye literaturnye na poroge XXI veka* [Foreign literature on the threshold of the 21st century: Collection of scientific works]. Krasnoyarsk: RIO KGPU Publ., pp. 115–126.

Konev, V.A. (2014). *Antropologicheskii povorot/razvorot kultury — novyy variant proekta moderna* [The anthropological turn of culture: a new version of the project of modernity]. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury* [International Journal of Cultural Research]. No. 5(15), pp. 5–11.

Korobkina, E.N. (2017). *Infernal'nye dushy: metamorfozy obraza* [Inferno souls: metamorphoses of the image]. *Voprosy russkoy literatury* [Issues of the Russian literature]. No. 1–2, pp. 110–121.

Kostikova, I.V. et al. (2005). *Vvedenie v gendernyye issledovaniya* [Introduction to gender studies]. Moscow: Aspekt Publ., 255 p.

Korsmeyer, C. and Zalta, E.N. (eds.) (2020). Feminist aesthetics. *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Available at: <https://plato.stanford.edu/entries/feminism-aesthetics/> (accessed 23.04.2020).

Maslovskaya, A.D. and Dinislamova, S.R. (2014). *Androginiya v mode kak norma povedeniya sovremennoy molodezhi* [Androgyny in fashion as the norm of behavior of modern youth]. *Aktual'nye problemy sovremennykh obschestvennykh nauk: dialog obschestva i vlasti: materialy IV Mezhdunar. nauch.-prakt. internet-konf.* [Actual problems of modern social sciences: dialogue between society and government: Proceedings of the 4th International scientific-practical internet conference]. Ufa: BAGSU Publ., pp. 221–225.

Money, J. and Ehrhardt, A.A. (1972). *Man and woman, boy and girl: Differentiation and dimorphism of gender identity from conception to maturity*. Baltimore, MD: Johns Hopkins U. Press, 311 p.

Pidduck, J. (1997). Travels with Sally Potter's Orlando. Gender, narrative, movement. *Screen*. Vol. 38, iss. 2, pp. 172–189. DOI: <https://doi.org/10.1093/screen/38.2.172>

Pogontseva, D.V. (2013). *Krasota kak mezhdistsiplinarnyy ob'ekt issledovaniy* [Beauty as interdisciplinary research facility]. *Kontsept*. No. 5. Available at: <https://e-koncept.ru/2013/13107.htm> (accessed 03.06.2020).

Rikker, Yu.O. (2013). *Mirovye tendentsii formirovaniya androginnogo tipa gendernoy identichnosti (na primere KNR)* [World tendencies of gender identity androgenous type formation (by example of the PRC)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i*

juridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice]. No. 7 (33), pp. 159–162. Available at: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-292X_2013_7-1_41.pdf (accessed 20.05.2020).

Sapozhnikova, R.B. (2005). *Analiz ponyatiya identichnost': teoreticheskie i metodologicheskie osnovaniya* [Analysis of the concept of identity: theoretical and methodological foundations]. *Vestnik TGPU* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin]. Iss. 1(45), pp. 13–17.

Shishlova, E. (2014). *Psikhologicheskaya i filosofskaya refleksiya fenomena androgina kak postgendera* [Phenomenon of androgyny as «Post-gender»: psychological and philosophical analysis]. *Vestnik MGIMO Universiteta* [MGIMO Review of International Relations]. Vol. 1(34), pp. 244–253.

Stolovich, L.N. (1985). *Zhizn'-tvorchestvochelovek: funktsii khudozhestvennoy deyatel'nosti* [Life-creation-man: the function of the creative activities]. Moscow: Politizdat Publ., 414 p.

Supermodel Twiggy — ikona stilya 1960-kh, ili kak v modu voshli khudoba i korotkie strizhki (2015) [Supermodel Twiggy — the icon of the 1960s style, or how thinness and short haircuts came into fashion]. *Kulturologia.ru*. Available at: <https://kulturologia.ru/blogs/101115/27114/> (accessed: 02.06.2020).

Sviridova, I.O. (2019). *Androginnyye personazhi v sovremennom izobrazitel'nom iskusstve* [Androgynous characters in contemporary visual art]. *Vestnik SPBGIK* [Vestnik of Saint Petersburg State University of Culture]. No. 2(39), pp. 181–184. DOI: <https://doi.org/10.30725/2619-0303-2019-2-181-184>

Velikanova, L.P. (2008). *Multipolyarnyy podkhod v tipologii gendernoy identichnosti* [Multipolar approach in the typology or gender identity]. *Izvestiya KGTU* [KSTU News]. No. 13, pp. 156–160.

Watkins, S. (1998). Sex change and media change: from Woolf's to Potter's «Orlando». *Mosaic: An Interdisciplinary Critical Journal*. Vol. 31, no. 3, pp. 41–59. Available at: <https://www.jstor.org/stable/44029810> (accessed 10.06.2020).

Woolf, V. (2018). *Missis Dalloway. Na mayak. Orlando. Per. s angl.* [Mrs. Dalloway. To the lighthouse. Orlando. Trans. from Eng.]. Moscow: «E» Publ., 640 p.

Received 28.06.2020

Об авторе

Изрина Светлана Олеговна

магистр культурологии,
аспирант Института философии

Санкт-Петербургский государственный
университет,
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9;
e-mail: s.o.izrina@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2220-8182>

About the author

Svetlana O. Izrina

MA in Cultural Studies,
Ph.D. Student of the Institute of Philosophy

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg,
199034, Russia;
e-mail: s.o.izrina@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2220-8182>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Изрина С.О. Эстетизация образа андрогина в современной культуре // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 4. С. 569–578. DOI: 10.17072/2078-7898/2020-4-569-578

For citation:

Izrina S.O. [Aesthetization of the image of androgyne in modern culture]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 4, pp. 569–578 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2020-4-569-578

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-4-579-595

**МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ БОЛИ***Чулошников Алексей Игоревич**Пермский государственный национальный исследовательский университет*

Статья посвящена описанию и обоснованию авторской модели представляющей собой вариант демаркации предметных зон психологических и непсихологических исследований феномена боли. В первой части работы анализируются дефициты существующих подходов к изучению и объяснению боли, показывается необходимость переосмысления существующего биопсихосоциального подхода исходя из понимания боли как феномена психического отражения. В качестве предпосылок решения и конкретизации данных проблем кратко анализируются исторически сложившиеся непсихологические направления изучения боли (физиологическое, альгометрическое и гуманитарное), в рамках которых обозначаются основные вопросы и утверждения относительно природы боли (в частности, как феномена субъективного мира). Данная проблематика в более конкретной форме рассматривается на материале методологических затруднений психологических исследований боли. Формулируются основные вопросы, в том числе: отношение объективных основ боли к ее субъективному переживанию, уточнение предметной области психологических исследований боли, определение категориального статуса боли и ее отношения к другим явлениям психики, категориям «субъекта», «личности». Во второй части на основании имеющихся теоретических и эмпирических предпосылок выводится графическая модель, иллюстрирующая потенциальные предметные зоны психологических и непсихологических исследований. В частности, модель отображает место различных болевых феноменов в рамках единого процесса отбора, отсева информации, необходимой для отражения и регуляции взаимодействия организма и деструктивного агента на физиологическом, психическом (непосредственная поведенческая регуляция) и социально-психологическом уровнях (социально опосредованная регуляция). В соответствии с уровнями «болевого» регуляции и отражения формулируются: гипотетический объем понятия боли (узкое и широкое определение); предметные зоны, их специфика; возможные детерминанты, определяющие их феноменологию; возможные иерархические отношения уровней болевого отражения. Обозначается также гипотетический механизм, связывающий процесс отбора болевых переживаний (содержания субъективной картины боли) с индивидуально-личностными характеристиками субъекта боли.

Ключевые слова: боль, переживание боли, биопсихосоциальный подход, психология боли, субъективная картина боли.

**MODELING THE SUBJECT AREAS
OF PSYCHOLOGICAL RESEARCH ON PAIN***Alexey I. Chuloshnikov**Perm State University*

The article is devoted to the description and justification of the author's model representing possible demarcation of subject areas in psychological and non-psychological studies of the phenomenon of pain. In the first part of the paper, the deficiencies of existing approaches to the study and explanation of pain are ana-

lyzed, and the need for rethinking the existing biopsychosocial approach is indicated, which can be done based on the understanding of pain as a phenomenon of mental reflection. As prerequisites for solving and concretizing these problems, we briefly analyze the historically established non-psychological areas of the pain study (physiological, algometric, and humanities-based), within which we identify the main issues and statements about the nature of pain (particularly as a phenomenon of the subjective world). These issues are considered in a more specific form on the basis of methodological difficulties in psychological research on pain. The main questions are formulated, including the following: the relation of the objective basis of pain to the subjective experience; determination of the subject area of psychological research into pain; determination of the categorical status of pain and its relation to other phenomena of the psyche, to the categories of «subject», «personality». In the second part of the article, based on the indicated theoretical and empirical assumptions, a graphical model illustrating potential subject areas of psychological and non-psychological research is derived. The model reflects the place of various pain phenomena within a single selection process, and the exclusion of the information necessary to reflect and regulate the interaction of an organism and a destructive agent at the physiological, mental (direct behavioral regulation), and sociopsychological levels (socially-mediated regulation). In accordance with the levels of 'pain' regulation and reflection, we formulate the following: hypothetical scope of the pain concept (the narrow and broad definition); subject areas and their specifics; possible determinants that represent their phenomenology; possible hierarchical relationships of pain reflection levels. The paper also provides an outline of a hypothetical mechanism that connects the process of selecting pain experiences (the content of the subjective picture of pain) to the individual personality characteristics of the subject experiencing pain.

Keywords: pain, pain experience, biopsychosocial approach, psychology of pain, subjective representation of pain.

Введение

Феномен боли является актуальной проблемой для самых разных научных дисциплин как естественнонаучной, так и социогуманитарной направленности [Шостак Н.А., Правдюк Н.Г., 2012; Хайдарова Г.Р., 2013; Linton S.J., 2013; Main C.J. et al., 2008]. Однако при наличии общего объекта предметная область представляется не до конца определенной, что приводит к противостоянию различных методологий, подходов к ее изучению вместо их интеграции и взаимодополнения различных взглядов на одну и ту же реальность.

В настоящее время, несмотря на разнообразие исследовательских позиций, статус «наиболее» научных преимущественно приобретают позитивистски-ориентированные исследования боли, рассматривающие ее преимущественно в биомедицинском ключе, несмотря на доминирующую в настоящий момент *биопсихосоциальную парадигму* [Данилов А.Б., Данилов Ал.Б., 2013; Осипова В.В., 2010]. В позитивистски-ориентированных исследованиях зачастую предпринимаются попытки исключить из объяснения феномена его субъективное содержание, субъекта, переживающего боль, и более широкий контекст, в который субъект боли включен [Clark D., 2000; Main C.J. et al., 2008].

В то же время «лакуны» в объяснении феномена, порождаемые позитивистски-ориентированными исследованиями, стараются решить в рамках гуманитарно-ориентированных исследований боли [Хайдарова Г.Р., 2013; Штрахова А.В., 2009; Шлейфер Р., 2015; Чукуров А.Ю., 2017; Biro D., 2010; DeGood D.E., Tait R.C., 2001], идущих от субъекта, его опыта, мира смыслов, значений, в который он включен; зачастую склоняются к пониманию боли как искусственно, культурно сконструированной реальности [Ветлесен А.Ю., 2010; Кампер Д., 2010], тем самым теряя его, несомненно, объективную существующую основу [Сапон Н.А., Чеботарева Л.Л., 2004; Melzack R., Katz J., 2004; Moayedi M, Davis K.D., 2012].

Попытки преодолеть противоречия данных исследовательских ориентаций реализуются в биопсихосоциальном подходе, в рамках которого в качестве причин боли называются биологические, психологические и социальные факторы [Данилов А.Б., Данилов Ал.Б., 2013; Штрахова А.В., 2009; Main C.J. et al., 2008], а в официальном определении (IASP) боль рассматривается как переживание, т.е. как феномен субъективной реальности.

Тем не менее ориентация на учет самых разных факторов позволяет лишь ответить на вопрос «что может влиять?», но не на вопросы

«что/в каком порядке/по какому принципу происходит в “точке сбора” — психике». Перед исследователем возникает потребность понять, что из себя представляет та реальность, в которой боль разворачивается, каково соотношение биологических и социальных причин/измерений, как она преобразует его. К сожалению, на данный момент существующие модели и схемы [Решетняк В.К., 2014; Северьянова Л.А. и др, 2017; Haggard P. et al., 2012; Linton S.J., 2005] не позволяют ответить на эти, по существу, фундаментальные вопросы, либо только проясняя частные моменты, либо давая предельно схематичное, абстрактное представление.

Потребность получить ответы на данные вопросы приводит нас в область предмета психологической науки, которая в то же время сама нуждается в ответе на фундаментальный вопрос: «каков должен быть ее предмет, каковы методы его изучения и какие феномены могут быть объяснены психологически?». Таким образом можно обозначить методологический запрос на уточнение онтологического статуса феномена боли, предметной области психологических исследований боли и возможных вариантов психологического объяснения ее феноменологии.

В данной статье постараемся очертить возможные решения данных проблем путем анализа трудностей, вопросов и утверждений, возникших и возникающих в рамках непсихологических и психологических исследований боли. На основе анализа теоретических и эмпирических предпосылок будет предложена также возможная модель предметной области психологических исследований боли.

Проблемы междисциплинарных исследований боли

Опытное изучение боли можно условно описать в рамках трех направлений, выделение которых связывается с развитием наук естественнонаучного (физиология, микробиология, анестезиология) и гуманитарного (лингвистика, культурология, социология) спектров, а также с задачами, которые решались в контексте каждого из этих направлений. Исходя из этого, мы выделяем *физиологическое*, *альгометрическое* и *гуманитарное* направления.

Физиологическое направление. Данное направление исследований боли является наиболее ранним, связанным с развитием фи-

зиологии в середине XIX в., и характеризуется попытками свести, объяснить феноменологию боли ее физиологическими основаниями, элиминировать субъективность и субъекта [Кассиль Г.Н., 1975; Хайдарова Г.Р., 2013]. Основные достижения и постановка проблем относительно природы, физиологического базиса боли осуществлялись как в рамках научных лабораторий (норма), так и в рамках медицинской практики (патология).

В лабораторных исследованиях основными задачами являлись: определение специфического физиологического аппарата боли [Moayed M, Davis K.D., 2012], объективная (инструментальная) фиксация субъективного факта боли [Сапон Н.А., Чеботарева Л.Л., 2004; Baliki M.N. et al., 2008], физиологическое обоснование индивидуальных особенностей болевой чувствительности [Решетняк В.К., 2014; Северьянова Л.А. и др, 2017]. Так, эволюция взглядов на проблему физиологических оснований боли с середины XIX в. по вторую половину XX в. демонстрировала переход от противоположных (*теория интенсивности* и *теория специфичности*) [Чиж В.Ф., 1899; Dallenbach К.М., 1939] до взаимодополняющих позиций («теория протопатической и эпикритической чувствительности» Г. Хэда и «теория воротного контроля» Р. Мелзака), постулирующих о наличии как специфических, так и неспецифических периферических и центральных систем обработки «болевого информатива», объясняющих индивидуальную, прижизненно трансформируемую чувствительность к боли [Melzack R., Katz J., 2004; Moayed M, Davis K.D., 2012]. Таким образом, однозначное отнесение боли только лишь к ощущению или эмоции по физиологическим основаниям становилось мало возможным [Чулошников А.И., Левченко Е.В., 2018].

В рамках клинической практики особенно остро стояли вопросы объяснения «бессубстратных» болей (хронические, психогенные боли) [Данилов А.Б., Данилов Ал.Б., 2013; Кассиль Г.Н., 1975; Мороз В.В. и др., 2009], связанная с этим проблема верификация факта переживания боли без обращения к субъективному отчету [Baliki M.N. et al., 2008; Ball C., Westhorpe R.N., 2011], вопрос закономерностей изменения болевой чувствительности под влиянием патологических процессов и нефизиологических факторов (гипноз, внушенная ане-

стезия, экстремальные экзистенциальные состояния) [Кассиль Г.Н., 1975; Clark D., 2000] и в целом объяснение многообразия субъективной феноменологии посредством более гомогенной физиологической реальности [Bigo D., 2010; Eisenberger N.I. et al., 2003].

Таким образом, в качестве основных результатов данного направления является несомненное обогащение теоретических представлений о боли физиологическими данными. Однако при этом исследователями, стремящимися элиминировать сознание, субъективное измерение, зачастую упускалось то, что боль в первую очередь является фактом сознания, а не болезнью, существующей независимо от него. В рамках данного подхода опосредованно происходила также категоризация боли как явления психики (ощущение, эмоции, состояние).

Альгометрическое направление. Данное направление связано в первую очередь с развитием анестезиологии. Экспериментальная анестезиология стала «ответом» на узкофизиологический подход к боли, отвлекающий от непосредственной потребности контролировать боль как субъективное переживание, т.е. требовала возвращения «психической переменной» (а в перспективе и субъекта) [Ball C., Westhorpe R.N., 2011].

Данные задачи обуславливали необходимость понимания природы психики, специфики боли как субъективного опыта (как понять, что измеряется именно боль, а не что-либо еще?), взаимосвязи данного явления с иными явлениями психики и того, как и что именно должно быть в этом опыте зафиксировано для его объяснения.

Так, в рамках первых психофизических исследований А.Н. Ковалевского (1877), М. Фрея (1880), Н.И. Кульгибина (1894), их осмысления В.Ф. Чижом (1899) и более поздними исследованиями Дж. Харди, Г. Вольфа (1940) и К. Кларка (1968) отмечалось, что субъективная реальность боли далеко не ограничивается лишь ее «интенсивностными» характеристиками, а включает более качественно разнородные показатели, нежели только сенсорные, характеризующиеся большей степенью индивидуальной вариативности, идущей вразрез основной идее психофизики [Кассиль Г.Н., 1975; Чиж В.Ф., 1899].

Не менее важной становилась проблема «неэкологичности» лабораторных исследований боли, которые, во-первых, воспроизводили лишь узкий спектр болей, во-вторых, были неэквивалентны реальному («полевому») переживанию боли [Чулошников А.И., Левченко Е.В., 2018]. Со временем становилась все более понятной проблема зависимости боли от того контекста, в рамках которого она переживается [Noble B. et al., 2005; Clark D., 2000, Linton S.J., 2005]. При этом контекст был связан с деятельностью человека (ситуация эксперимента) [Нуркова В.В., Березанская Н.Б., 2013] и его установками по отношению к ситуации эксперимента.

Поздняя критика психофизики интрацептивных переживаний и соответственно висцеральных болей [Тхостов А.Ш., 2002] заключалась в сомнении относительно возможности прямого соотношения объективной стимуляции и субъективных переживаний (за исключением самых элементарных сенсорных качеств) ввиду активности субъекта переживания и опосредованности этой активности индивидуальным и культурным опытом субъекта.

Гуманитарное направление. Данное направление характеризуется снятием субъект-объектной оппозиции при изучении боли и в целом изучением ее субъективной феноменологии [Хайдарова Г.Р., 2013]. Происходит погружение феномена боли в контекст культуры, семантики, смыслов [Ветлесен А.Ю., 2010; Кампер Д., 2010; Шлейфер Р., 2015]. Реализуются попытки переместить боль из организмического в личностное измерение, объяснить субъективное разнообразие боли личностной активностью, культурой — условиями, лежащими вне индивида, его биологии [Тхостов А.Ш., 2002; DeGood D.E., Tait R.C., 1999; Flor H. et al., 1987]. На первый план выходит качественная методология, нарратив. Боль становится предметом антропологии, лингвистики, культурологии и социологии [Шостак Н.А., Правдюк Н.Г., 2008; Чукуров А.Ю., 2017].

Основными проблемами становятся изучение связи боли и языка, проблема возможности понимания субъективного переживания другого человека, проблема социокультурной регуляции боли и социокультурной сущности боли, ее «неболевыми», символических сторон [Хайдарова Г.Р., 2010, 2013].

С вопросами языка связывались два момента: возможность рефлексии боли, понимания боли другим человеком [Шлейфер Р., 2015]; связь переживания боли со структурой конкретного языка, на котором сообщают о ней [Ветлесен А.Ю., 2010], с ее семантикой [Кампер Д., 2010; Штрахова А.В., 2009].

В близких по проблематике исследованиях М. Зборовски, М. Вайзенберга и Дж. Ляйсса было продемонстрировано [Хайдарова Г.Р., 2013; Weisenberg M., 1980]: 1) связь представлений, отношения к боли с переживанием боли в разных культурах; 2) культурные различия, заключавшиеся в том, что и при каких условиях идентифицируется как боль; 3) связь болевой лексики с отношением к боли в той или иной культуре (индивидуально- или коллективно-центрированные общества), со способом взаимодействия людей.

Данные результаты приводят к осознанию роли боли как значимого коммуникативного средства и многих ее свойств, порожденных и порождаемых в процессе коммуникации (взаимодействия между людьми), культуроспецифичном и динамичном. Это дает возможность трактовать социальные, гендерные, возрастные различия гораздо более широким образом.

Первые социально-психологические исследования боли (В. Мёде) [Нуркова В.В., Березанская Н.Б., 2013] обнаруживали влияние актуальной интерперсональной ситуации (факт присутствия других людей, вид деятельности, возможность выбора напарника, характер задачи) на пороги болевой чувствительности, ее идентификацию, что говорит о «динамичности» восприятия боли и ее зависимости от более широкого контекста. Не менее интересными выступают способы социокультурной, (ритуальной, гипнотической) регуляции болевой чувствительности (североамериканские, индонезийские и африканские ритуалы анальгезии) [Кассиль Г.Н., 1975; Кампер Д., 2010].

Данные феномены социокультурной регуляции демонстрируют сложность, культурную опосредованность и динамичность процессов восприятия боли у человека. Однако возникает закономерный вопрос о границах трансформации той чувственной основы, возникающей в ответ на деструктивное воздействие.

Таким образом, в рамках гуманитарно-ориентированных исследований боли с иной стороны освещались проблемы соотношения объективного и субъективного, роли другого человека, культуры в переживании боли, что по сути являлось психологической проблематикой. Тем не менее в рамках гуманитарного направления исследований боли так и не было создано единой теоретической базы, методологии, эвристичной, объединяющей, интерпретирующей, и представления о боли как субъективной реальности.

В целом, можно заключить, что из рассмотренных непсихологических направлений изучения боли в каждой из них были поставлены вопросы и выдвинуты утверждения (см. таблицу), касающиеся психологической стороны феномена боли, проблематики психологического исследования и его методологии.

Проблемы психологических исследований боли

Проблемные зоны, обозначенные в рамках междисциплинарных исследований, являются не менее актуальными и для психологических исследований боли, выступающих, с одной стороны, пограничной областью между естественнонаучными и гуманитарными дисциплинами, с другой — потенциально обладающей соответствующей методологией для изучения и объяснения субъективного измерения боли. Их можно выразить в виде наиболее значимых затруднений психологических исследований боли, являющихся в то же время и потенциально ресурсными для решения проблем в рамках как данной дисциплины, так и более фундаментальных, имеющих интердисциплинарный статус.

Категориальная неопределенность. Актуальная формулировка боли, данная IASP: «боль — неприятное сенсорное и эмоциональное переживание, связанное с истинным или потенциальным повреждением ткани или описываемое в терминах такого повреждения» [International Association for the Study of Pain, 2007], на наш взгляд, не демонстрирует четкости, категориальной определенности боли как явления психики, сводя его субъективную специфичность преимущественно к языку описания и не отображая его существенных свойств.

Основные вопросы и утверждения о боли, полученные в рамках непсихологических исследований

Main questions and statements about the pain obtained within non-psychological studies

Направление	Основные вопросы	Утверждения
Естественнонаучное	1) Существует ли боль как объективный, независимый от сознания источник? 2) Чем объяснить сообщения о боли при отсутствии физиологической основы? 3) Чем объяснить многообразие феноменологии боли при эквивалентных повреждениях?	1) В физиологических основаниях боли лежит сложная селектирующая система, связанная как с периферической НС, так и с корой больших полушарий. 2) Боль нельзя достоверно верифицировать без субъективного самоотчета. 3) Боль нельзя однозначно свести к ощущению или эмоции.
Альгометрическое	1) Фиксации какой феноменологии достаточно, чтобы описать боль? 2) Чем вообще является боль как явление психики? (что «боль», а что «не боль») 3) Тожественны ли физиологические процессы, обслуживающие боль, отражению боли в психике?	1) Боль характеризуется более широким спектром феноменологии, чем «язык» ощущений и эмоций. 2) Более сложные характеристики боли труднее соотносятся с объективной стимуляцией. 3) Переживание боли зависит от более широкого контекста, в который актуально включен человек.
Гуманитарное	1) Существует ли боль объективно или же это социальный контур? 2) Что в боли объективно, а что субъективно? 3) Какова связь переживания боли с речью/культурой/присутствием другого человека?	1) Боль — это средство общения и обобщения. 2) Переживание боли связано с социально-психологическим, деятельностным (зависит от конкретной ситуации), культурным и индивидуальным контекстом. 3) Боль в разных культурах имеет более широкий спектр функций.

Между тем вопрос категориальной отнесенности боли является принципиальным по отношению к методам исследования и интерпретации полученных данных. В зависимости от понимания того, что такое боль, ее будут наполнять тем или иным психологическим содержанием, свойствами. В то же время категориальная определенность с определенной закономерностью актуализирует вопросы: «А все ли явление мы охватили и каковы его границы?» «Как понять, что мы изучаем именно боль?»

Так, в настоящее время попыткой преодолеть ограничения, накладываемые тенденцией рассматривать боль в рамках либо сенсорных, либо аффективных процессов (не считая эвристически недооцененной идеи Г. Хеда о существующих параллельных формах чувствительности), является модель Р. Мелзака и К. Кейси [Gatchel R.J. et al., 2007]. Данная модель расширяла боль до трех измерений: сенсорно-дискриминативного, аффективно-мотивационного и когнитивно-оценочного. Первые два измерения представляют собой сенсорный и аффективно-мотивационные компоненты боли, которые могут быть описаны характеристиками ощущений и эмоций и связаны с функциями отражения (различения, локализации) и регуляции деструк-

тивного взаимодействия организма со средой. Третье измерение присутствует косвенно — в виде оценки, интерпретации, «означивания», близко по смыслу к таким понятиям, как «значение» и «личностный смысл», в концепции структурных компонентов сознания А.Н. Леонтьева [Леонтьев А.Н, 2005], способно влиять/преломлять первые два компонента. Таким образом, боль не «запиралась» в рамках конкретной категории, а скорее реализовывала функции отражения и регуляции посредством соответствующих процессов.

Тем не менее в данной модели механизм функционирования третьего измерения, его влияния на остальные два не был полной мере формализован и конкретизирован. Его учет номинально оставался выражен в виде оценки отношения к боли в опросниках (опросник боли Мак-Гилла), но не был пояснен его собственно психологический механизм. При этом на физиологическом уровне роль процессов высшей переработки — концепция Нейроматрикса — продемонстрировала относительно разработанный вид [Melzack R., Katz J., 2004; Melzack R., 1993].

П.К. Анохиным выдвигалась идея рассмотрения боли как *психического состояния*, тотально оказывающего влияние на протекание

психических процессов и направленного на регуляцию поведения [Кассиль Г.Н., 1975]. Боль тут определялась не через конкретный процесс, а через ее функцию (отражение и регуляцию), реализуемую разными процессами. Однако категоризация боли может потенциально натолкнуться на ряд серьезных теоретических возражений.

Позитивистская ориентация и предметная неопределенность. Суть данной проблемы сводится к тому, что, даже будучи предметом психологического исследования, боль рассматривается в рамках естественнонаучной логики, причинности.

Так, зачастую исследователь осуществляет не психологическое исследование, а психофизическое, рассматривая боль в предельно формализованных параметрах: интенсивность, динамика, эмоциональный окрас, модальность [Бранд П.Я., 2011; Северьянова Л.А. и др., 2017; Тхостов А.Ш., Елшанский С.П., 2003; Ball C., Westhorpe R.N., 2011]. Игнорируется более сложное содержание переживания, а также явления, обозначаемые человеком как «боль», но чья формализация и объективная верификация в рамках позитивистской методологии мало возможна (психологическая/эмоциональная/моральная боль) [Чулошников А.И., Левченко Е.В., 2018]. Боль как субъективная реальность рассматривается как производная, зависимая от физиологии реальность.

Попыткой разделить предметные области физиологии и психологии стало введение (объективно и субъективно верифицируемое) по аналогии с категориями «болезни» и «расстройства» понятий «ноцицепция» и «собственно боль». Первое представляло собой формализуемый физиологический ответ на деструкцию, второе — ее интерпретация психикой, детерминированная личностными характеристиками, культурой, предыдущим опытом [Данилов А.Б., Данилов Ал.Б., 2013].

В то же время в данной позиции «прыжок» от физиологической реакции до сложных опосредованных интерпретативных процессов осуществляется крайне резко, по-прежнему оставляя «пропасть» между объективным и субъективным. Возникает вопрос: «Каков характер перехода между объективно наблюдаемыми физиологическими процессами к их субъективной интерпретации? Какой момент переживания бо-

ли наименее субъективно конструируем, а какой наиболее?». Возможность наличия «переходного звена» может быть подкреплена тем, что субъект не смог бы как-то напрямую отнестись к «языку» работы физиологических систем, поскольку отнестись (означить) можно лишь к тому, что уже отражено на «языке психики», психических процессов, пусть и элементарном.

Боль и субъект боли. Еще одной проблемой психологического исследования боли является объяснение ее индивидуальной вариативности, обусловленной особенностями субъекта, который выступает ее носителем. Однако зачастую в психологических исследованиях боли субъект теряется или выступает номинально, притом, что происходит фиксация личностных характеристик: тревожности [Gatchel R.J. et al., 2007; Linton S.J., 2013], темперамента [Осипова В.В., 2010], акцентуаций [Северьянова Л.А. и др., 2017; Степанова Я.В. и др., 2012; Linton S.J., 2013] — самоэффективностью, представлениями о боли [Handbook of pain..., 2011], образом «Я» [Linton S.J., 2013]. Характеристики субъекта выступают переменными, высчитываются их корреляции с параметрами боли, однако далеко не всегда дается интерпретация того, почему они связаны, и еще реже — как, каким образом связан процесс и система, в которой он протекает, с иными элементами системы (смыслами, памятью, отношениями, характером, личностно-специфичными способами категоризации и т.д.). Продолжением этого вопроса выступают такие вопросы: а) как процессы (опыт переживания боли) могут оказывать влияние на субъекта, систему, личность, в рамках которой они протекают? б) каким образом субъект может воздействовать на их протекание, каков механизм реализации активности, (субъектности) субъекта?

Без конкретного ответа на данные вопросы исследования, декларирующие учет субъекта боли, остаются описательными, а не объяснительными. Данные вопросы также являются отображением более общей проблемы, а именно — разделения психологии на «психологию процессов» и «психологию личности» [Леонтьев А.Н., 2005].

Таким образом, актуальными вопросами для психологического изучения боли являются:

- 1) Как относится субъективное переживание боли к ее физиологическим осно-

- вам — что является предметом психологического исследования?
- 2) Чем является боль как явление психики, в чем его субъективная специфика, что и на каких основаниях мы можем считать болью?
 - 3) Каково отношение боли к другим явлениям психики, к системным явлениям («личность», «субъект»)?

Теоретические и эмпирические предпосылки появления модели предметного поля психологических исследований боли

При рассмотрении феномена боли мы будем пользоваться термином *переживание боли*, представляющим ее как процесс отражения (Ф.Е. Василюк, Л.М. Веккер) [Фахрутдинова Л.Р., 2006], и термином *субъективная картина боли*, представляющим, в форме каких явлений субъективного мира происходит данное переживание. При этом первое понятие будем полагать более широким.

В нашей попытке дать ответы на поставленные вопросы будем опираться как на актуальные теоретические обобщения, так и на выполненные нами ранее исследования, в которых субъективная картина боли изучалась ретроспективно, на материале свободного повествования о ней.

Теоретические предпосылки

Статус боли и ее функции. Боль можно считать субъективным феноменом, реализующим функции *отражения* (идентификации) и *регуляции* деструктивного или потенциально деструктивного взаимодействия со средой (далее — деструктивное взаимодействие), не имеющего смысл вне психики, вне возможности психической регуляции. В основании переживания боли могут лежать объективно фиксируемые физиологические процессы (ноцицепция) [Данилов А.Б., Данилов Ал.Б., 2013; Haggard P. et al., 2013; Legrain V. et al., 2012; Main C.J. et al., 2008], но к которым нельзя свести субъективную феноменологию боли [Тхостов А.Ш., 2002; Осипова В.В., 2010; Linton S.J., 2005]. Объективный статус работы ноцицептивных процессов можно также объяснить их ролью в регуляции физиологических процессов, не требующих психической регуляции [Melzack R., Katz J., 2004].

Две группы «болевых» феноменов. Если учитывать позиции как естественнонаучного, так и гуманитарного подходов к боли, образующих дихотомию, которую условно можно назвать «реакция, достоверно возникающая на объективную стимуляцию» — «культурно конструируемая интерпретация», то можно выделить две группы феноменов боли: а) психические процессы, непосредственно связанные с работой ноцицептивной системы, отражающие и регулирующие деструктивное взаимодействие субъекта и среды [Melzack R., 1993], близкие к понятиям сенсорно-дискриминативного и аффективно-мотивационного измерений боли, по Р. Мелзаку и К. Кейси [Gatchel R.J. et al., 2007]; б) то, что мы осознаем, означиваем как «боль», то, что имеет смысл для социально опосредованной индикации и регуляции неблагополучия, близкое к пониманию когнитивно-оценочного измерения боли [Gatchel R.J. et al., 2007].

Первый тип феноменов в большей мере соотносится с логикой физиологии, второй тип — с субъективной логикой, логикой культуры. Отношения данных групп феноменов можно гипотетически представить так: не все процессы, связанные с непосредственной регуляцией деструктивного взаимодействия, рефлексированы как «боль»; как «боль» могут идентифицироваться не только феномены, напрямую связанные с фактом деструктивного взаимодействия.

Содержание субъективной картины боли. Его можно представить как своеобразный язык, регулирующий отношения носителя психики со средой, «элементы» этого языка реализуют функции отражения, регуляции и интеграции (по В.А. Ганзену) и могут быть представлены в психике субъекта в форме самых различных процессов и состояний, понятных и доступных ему [Штрахова А.В., 2009; Waddell G. et al., 1987]. Более того, если говорить о социально опосредованной регуляции «боли», то факт критического неблагополучия должен быть выражен тем способом, в языковых формах (в том числе и самим субъектом боли), которые были бы понятны и для конкретного окружения (семья, этнос и т.д.) [Хайдарова Г.Р., 2013; Flor H. et al., 1987]. Из этого предположения также следует потенциально высокая степень субъективной вариативности содержания картины боли, задаваемой самыми разными факторами, имеющими небиологическую природу.

Эмпирические предпосылки

В ходе нашего эмпирического исследования содержания субъективной картины боли на материале воспоминаний о ней [Чулошников А.И., Левченко Е.В., 2018] было выявлено, что описываемое содержание можно условно разделить на две стороны: *чувственную* и *рефлексивно-контекстуальную*.

Чувственная сторона (69 % элементов описания), т.е. непосредственно данная в переживании боли, может быть описана как на языке «структурной модели психики» (41 %) (когниции — 21 %, эмоции — 12 %, мотивы/воля — 8 %), так и на языке «функциональной модели психики» (32 %) [Ганзен В.А., 1984] — отражение (модальность, интенсивность, локализация, динамика — 23 %) и регуляция (5 %). Язык двух моделей можно представить в виде двух измерений, разным языком описывающих чувственную сторону боли. Структурная модель описывает феноменологию, функциональная — группирует содержание в соответствующие функции.

Рефлексивно-контекстуальная (31 %) сторона дана опосредованно и описывает процессы категоризации боли, ее означивания, «вплетения» (интеграции) в более сложный контекст (межличностный, смысловой), находящийся за рамками конкретного организма. Третья функция, по В.А. Ганзену, — интеграция (4 %), в отличие от отражения и регуляции, была отнесена к данной стороне субъективного содержания опыта боли.

Категоризация болевых переживаний. В самоотчетах в 89 % случаев испытуемыми в той или иной форме описывался процесс идентификации переживаний как боль, а также вид этой боли (физическая — 48 %/ психологическая — 41 %/ недифференцированная (неидентифицированная) — 11 %). Идентификация происходила по ряду субъективных критериев, таких как: а) связь с субстратом (указание на повреждение организма), б) указание на природу вызвавших боль причин, в) ситуация, которая привела к переживанию боли. Можно предположить наличие определенных представлений о том, что такое боль, в каких случаях (каков должен быть контекст/повод) что-то должно быть идентифицировано в сознании как боль [Чулошников А.И., Левченко Е.В., 2018].

Болевые и около-болевые переживания. В ряде описаний были отмечены околоболевые переживания (когниции, эмоции, мотивы) (сопутствующие ощущения — 4,5 %, ассоциированные с болью эмоции — 6,84 %, постболевые эмоции — 1,78 %), которые не идентифицируются как боль, но тесно связаны с ней. Однако по ряду признаков они, видимо, не относятся субъектом к «собственно болевым» [Чулошников А.И., Левченко Е.В., 2018].

Таким образом, уже на материале субъективного самоотчета (воспоминания) демонстрируется, что субъективное содержание переживания боли может быть представлено и описано языком самых различных психических процессов, позволяющих реализовать функции отражения, регуляции и интеграции.

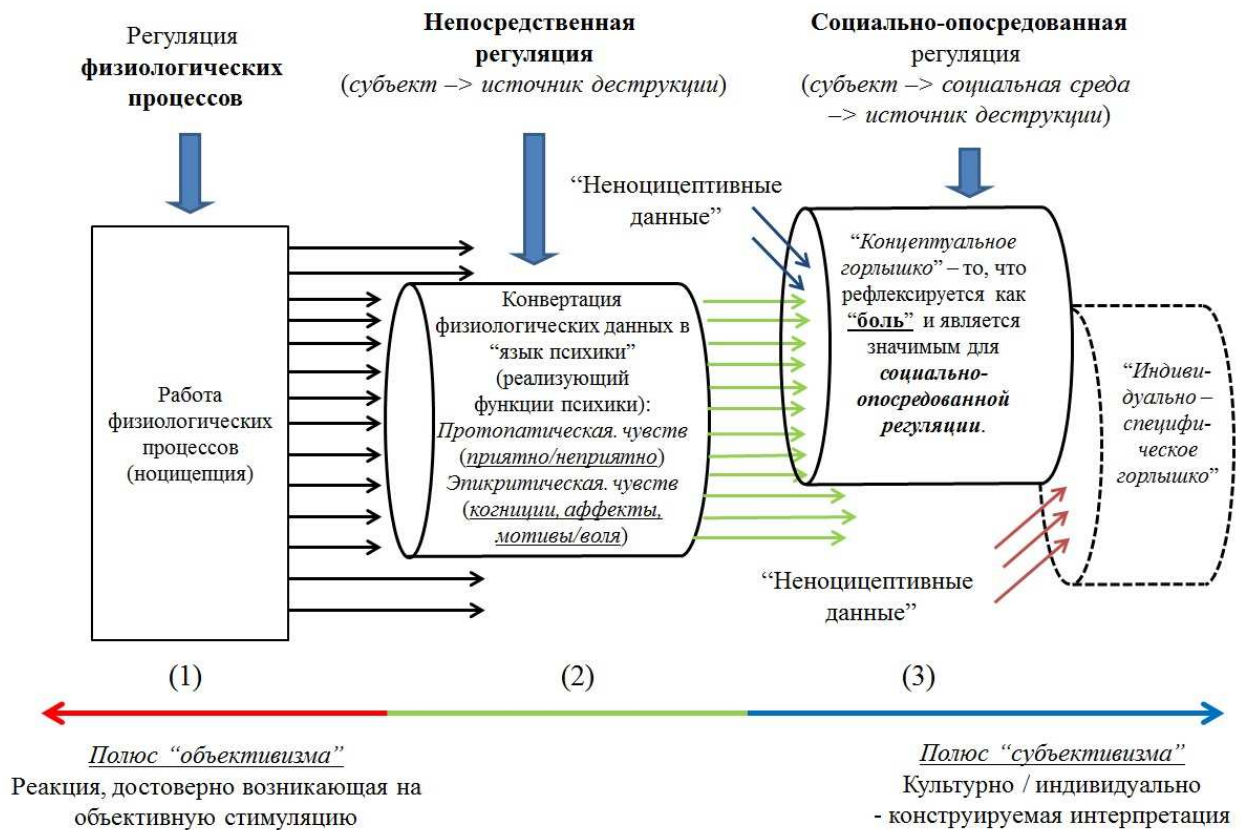
Другим важным моментом является то, что переживание боли можно представить как процесс концептуализации, категоризации (отбора) тех или иных феноменов как «боль» или «не боль» на основании субъективных критериев, представлениях о ней.

Модель предметного поля и ее обсуждение

Таким образом, модель, представленная ранее в таблице, являет собой процесс постепенной категоризации и селекции «болевых данных» начиная с относительно элементарных и объективно фиксируемых процессов до сложных индивидуально-, культурно-детерминированных и в большей мере субъективных процессов переживания боли. Изложим все по порядку.

Уровни или этапы обработки «болевых данных»

Итак, все объективные и субъективные проявления боли можно условно разделить на три момента: (1) активность ноцицептивной системы, фиксируемая объективными методами, (2) «конвертация» физиологических данных в язык психики: приятно – неприятно; когниции, эмоции, мотивы – воля (близкое к пониманию «сенсорно-дискриминативного» и «аффективно-мотивационного» измерения боли) (3) сознательная категоризация/обобщение определенных переживаний как «боль», их интерпретация в рамках конкретной системы культурно заданных значений и личностных смыслов [Леонтьев А.Н., 2003; Тхостов А.Ш., 2002] — когнитивно-оценочное измерение боли.

Модель предметного поля исследований боли

Model of the subject area of the pain studies

Каждый из уровней представляет собой своеобразное «сито» (по аналогии с метафорой «физиологических врат», описанной Р. Мелзаком и П. Уоллом) [Melzack R., Katz J., 2004], отсеивающее данные, необходимые для индикации и регуляции деструктивного взаимодействия на уровне физиологических процессов, не требующего субъективного отражения; на уровне непосредственного взаимодействия субъект – деструктивный агент, не требующего сознательной рефлексии данного опыта как «боль»; социально опосредованного взаимодействия субъект – социальная среда – источник деструкции (либо только субъект – социальная среда), требующего рефлексии в категориях сознания/конкретного языка.

Предметные области исследований боли

Соответственно этому можно выделить три предметные области, расположенные в континууме, репрезентирующем, с одной стороны,

объективно наблюдаемую, соответствующую объективному воздействию сторону боли, с другой — субъективную, интерпретативную, социокультурно конструируемую сторону.

Первая зона (1) представляет собой предмет естественнонаучных дисциплин. Вторая зона (2) — культурно-независимые, наиболее общие для представителей вида психические процессы отражения и регуляции деструктивного взаимодействия — представляет собой предмет психологических исследований. Третья зона (3) представляет собой культурной и индивидуально обусловленный компонент переживания боли и является предметом как психологии, так и дисциплин социогуманитарного кластера.

Широкое и узкое определение боли. Таким образом, в понятие боли можно включать феномены либо всех трех зон, либо только то, что рефлексируется/идентифицируется как «боль».

«Концептуальное горлышко»

Процесс категоризации чего-либо как «боль» можно метафорически изобразить в виде своеобразного «горлышка», отсеивающего и переживания, соответствующие концепту боли, сформированному как в ходе освоения индивидом культуры конкретного общества [Тхостов А.Ш., 1993; Тхостов А.Ш., 2002], так и в результате приобретения индивидуального опыта переживания боли.

Смысл этого «отсева» может заключаться в том, что сознательное обозначение чего-то как боль связано с возможностью социально опосредованной регуляции боли. Сказать, что «у меня болит», — значит как-то изменить поведение другого человека, представителя моей культуры, семьи т.е. подчинить активность других людей регуляции моего состояния. Однако можно также предположить и обратное — общегрупповые цели и задачи могут влиять на то, что субъекты будут опознавать как «боль» (феномены, показанные в экспериментах В. Мёде) [Нуркова В.В., Березанская Н.Б., 2013]. Иными словами, «проницаемость», принципы отбора могут определяться исходя из коммуникативной (деятельностной) необходимости и иных социально-психологических факторов [Хайдарова Г.Р., 2013], влияющих на то, что в данной общности/культуре/межличностной ситуации имеет смысл называть болью. Помимо этого, отбор может определяться также и собственно коммуникативными (рефлексивными) способностями субъекта [Штрахова А.В., 2009; Waddell G. et al., 1989].

«Индивидуально-специфическое горлышко» представляет частный вариант концептуального горлышка — то, что конкретный человек привык называть, идентифицировать как боль, и идентификация чего как «боль» имеет для него смысл. Данное «горлышко» можно представить как результат предыдущего «опыта переживания боли», согласно Р. Мелзаку [Melzack R., Katz J., 2004], определяющего специфические индивидуальные «настройки», влияющие на дальнейшую антиципацию боли (по аналогии с механизмами повышения готовности воспроизводить травматический опыт при ПТСР, или способствующего актуализации данного опыта «сверху» (top-down) [Legrain V. et al., 2012]. Таким образом, данный конструкт

потенциально позволяет уловить «индивидуальное» в переживании боли, связать актуальное переживание с историей этого опыта, развитием, личностью.

Социокультурные регуляторы боли и динамичность «горлышка»

Конкретные социокультурные механизмы, влияющие на «проницаемость» горлышка, могут сводиться к различным способам воздействия на когнитивно-оценочное измерение [Legrain V. et al., 2012; Gatchel R.J. et al., 2007]: частичное, временное (внушенная аналгезия) или глобальное и постоянное изменение смысловой/категориальной сферы (воздействие на идентичность человека — «теперь ты — воин и не чувствуешь боли»). Потеря значения «опасности» может приводить к снижению интенсивности болевых переживаний путем уменьшения концентрации внимания на них (т.н. феномен *соматосенсорной амплификации*) [Barsky A. et al., 1990].

«Неноцицептивные» данные

Данная идея заключается в том, что «концептуальное горлышко» помимо отсева переживаний, связанных с работой ноцицептивной системы, может идентифицировать как боль переживания, не относящиеся к ней. Иными словами, возможна ситуация, когда, с одной стороны, переживания, связанные с деструктивными процессами, не идентифицируются как боль, с другой — переживания иной природы, напротив, могут опознаваться как боль.

Это предположение может объясняться концепцией *top-down information processing* или концептуально-ведомого восприятия, активно разрабатываемой в рамках когнитивного подхода в психологии [Гусев А.Н., 2007; Legrain V. et al., 2012]. Ее суть состоит в том, что построенное образа восприятия (в нашем случае — боли) может исходить как от данных «снизу» (up-bottom) — от анализаторных систем, так и от данных «сверху» (top-down) — от имеющегося в памяти концепта/фрейма/схемы в случае его актуализации при недостаточной ясности сенсорной стимуляции («эффект миража/полустертого текста»).

Выражаясь иначе, в том случае, когда субъект готов что-либо идентифицировать как боль, процессы восприятия могут «соткать» ее сен-

сорную основу из «неноцицептивных» (неболе-вых) либо, как минимум, дополнить ноцицеп-тивные данные «неноцицептивными».

Заключение по модели

Возвращаясь к методологическим вопросам междисциплинарных и собственно психологи-ческих исследований боли в свете представлен-ной модели, можно дать некоторые предвари-тельные ответы, представить возможные пер-спективы.

Если обратиться к описанным направлениям изучения боли (физиологическое, альгометри-ческое и гуманитарное), то можно увидеть, что представленная модель предметного поля включает в себя предметное поле каждого направления в виде определенного момента, существующего в рамках единого, постепенно усложняющегося процесса отражения. Объек-тивный и субъективный подходы к боли стано-вятся не альтернативными, а взаимодополня-ющими в едином континууме. Тем не менее про-цесс перехода от одного момента к другому — от языка физиологии к языку психики, от непо-средственных психических процессов, регули-рующих деструктивное взаимодействие, к со-циокультурно опосредованным — так или ина-че приводит к фундаментальным для психоло-гии психофизиологической и психосоциальной проблемам, которые пока что можно лишь обо-значить.

Вслед за этим данная модель еще раз под-нимает вопрос меры трансформации элемен-тарной, идущей от анализаторных систем дан-ных, к более сложным психическим образова-ниям, имеющим социокультурную природу, вопрос, актуальный для биопсихосоциального подхода к боли.

В свете представленной модели находится место и субъекту боли как системы, в рамках которой разворачивается данный процесс. Бо-лее того, категории личности, индивидуаль-ности, субъектности в рамках модели могут быть вполне операционализированы и стать не номинальным, а ключевым моментом в объяс-нении: а) источника вариативности пережива-ния боли, содержания ее субъективной картины (индивидуальной, групповой) и б) механизма реализации активности субъекта в конструи-ровании, саморегуляции переживания боли.

Относительно первого момента полагаем, что в рамках данной модели опосредующим звеном между личностью и переживанием боли служит «концептуальное горлышко». Характеристики концептуального горлышка, т.е. что/по каким принципам распознается как боль, могут быть объяснены через призму таких катего-рий/моделей, как: структурная модель сознания А.Н. Леонтьева (*чувственная ткань, значение, личностный смысл*), отношение (В.Н. Мяси-щев), установка (Д.Н. Узнадзе), *индивидуальный опыт* (К.К. Платонов) и ряд других, описываю-щих и формализующих понятие личности.

Разработка второго момента, связанного с активной (*субъектностью* в понимании Б.Г. Ананьева и А.В. Брушлинского) ролью субъекта боли и определением возможных гра-ниц этой активности, видится тесно связанной с первым моментом и выходит за рамки рассмат-риваемого феномена боли, упираясь в предмет-ную область психологии личности. Тем не ме-нее конкретизация данного вопроса относи-тельно феномена боли может быть развернута в исследовательскую программу, результатом которой может стать разработка теоретических основ психокоррекции переживания боли.

Разумеется, представленная модель пока яв-ляется в большей мере гипотетической — ре-зультатом текущих обобщений — и требует как дельнейшего теоретического осмысления, по-иска, так и конкретизации, необходимой для эмпирической верификации, как минимум, не-которых из ее ключевых положений.

Список литературы

- Бранд П.Я. Особенности болевого синдрома у пациентов с травмой спинного мозга: автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 2011. 24 с.
- Ветлесен А.Ю. Философия боли / пер. с норв. Е. Воробьева. М.: Прогресс-Традиция, 2010. 240 с.
- Ганзен В.А. Системные описания в психоло-гии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. 176 с.
- Гусев А.Н. Общая психология: в 7 т. / под ред. Б.С. Братуся. Т. 2: Ощущение и восприятие. М.: Academia, 2007. 416 с.
- Данилов А.Б., Данилов Ал.Б. Биопсихосоцио-культурная модель и хроническая боль // Совре-менная терапия в психиатрии и неврологии. 2013. № 1. С. 30–36.
- Кассиль Г.Н. Наука о боли. 2-е изд. доп. М.: Наука, 1975. 400 с.

Кампер Д. Тело. Насилие. Боль: сб. ст. / пер. с нем.; сост. и общ. ред. В.В. Савчука. СПб.: Изд-во РХГА, 2010. 174 с.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность: учеб. пособие. М.: Смысл: Академия, 2005. 352 с.

Мороз В.В., Васильев В.Ю., Кузовлев А.Н. Исторические аспекты анестезиологии-реаниматологии (Часть IV) // Общая реаниматология, 2009. Т. 5, № 3. С. 81–83.

Нуркова В.В., Березанская Н.Б. Общая психология: учебник для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2013. 604 с.

Осипова В.В. Психологические аспекты боли // Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика. 2010. Т. 2, № 1. С. 4–9. DOI: <https://doi.org/10.14412/2074-2711-2010-62>

Решетняк В.К. Гендерные различия корково-подкорковых структур мозга, участвующих в восприятии боли // Российский журнал боли. 2014. № 1(42). С. 20–21.

Сапон Н.А., Чеботарева Л.Л. Использование инструментальных методов исследования для оценки нейрофизиологических коррелятов боли // Украинський нейрохірургічний журнал. 2004. № 4. С. 69–75.

Северьянова Л.А., Плотников Д.В., Крюков А.А., Долгинцев М.Е. Переживание боли при различных акцентуациях свойств темперамента // Курский научно-практический вестник «Человек и его здоровье». 2017. № 1. С. 98–106. DOI: <https://doi.org/10.21626/vestnik/2017-1/18>

Степанова Я.В., Мазурок В.А., Михалева Ю.Б., Щелкова О.Ю. Взаимосвязь восприятия боли в периоперационном периоде и психологических характеристик пациентов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2012. № 45. С. 100–107.

Тхостов А.Ш. Болезнь как семиотическая система // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 1993. № 4. С. 13–24.

Тхостов А.Ш. Психология телесности. М.: Смысл, 2002. 287 с.

Тхостов А.Ш., Елианский С.П. Методическое пособие по применению теста «Выбор дескрипторов интрацептивных ощущений» для исследования особенностей вербализации внутреннего опыта. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. 24 с.

Фахрутдинова Л.Р. Психология переживания: современное состояние, актуальные исследования, перспективы развития // Материалы Междунар. форума и школы молодых ученых ИП РАН «Образ российской психологии в регионах стра-

ны и в мире», 24–28 сентября 2006 г. М: ИП РАН. С. 101–104.

Хайдарова Г.Р. Феномен боли в культуре. СПб.: Изд-во РХГА, 2013. 317 с.

Хайдарова Г.Р. MEDIUM боли // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2010. Т. 2, № 3. С. 200–207.

Чижев В.Ф. Боль. Речь на актах Юрьевского ун-та 12 дек. 1898 г. // Вопросы философии и психологии. М., 1899. Кн. 48(III). С. 269–303.

Чукуров А.Ю. Феномен боли в контексте социокультурной динамики XXI века // Общество. Среда. Развитие. 2017. № 4(45). С. 116–123.

Чулошников А.И., Левченко Е.В. Психология боли: классификация видов боли, основанных на субъективном опыте // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2018. Вып. 1(2). С. 714–723.

Шлейфер Р. Ужасающая фактуальность боли: Семиотика и возможность репрезентации чувственного опыта // Новое литературное обозрение. 2015. №5(135). С. 16–27.

Шостак Н.А., Правдюк Н.Г. Боль как междисциплинарная проблема // Клиницист. 2012. № 2. С. 5–8.

Штрахова А.В. Психосемантика боли в структуре внутренней картины болезни у неврологических больных // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2009. № 30. С. 76–82.

Baliki M.N., Geha P.Y., Apkarian A.V. Parsing pain perception between nociceptive representation and magnitude estimation // Journal of Neurophysiology. 2009. Vol. 101, iss. 2. P. 875–887. DOI: <http://doi.org/10.1152/jn.91100.2008>

Ball C., Westhorpe R.N. The History of Pain Measurement // Anaesthesia and Intensive Care. 2011. Vol. 39, iss. 4. P. 529–529. DOI: <https://doi.org/10.1177/0310057X1103900401>

Barsky A.J., Wyshak G., Klerman G.L. The Somatosensory Amplification Scale and its relationship to hypochondriasis // Journal of Psychiatric Research. 1990. Vol. 24, iss. 4. P. 323–334. DOI: [https://doi.org/10.1016/0022-3956\(90\)90004-a](https://doi.org/10.1016/0022-3956(90)90004-a)

Biro D. The language of pain: finding words, compassion, and relief. N.Y.: W.W. Norton & Company, 2010. 256 p.

Clark D. Total pain: the work of Cicely Saunders and the hospice movement // American Pain Society Bulletin. 2000. Vol. 10, iss. 4. P. 13–15.

Dallenbach K.M. Pain: History and present status // American Journal of Psychology. 1939. Vol. 52, no. 3. P. 331–347. DOI: <https://doi.org/10.2307/1416740>

DeGood D.E., Tait R.C. Assessment of pain beliefs and pain coping // Handbook of pain assessment / ed. by D.C. Turk, R. Melzack. 2nd ed. N.Y.: The Guilford Press, 2001. P. 320–345.

Eisenberger N.I., Lieberman M.D. and Williams K.D. Does rejection hurt? An fMRI study of social exclusion // Science. 2003. Vol. 302, iss. 5643. P. 290–292. DOI: <https://doi.org/10.1126/science.1089134>

Flor H., Turk D.C., Rudy T.E. Pain and families II. Assessment and treatment // Pain. 1987. Vol. 30, iss. 1. P. 29–45. DOI: [https://doi.org/10.1016/0304-3959\(87\)90081-9](https://doi.org/10.1016/0304-3959(87)90081-9)

Gatchel R.J., Peng Y.B., Peters M.L., Fuchs P.N., Turk D.C. The biopsychosocial approach to chronic pain: Scientific advances and future directions // Psychological Bulletin. 2007. Vol. 133, iss. 4. P. 581–624. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-2909.133.4.581>

Haggard P., Iannetti G.D., Longo M.R. Spatial Sensory Organization and Body Representation in Pain Perception // Current Biology. 2013. Vol. 23, iss. 4. P. 164–176. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cub.2013.01.047>

International Association for the Study of Pain (IASP). URL: <https://www.iasp-pain.org/> (accessed: 29.06.2020).

Legrain V., Mancini F., Sambo C.F., Torta D.M., Ronga I., Valentini E. Cognitive aspects of nociception and pain. Bridging neurophysiology with cognitive psychology // Neurophysiol Clin. 2012. Vol. 42. P. 325–336. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.neucli.2012.06.003>

Linton S.J. A Transdiagnostic Approach to Pain and Emotion // Journal of Applied Biobehavioral Research. 2013. Vol. 18, iss. 2. P. 82–103. DOI: <https://doi.org/10.1111/jabr.12007>

Main C.J., Sullivan M.J.L., Watson P.J. Pain management: practical applications of the biopsychosocial perspective in clinical and occupational settings. 2nd ed. Edinburgh; N.Y.: Churchill Livingstone, 2008. 432 p.

Melzack R. Pain: Past, present and future // Canadian Journal of Experimental Psychology / Revue canadienne de psychologie expérimentale. 1993. Vol. 47, iss. 4. P. 615–629. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0078871>

Melzack R., Katz J. The Gate Control Theory: Reaching for the Brain // Pain: Psychological perspectives / ed. by T. Hadjistavropoulos, K.D. Craig. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 2004. P. 13–34.

Moayed M., Davis K.D. Theories of pain: from specificity to gate control // Journal of Neurophysiology. 2013. Vol. 109, iss. 1. P. 5–12. DOI: <https://doi.org/10.1152/jn.00457.2012>

Noble B., Clark D., Meldrum M., Have H., Seymour J., Winslow M., Paz S. The measurement of pain, 1945–2000 // Journal of Pain and Symptom Management. 2005. Vol. 29, iss. 1. P. 14–21. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jpainsymman.2004.08.007>
Handbook of pain assessment / ed. by D.C. Turk, R. Melzack. 3rd ed. N.Y.: The Guilford Press, 2011. 524 p.

Waddell G., Pilowsky I., Bond M.R. Clinical assessment and interpretation of abnormal illness behavior in low back pain // Pain. 1989. Vol. 39, iss. 1. P. 41–53. DOI: [https://doi.org/10.1016/0304-3959\(89\)90174-7](https://doi.org/10.1016/0304-3959(89)90174-7)

Weisenberg M. The regulation of pain // Annals of the New York Academy of Sciences. 1980. Vol. 340, iss. 1. P. 102–114. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1749-6632.1980.tb35163.x>

Получено 14.07.2020

References

Baliki, M.N., Geha, P.Y., and Apkarian, A.V. (2009). Parsing pain perception between nociceptive representation and magnitude estimation. *Journal of Neurophysiology*. Vol. 101, iss. 2, pp. 875–887. DOI: <http://doi.org/10.1152/jn.91100.2008>

Ball, C., and Westhorpe, R.N. (2011). The history of pain measurement. *Anaesthesia and Intensive Care*. Vol. 39, iss. 4, pp. 529–529. DOI: <https://doi.org/10.1177/0310057X1103900401>

Barsky, A., Wyshak, G. and L. Klerman, G. (1990). The somatosensory amplification scale and its relationship to hypochondriasis. *Journal of Psychiatric Research*. Vol. 24, iss. 4, pp. 323–334. DOI: [https://doi.org/10.1016/0022-3956\(90\)90004-a](https://doi.org/10.1016/0022-3956(90)90004-a)

Biro, D. (2010). *The language of pain: finding words, compassion, and relief*. New York: W.W. Norton Publ., 256 p.

Brand, P.Ya. (2011). Osobennosti bolevoogo sindroma u patsientov s travmoy spinnoy mozga: avtoref. dis. ... kand. med. nauk [Features of pain syndrome in patients with spinal cord injury: Abstract of Ph.D. dissertation]. Moscow, 24 p.

Cassil, G.N (1975). *Nauka o boli. 2-e izd.* [Science of pain. 2nd ed.]. Moscow: Nauka Publ. 400 p.

Chizh, V.F. (1899). *Bol'. Rech' na aktakh Yur'evskogo un-ta 12 dek. 1898 g.* [Speech at the acts of Yuryevsky University of December 12, 1898]. Vo-

prosy filosofii i psikhologii [Questions of philosophy and psychology]. Book 48(III), pp. 269–303.

Chukurov, A.Yu. (2017). *Fenomen boli v kontekste sotsiokul'turnoy dinamiki XXI veka* [The phenomenon of pain in the context of socio-cultural dynamics of the 21st century]. *Obschestvo. Sreda. Razvitie* [Society. Environment. Development]. No. 4(45), pp. 116–123.

Chuloshnikov, A.I. and Levchenko, E.V. (2018). *Psikhologiya boli: klassifikatsiya vidov boli, osnovannykh na sub'ektivnom opyte* [Psychology of pain: classification of types of pain, based on subjective experience]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice]. No. 1(2), pp. 714–723.

Clark, D. (2000). Total pain: the work of Cicely Saunders and the hospice movement. *American Pain Society Bulletin*. Vol. 10, iss. 4, pp. 13–15.

Dallenbach, K.M. (1939). Pain: history and present status. *American Journal of Psychology*. Vol. 52, no. 3, pp. 331–347. DOI: <https://doi.org/10.2307/1416740>

Danilov, A.B. and Danilov, A.I. (2013). *Biopsikhosotsiokul'turnaya model' i khronicheskaya bol'* [Biopsychosocial model and chronic pain]. *Sovremennaya terapiya v psikiatrii i nevrologii* [Modern Therapy in Psychiatry and Neurology]. No. 1, pp. 30–36.

DeGood, D.E. and Tait, R.C. (2001). Assessment of pain beliefs and pain coping. *Handbook of pain assessment*, ed. by D.C. Turk, R. Melzack. New York: The Guilford Press, pp. 320–345.

Eisenberger, N.I., Lieberman, M.D. and Williams, K.D. (2003). Does rejection hurt? An fMRI study of social exclusion. *Science*. Vol.302, iss. 5643, pp. 290–292. DOI: <https://doi.org/10.1126/science.1089134>

Fakhrudinova, L.R. (2006). *Psikhologiya perezhivaniya: sovremennoe sostoyanie, aktual'nye issledovaniya, perspektivy razvitiya* [Psychology of emotional experience: current state, current research, development prospects]. *Materialy mezhdunarodnogo foruma i shkoly molodykh uchenykh IP RAN «Obraz rossiyskoy psikhologii v regionakh strany i v mire», 24–28 sentyabrya 2006 g.* [Proceedings of the International Forum and School of Young Scientists IP RAS «The Image of Russian Psychology in the Regions of the Country and in the World», September 24–28, 2006]. Moscow: IP RAS Publ., pp. 101–104.

Flor, H., Turk, D.C. and Rudy, T.E. (1987). Pain and families II. Assessment and treatment. *Pain*. Vol. 30, iss. 1, pp. 29–45. DOI: [https://doi.org/10.1016/0304-3959\(87\)90081-9](https://doi.org/10.1016/0304-3959(87)90081-9)

Ganzen, V.A. (1984). *Sistemnye opisaniya v psikhologii* [System descriptions in psychology]. Leningrad: Leningrad University Publ., 176 p.

Gatchel, R.J., Peng, Y.B., Peters, M.L., Fuchs, P.N., and Turk, D.C. (2007). The biopsychosocial approach to chronic pain: Scientific advances and future directions. *Psychological Bulletin*. Vol. 133, iss. 4, pp. 581–624. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-2909.133.4.581>

Gusev, A.N. (2007). *Obschaya psikhologiya v 7 t., pod red. B.S. Bratusya. T. 2. Oschuschenie i vospriyatie* [General psychology in 7 vols, ed. by B.S. Bratus'. Vol. 2. Sensation and perceptions]. Moscow: Academia Publ., 416 p.

Haggard, P., Iannetti, G.D. and Longo, M.R. (2013). Spatial sensory organization and body representation in pain perception. *Current Biology*. Vol. 23, iss. 4, pp. 164–176. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cub.2013.01.047>

International Association for the Study of Pain (IASP). Available at: <https://www.iasp-pain.org/> (accessed 29.06.2020).

Kamper, D. (2010). *Telo. Nasilie. Bol'* [Body. Violence. Pain]. Saint Petersburg: RCHA Publ., 174 p.

Khaidarova, G.R. (2010). *MEDIUM boli* [MEDIUM of pain]. *Vestnik Leningradskogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Journal]. Vol. 2, no. 3, pp. 200–207.

Khaidarova, G.R. (2013). *Fenomen boli v kul'ture* [The phenomenon of pain in culture]. Saint Petersburg: RCHA Publ., 317 p.

Legrain, V., Mancini, F., Sambo, C.F., Torta, D.M., Ronga, I. and Valentini, E. (2012). Cognitive aspects of nociception and pain. Bridging neurophysiology with cognitive psychology. *Neurophysiol Clin*. Vol. 42, pp. 325–336. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.neucli.2012.06.003>

Leont'ev, A.N. (2005). *Deyatel'nost', soznanie, lichnost'* [Activity, consciousness and personality]. Moscow: Smysl Publ., 352 p.

Linton, S.J. (2013). A transdiagnostic approach to pain and emotion. *Journal of Applied Biobehavioral Research*. Vol. 18, iss. 2, pp. 82–103. DOI: <https://doi.org/10.1111/jabr.12007>

Main, C.J., Sullivan, M.J. and Watson, P.J. (2008). *Pain management: practical applications of the biopsychosocial perspective in clinical and occupational settings, 2nd ed.* Edinburgh: Churchill Livingstone Publ., 432 p.

Melzack, R. (1993). Pain: Past, present and future. *Canadian Journal of Experimental Psychology*. Vol. 47, iss. 4, pp. 615–629. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0078871>

Melzack, R. and Katz, J. (2004). The Gate Control Theory: Reaching for the Brain. *Pain: Psychological perspectives*, ed. by T. Hadjistavropoulos, K.D. Craig. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates Publ., pp. 13–34.

Moayed, M. and Davis, K.D. (2013). Theories of pain: from specificity to gate control. *Journal of Neurophysiol.* Vol. 109, iss. 1, pp. 5–12. DOI: <https://doi.org/10.1152/jn.00457.2012>

Moroz, V.V., Vasiliev, V.Yu. and Kuzovlev, A.N. (2009). *Istoricheskie aspekty anesteziologii-reanimatologii: chast' IV* [Historical aspects of anesthesiology-resuscitation: part 4th]. *Obschaya reanimatologiya* [General Reanimatology]. Vol. 5, no. 3, pp. 81–83.

Noble, B., Clark, D., Meldrum, M., Have, H., Seymour, J., Winslow, M. and Paz, S. (2005). The measurement of pain, 1945–2000. *Journal of Pain and Symptom Management.* Vol. 29, iss. 1, pp. 14–21. DOI:

<https://doi.org/10.1016/j.jpainsymman.2004.08.007>

Nourkova, V.V. and Berezanskaya, N.B. (2013). *Obschaya psikhologiya. 3-e izd.* [General psychology. 3rd ed.]. Moscow: Yurayt Publ., 604 p.

Osipova, V.V. (2010). *Psikhologicheskie aspekty boli* [Psychological aspects of pain]. *Nevrologiya, neyropsikhiatriya, psikhosomatika* [Neurology, Neuropsychiatry, Psychosomatics]. Vol. 2, no. 1, pp. 4–9. DOI: <https://doi.org/10.14412/2074-2711-2010-62>

Reshetnyak, V.K. (2014). *Gendernye razlichiya korkovo-podkorkovykh struktur mozga, uchastvuyuschikh v vospriyatii boli* [Gender differences in the cortical-subcortical brain structures involved in pain perception]. *Rossiyskiy zhurnal boli* [Russian Journal of Pain]. No. 1(42), pp. 20–21.

Sapon, N.A. and Chebotareva, L.L. (2004). *Ispol'zovanie instrumental'nykh metodov issledovaniya dlya otsenki neyrofiziologicheskikh korrelyatov boli* [Instrumental methods applying for pain correlates neurophysiological estimation]. *Ukrainskiy neyrokhirurgicheskiy zhurnal* [Ukrainian Neurosurgical Journal]. No. 4, pp. 69–75.

Schleifer, R. (2015). *Uzhaschayuschaya faktural'nost' boli: semiotika i vozmozhnost' reprezentatsii chuvstvennogo opyta* [The terrible facticity of pain: semiotics and the possibility of representing sensate experience]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review]. No. 5(135), pp. 16–27.

Sever'yanova, L.A., Plotnikov, D.V., Kryukov, A.A. and Dolgintsev, M.E. (2017). *Perezhivanie*

boli pri razlichnykh aktsentuatsiyakh svoystv temperamenta [Pain experience and accentuated traits of temperament]. *Kurskiy nauchno-prakticheskiy vestnik «Chelovek i ego zdorov'e»* [Kursk Scientific and Practical Bulletin «Man and His Health»]. No. 1, pp. 98–106. DOI: <https://doi.org/10.21626/vestnik/2017-1/18>

Shostak, N.A. and Pravdyuk, N.G. (2012). *Bol' kak mezhdisciplinarnaya problema* [Pain as an interdisciplinary problem]. *Klinitsist* [The Clinician]. No. 2, pp. 5–8.

Shtrakhova, A.V. (2009). *Psikhosemantika boli v strukture vnutrenney kartiny bolezni u nevrologicheskikh bol'nykh* [Psychosemantics of pain in the structure of the internal picture of the disease in neurological patients]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Psychology]. No. 30, pp. 76–82.

Stepanova, Ya.V., Mazurok, V.A., Mikhalova, Yu.B. and Schelkova, O.Yu. (2012). *Vzaimosvyaz' vospriyatiya boli v perioperatsionnom periode i psikhologicheskikh kharakteristik patsientov* [The relationship between the perception of pain in the perioperative period and the psychological characteristics of patients]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Psychology]. No. 45, pp. 100–107.

Thostov, A.Sh. (1993). *Bolezn' kak semioticheskaya sistema* [Disease as a semiotic system]. *Vestnik MGU. Seriya «Psikhologiya»* [Bulletin of Moscow State University. Series «Psychology»]. No. 4, pp. 13–24.

Tkhostov, A.Sh. (2002). *Psikhologiya telesnosti* [Psychology of corporeality]. Moscow: Smysl Publ, 287 p.

Thostov, A.Sh. and Elshanskiy, S.P. (2003). *Metodicheskoe posobie po primeneniyu testa «Vybor deskriptorov intratseptivnykh oschuscheniy» dlya issledovaniya osobennostey verbalizatsii vnutrennego opyta* [Methodical textbook for the application of the test «Selecting descriptors intratseptivnyh feelings» for studies of the verbalization of inner experience]. Moscow, 24 p.

Turk, D.C. and Melzack, R. (eds.). (2011). *Handbook of pain assessment.* 3rd ed. New York: The Guilford Press., 524 p.

Vetlesen, A. and Irons, J. (2009). *Filosofiya boli* [A philosophy of pain]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 240 p.

Waddell, G., Pilowsky, I., and Bond, M. R. (1989). Clinical assessment and interpretation of abnormal illness behavior in low back pain. *Pain*. Vol. 39, iss. 1, pp. 41–53. DOI: [https://doi.org/10.1016/0304-3959\(89\)90174-7](https://doi.org/10.1016/0304-3959(89)90174-7)

Weisenberg, M. (1980). The regulation of pain. *Annals of the New York Academy of Sciences*. Vol. 340, iss. 1, pp. 102–114. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1749-6632.1980.tb35163.x>

Received 14.07.2020

Об авторе

Чулошников Алексей Игоревич
ассистент кафедры общей
и клинической психологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: sintekatzy@rambler.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1891-4305>

About the author

Alexey I. Chuloshnikov
Assistant Lecturer of the Department
of General and Clinical Psychology

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: sintekatzy@rambler.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1891-4305>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Чулошников А.И. Моделирование предметной области психологических исследований боли // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 4. С. 579–595.
DOI: [10.17072/2078-7898/2020-4-579-595](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2020-4-579-595)

For citation:

Chuloshnikov A.I. [Modeling the subject areas of psychological research on pain]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 4, pp. 579–595 (in Russian). DOI: [10.17072/2078-7898/2020-4-579-595](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2020-4-579-595)

УДК 159.942–053.6

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-4-596-609

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ МОТИВЫ СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

Пырьев Евгений Александрович, Очеретина Юлия Андреевна

*Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи
Выборгского района Санкт-Петербурга*

В настоящей статье эмоции рассматриваются в качестве мотивов непреднамеренного суицидального поведения подростков. Исследуются эмоции «разрушающие связи». Под явлением «суицидальное поведение подростков» понимаются завершённые и незавершённые суициды, мысли, установки, разговоры, а также подготовительные действия к уходу из жизни. Отстаивается позиция, что элементарные или базовые эмоции страха, печали, отвращения «поднимаются» с уровня нейрофизиологических процессов, т.е. «снизу вверх»; на психологическом уровне создают «туннельное сознание»; реализуются в непреднамеренном суицидальном поведении. Уход из жизни объясняется специфическим состоянием сознания, при котором подросток находится в состоянии туннельного восприятия и мышления. Эмоции «разрушающие связи» (страха, печали, отвращения) отражаются в психике, формируя суицидальные планы и суицидальное поведение. Генезис суицидального поведения обуславливают гормоны серотонин, дофамин и адреналин. Так, эмоции «разрушающие связи» относятся к категории «токсичных» на том основании, что создают дефицит гормонов — нейромедиаторов, что в конечном итоге сказывается в поведении. Опосредствующую функцию в этой мотивационной схеме выполняет туннельное восприятие и мышление. На психологическом уровне все это приводит к непреднамеренному суицидальному поведению. Такое поведение отличается от ситуативного, импульсивного и аффективного протяженным временем совершения двигательных актов от нескольких часов до недель и месяцев. Элементы сознания — внимание, восприятие и мышление — в ситуации переживания токсичных эмоций приводят к состоянию, при котором подросток лишается многих сознательных актов контроля над психикой и поведением: отсутствует адекватная оценка ситуации и способность к прогнозированию, а поведение приобретает непреднамеренный разрушительный характер.

Ключевые слова: эмоциональные мотивы, суицидальное поведение подростков, туннельное мышление, токсичные эмоции, непреднамеренное поведение.

EMOTIONAL MOTIVES OF ADOLESCENT SUICIDAL BEHAVIOR

Evgeny A. Pyriev, Yulia A. Ocheretina

*Center of Psychological, Pedagogical, Medical and Social Assistance
of Vyborg district of Saint Petersburg*

In this article, emotions are considered as the motives of unintentional suicidal behavior of adolescents. The emotions that «destroy ties» are examined. They are manifested in. The phenomenon of «adolescent suicidal behavior» refers to completed and incomplete suicides, thoughts, attitudes, conversations, as well as preparatory actions for leaving life. The author argues that elementary, or basic, emotions of fear, sadness, and disgust «rise» from neurophysiological processes, i.e. «down up»; they create «tunnel consciousness» at the psychological level and are realized in unintentional suicidal behavior. Leaving life is explained by a specific state of consciousness when a teenager is in a state of tunnel perception and thinking. The emotions that «destroy ties» (fear, sadness, disgust) are reflected in the psyche, forming suicidal plans and suicidal behavior. The hormones serotonin, dopamine and adrenaline are involved in the

genesis of suicidal behavior. Emotions «destroying ties» are categorized as «toxic» on the basis that they create a deficiency of hormones — neurotransmitters, which ultimately affects behavior. The mediating function in this motivational scheme is performed by tunnel perception and thinking. At the psychological level, all of this leads to unintentional suicidal behavior. This behavior differs from situational, impulsive and affective in the extended time of performing motor acts — from several hours to weeks and months. In a situation of experiencing toxic emotions, the elements of consciousness - attention, perception and thinking — lead to a state in which a teenager loses many conscious acts of control over the psyche and behavior: there is no adequate assessment of the situation and the ability to predict, and thus the behavior becomes unintentionally destructive.

Keywords: emotional motives, adolescent suicidal behavior, tunnel thinking, toxic emotions, unintentional behavior.

Цель исследования: изучение неосознаваемых мотивов суицидального поведения подростков для построения консультативной практики, ориентированной на изучение эмоций.

Объект исследования: эмоции в суицидальном поведении.

Предмет исследования: эмоциональные мотивы суицидального поведения подростков.

Основные положения, выносимые на обсуждение, следующие:

– мотивом поведения подростков являются базовые эмоции, отвечающие за непреднамеренное суицидальное поведение человека;

– базовые эмоции группы «разрушающие связи» запускают механизм «туннельного сознания», что ограничивает возможности выхода подростка за пределы суицидальных мыслей и поведения.

Введение

Суицид представляет собой особый вид поведения, вызывающий наибольшие разногласия исследователей. Споры касаются вопроса осознанности человеком причинения себе вреда и ухода из жизни. Исследователи сомневаются в сознательности этого явления, но не могут объяснить появление суицидальных планов, мыслей и установок человека с позиции неосознаваемого. Научное и официальное объяснение, дающее определение суицида как сознательного и преднамеренного, основывается на преодолении инстинкта самосохранения, свойственного всем живым существам. Соответственно, преодоление инстинкта самосохранения возможно только посредством волевого усилия, т.е. преднамеренно [Бойченко О.В., Нестеренко О.В., 2012; Васильев В.В. и др., 2014; Ефремов В.С., 2004; Журавлева Т.В., 2018; Конончук Н.В., 1989].

Многие исследователи согласны в том, что в основе суицидального поведения лежат длительно переживаемые эмоциональные состояния в форме стресса и депрессии, рассматриваемые сознательными явлениями [Напрасная смерть..., 2005; Зотов П.Б., Уманский С.М., 2011; Мышкина Е.А., 2012; Смулевич А.Б., 2007; Тихоненко В.А., 1978]. Однако в эмоциях много неосознаваемого, что позволяет по-новому представить психофизиологический механизм суицидального поведения.

Авторы статьи основываются на положениях, отраженных в авторитетных зарубежных и отечественных научных исследованиях, посвященных неосознаваемому в психике и поведении человека, неосознаваемым процессам в суицидальном поведении. Названная проблематика раскрывается посредством анализа работ следующих ученых: К.Э. Изард [Изард К.Э., 2002], П.В. Симонов [Симонов П.В., 1975] (неосознаваемый характер носят базовые или элементарные эмоции, свойственные всем живым существам); К.Э. Изард [Изард К.Э., 2002], Т. Рибо [Рибо Т., 1912], П. Экман [Экман П., 2014] (эмоция относится к категории естественных мотивов, т.е. биологически обусловленных); Дж. Пейпец [Пейпец Дж., 1962], Ж.Е. ЛеДух [LeDoux Ж.Е., 1993] (за эмоции отвечает лимбическая система продолговатого мозга); У. Джеймс [Джеймс У., 2009] (неосознаваемость эмоций объясняется тем, что они «вырастают» из нейрофизиологических процессов); К.Г. Юнг [Юнг К.Г., 2007] (эмоции, воспоминания и желания являются содержанием личного бессознательного); У. Липер [Липер Р.У., 2007] (эмоции на неосознаваемом уровне действуют по типу познавательных процессов); О.К. Тихомиров [Тихомиров О.К., 1984], П. Экман [Экман П., 2014], Ж.Е. ЛеДух [LeDoux Ж.Е., 1993] (эмоциональная реакция в процессе отражения опережа-

ет другие психические явления); И.П. Павлов [Павловские клинические среды, 1954], Т. Рибо [Рибо Т., 1912] (эмоции — неосознаваемые явления в связи с их близостью к инстинктам); Н.Н. Ланге [Ланге Н.Н., 1914] (эмоции гнева, страха, печали допускают в психику представления, соответствующие данной эмоции, задерживая все остальные); А.Ф. Лазурский [Лазурский А.Ф., 1917] (в состоянии эмоции страха мысли и движения человека медленны и подавлены), (эмоция, вышедшая за пределы сознания, продолжает сказываться в его поведении); М. Чиксентмихайи [Чиксентмихайи М., 2011] (в состоянии эмоций человек лишается способности контролировать поведение); К.Г. Юнг [Юнг К.Г., 2007] (фантазии о смерти порождены страхом невротика перед эротическими влечениями); Дж. Уотсон [Уотсон Дж., 1998] (при объяснении поведения можно обходиться без сознания в психологическом смысле).

В статье отстаивается положение о неосознаваемом характере базовых эмоций страха, печали, отвращения, относящихся к группе «разрушающие связи», а также основанных на этих эмоциях состояний горя, тоски, страдания, стресса и депрессии. Данные эмоции детерминируют процессы восприятия, внимания, мышления и реализуются в непреднамеренном суицидальном поведении.

Специфику эмоций как универсального мотивационного явления раскрывает американский исследователь К. Изард. В своей фундаментальной работе «Психология эмоций» он пишет, что «всякая активированная эмоция — неважно, чем порожденная, сама оказывает побудительное, организующее влияние на наши мысли и поступки» [Изард К.Э., 2002, с. 57]. Похожую точку зрения высказывает другой американский исследователь Р. Пейн в монографии «Эмоции и работа»: «Эмоции определяют направление действий, мыслей и стимулов, организуют процесс восприятия и мышления» [Пейн Р., Купер К., 2008, с. 10].

Эмоциональные мотивы суицидального поведения подростков рассмотрены в следующих переменных: «подростковый возраст», «суицидальное поведение», «туннельное мышление». Стремительность перехода эмоций в поведение является отличительной особенностью подросткового возраста. Другой особенностью является склонность к саморазрушающему поведению в

ситуации переживания эмоций страха, печали, горя, страдания. Под явлением «суицидальное поведение подростков» на основе анализа психологической литературы будем понимать завершенные и незавершенные суициды, мысли, установки, разговоры, а также подготовительные действия к уходу из жизни.

Суицид относят к аутодеструктивному поведению — это действия, направленные на самоповреждение своего тела. Данное явление делят на две группы: суицидальное поведение и собственно аутодеструктивное. С точки зрения А.Г. Амбрумовой, В.С. Ефремова, Е.А. Мышкиной, В.А. Тихоненко и других исследователей, аутодеструктивное поведение проявляется в действиях, которые ведут к нецеленаправленному саморазрушению человека. Авторы подчеркивают, что действия самоповреждения осуществляются неосознанно [Амбрумова А.Г. и др., 1990; Ефремов В.С., 2004; Мышкина Е.А., 2012]. В частности, человек не понимает, что девиантные по сути поступки ведут к разрушению здоровья. К этим действиям, как правило, относят алкогольную и наркотическую зависимости, антисоциальное поведение, увлечения экстремальными видами спорта, анорексию, булимию и мн. др.

В свою очередь, сознательным принято считать суицидальное поведение, проявляющееся в попытках суицида и завершении его. Сознательными считаются также суицидальные мысли, представления и установки [Ефремов В.С., 2004; Зотов П.Б., Уманский С.М., 2011; Конончук Н.В., 1989].

Важно отметить, что в животном мире нет сознательного и преднамеренного поведения, однако суицид присутствует. Так, D. de Catanzaro, A. Preti, E. Ramsden, D. Wilson и другие ученые обращают внимание на проявления самоповреждающего поведения и аутоагрессии при стрессовых ситуациях животных. Исследователи отмечают, что подобное поведение можно наблюдать при размещении диких животных в одиночные клетки или, наоборот, в условия перенаселения, т.е. когда тесно. По данным I.H. Jones и B.A. Daniels, различные формы самоповреждения (укусы, расчесы, раздирание глубоких ран на теле в области суставов, туловища и т.д.) встречаются у человекообразных и мартышкообразных обезьян, а также леопардов, львов, шакалов, гиен и грызунов

[Catanzaro D. de, 1980; Preti A., 2007, 2011; Ramsden E., Wilson D., 2014; Jones I.H., Daniels B.A., 1996].

Постановка проблемы

Переживание человеком положительных эмоций в адрес себя, близких, сверстников и других людей никогда не являлось и не является причиной суицида. В свою очередь, переживание отрицательных эмоций — страха, печали, горя, отчаяния в адрес людей и ситуаций — является основным мотивом суицидального поведения.

В ситуации переживания эмоций и осуществления ими побудительной функции есть много неосознаваемого. В частности:

- восприятие ситуации и появление эмоции происходит автоматически;
- подросток не отдает отчета в действиях, которые побуждаются эмоциями; такие действия являются непреднамеренными и также совершаются автоматически;
- подросток не осознает специфики эмоциональных связей с предметом (объектом), в адрес которого совершает непреднамеренные действия.

Неосознаваемый характер эмоций признавали отечественные исследователи: О.К. Тихомиров, Ю.М. Орлов [Орлов Ю.М., 1991], А.Ф. Лазурский и мн. др. Так, изучая мышление, О.К. Тихомиров писал: «Исследования показали, что наличие эмоциональных процессов человеком не осознается, он не отдает себе в них отчета» [Тихомиров О.К., 1984, с. 170]. На неосознаваемость эмоций и их мотивационной функции указывал А.Ф. Лазурский в книге «Очерк науки о характерах»: «Вышедшее временно из поля его сознания, переживание горя, продолжает сказываться на всем его поведении» и еще: «в состоянии эмоции горя человек не в состоянии заняться никаким посторонним делом, все его мысли и движения медленны и подавлены» [Лазурский А.Ф., 1917, с. 150].

Из зарубежных авторов о неосознаваемости эмоций писали К. Изард, П. Экман, У. Липпер, М. Чиксентмихайи и мн. др. Американский исследователь М. Чиксентмихайи считает неосознаваемым переживание счастья, состоящее из базовых эмоций удовольствия и радости, а возникающее «намерение» или «желание» к действию является следствием реализации генетической программы [Чиксентмихайи М., 2011].

Неосознаваемость базовых эмоций во многом объясняется биологической природой их происхождения. Об этом неоднократно высказывались Г.К. Ланге [Ланге К.Г., 1890], У. Джеймс [Джеймс У., 2009], И.П. Павлов [Павловские клинические среды, 1954] и многие другие психофизиологи. Неосознаваемость эмоций объясняется тем, что они «считываются» с физиологических процессов. Г.К. Ланге допускал процесс «считывания» осознаваемым, а У. Джеймс, наоборот, неосознаваемым. Ланге считал, что на этапе считывания эмоций с физиологических процессов происходит формирование субъективного отношения к отражаемому стимулу. В свою очередь, Джеймс процесс считывания эмоций видел механистическим. Современный исследователь психологии эмоций П. Экман появление эмоций в психике называет «автоматическим» [Экман П., 2014].

Вопросы неосознаваемости психического являются прерогативой не только психологии эмоций. Например, основатель бихевиоризма Дж. Уотсон в своей работе «Психология как наука о поведении» указывал на глобальность неосознаваемого во многих психических процессах и поведении человека. С его точки зрения, бессознательный характер имеют такие известные когнитивные процессы, как ощущение, восприятие, память, мышление. Конечно, при желании они осознаются человеком, он может их сдерживать, регулировать, однако часто они протекают автоматически, т.е. без участия сознания [Уотсон Дж., 1998].

Неосознаваемость эмоций в суицидальном поведении можно объяснить также с позиции учения о потребностях, инстинктах и влечениях. Т. Рибо еще в XIX в., изучая физиологическую сторону базовых эмоций человека, достаточно определенно высказывался в пользу их происхождения из инстинктивных реакций животных. Соответственно, движения человека, исходящие от эмоций, также являются разновидностью рудиментарного поведения животных [Рибо Т., 1912].

В фундаментальной работе «Основы общей психологии» С.Л. Рубинштейн говорит об эмоциях как форме выражения потребности, которые рассматриваются биологическими явлениями, такими как голод и жажда [Рубинштейн С.Л., 1946]. Важно отметить, что данная позиция доминировала в первой половине XX в., что нашло отражение в учении психоанализа о

потребности в смерти. Термин «танатос» (или потребность в смерти) впервые использовала отечественный психоаналитик Сабина Шпильрейн [Шмидт-Холлерау К., 2003]. Данным термином она творчески доработала идею К. Юнга о либидо, которое включает в себя силы, направленные как на созидание, так и на разрушение. Например, страх невротика перед эротическими влечениями может привести к тому, что он не захочет участвовать в битве за жизнь. Он душил в себе бессознательные желания и тем самым, по выражению Юнга, совершает как бы самоубийство. Отсюда проистекают различного рода фантазии о смерти [Юнг К.Г., 2007].

Другим неосознаваемым мотивом в психоанализе представлены влечения. По З. Фрейду, это силы, побуждающие действовать без участия сознательного размышления. Влечение имеет много общего с эмоциональностью человека. Так, универсальным влечением выступает стремление к удовольствию; влечение к жизни включает в себя эмоцию счастья, а в основе влечения к смерти — агрессивность [Фрейд З., 2013].

Неосознаваемый характер носят исключительно базовые или элементарные эмоции, свойственные всем живым существам. Известный отечественный психофизиолог П.В. Симонов считал, что при раздражении мозга появляются четыре основные эмоции: гнев, страх, удовольствие, отвращение [Симонов П.В., 1975, с. 87].

К. Изард на основе наблюдений за мимикой лица выделяет десять базовых эмоций: интерес, удовольствие, удивление, страдание, злость, отвращение, презрение, страх, стыд, вина. Он приводит также основные признаки базовых эмоций:

- наличие определенных нервных процессов;
- характерные нервные, физиологические и мышечные (или мимические) комплексы;
- специфическое субъективное переживание для каждой эмоции [Изард К.Э., 2002].

Базовые эмоции выступают в роли досознательной мотивации. Они вырастают из органических процессов нервной системы, т.е. «снизу вверх», и активируют не только поведение, но и психические познавательные процессы. Эмоции настраивают восприятие, память и мышление в адрес определенных объектов окружающего мира.

Мотивационный характер эмоций проявляется в том, что эмоция, являясь ответом на состояние связи с предметом (объектом, явлением, деятельностью), направляет активность на укрепление или разрыв этих связей. Характер мотивации определяется модальностью эмоции, например, радость, являясь ответом на устойчивую связь человека с предметом, направляет активность на поддержание и укрепление связи; эмоция злости направляет активность на преодоление наметившегося разрыва с предметом и т.д. Таким образом, то, что является причиной эмоций, выступает главным предметом их направленной активности. В этом смысле мотивационная функция эмоций направлена на свою причину [Пырьев Е.А., 2019].

Связь эмоции с предметом обладает рядом характеристик: предметностью, устойчивостью, целостностью, неосознаваемостью, напряженностью, побудительностью. Предметность — это эмоция, эмпирически связанная с конкретным предметом, которым выступает ситуация, объект, человек, деятельность; устойчивость (связи сохраняются на годы); целостность (аффективный образ представляет собой единую психическую единицу); неосознаваемость (связи часто не осознаются человеком); напряженность (каждая эмоция обладает специфическим энергетическим потенциалом); побудительность (эмоция объективируется во внешнем поведении в адрес предмета своей эмпирической связи) [Пырьев Е.А., 2017].

Существует большое количество ситуаций в подростковой жизни, разрыв с которыми выступает источником появления эмоций «разрушающие связи». Например, низкие оценки по учебным предметам — разрыв связи с учебой; семейные конфликты — потеря связи с близкими; наркотическая ломка — нарушение связи с собой прежним; физическая травма — потеря связи со здоровьем; преследование со стороны группы — потеря связи прежних отношений; социальная изоляция (одиночество) — разрыв с социальным окружением, потеря прежних межличностных отношений и т.д.

Единичный разрыв связей с учебой, местом жительства, с близким человеком сопровождается одной из базовых эмоций печали или страха, а заканчивается переживанием стресса. В свою очередь, множественный разрыв связей,

приводящий к длительному переживанию и нервному истощению, заканчивается депрессивным состоянием.

Раскрытие предмета исследования

Важно отметить, что исследования в психологии, посвященные суицидальному поведению, традиционно исходившие из концепции доминирования мышления и интеллекта над эмоциями, не дают возможности видеть в суицидальном поведении неосознаваемого, порожденного базовыми эмоциями. В свою очередь, раскрытие и обоснование известных и малоизвестных исследований в области психологии и психофизиологии позволит рассмотреть суицидальное поведение с других позиций, отличных от психологии сознания.

Российский психолог начала XX в. Н.Н. Ланге говорил о селективной функции эмоций — она проявляется в том, что «эмоция оказывает влияние на ход наших представлений... гнев, страх, печаль... могут допускать лишь те представления, которые соответствуют данной эмоции, задерживая все остальные» [Ланге Н.Н., 1914, с. 273]. Эмоциональное воздействие на мыслительные процессы может быть различным. На практике известно, что в радостном настроении человек обращает внимание на одни объекты и не замечает других. Известно также, что в состоянии эмоции страха человек видит все предметы угрожающими его жизни, в состоянии печали окружающий мир кажется серым, обыденным, лишенным смыслов.

Интересны исследования, в которых раскрывается механизм влияния эмоций на мышление. Так, К. Изард ссылается на исследования, в которых эмоции принимают форму саморазговора или внутреннего монолога. В последующем эмоционально детерминированный саморазговор становится мыслью человека, а также его поведением. Автор указывает, что под влиянием отрицательных эмоций мышление затормаживается, то же происходит с процессами познавательной активности — вниманием, памятью, восприятием. Интересно, что чрезмерные, т.е. переживаемые интенсивно, положительные эмоции радости, удовольствия тормозят и дезорганизуют интеллектуальную активность. Однако положительные эмоции низкой интенсивности только способствуют усвоению и переработке информации.

Е.П. Крутенкова с соавторами пришла к выводу, что успешность решения мыслительных задач зависит от знака эмоционального воздействия. В исследовании было выявлено, что при предъявлении подросткам эмоционально отрицательных изображений ухудшается эффективность решения мыслительных задач [Крутенкова Е.П. и др., 2013]. В свою очередь, А.В. Грачева и А.А. Бажинова подчеркивают, что «застойные негативные эмоциональные состояния определяют исход когнитивных раздумий подростка на тему жизни и смерти» [Грачева А.В., Бажинова А.А., 2016, с. 10].

Л.С. Акоюн и С.С. Мишина выделяют не менее десяти эмоций и эмоциональных состояний, сопровождающих кризисное состояние подростка: чувство неопределенности, беспокойства, тревоги, состояние беспомощности, чувство одиночества, тоски, обиды, ощущение бессилия и безнадежности. Авторы приходят к выводу, что негативные эмоциональные процессы и состояния приводят к депрессии, переживание которой — к суициду [Акоюн Л.С., Мишина С.С., 2019].

Люди, находящиеся в состоянии выраженной депрессии, описывают свои ощущения как притупленные, неяркие, невыразительные: все вокруг как бы окрашивается в оттенки серого цвета, другие цвета становятся бледными, неинтересными, пища кажется безвкусной, звуки становятся приглушенными. Психологическими признаками депрессии являются также подавленное настроение, снижение речевой и в целом интеллектуальной активности, заторможенность, отсутствие интереса к происходящему, беспредметная тревога, страх перед будущим, утрата смыслов, потеря перспектив, навязчивые суицидальные мысли, суицидальные действия — порезы рук, пирсинг, употребление алкоголя и наркотиков [Васильев В.В. и др., 2014; Зотов П.Б., Уманский С.М., 2011].

И.А. Баева, являющаяся основоположником концепции психологической безопасности обучающихся подросткового возраста, отмечает, что переживание отрицательных эмоций является показателем нарушения психологической безопасности, переживания незащищенности и неблагополучия [Баева И.А., 2002]. Важно отметить, что психологические признаки неблагополучия подросток не всегда осознает. Примером тому является скрытая депрессия, получившая название «маскированная». В этой депрессии,

описанной А.Б. Смулевичем, не осознаются психологические проявления, беспокоит только соматическое расстройство: нарушение сна, стула, аппетита. Соответственно, психологические симптомы для подростка скрыты за соматическими проявлениями [Смулевич А.Б., 2007]. Б.Д. Цыганков и С.А. Овсянников в учебнике по психиатрии описывают «синдром помрачения сознания». Характеризуется данное явление потерей ясности сознания в ситуации переживания эмоций страха, тоски и гнева. Поведение приобретает автоматическую упорядоченную форму. После выхода из состояния помрачения сознания, которое может продолжаться от нескольких минут до нескольких дней, отсутствуют воспоминания о расстройстве сознания [Цыганков Б.Д., Овсянников С.А., 2011].

Эмоциональная детерминация когнитивных процессов и поведения объясняется с позиции нейрофизиологии и нейробиологии. Так, в зарубежных и некоторых отечественных психофизиологических исследованиях эмоция представляется как древняя и первичная форма отражения [Джеймс У., 2009; Ланге Н.Н., 1914; Липер Р.У., 2007; Панферов В.Н., 1982]. Одним из первых на эту тему высказался Дж. Пейпек в 1937 г. Он отнес эмоции к категории естественных мотивов, объясняя свою позицию тем, что за эмоции отвечает продолговатый мозг, в частности, его область, которую называют лимбической системой. Он установил, что центром возбуждения этой системы является гипоталамус, сигналы от которого через передневентральное ядро таламуса передаются в поясную извилину и через нее в кору больших полушарий [Пейпек Дж., 1962].

Исследования Дж. Пейпеца, а также последние исследования в Великобритании и США недвусмысленно указывают на физиологическое первенство эмоционального реагирования над интеллектуальным. В 1993 г. профессор-невролог Нью-Йорского университета J.E. LeDoux установил, что в процессе отражения эмоциональная реакция опережает другие явления. В частности, он доказал, что афферентное возбуждение от стимула, идущее по нервным каналам, в первую очередь активирует лимбический мозг, создавая в нем чрезвычайное положение. Далее лимбическая система мобилизует новый мозг, тем самым приводя его в состояние готовности для решения насущных вопросов [LeDoux J.E., 1993].

Эксперименты J.E. LeDoux, а также отечественных психологов В.Н. Панферова, О.К. Тихомирова и др. подтверждают правильность теории У. Джеймса и К.Г. Ланге об органической природе эмоций и первичности их появления в психике человека. Панферов писал: «Внешний облик... является побудителем первичной непроизвольной эмоции, соответствующей неясной психофизиологической реакции субъектов друг на друга» [Панферов В.Н., 1982]. Автор также указывает, что восприятие и осознание другого человека обусловлено глубинными мотивационными образованиями, исходящими от бессознательного.

Особенностью эмоциональности человека является ее функционирование по схеме обратной связи. Так, эмоция, возникающая из глубин нейрофизиологических процессов и бессознательного, выходит на поверхность, т.е. на сознательный уровень, переживается, а затем по афферентным каналам спускается снова на нейрофизиологический бессознательный уровень, поддерживая в нем доминирующий эмоциональный фон. В некоторых случаях внешние переживания не только поддерживают эмоциональную доминанту на нервном уровне, но и создают ее. Таким образом, эмоциональность человека, представляя собой глобальные формы внешнего и внутреннего проявления, выступает тем фильтром, через который пропускаются все сигналы, поступающие к человеку. Эмоция создает универсальный мотивационный фон, который определенным образом объективируется в решениях человека и его поведении.

Действие эмоциональных схем «снизу вверх», от нейронных механизмов лимбической системы продолговатого мозга до неокортекса, объясняет неосознаваемый характер влияния эмоций на когнитивные структуры человека. Нейронные схемы группы эмоций «разрушающие связи», поднимающиеся из лимбической системы старого мозга на уровень неокортекса, «захватывают» когнитивные процессы, не дают им развернуться, создают явление «туннельное сознание».

Концепция туннельного сознания пришла в психологию из офтальмологии. Данным явлением объясняли сужение фокуса восприятия до уровня «только перед глазами». В психологии данное явление характеризуется ограниченностью внимания, восприятия и мышления. В этом состоянии многие события внешнего мира чело-

веком не замечаются, в фокус его восприятия попадает ограниченное количество раздражителей. Так, память, находящаяся во власти отрицательных эмоций, концентрируется на негативной информации; мысли и рассуждения оперируют только конфликтными событиями, в которых подросток был оскорблен; нейтральные слова близкого окружения воспринимаются обидными; болезненно воспринимается критика [Туннельное мышление..., 2020].

В туннельном сознании подросток не выходит за рамки проблемы, он ею ограничен. Если проблемой является конфликт с одноклассниками, то подросток думает только об отрицательных сторонах этого явления. В потоке его сознания в адрес сверстников присутствуют негативные слова-ассоциации: «придурки», «твари», «толпа», «безмозглые» и т.д. Если конфликт с родителями, то слова-ассоциации следующие: «бесчувственные», «равнодушные», «бестолковые», «занятые собой». Переживание отрицательных эмоций в адрес сверстников и родителей захватывает сознание подростка, он реализует непреднамеренное поведение, соответствующее одной из базовых эмоций «разрушающие связи». В состоянии «туннельного сознания» подростку недоступны многообразные способы решения проблем конфликтов с друзьями, родными и близкими. В его психике отсутствуют варианты изменения обстоятельств жизни, например, такие, как поменять место жительства, поменять друзей, загрузить себя разными увлечениями, занятиями. Вместо этого в психике присутствуют только кризисный по своей сути вариант выхода из ситуации — разрыв конфликтных отношений путем ухода из жизни.

Туннельное мышление, восприятие и память трудно назвать полноценными актами сознания. Это форма сознания, характеризующаяся не совсем ясным пониманием себя и окружения. Подросток ощущает напряжение, плохое самочувствие, дискомфорт, но не понимает настоящих эмоций, переживаемых в адрес ситуации; происходит эмоциональная выхолощенность — нет сострадания, нет чувствительности к чужим переживаниям; подросток не осознает последствий совершаемых действий, т.е. отсутствует прогнозирование.

Таким образом, человек воспринимает ситуацию через призму своих эмоций. Это понятно по известному изречению: «Красивым можно считать все, на что мы смотрим с любовью». В дан-

ном случае любовь — это призма, через которую происходит восприятие окружающего мира. Такой призмой может выступить любая базовая эмоция — радость, страх, злость, печаль. Соответственно, красивым предмет видит эмоция радости, а не красивым — эмоция печали.

Большинство отрицательных эмоций, представленных группой «разрушающие связи», получили в психофизиологии название «токсичные». Таковыми следует признать эмоции, разрушающие контакт со средой, сужающие восприятие до туннельного, не дающие выхода энергии, нарушающие восприятие реальности, подменяющие реальность фантазией [Черняев Л., 2020].

Механизм влияния токсичных эмоций на психику и поведение объясняется химическими процессами в нервной системе. Отрицательные эмоции сопровождаются дефицитом гормонов (нейромедиаторов), которые являются химическими передатчиками импульсов между нервными клетками по всему мозгу. Источником нейромедиаторов — серотонина, дофамина, адреналина — выступают элементы лимбической системы среднего мозга — гипофиз и гипоталамус. Гормоны отвечают за важные функции организма. В частности, нехватка серотонина приводит к ощущению голода и увеличению потребления пищи. Дефицит гормона серотонина негативно сказывается на двигательной активности, она понижается, снижается также тонус мышц. Серотонин отвечает за стимуляцию областей, ответственных за познавательную активность, поэтому недостаток серотонина на фоне депрессии и сниженного настроения сказывается на понижении познавательной активности [Химия эмоций, 2020].

С точки зрения Д. Либермана, стресс повышает уровень гормона адреналина, но приводит к дефициту гормона дофамина. В свою очередь, дофамин активно высвобождается во время употребления пищи. Это объясняет неумеренное потребление пищи во время переживания стресса. Дофамин так же, как серотонин, участвует в процессе принятия человеком решений. В ситуации переживания отрицательных эмоций и дефицита дофамина подростки испытывают затруднения с принятием решений, совершаемых на неосознаваемом уровне [Либерман Д., 2019].

Эмоция страха, сопровождающая стрессовые состояния, способствует активации гормона адреналина. Длительное воздействие адреналина

на организм подростка приводит к уменьшению мышечной массы, похудению, усилению белкового обмена. Похудение при стрессе объясняется именно действием адреналина. Антиподом адреналина является норадреналин. Он повышается при стрессе, отвечает за сужение сосудов и повышение артериального давления.

Нейробиологический уровень функционирования эмоций страха и печали, а в некоторых ситуациях эмоций злости и гнева, с нашей точки зрения, объясняет влияние гормонов-нейромедиаторов на психику подростка и его поведение. Гормоны-нейромедиаторы (серотонин, дофамин, адреналин) и эмоции находятся во взаимовлиянии. Токсичные эмоции «разрушающие связи» создают дефицит нейромедиаторов, что в конечном итоге приводит к непреднамеренному суицидальному поведению. Опосредствующую функцию в этой мотивационной схеме выполняет туннельное восприятие и мышление. Именно они на психологическом уровне делают суицидальное поведение непреднамеренным. Такое поведение отличается от ситуативного, импульсивного и аффективного протяженным временем совершения двигательных актов от нескольких часов до недель и месяцев.

Положение об осознанности/неосознанности суицидального поведения строится на реализации непреднамеренного поведения, детерминированного базовыми эмоциями. Осознание эмоций происходит только после совершения непреднамеренных действий, реализация которых может занять достаточно продолжительное время. Замечено, что если суицидальная попытка не состоялась по каким-либо причинам, то суицидальное поведение повторяется, но не заканчивается. Повторные суицидальные попытки говорят об осознании совершаемого поведения. Сознательный контроль в эмоциях приводит к смене поведения.

В терминах непреднамеренного поведения сегодня рассматривается процесс решения задачи или даже процесс наблюдения за объектом; речевые реакции — громкость, колебания голоса, интонации; двигательные реакции — скорость, координация, ловкость; разнообразные движения лица и тела, состоящие из нескольких целостных двигательных актов, — чтение книг, поглощение пищи, курение; развернутые движения, состоящие из нескольких действий, протяженных во времени.

«Разрушающие связи эмоции» (страх, печаль, отвращение) выражаются во внешних действиях, таких как отталкивание, отторжение, избегание, разрушение, разрыв, распад, раскол, разлад, нарушение непрерывности, расхождение, оцепенение, развал, уход, обход. Данные действия подростков можно поделить на «прямые» и «сопутствующие»: проявляются они в учебе и социальных отношениях. Сопутствующие действия — это пропуски учебных занятий, неготовность к урокам, больничные, опоздания, разговоры по сотовому телефону на уроках, «сидение» в компьютерных играх на переменах и уроках.

Прямые суицидальные действия непреднамеренного характера проявляются в неопрятном внешнем виде подростка, раздаче своих вещей, чтении книг суицидальной направленности, употреблении алкоголя и наркотиков, чрезмерном употреблении пищи (булимия), отказе от пищи (анорексия); сюда же можно отнести разговоры о конце света и уходе из жизни. Социальные отношения подростков приобретают «уходящий» характер. Подросток изолируется, не общается, сводит социальные отношения до минимума: убирает свой портрет на аватарке, а также фотографии в социальных сетях.

Суицидальное поведение является неосознаваемым, так как детерминировано базовыми эмоциями страха, печали, отвращения, подготавливающими и запускающими непреднамеренное поведение подростков по уходу из жизни. Объясняется неосознаваемый характер поведения нейробиологическими и нейрофизиологическими процессами, лежащими у истоков базовых эмоций. Вырастающие из органических процессов эмоции «разрушающие связи» приобретают токсичный характер, детерминируют когнитивный аппарат, создают туннельное восприятие и мышление, реализуются в непреднамеренном развернутом суицидальном поведении.

Вывод

Анализ литературы и логика изложения предложенного материала позволяют сформулировать основные положения суицидального поведения подростков в качестве неосознаваемого явления. Так, эмоция дает первичную информацию восприятию, а также «пищу для размышления» мышлению и сознанию в целом. В «потоке сознания» подростка присутствуют мысли, пе-

реживания, рассуждения, умозаключения по ситуации, в адрес которой человек переживает эмоции «разрушающие связи». Данные эмоции направляют восприятие и мышление по негативному сценарию. Переживание отчаяния и безнадежности запускает механизм суицидальных форм поведения, что отражается в рискованных формах поведения, в вынашивании суицидальных планов, а также в попытках суицида.

Эмоциональными мотивами суицидального поведения подростков являются базовые эмоции печали, страха и отвращения, переживаемые в адрес нескольких травмирующих психику ситуаций и явлений. Соответственно, подростком переживается не одна отрицательная эмоция, а несколько. Подросток может переживать эмоцию печали в свой адрес, а также отвращение в адрес родителей, эмоцию страха в адрес друзей и т.д. Эмоции группы «разрушающие связи» создают явление «туннельное сознание», что приводит к путанице в мыслях; подросток не в состоянии контролировать мыслительный процесс, затрудняется выполнять простейшие задачи. В состоянии «туннельного сознания» мысли замедляются, становятся тугоподвижными, неповоротливыми, в их содержании преобладают темы неудачи, поражения, невозможности решения проблем. Попадая в это состояние, подросток сводит восприятие действительности до минимума. Внимание в этом случае направляется на внутренние переживания, что не позволяет учесть многообразие внешних стимулов, способных преодолеть негативный сценарий. Мышление, детерминированное эмоцией, является слабой преградой для появления еще больших отрицательных эмоций и совершения непреднамеренных действий суицидальной направленности.

В ситуации приступа эмоций страха или гнева подросток может переживать состояние сумеречного сознания, которое может продолжаться до нескольких дней. Суицидальное поведение в состоянии помрачения сознания становится автоматическим. После выхода из этого состояния теряются элементы памяти о расстройстве сознания, что объясняет отсутствие воспоминаний о суициде.

Эмоция — это мотивационная установка, существующая на неосознаваемом уровне психики. Подросток не осознает нейронных, вегетативных, мышечных и даже поведенческих процессов, исходящих от эмоций определенной мо-

дальности. Эмоция начинается с восприятия триггера, которым выступает конфликтная ситуация. Этой ситуацией чаще всего служит разрыв связей со значимыми сверстниками и родными. Афферентные каналы, запущенные триггером, активируют нейрофизиологические процессы лимбической системы по схеме эмоций «разрушающие связи». Активация нейронных цепей по схеме эмоций страха, печали, горя, страдания приводит к дефициту гормонов серотонина и дофамина, ответственных на биохимическом уровне за внешнее непреднамеренное суицидальное поведение.

Токсичность эмоций проявляется не только в ощущении одиночества и безнадежности, но и в неспособности преодоления туннельного восприятия и мышления. Многие позитивные события внешнего мира подростком не замечаются, в фокус его восприятия попадает только негативная информация; мысли и рассуждения, находящиеся во власти негативных эмоций, оперируют только конфликтными событиями, нейтральные слова близкого окружения воспринимаются оскорбительными; мышление приобретает навязчивый характер суицидальных мыслей, взглядов и рассуждений; поведение в состоянии эмоций «разрушающие связи» приобретает разрушительный характер, проявляющийся в действиях отталкивания, отторжения, избегания, разрушения, разрыва, распада, раскола, разлада, расхождения, оцепенения, развала, ухода.

Список литературы

- Акопян Л.С., Мишина С.С. Эмоциональные состояния как детерминанты суицидального поведения подростков // Поволжский педагогический вестник. 2019. Т. 7, № 1(22). С. 24–28.
- Амбрумова А.Г., Трайнина Е.Г., Ратинова Н.А. Аутоагрессивное поведение подростков с различными формами социальных девиаций // VI Всероссийский съезд психиатров: тез. докл. (Томск, 24–26 октября 1990 г.). М., 1990. Т. 1. С. 105–106.
- Баева И.А. Психологическая безопасность в образовании. СПб.: Союз, 2002. 271 с.
- Бойченко О.В., Нестеренко О.В. Подростковый суицид: причины, профилактика и диагностика // Вестник Таганрогского государственного педагогического института им. А.П. Чехова. 2012. Спец. вып. № 1. С. 130–133.
- Васильев В.В., Ковалев Ю.В., Имашева Э.Р. Суицидальные мысли при депрессивном синдроме // Суицидология. 2014. Т. 5, № 1(14). С. 30–35.

- Грачева А.В., Бажинова А.А.* Особенности суицидального поведения в подростковом возрасте // Территория науки. 2016. № 4. С. 8–12.
- Джеймс У.* Эмоция // Психология мотивации и эмоций: хрестоматия. М.: АСТ: Астрель, 2009. С. 75–88.
- Ефремов В.С.* Основы суицидологии. СПб.: Диалект, 2004. 480 с.
- Журавлева Т.В.* Суицид — осознанный выбор смерти: философские и психологические аспекты проблемы // Психология и право. 2018. Т. 8, № 2. С. 35–49. DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2018080203>
- Зотов П.Б., Уманский С.М.* Клинические формы и динамика суицидального поведения // Суицидология. 2011. Т. 2, № 1(2). С. 3–6.
- Изард К.Э.* Психология эмоций. СПб.: Питер, 2002. 464 с.
- Конончук Н.В.* О психологическом смысле суицидов // Психологический журнал. 1989. Т. 10, № 5. С. 95–102.
- Крутенкова Е.П., Есипенко Е.А., Рязанова М.К., Ходанович М.Ю.* Влияние эмоциональных изображений на решение когнитивных задач // Вестник Томского государственного университета. Биология. 2013. № 1(21). С. 129–145.
- Лазурский А.Ф.* Очерк науки о характерах. Пг.: Изд-во К.Л. Риккера, 1917. 386 с.
- Ланге К.Г.* Аффекты (душевные движения): Психофизиологический этюд. СПб., 1890. 65 с.
- Ланге Н.Н.* Теоретическая психология. Психический мир. М.: Мир, 1914. Ч. 1. 311 с.
- Либерман Д.* Дофамин: самый нужный гормон. Как молекула управляет человеком. М.: АСТ, 2019. 304 с.
- Липер Р.У.* Мотивационная теория эмоций // Психология эмоций. СПб.: Питер, 2007. С. 210–224.
- Мышкина Е.А.* К вопросу о причинах и механизмах аутоагрессивного поведения // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 3(34). С. 271–274.
- Напрасная смерть: причины и профилактика самоубийств / под ред. Д. Вассерман.* М.: Смысл, 2005. 310 с.
- Орлов Ю.М.* Восхождение к индивидуальности. М.: Просвещение, 1991. 287 с.
- Павловские клинические среды / отв. ред. акад. К.М. Быков.* М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 1. 644 с.
- Панферов В.Н.* Когнитивные эталоны и стереотипы взаимопонимания людей // Вопросы психологии. 1982. № 5. С. 139–141.
- Пейн Р., Купер К.* Эмоции и работа. Теории, исследования и методы применения. Харьков: Гуманит. центр, 2008. 544 с.
- Пейнец Дж.* Висцеральный мозг, его строение и связи // Ретикулярная формация мозга. М., 1962. С. 520–532.
- Пырьев Е.А.* Мотивационная функция эмоций: теоретический подход к изучению // Вестник практической психологии в образовании. 2019. Т. 16, № 2(2). С. 47–55. DOI: <https://doi.org/10.17759/bppe.2019160207>
- Пырьев Е.А.* Эмоциональное поведение человека // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2017. Т. 23, № 2. С. 34–38.
- Рибо Т.* Психология чувств: в 2 ч. Житомир: Южно-Русское Книгоиздательство «Ф.А. Югансон», 1912. 305 с.
- Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. М.: Просвещение, 1946. 698 с.
- Симонов П.В.* Высшая нервная деятельность человека. Мотивационно-эмоциональный аспект. М.: Наука, 1975. 175 с.
- Смулевич А.Б.* Депрессии при соматических и психических заболеваниях. М.: МИА, 2007. 432 с.
- Тихомиров О.К.* Психология мышления. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 272 с.
- Тихоненко В.А.* Классификация суицидальных проявлений // Актуальные проблемы суицидологии: сб. ст. М., 1978. Т. 82. С. 59–73.
- Туннельное мышление: что это такое и как преодолеть / вПлатье.ру.* URL: <https://vplate.ru/myshlenie/tunnelnoe/> (дата обращения: 23.04.2020).
- Уотсон Дж.* Психология как наука о поведении. М.: АСТ-ЛТД, 1998. 704 с.
- Фрейд З.* Печаль и меланхолия // Суицидология: прошлое и настоящее. М.: Когито-центр, 2013. С. 255–270.
- Химия эмоций / Лаборатория мозга.* URL: <http://www.neiromarketing.ru/articles/86.htm> (дата обращения: 23.04.2020).
- Цыганков Б.Д., Овсянников С.А.* Психиатрия: руководство для врачей. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2011. 493 с.
- Черняев Л.* Токсичный уровень эмоций / Value-Psychology. URL: <http://value-psychology.com/toksicheskiy-uroven-emotsij/> (дата обращения: 25.04.2020).
- Чиксентмихайи М.* Поток: психология оптимального переживания: пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2011. 461 с.

Шмидт-Холлерау К. Влечение к жизни и влечение к смерти. Либи́до и Лета. СПб.: Б&К, 2003. 298 с.

Экман П. Психология эмоций. Я знаю, что ты чувствуешь. СПб.: Питер, 2014. 334 с.

Юнг К.Г. Аналитическая психология. Тавистокские лекции. М.: Азбука-классика, 2007. 240 с.

De Catanzaro D. Human suicide: a biological perspective // *The Behavioral and Brain Sciences*. 1980. Vol. 3, iss. 2. P. 265–272. DOI:

<https://doi.org/10.1017/S0140525X0000474X>

Jones I.H., Daniels B.A. An ethological approach to self-injury // *British Journal of Psychiatry*. 1996. Vol. 169, iss. 3. P. 263–267. DOI:

<https://doi.org/10.1192/bjp.169.3.263>

LeDoux J.E. Emotional memory systems in the brain // *Behavioural Brain Research*. 1993. Vol. 58, iss. 1–2. P. 69–79. DOI: [https://doi.org/10.1016/0166-4328\(93\)90091-4](https://doi.org/10.1016/0166-4328(93)90091-4)

Preti A. Animal model and neurobiology of suicide // *Progress in Neuro-Psychopharmacology and Biological Psychiatry*. 2011. Vol. 35, iss. 4. P. 818–830. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pnpbp.2010.10.027>

Preti A. Suicide among animals: a review of evidence // *Psychological Reports*. 2007. Vol. 101, iss. 7. P. 831–848. DOI:

<https://doi.org/10.2466/pr0.101.7.831-848>

Ramsden E., Wilson D. The suicidal animal: science and the nature of self-destruction // *Past and Present*. 2014. Vol. 224, iss. 1. P. 201–242. DOI:

<https://doi.org/10.1093/pastj/gtu015>

Получено 13.08.2020

References

Akopyan, L.S. and Mishina, S.S. (2019). *Emotsional'nye sostoyaniya kak determinanty suitsidal'nogo povedeniya podrostkov* [Emotional conditions as determinants of adolescent suicidal behavior]. *Povolzhskiy pedagogicheskii vestnik* [Volga Pedagogical Bulletin]. Vol. 7, no. 1(22), pp. 24–28.

Ambrumova, A.G., Traynina, E.G. and Ratinoва, N.A. (1990). *Autoagressivnoe povedenie podrostkov s razlichnymi formami sotsial'nykh devyatsiy* [Auto-aggressive behavior of adolescents with various forms of social deviations]. *Vserossiyskoe nauchnoe meditsinskoe obschestvo psikiatrov* [All-Russian scientific medical society of psychiatrists]. Vol. 1, pp. 130–133.

Baeva, I.A. (2002). *Psikhologicheskaya bezopasnost' v obrazovanii* [Psychological safety in education]. Saint Petersburg: Souz Publ., 271 p.

Boychenko, O.V. and Nesterenko, O.V. (2012). *Podrostkovyy suitsid: prichiny, profilaktika i diagnostika* [Adolescent suicide: causes, prevention and diagnosis]. *Vestnik Taganrogskogo pedagogicheskogo instituta im.A.P. Chekhova* [Bulletin of the Taganrog Pedagogical Institute named after A.P. Chekhov]. Vol. 1, pp. 130–133.

Bykov, K.M. (ed.) (1954). *Pavlovskie klinicheskie sredy* [Pavlov's clinical environments]. Moscow: AS of the Soviet Union Publ., vol. 1, 644 p.

Chernyaev, L. (2020). *Toksichnyy uroven' emotsiy* [Toxic level of emotions]. Available at: <http://valuepsychology.com/toksicheskij-uroven-emotsij/> (accessed 25.04.2020).

Csikszentmihalyi, M. (2011). *Potok: psikhologiya optimal'nogo perezhivaniya* [Flow: the psychology of optimal experience]. Moscow: Alpina non-fiktion Publ., 461 p.

De Catanzaro, D. (1980). Human suicide: a biological perspective. *The Behavioral and Brain Sciences*. Vol. 3, iss. 2, pp. 265–290. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0140525X0000474X>

Efremov, V.S. (2004). *Osnovy suitsidologii* [Basics of suicidology]. Saint Petersburg: Dialekt Publ., 480 p.

Ekman, P. (2014). *Psikhologiya emotsiy. Ya znayu, chto ty chuvstvuesh'* [Psychology of emotions. I know what you feel]. Saint Petersburg: Piter Publ., 334 p.

Freud, Z. (2013). *Pechal' i melankholiya* [Mourning and melancholy]. *Suitsidologiya: proshloe i nastoyashee* [Suicidology: past and present]. Moscow: Cogito-Centre Publ., pp. 255–270.

Gracheva, A.V. and Bazhinova, A.A. (2016). *Osobennosti suitsidal'nogo povedeniya v podrostkovom vozraste* [Features of suicidal behavior in adolescence]. *Territoriya nauki* [Territory of Science]. No. 4, pp. 8–12.

Izard, K.E. (2002). *Psikhologiya emotsiy* [Psychology of emotions]. Saint Petersburg: Piter Publ., 464 p.

James, W. (2009). *Emotsiya* [Emotion]. *Psikhologiya motivatsii i emotsiy* [Psychology of motivation and emotions]. Moscow: AST Publ., pp. 75–88.

Jones, I.H. and Daniels, B.A. (1996). An ethological approach to self-injury. *British Journal of Psychiatry*. Vol. 169, pp. 263–267. DOI: <https://doi.org/10.1192/bjp.169.3.263>

Jung, K.G. (2007). *Analiticheskaya psikhologiya. Tavistokskie leksii* [Analytical psychology. The Tavistock lectures]. Moscow: Azbuka-Klassika Publ., 240 p.

Khimiya emotsiy (2015) [The chemistry of emotions]. Available at: <http://www.neiromarketing.ru/articles/86.htm> (accessed 23.04.2020).

- Kononchuk, N.V. (1989). *O psikhologicheskom smysle suitsidov* [On the psychological meaning of suicides]. *Psikhologicheskii zhurnal*. Vol. 10, no. 5, pp. 95–102.
- Krutenkova, E.P., Esipenko, E.A., Ryazanova, M.K. and Khodanovich, M.Yu. (2013). *Vliyanie emotsional'nykh izobrazheniy na reshenie kognitivnykh zadach* [Emotional pictures impact on cognitive tasks solving]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Biologiya* [Tomsk State University Journal of Biology]. No. 1(21), pp. 129–145.
- Lange, K.G. (1980). *Affekty (dushevnye yavleniya): Psikhofiziologicheskii etyud* [Affects (mental phenomena): Psychophysiological etude]. Saint Petersburg, 65 p.
- Lange, N.N. (1914). *Teoreticheskaya psikhologiya. Psikhicheskiy mir* [Theoretical psychology. Psychic world]. Moscow: Mir Publ., pt. 1, 311 p.
- Lazurskiy, A.F. (1917). *Ocherk nauki o kharakterakh* [Essay on the science of character]. Saint Petersburg: K.L. Rikker Publ., 386 p.
- LeDoux, J.E. (1993). Emotional memory systems in the brain. *Behavioral Brain Research*. Vol. 58, iss. 1–2, pp. 69–79. DOI: [https://doi.org/10.1016/0166-4328\(93\)90091-4](https://doi.org/10.1016/0166-4328(93)90091-4)
- Leeper, R.W. (2007). *Motivatsionnaya teoriya emotsiy* [The motivational theory of emotion]. *Psikhologiya emotsiy* [Psychology of emotions]. Saint Petersburg: Piter Publ., pp. 210–224.
- Liberman, D. (2019). *Dofamin: samyy nuzhnyy gormon. Kak molekula upravlyaet chelovekom* [Dopamine: the most needed hormone. How a molecule controls a person]. Moscow: AST Publ., 304 p.
- Tunnel'noe myshlenie: chto eto takoe i kak preodolet'* (2020) [Tunnel thinking: what it is and how to overcome it]. Available at: <https://vplate.ru/myshlenie/tunnelnoe/> (accessed 23.04.2020).
- Myshkina, E.A. (2012). *K voprosu o prichinakh i mekhanizmax autoagressivnogo povedeniya* [To the question of the reasons and mechanisms of autoaggressive behavior]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The World of Science, Culture and Education]. No. 3(34), pp. 271–274.
- Orlov, Yu.M. (1991). *Voskhozhdenie k individual'nosti* [Climbing to individuality]. Moscow: Prosveschenie Publ., 287 p.
- Panferov, V.N. (1982). *Kognitivnye etalony i stereotipy vzaimoponimaniya lyudey* [Cognitive standards and stereotypes of mutual understanding of people]. *Voprosy psikhologii*. No. 5, pp. 139–141.
- Papez, J. (1962). *Vistseral'nyy mozg, ego stroenie i svyazi* [Visceral brain, its structure and connections]. *Retikulyarnaya formatsiya mozga* [Reticular formation of the brain]. Moscow: Meditsyna Publ., pp. 520–532.
- Payne, R. and Cooper, K. (2008). *Emotsii i rabota. Teorii, issledovaniya i metody primeneniya* [Emotions and work. Theories, research and applications]. Kharkov: Gumanitarnyy Tsentrl Publ., 544 p.
- Preti, A. (2011). Animal model and neurobiology of suicide. *Progress in Neuro-Psychopharmacology and Biological Psychiatry*. Vol. 35, iss. 4, pp. 818–830. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pnpbp.2010.10.027>
- Preti, A. (2007). Suicide among animals: a review of evidence. *Psychological Reports*. Vol. 101, iss. 7, pp. 831–848. DOI: <https://doi.org/10.2466/pr0.101.7.831-848>
- Pyr'ev, E.A. (2017). *Emotsional'noe povedenie cheloveka* [Emotional aspects of human behavior]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika* [Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics]. Vol. 23, no. 2, pp. 34–38.
- Pyr'ev, E.A. (2019). *Motivatsionnaya funktsiya emotsiy: teoreticheskii podkhod k izucheniyu* [Motivational function of emotions: theoretical approach to study]. *Vestnik prakticheskoy psikhologii v obrazovanii* [Bulletin of Psychological Practice in Education]. Vol. 16, no. 2(2), pp. 47–55. DOI: <https://doi.org/10.17759/bppe.2019160207>
- Ramsden, E. and Wilson, D. (2014). The suicidal animal: science and the nature of self-destruction. *Past and Present*. Vol. 224, iss. 1, pp. 201–242. DOI: <https://doi.org/10.1093/pastj/gtu015>
- Ribo, T. (1912). *Psikhologiya chuvstv: v 2-kh chastyakh* [Psychology of feelings: in 2 parts]. Zhitomir: F.A. Yuganson Publ., 305 p.
- Rubinstein, S.L. (1946). *Osnovy obschey psikhologii* [Fundamentals of general psychology]. Moscow: Prosveschenie Publ., 698 p.
- Schmidt-Hellerau, K. (2003). *Vlechenie k zhizni i vlechenie k smerti. Libido i Leta* [The life drive and the death drive. Libido and Lethe]. Saint Petersburg: B & K Publ., 298 p.
- Simonov, P.V. (1975). *Vyshaya nervnaya deyatel'nost' cheloveka. Motivatsionno-emotsional'nyy aspekt* [Higher nervous activity of a person. Motivational and emotional aspect]. Moscow: Nauka Publ., 175 p.
- Smulevich, A.B. (2007). *Depressii pri somaticheskikh i psikhicheskikh zabolevaniyakh* [Depression with physical and mental illness]. Moscow: MIA Publ., 432 p.

Tikhomirov, O.K. (1984). *Psikhologiya myshleniya* [Psychology of thinking]. Moscow: MSU Publ., 272 p.

Tikhonenko, V.A. (1978). *Klassifikatsiya suitsidal'nykh proyavleniy* [Classification of suicidal manifestations]. *Aktual'nye problemy suitsidologii* [Actual problems of suicidology]. Vol. 82. Moscow, pp. 59–73.

Tsygankov, B.D. and Ovsiyannikov, S.A. (2011). *Psikhiatriya: rukovodstvo dlya vrachev* [Psychiatry: a guide for physicians]. Moscow: GEOTAR-Media Publ., 493 p.

Vasil'ev, V.V., Kovalev, Yu.V. and Imasheva, E.R. (2014). *Suitsidal'nye mysli pri depressivnom sindrome* [Suicidal ideas in depressive syndrome]. *Suitsidologiya* [Suicidology]. Vol. 5, no. 1(14), pp. 30–35.

Vasserman, D. (2005). *Naprasnaya smert': prichiny i profilaktika samoubiystv* [Death in vain:

causes and prevention of suicide]. Moscow: Smysl Publ., 310 p.

Watson, J.B. (1998). *Psikhologiya kak nauka o povedenii* [Psychology as a science of behavior]. Moscow: «AST-LTD» Publ., 704 p.

Zhuravleva, T.V. (2018). *Suitsid — ooznannyi vybor smerti: filosofskie i psikhologicheskie aspekty problemy* [Suicide — the conscious choice of death: the philosophical and psychological aspects of the problem]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law]. Vol. 8, no. 2, pp. 35–49. DOI:

<https://doi.org/10.17759/psylaw.2018080203>

Zotov, P.B. and Umanskiy, S.M. (2011). *Klinicheskie formy i dinamika suitsidal'nogo povedeniya* [Clinical forms and dynamics of suicidal behavior]. *Suitsidologiya* [Suicidology]. Vol. 2, no. 1(2), pp. 3–6.

Received 13.08.2020

Об авторах

Пырьев Евгений Александрович

кандидат психологических наук, доцент,
психолог

Центр психолого-педагогической, медицинской
и социальной помощи Выборгского района,
194017, Санкт-Петербург, Костромской пр., 7-А;
e-mail: evgpyrev@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3957-7491>

Очеретина Юлия Андреевна

психолог

Центр психолого-педагогической, медицинской
и социальной помощи Выборгского района,
194017, Санкт-Петербург, Костромской пр., 7-А;
e-mail: ocheretina_julia@rambler.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5328-2388>

About the authors

Evgeny A. Pyriev

Ph.D. in Psychology, Docent, Psychologist

Center of Psychological, Pedagogical, Medical
and Social Assistance of Vyborg district,
7-A, Kostromskoy av., Saint Petersburg,
194017, Russia;
e-mail: evgpyrev@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3957-7491>

Yulia A. Ocheretina

Psychologist

Center of Psychological, Pedagogical, Medical
and Social Assistance of Vyborg district,
7-A, Kostromskoy av., Saint Petersburg,
194017, Russia;
e-mail: ocheretina_julia@rambler.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5328-2388>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Пырьев Е.А., Очеретина Ю.А. Эмоциональные мотивы суицидального поведения подростков // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 4. С. 596–609.

DOI: [10.17072/2078-7898/2020-4-596-609](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2020-4-596-609)

For citation:

Pyriev E.A., Ocheretina Yu.A. [Emotional motives of adolescent suicidal behavior]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 4, pp. 596–609 (in Russian). DOI: [10.17072/2078-7898/2020-4-596-609](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2020-4-596-609)

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.354

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-4-610-621

**РОЛЬ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ И ПРАКТИК
УПРАВЛЕНИЯ В РАЗВИТИИ ДОВЕРИЯ В ОРГАНИЗАЦИЯХ:
ОПЫТ РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ***

*Германов Игорь Анатольевич, Маркова Юлия Сергеевна,
Безруков Антон Витальевич*

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Актуальность темы обосновывается объективной необходимостью модернизации отечественных предприятий в ответ на изменчивые условия и рост неопределенности внешней конкурентной среды. Успешность внедрения различных инноваций в организации во многом зависит от поддержки инновационных проектов со стороны ее сотрудников. В качестве одного из условий формирования такой поддержки рассматривается организационное доверие. Организационное доверие определяется как принятие уязвимости на основе уверенности в своих ожиданиях по отношению к другим. Стандартизация этих ожиданий в форме ценностей и норм обеспечивается организационной культурой. На основе теоретических рассуждений и результатов эмпирических исследований зарубежных и отечественных авторов выясняется влияние элементов организационной культуры и практик управления на развитие организационного доверия. Анализ сосредоточен на межличностном уровне формирования и развития организационного доверия в ситуациях горизонтального и вертикального взаимодействия. В результате проведенного обзора литературы обозначены основные культурные и управленческие факторы формирования организационной культуры доверия. Сформулированы закономерности, отражающие обусловленность организационного доверия степенью согласованности организационных целей, ценностей и норм; выраженностью в организационных ритуалах и мероприятиях; поддерживающим стилем управления; открытой системой контроля и справедливой системой санкций. Показано, что в литературе недостаточно внимания уделяется специфике формирования доверия как фактора модернизации промышленных предприятий. Представлен перечень исследовательских гипотез о влиянии элементов организационной культуры на организационное доверие, что может стать основой для разработки дизайна исследования процесса формирования организационной культуры доверия на промышленных предприятиях.

Ключевые слова: организационная культура, организационное доверие, практики управления доверием, организационные ценности и нормы, стиль управления, оптимальное доверие.

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Социокультурные условия модернизации российских промышленных предприятий: роль организационного доверия», № 20-011-00488.

THE ROLE OF ORGANIZATIONAL CULTURE AND MANAGEMENT PRACTICES IN THE DEVELOPMENT OF TRUST IN ORGANIZATIONS: EXPERIENCE OF RUSSIAN AND FOREIGN RESEARCH

Igor A. Germanov, Yulia S. Markova, Anton V. Bezrukov

Perm State University

The relevance of the topic is justified by the objective need to modernize domestic enterprises in response to the changing conditions and increasing uncertainty of the external competitive environment. The success of implementing various innovations in an organization largely depends on the support for innovative projects from its employees. Organizational trust is considered as one of the conditions for the formation of such support. Organizational trust is defined as the acceptance of vulnerability based on the confidence in one's expectations towards others. Standardization of these expectations in the form of values and norms is provided by organizational culture. Based on theoretical arguments and results of empirical research conducted by both Russian and foreign authors, the paper reveals the influence that organizational culture elements and management practices have on the development of organizational trust. The analysis focuses on the interpersonal level of the formation and development of organizational trust in situations of horizontal and vertical interaction. The literature review allowed us to identify the main cultural and managerial factors for the formation of organizational culture of trust. The regularities that reflect the conditionality of organizational trust are formulated: it depends on the degree of consistency of organizational goals, values, and norms; the manifestation in organizational rituals and activities; a supportive management style; an open control system and a fair system of sanctions. It is shown that the literature pays insufficient attention to the specifics of trust formation as a factor of industrial enterprises modernization. A list of research hypotheses about the influence of organizational culture elements on organizational trust is formulated, which can become the basis for the study of the process of forming organizational culture of trust at industrial enterprises.

Keywords: organizational culture, organizational trust, trust management practices, organizational values and norms, management style, optimal trust.

Введение

Производственная деятельность носит коллективный характер и основана на сложившихся взаимных ожиданиях сотрудников. Подобные ожидания предполагают единое смысловое понимание образцов организационных взаимодействий. Эти коллективные смыслы и образцы поведения закрепляются в организационных ценностях, нормах, символах и образах организационных героев, специфических ритуалах и корпоративных мероприятиях. Такой сложный, комплексный социальный фактор производственной деятельности получил название «организационная культура» [Бушуев Н.О., 2019; Пеша А.В., 2017; Тихомирова О.Г., 2008 и др.].

Активная вовлеченность современных предприятий в процессы модернизации, внедрение технико-технологических, управленческих и иных инноваций сопряжены с проблемой рассогласованных ожиданий, дестабилизацией устоявшихся образцов, ростом неуверенности в будущем, что актуализирует вопросы формирова-

ния, поддержания и развития организационного доверия [Корниенко В.И., 2019; Fraser W.L., 2010; Savolainen T. et al., 2017 и др.]. Некоторые авторы отмечают, что проблематизация доверия выступает «нарративом наемного труда» на современных предприятиях [Корель Л., 2013]. Решение видится в адаптации организационной культуры к ситуации неопределенности в условиях инициируемых изменений.

Данная проблема представляется особенно актуальной, если учитывать сохраняющееся преобладание бюрократического типа организационной культуры на российских предприятиях [Горшкова Л.А. и др., 2012; Евченко О.С., 2020; Жакенов О.Г., 2009]. Поскольку такая организационная культура основана на иерархии, жесткой регламентации и контроле, постольку она формирует у сотрудников негибкое и пассивное сознание, что осложняет процессы адаптации и принятия инициируемых изменений. Соответственно, актуализируется потребность в новых социальном типе сотрудника и стиле управления, ориентированных на прин-

ципы командной работы [Бушуев Н.О., 2019; Сафина Д.М., 2005; Global Human Capital Trends..., 2016], в которой существенное значение придается поведению, основанному на доверии, сотрудничестве и солидарности.

Таким образом, связь организационной культуры и организационного доверия представляется перспективной темой в вопросе исследования управления организационными изменениями. Цель настоящей работы — на основе опыта исследований зарубежных и отечественных авторов изучить элементы организационной культуры и практики управления, которые способствуют развитию организационного доверия.

Концептуальная связь организационной культуры и организационного доверия

Организационная культура представляет собой «неписаные правила, определяющие то, как должны работать и вести себя люди в данной организации» [Лапшина Е.А., Довбня Е.А., 2019, с. 226]. Она может носить как функциональный, так и дисфункциональный характер, т.е. способствовать или препятствовать эффективной деятельности сотрудников, отделов и предприятия в целом. Функциональность организационной культуры заключается: в формировании индивидуальных и коллективных ценностей; социализации сотрудников и изменении личных установок под влиянием трудового коллектива; обеспечении предсказуемости поведения сотрудников на основе сложившихся норм взаимодействия; мотивации сотрудников на достижение коллективных целей; обеспечении сетей формальных и неформальных коммуникаций и взаимопонимания. Дисфункциональная организационная культура связана с конфликтом формальной и неформальной составляющих. Такая культура демонстрирует разрыв с доминирующей культурой, лишает ее поддержки.

Организационное доверие в этом контексте выступает как проявление коммуникативной составляющей организационной культуры [Пеша А.В., 2017; Тихомирова О.Г., 2008; Moran R.T. et al., 2007]. В качестве таковой выделяется три аспекта организационного доверия [Savolainen T. et al., 2017]: когнитивный (т.е. знание о степени надежности другого, оцениваемое по его способностям, доброжела-

тельности и честности); аффективный (т.е. эмоциональная окраска ожиданий); поведенческий (т.е. готовность действовать в соответствии с ожиданиями как норма взаимодействия с другими). Таким образом, в процессе производственной деятельности и организационных взаимодействий доверие представляет собой уверенность в том, что действие сотрудника будет осуществлено в рамках поля значений и образцов, сложившегося и заданного данной организационной культурой. Тем самым обеспечивается необходимая предсказуемость действий и поведения сотрудников, определяющих функциональность доминирующей организационной культуры.

Влияние элементов организационной культуры на организационное доверие

Базовыми структурными элементами организационной культуры являются провозглашаемые организацией цели, устоявшиеся ценности, нормы и ритуалы поведения. Кроме этого, к компонентам организационной культуры относятся коммуникационную систему, систему контроля, стили лидерства и управления [Moran R.T. et al., 2007, p. 128]. Проведенный литературный анализ показывает, что отмеченные элементы являются основными при изучении роли организационной культуры в формировании доверия в организациях.

В процессе производственных взаимодействий организационное доверие характеризуется избирательностью в соответствии с провозглашаемыми целями, выработанными коллективными ценностями и нормами. Основываясь на них, сотрудники оценивают и реагируют на ситуативное поведение коллег и руководства. В этом отношении сотрудник больше склонен доверять тому, что очевидно не противоречит провозглашаемому целям, устоявшимся ценностям и нормам. Следовательно, поддержание организационного доверия требует четкого, понятного и непротиворечивого закрепления в организационной культуре предприятия целей, ценностей, норм поведения и взаимодействия между сотрудниками, что позволяет культуре эффективно реализовывать социализирующую функцию. Доверие есть не столько продукт авторитарного насаждения, сколько результат выработанных трудовым коллективом норм и

ценностей [Корниенко В.И., 2019; Пеша А.В., 2020; Fraser W.L., 2010].

Исследования показывают, что существуют ключевые ценности и нормы взаимодействий, которые способствуют формированию доверия в организациях. В качестве таковых ученые выделяют: результативность деятельности, порядочность во взаимоотношениях, проявление заботы о людях [Шо Р.Б., 2000], признание прав и достоинств работника, его способности к личностному росту, нацеленность руководства на общее благо, а не на личный интерес [Mele D., 2003]. Согласно М. Пирсону, факторами укрепления доверия в организациях, отражающими нормы, ценности организационной культуры, и показателями развития человеческого потенциала выступают: компетентность, надежность, честность, прозрачность, доброжелательность и идентификация [Pirson M., 2007]. Кроме того, ряд ученых отмечает наличие положительной корреляции между справедливостью и доверием, эмпирически доказывая, что высокий уровень организационной справедливости повышает уровень доверия в организации [Akar H., 2018; Bidarian S., Jafari P., 2012].

В формировании организационного доверия значительную роль играют как формальные, так и неформальные нормы, правила и образцы поведения [Заварцева М.М., Чернышева О.Н., 2016; Мельникова О.Н., Яремчук А.П., 2017; Kramer R.M., 2010; Lumineau F., Schilke O., 2018]. При этом исследователи по-разному оценивают степень причинно-следственной связи тех и других. Р.М. Крамером выдвигается гипотеза, требующая эмпирической проверки, согласно которой более формализованные и институционализированные факторы оказывают большее влияние на формирование доверия, по сравнению с социальными или реляционными факторами, особенно в больших и социально дифференцированных коллективах [Kramer R.M., 2010, p. 95]. Здесь следует обратить внимание на специфику российского организационного контекста. Поскольку в отечественных организациях сильно развиты неформальные нормативные системы, достаточно часто именно они оказывают более сильное влияние на поведение работников сопоставительно с формальными правилами. Например, в эмпирическом исследовании М.М. Заварцевой и О.Н. Чернышевой установлено наличие двух

типов отношений российских работников к формальным (институциональным) правилам и процедурам (таким, как миссия, трудовой договор, должностные инструкции и т.п.): «недифференцированно положительное» и «дифференцированно отрицательное». Показано, что работники второго типа отрицательно оценивают возможность влияния формальных механизмов на уровень организационного доверия [Заварцева М.М., Чернышева О.Н., 2016]. Отсюда возникает исследовательский вопрос о роли и приоритетности формальных и неформальных норм и правил в формировании доверия на российских предприятиях.

Формальные и неформальные нормы тесно переплетены с образцами и практиками коммуникации в организации. Высокое качество коммуникации выступает еще одним значимым фактором организационной культуры в построении доверия [Каратаева Е.И., 2007; Корнийчук М.С., 2016; Lyu S.C., Ferrin D.L., 2018]. Качество коммуникации находит отражение в прозрачности взаимоотношений между сотрудниками разных уровней производственной иерархии, в наличии у них доступа к достоверной информации о целях организации, о системе мотивации и организационного контроля, об организационных проблемах и о том, как они решаются [Каратаева Е.И., 2007; Корнийчук М.С., 2016].

Следующим элементом организационной культуры, оказывающим воздействие на формирование доверия в организациях, является система организационного контроля. Е.И. Каратаевой на основе осуществленного литературного обзора (Р. Байес, Л. Закер, Р. Левицки, Д. Макалистер и др.) показано, что высокий уровень доверия в организации может быть достигнут лишь при определенном уровне институционализированного недоверия (т.е. системы контроля) [Каратаева Е.И., 2007]. Кроме этого, большое значение имеет тип осуществляемого в организации контроля. И.Р. Геллатли и М.Дж. Уити эмпирически установили, что по мере усиления бюрократического типа контроля уровень доверия в организации снижается. В то же время авторы признают, что в некоторых организациях, прежде всего крупных, бюрократический контроль может быть полезен, если формальные правила и санкции будут учитывать потребности сотрудников в компетентности, ав-

тономии и справедливости [Gellatly I.R., Withey M.J., 2012]. В свою очередь, Ф. Сикс и А. Сорге отмечают, что бюрократический тип контроля может быть заменен на нормативный контроль, основывающийся на принятии сотрудниками организационных норм и ценностей и поощряющий свободу в принятии решений [Six F., Sorge A., 2008].

Применение санкций должно демонстрировать и поощрять желаемое поведение, указывать на более ценные менеджерами качества и роли. Наоборот, непоследовательность руководителя в своих словах и действиях, рассогласованность с ценностями и нормами доминирующей культуры, дифференциация стандартов, фаворитизм, игнорирование высоких показателей труда или некомпетентности подчиненных разрушают организационное доверие и приверженность сотрудников доминирующей организационной культуре в целом.

Применяемые в организации стили лидерства и управления как компонент организационной культуры способны также оказывать влияние на организационное доверие. Эмпирически показано, что развитию доверия сотрудников к своему руководству способствует, прежде всего, трансформационный тип лидерства (мотивирующий и вдохновляющий стиль); определенное положительное воздействие может оказывать также транзакционное лидерство (основанное на детальном контроле, неукоснительном выполнении приказов, системе поощрений и наказаний) [Yasir M. et al., 2016]. Доверие в организации в целом растет благодаря этическому лидерству [Akar H., 2018; Lyu S.C., Ferrin D.L., 2018]. Целесообразным представляется обратить внимание в формировании доверия и на роль доверия двух противоположных стилей управления: авторитарного и демократического. Авторитарный стиль управления базируется на определенном недоверии руководства подчиненным. Авторитарный руководитель выполняет все функции управления самостоятельно, опасается делегировать полномочия другим сотрудникам, его доверие по отношению к подчиненному обезличено, т.е. авторитарный руководитель больше доверяет формальным ролям и статусам. Средствами обеспечения доверия выступают прежде всего должностные инструкции. Демократический стиль управления, наоборот, подразумевает

большую открытость и доверие руководства подчиненным, которые, вместе с тем, воспринимаются не просто как носители определенных ролей и статусов, но как личности. Демократический руководитель демонстрирует внимание и заботу, включает подчиненных в процессы принятия решений, инициирования изменений и контролирования ресурсов. Основанное на доверии разделение труда, инициируемое демократическим руководителем, приводит к максимизации получаемой полезности, большей удовлетворенности и мотивации. Контрольная функция такого руководителя сохраняется только как инструмент координации, поддержания порядка и обратной связи. Основываясь на результатах вышеприведенных исследований [Akar H., 2018; Lyu S.C., Ferrin D.L., 2018], можно сделать вывод, что характеристики демократического стиля управления в большей мере способствуют формированию организационного доверия.

Характеристики культуры доверия и оптимальный уровень доверия в организации

Организационная культура доверия находит выражение в формировании особого социально-психологического климата, основанного на взаимном обмене доверием [Brown S. et al., 2015]. Характеристиками социально-психологического климата, основанного на доверии, выступают: ощущение безопасности и уверенности в будущем; понятные, стабильные и соблюдаемые социальные дистанции между уровнями управления; достаточная степень информированности и сдержанные обещания; умеренная степень контроля исполнения обязанностей и управленческих решений; адекватные возможности участия в управлении, внесения инициатив и неформального общения и др. Соответственно, в организационной культуре предприятия требуют закрепления и связанные с климатом доверия ценности заботы, уважения, открытости, информированности, социальной ответственности, инициативности и др. При этом ставится задача достижения оптимального уровня доверия, обеспечивающего необходимый синергетический эффект и способствующего коллективной поддержке управленческих инициатив и организационных инноваций.

Как недостаток, так и избыток организационного доверия, особенно со стороны руководства по отношению к подчиненным, чреват развитием сетей активных неформальных коммуникаций, частыми конфликтами, выходящими за пределы производственного процесса, и прочими организационными патологиями. Все это сказывается на удовлетворенности работой, трудовой мотивации, способности адаптироваться к изменениям. Возрастают и риски формирования организационных контркультур. В целом, закономерности функционирования такой организационной культуры таковы: чем менее распространена доминирующая культура и слабее сплоченность коллектива, тем проще подменить формальные ценности и нормы неформальными; соответственно, с ростом сопутствующих культур усиливается сопротивление изменению доминирующей культуры, допускающей их существование [Горшкова Л.А. и др., 2012]. Подобные ситуации оборачиваются дополнительными издержками, связанными с установлением излишнего контроля, т.е. организационной патологией, при которой возникает необходимость контролировать те элементы, в функции которых уже входит осуществление контроля.

Таким образом, лучшим вариантом функционирования организационной культуры считается средний уровень доверия в соответствии с принципом «все контролируют и все контролируются!» [Корниенко В.И., 2019]. В этом смысле само организационное доверие выступает стабилизирующим фактором организационной культуры, поскольку через него реализуется латентный контроль должного исполнения организационных норм и трудовых обязанностей [Сафина Д.М., 2005]. Представляется, что такой подход к управлению является более продуктивным, обеспечивающим быстрое реагирование в условиях неопределенности и риска, по сравнению с иерархической системой жестких правил и механизмов контроля.

Управление организационной культурой доверия

Управление организационной культурой — это совершение намеренных действий в ней с целью совершенствования процессов внутренней интеграции сотрудников в соответствии с показателями и провозглашаемыми приоритетами

производственной деятельности. В контексте проводимого анализа речь идет об управленческих практиках формирования, развития и поддержания организационного доверия. Как доверие к руководству, так и доверие между членами организации не может быть построено только с помощью межличностных средств и требует применения институциональных механизмов, создающих основу для развития прочной культуры доверия [Mishra A.K., Mishra K.E., 2013].

Способ необходимого управленческого воздействия зависит от стадии развития доверия [Savolainen T. et al., 2017], коих несколько: 1) начальная стадия построения доверия; 2) стадия поддержания сложившегося уровня доверия; 3) стадия снижения уровня доверия; 4) стадия разрушения доверия; 5) стадия восстановления утраченного доверия. При этом отмечается, что роль организационной культуры особенно велика на первых двух стадиях, когда доверие находится в зависимости от сложившихся ценностей, норм, ритуалов и символов. Очевиднее всего это проявляется в ситуациях построения доверия с новыми сотрудниками. Именно элементы организационной культуры создают первый образ предприятия и отвечают за последующую социализацию нового сотрудника. На последующих же стадиях применяются различные практики прямого управления доверием. К таковым, например, относят следующие практики [Savolainen T. et al., 2017]: постановка целей; обсуждение проблем; обратная связь; делегирование полномочий; привлечение третьей стороны; информирование, консультирование и обучение персонала; структурная реорганизация и др.

В целом, в исследованиях выделяются следующие механизмы формирования и управления организационной культурой доверия: создание однородных культурных ценностей, норм, кодов и символов, позволяющих объединять социально гетерогенные коллективы [Корнийчук М.С., 2016]; объединение социальных (альтруистических) и финансовых целей [Pirson M., 2007], что созвучно идее формирования КСО и «социального предпринимательства»; повышение профессиональной, технической и управленческой компетентности путем обучения сотрудников, что способствует развитию когнитивной составляющей доверия

[Pirson M., 2007]; налаживание практик символического общения руководителей и подчиненных, среди сотрудников в целом, что содействует развитию аффективной компоненты доверия; повышение эффективности коммуникации среди коллег, находящихся как на одном, так и на разных уровнях организационной иерархии, путем обучения внутриличностным и межличностным навыкам коммуникации, создания возможностей для неформальных встреч [Pirson M., 2007; Six F., Sorge A., 2008]; внедрение практик этического управления [Pirson M., 2007]; внедрение и укрепление механизмов, позволяющих сотрудникам включаться в процесс принятия управленческих решений [Thompson C.S., 2018].

Российский опыт исследований практик управления культурой доверия в организациях пока является весьма ограниченным. В ряде работ отечественными авторами предлагаются разработанные ими теоретические модели управления организационным доверием. Например, И.С. Салихова и А.О. Каримов концептуально обосновывают механизм совершенствования корпоративных доверительных отношений, включающий управление характеристиками субъекта и объекта доверительных отношений, качеством среды, качеством проекта и качеством процесса (психолого-педагогическое сопровождение, мотивация и др.) [Салихова И.С., Каримов А.О., 2017], однако этот подход не апробирован. В некоторых работах на основе проведенных эмпирических исследований выделяются также рекомендации по развитию организационного доверия, включающие совершенствование коммуникативных и информационных систем, повышение авторитета и активности менеджеров [Яхонтова Е.С., 2004]. Нельзя не отметить, что лишь немногие российские авторы обращаются к исследованию управления доверием в организациях. Как правило, эти исследования касаются непромышленных организаций. Можно назвать ряд публикаций, посвященных управлению доверием в вузах и выполненных в рамках исследовательского проекта под руководством Г.Е. Зборовского, в которых подчеркивается, что формирование доверительных отношений в российских вузах фактически остается без целенаправленного воздействия со стороны системы управления [Зборовский Г.Е., 2020;

Шуклина Е.А., Ротова Е.В., 2018а, 2018б]. Вместе с тем заметим, что изучение практики применения конкретных инструментов управления организационным доверием в отмеченных работах не представлено.

Заключение

Организационная культура доверия основывается на коллективных представлениях о предсказуемости поведения в условиях неопределенности, надежности сотрудника как инициатора этого поведения, а также единстве базовых представлений о целях, ценностях и нормах. Основными факторами формирования такой культуры выступают: успешность и длительность истории развития предприятия, демонстрирующие устойчивость миссии его деятельности, накопленный опыт совместной работы и преодоления сложных ситуаций; наличие авторитетного, компетентного, надежного, порядочного и заботливого руководителя-лидера, собственным примером демонстрирующего значимость организационных ценностей и норм; практики информирования сотрудников и обучения персонала, обеспечивающие организационную открытость и социализацию сотрудников; степень согласованности элементов доминирующей организационной культуры, в ритуалах и мероприятиях которой поощряются соответствующие организационным ценностям, нормам и традициям действия сотрудников; справедливая система вознаграждения и поощрения.

Осуществленный обзор российской и зарубежной литературы показал, что не во всех работах эмпирически доказывается связь между выделенными факторами и управленческими инструментами формирования организационной культуры доверия. В российских научных публикациях слабо изученным остается влияние элементов организационной культуры на доверие, а реальные управленческие практики по формированию организационного доверия в российских условиях фактически не становятся предметом самостоятельного исследования. Кроме того, исследования, как правило, касаются изучения формирования доверия в организациях в целом. Остается недостаточно исследованной специфика формирования организационной культуры доверия на промышленных предприятиях. Следовательно, исследова-

ние и осмысление данных вопросов в условиях российских реалий претендуют на принципиальную научную новизну.

Проведенный литературный обзор позволяет сформулировать следующие исследовательские гипотезы о влиянии элементов организационной культуры на организационное доверие:

Гипотеза 1. Формированию организационного доверия способствуют такие характеристики доверенного лица, как компетентность, результативность деятельности, честность, надежность, порядочность, справедливость, проявление заботы, доброжелательность, обеспечивающие развитие и поддержку соответствующих ценностей и норм организационной культуры доверия.

Гипотеза 2. Как формальные, так и неформальные нормы оказывают влияние на организационное доверие, однако в российских условиях значимость последних может быть выше.

Гипотеза 3. Чем выше качество коммуникации в организации, тем выше уровень доверия между сотрудниками.

Гипотеза 4. Для формирования высокого уровня организационного доверия необходимо применение организационного контроля. Определенные типы контроля оказывают разное влияние на организационное доверие: бюрократический (иерархический) контроль скорее способствует его снижению, а нормативный контроль — повышению.

Гипотеза 5. Развитию доверия в организациях содействуют определенные типы лидерства и управления: трансформационное, а также транзакционное лидерство усиливают доверие сотрудников к руководству; этическое лидерство и демократический стиль управления усиливают организационное доверие в целом.

Данные гипотезы могут выступить основой для построения дизайна исследования процесса формирования организационной культуры доверия в российских организациях, включая промышленные предприятия.

Список литературы

Бушуев Н.О. Влияние доверия на культуру организации // Вестник науки и образования. 2019. № 10–1(64). С. 58–61.

Горшкова Л.А., Поплавская В.А., Поплавский Б.Н. Управление организационной культурой: опыт крупного промышленного предприятия //

Экономический анализ: теория и практика. 2012. № 21(276). С. 19–26.

Евченко О.С. Особенности российской организационной культуры // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2020. № 2(73). С. 55–59.

Жакенов О.Г. Исследование параметров и тенденций развития организационной культуры на промышленном предприятии // Вестник университета Туран. 2009. № 4(44). С. 26–32.

Заварцева М.М., Чернышева О.Н. Многоплановая рефлексия институциональных основ деятельности персонала и организационного доверия в контексте обеспечения эффективного функционирования организации // Мир психологии. 2016. № 4(88). С. 291–300.

Зборовский Г.Е. Можно ли управлять доверием в отечественном высшем образовании // Вопросы управления. 2020. № 2(63). С. 135–147. DOI: <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2020-2-135-147>

Картаева Е.И. Факторы взаимного доверия сотрудников коммерческих организаций // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. 2007. № 4. С. 370–375.

Корель Л. Нарратив наемного труда и коллизии доверия на современных промышленных предприятиях в условиях модернизации // Общество и экономика. 2013. № 10. С. 149–162.

Корниенко В.И. Доверие как фактор командных взаимоотношений // Горизонты экономики. 2019. № 5(51). С. 38–43.

Корнийчук М.С. Культура доверия в современной организации // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2016. № 2(55). С. 95–104.

Латишина Е.А., Довбня Е.А. Особенности влияния организационной культуры на систему управления предприятием // Новое в экономической кибернетике. 2019. № 4. С. 224–233.

Мельников О.Н., Яремчук А.П. Доверительные и этические отношения как социально-«цементирующий» фактор экономических достижений в инновационном предпринимательстве // Креативная экономика. 2017. Т. 11, № 1. С. 29–44. DOI: <https://doi.org/10.18334/ce.11.1.37531>

Пеша А.В. Атмосфера доверия как составляющая корпоративной культуры и ее влияние на организационную эффективность // Наукоедение: интернет-журнал. 2017. Т. 9, № 2. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/100EVN217.pdf> (дата обращения: 19.07.2020).

- Салихова И.С., Каримов А.О.* Управленческий механизм развития доверия как фактора повышения качества интеллектуального капитала предприятия // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2017. № 4(23). С. 97–106. DOI: <https://doi.org/10.21777/2587-9472-2017-4-97-106>
- Сафина Д.М.* Доверие в организации // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2005. Т. 147, № 3. С. 196–203.
- Тихомирова О.Г.* Организационная культура: формирование, развитие и оценка. СПб.: ГУ ИТМО, 2008. 156 с.
- Шо Р.Б.* Ключи к доверию в организации: Результативность, порядочность, проявление заботы / пер. с англ. М.: Дело, 2000. 272 с.
- Шуклина Е.А., Ротова Е.В.* Управление рисками как фактор формирования культуры доверия в вузе. Часть 1 // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 4(55). С. 17–28.
- Шуклина Е.А., Ротова Е.В.* Управление рисками как фактор формирования культуры доверия в вузе. Часть 2 // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 5(56). С. 26–35.
- Яхонтова Е.С.* Доверие в управлении персоналом. Зарубежные подходы и отечественный опыт оценки // Социологические исследования. 2004. № 9. С. 117–121.
- Akar H.* Meta-analysis of organizational trust studies conducted in educational organizations between the years 2008–2018 // International Journal of Educational Methodology. 2018. Vol. 4, iss. 4. P. 287–302. DOI: <https://doi.org/10.12973/ijem.4.4.287>
- Bidarian S., Jafari P.* The relationship between organizational justice and organizational trust // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2012. Vol. 47. P. 1622–1626. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2012.06.873>
- Brown S., Gray D., McHardy J., Taylor K.* Employee Trust and Workplace Performance // Journal of Economic Behavior and Organization. 2015. Vol. 116. P. 361–378. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2015.05.001>
- Fraser W.L.* Trust violation and repair: An exploration of the views of work group members: dissertation. Santa Barbara, CA: Fielding Graduate University, 2010. 174 p.
- Gellatly I.R., Withey M.J.* Organisational trust, affective commitment and bureaucratic control // Journal of Trust Research. 2012. Vol. 2, iss. 1. P. 31–52. DOI: <https://doi.org/10.1080/21515581.2012.659936>
- Global Human Capital Trends 2016.* The new organization: Different by design. Deloitte University Press, 2016. 120 p. URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/global/Documents/HumanCapital/gx-dup-global-human-capital-trends-2016.pdf> (accessed: 23.07.2020).
- Kramer R.M.* Collective Trust within Organizations: Conceptual Foundations and Empirical Insights // Corporate Reputation Review. 2010. Vol. 13, iss. 2. P. 82–97. DOI: <https://doi.org/10.1057/crr.2010.9>
- Lumineau F., Schilke O.* Trust development across levels of analysis: An embedded-agency perspective // Journal of Trust Research. 2018. Vol. 8, iss. 2. P. 238–248. DOI: <https://doi.org/10.1080/21515581.2018.1531766>
- Lyu S.C., Ferrin D.L.* Determinants, consequences, and functions of interpersonal trust: What is the empirical evidence? // Routledge companion to trust. London, UK: Routledge, 2018. P. 65–104. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315745572-7>
- Mele D.* Organizational humanizing cultures: Do they generate social capital? // Journal of Business Ethics. 2003. Vol. 45. P. 3–14.
- Mishra A.K., Mishra K.E.* The research on trust in leadership: The need for context // Journal of Trust Research. 2013. Vol. 3, iss. 1. P. 59–69. DOI: <https://doi.org/10.1080/21515581.2013.771507>
- Moran R.T., Harris P.R., Moran S.V.* Leadership in changing organizational culture // Managing Cultural Differences: Global Leadership Strategies for the 21st Century. 7th ed. Burlington, MA; Oxford, UK: Butterworth-Heinemann, 2007. P. 126–137.
- Pirson M.* Facing the Trust Gap: Measuring and Building Trust in Organizations: dissertation. Saint Gallen, CH: University of St. Gallen (HSG), 2007. 249 p.
- Savolainen T., Ivakko E., Ikonen M.* Trust development in workplace relations during change: A multi-level analysis of narratives from leaders and followers // Proceedings of the 5th International Conference on Management, Leadership and Governance, ICMLG 2017 (Johannesburg, South Africa, 16–17 March) / ed. by N. Zanele, T. Mokoteli; Wits Business School, University of Witwatersrand, Johannesburg. Reading, UK: Academic Conferences and Publishing International Limited, 2017. P. 393–400.
- Six F., Sorge A.* Creating a High-Trust Organization: An Exploration into Organizational Policies that Stimulate Interpersonal Trust Building // Journal of Management Studies. 2008. Vol. 45, iss. 5. P. 857–884. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-6486.2007.00763.x>

Thompson C.S. Leadership behaviours that nurture organizational trust: Re-examining the fundamentals // *Journal of human resource management*. 2018. Vol. XXI, no. 1. P. 28–42.

Yasir M., Imran R., Irshad M.K., Mohamad N.A., Khan M.M. Leadership Styles in Relation to Employees' Trust and Organizational Change Capacity: Evidence From Non-Profit Organizations // *SAGE Open*. 2016. Vol. 6, iss.4. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2158244016675396> (accessed: 24.08.2020). DOI: <https://doi.org/10.1177/2158244016675396>

Получено 03.09.2020

References

- Akar, H. (2018). Meta-analysis of organizational trust studies conducted in educational organizations between the years 2008–2018. *International Journal of Educational Methodology*. No. 4, iss. 4, pp. 287–302. DOI: <https://doi.org/10.12973/ijem.4.4.287>
- Bidarian, S. and Jafari, P. (2012). The relationship between organizational justice and organizational trust. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. No. 47, pp. 1622–1626. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2012.06.873>
- Brown, S., Gray, D., McHardy, J. and Taylor, K. (2015). Employee trust and workplace performance. *Journal of Economic Behavior and Organization*. Vol. 116, pp. 361–378. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2015.05.001>
- Bushuev, N.O. (2019). *Vliyanie doveriya na kul'turu organizatsii* [The impact of confidence on organization culture]. *Vestnik nauki i obrazovaniya* [Bulletin of Science and Education]. No. 10–1(64), pp. 58–61.
- Evchenko, O.S. (2020). *Osobennosti rossiyskoy organizatsionnoy kul'tury* [Features of Russian organizational culture]. *Aktual'nyye problemy gumanitarnykh i sotsial'no-ekonomicheskikh nauk* [Actual problems of the humanities and socio-economic sciences]. No. 2(73), pp. 55–59.
- Fraser, W.L. (2010). Trust violation and repair: An exploration of the views of work group members: dissertation. Santa Barbara, CA: Fielding Graduate University Publ., 174 p.
- Gellatly, I.R. and Withey, M.J. (2012). Organisational trust, affective commitment and bureaucratic control. *Journal of Trust Research*. Vol. 2, iss. 1, pp. 31–52. DOI: <https://doi.org/10.1080/21515581.2012.659936>
- Global Human Capital Trends 2016. The new organization: Different by design*. Deloitte University Press., 120 p. Available at: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/global/Documents/HumanCapital/gx-dup-global-human-capital-trends-2016.pdf> (accessed 23.07.2020).
- Gorshkova, L.A., Poplavskaya, V.A. and Poplavskiy, B.N. (2012). *Upravlenie organizatsionnoy kul'turoy: opyt krupnogo promyshlennogo predpriyatiya* [Management of organizational culture: the experience of a large industrial enterprise]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika* [Economic Analysis: Theory and Practice]. No. 21(276), pp. 19–26.
- Karataeva, E.I. (2007). *Faktory vzaimnogo doveriya sotrudnikov kommercheskikh organizatsiy* [Factors of mutual trust of employees of commercial organizations]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6, Filosofiya; Politologiya; Sotsiologiya; Psikhologiya; Pravo; Mezhdunarodnye otnosheniya* [Vestnik of Saint Petersburg University. Series 6. Philosophy; Political science; Sociology; Psychology; Right; International relationships]. No. 4, pp. 370–375.
- Korel', L. (2013). *Narrativ naemnogo truda i kolizii doveriya na sovremennykh promyshlennykh predpriyatiyakh v usloviyakh modernizatsii* [Narrative of hired labor and conflicts of trust in modern industrial enterprises in the context of modernization]. *Obshchestvo i ekonomika* [Society and Economy]. No. 10, pp. 149–162.
- Kornienko, V.I. (2019). *Doverie kak faktor komandnykh vzaimootnosheniy* [Trust as a factor of team relationships]. *Gorizonty ekonomiki* [Horizons of Economics]. No. 5(51), pp. 38–43.
- Korniyuchuk, M.S. (2016). *Kul'tura doveriya v sovremennoy organizatsii* [Culture of trust in a modern organization]. *POISK*. No. 2(55), pp. 95–105.
- Kramer, R.M. (2010). Collective trust within organizations: conceptual foundations and empirical insights. *Corporate Reputation Review*. Vol. 13, iss. 2, pp. 82–97. DOI: <https://doi.org/10.1057/crr.2010.9>
- Lapshina, E.A. and Dovbnya, E.A. (2019). *Osobennosti vliyaniya organizatsionnoy kul'tury na sistemu upravleniya predpriyatiem* [Features of the influence of organizational culture on the enterprise management system]. *Novoe v ekonomicheskoy kibernetike* [New in Economic Cybernetics]. No. 4, pp. 224–233.
- Lumineau, F. and Schilke, O. (2018). Trust development across levels of analysis: An embedded-agency perspective. *Journal of Trust Research*. Vol. 8, iss. 2, pp. 238–248. DOI: <https://doi.org/10.1080/21515581.2018.1531766>
- Lyu, S.C. and Ferrin, D.L. (2018). Determinants, consequences, and functions of interpersonal trust: What is the empirical evidence? *Routledge Companion*

to Trust. London: Routledge Publ., pp. 65–104. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315745572-7>

Mele, D. (2003). Organizational humanizing cultures: Do they generate social capital? *Journal of Business Ethics*. Vol. 45, pp. 3–14.

Mel'nikov, O.N. and Yaremchuk, A.P. (2017). *Doveritel'nye i eticheskie otnosheniya kak sotsial'no-«tsementiruyuschiy» faktor ekonomicheskikh dostizheniy v innovatsionnom predprinimatel'stve* [Trust and ethical relations as a socially «cementing» factor of economic achievements in innovative entrepreneurship]. *Kreativnaya ekonomika* [Creative Economy]. Vol. 11, no. 1, pp. 29–44. DOI: <https://doi.org/10.18334/ce.11.1.37531>

Mishra, A.K. and Mishra, K.E. (2013). The research on trust in leadership: The need for context. *Journal of Trust Research*. Vol. 3, iss. 1, pp. 59–69, DOI: <https://doi.org/10.1080/21515581.2013.771507>

Moran, R.T., Harris, P.R. and Moran, S.V. (2007). Leadership in changing organizational culture. *Managing cultural differences: global leadership strategies for the 21st century*. 7th ed. Burlington, MA; Oxford, UK: Butterworth-Heinemann, pp. 126–137.

Pesha, A.V. (2017). *Atmosfera doveriya kak sostavlyayuschaya korporativnoy kul'tury i ee vliyaniye na organizatsionnyuyu effektivnost'* [The atmosphere of trust as a component of corporate culture and its impact on organizational efficiency]. *Internet-zhurnal «Naukovedenie»* [Naukovedenie Internet magazine]. Vol. 9, no. 2. Available at: <http://naukovedenie.ru/PDF/100EVN217.pdf> (accessed 19.07.2020).

Pirson, M. (2007). *Facing the trust gap: measuring and building trust in organizations*: dissertation. Saint Gallen, CH: University of St. Gallen (HSG) Publ., 249 p.

Safina, D.M. (2005). *Doverie v organizatsii* [Trust in the organization]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Proceedings of Kazan University. Series: Humanities]. Vol. 147, no. 3, pp. 196–203.

Salikhova, I.S. and Karimov, A.O. (2017). *Upravlencheskiy mekhanizm razvitiya doveriya kak faktora povysheniya kachestva intellektual'nogo kapitala predpriyatiya* [Management mechanism for the development of trust as a factor in improving the quality of the intellectual capital of an enterprise]. *Vestnik Moskovskogo universiteta im. S.Yu. Vitte. Seriya 1: Ekonomika i upravlenie* [Moscow Witte University Bulletin. Series 1: Economics and Management]. No. 4(23), pp. 97–106. DOI: <https://doi.org/10.21777/2587-9472-2017-4-97-106>

Savolainen, T., Ivakko, E. and Ikonen, M. (2017). Trust development in workplace relations during

change: A multi-level analysis of narratives from leaders and followers. *Proceedings of the 5th International Conference on Management, Leadership and Governance, ICMLG 2017 (Johannesburg, South Africa, 16–17 March)*, ed. by N. Zanele, T. Mokoteli; Wits Business School, University of Witwatersrand, Johannesburg. Reading, UK: Academic Conferences and Publishing International Limited, pp. 393–400.

Shaw, R.B. (2000). *Klyuchi k doveriyu v organizatsii: Rezul'tativnost', poryadochnost', proyavlenie zaboty*. *Per. s. angl.* [Keys to trust in the organization: effectiveness, decency, care. Trans. from Eng.]. Moscow: Delo Publ., 272 p.

Shuklina, E.A. and Rotova, E.V. (2018). *Upravlenie riskami kak faktor formirovaniya kul'tury doveriya v vuze. Chast' 2* [Risk management as a factor in the formation of a culture of trust in the university. Part 2]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Surgut State Pedagogical University]. No. 4(55), pp. 17–28.

Shuklina, E.A. and Rotova, E.V. (2018). *Upravlenie riskami kak faktor formirovaniya kul'tury doveriya v vuze. Chast' 2* [Risk management: forming the culture of trust in higher education. Part 2]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [The Surgut State Pedagogical University Bulletin]. No. 5 (56), pp. 26–35.

Six, F. and Sorge, A. (2008). Creating a high-trust organization: an exploration into organizational policies that stimulate interpersonal trust building. *Journal of Management Studies*. No. 45, iss. 5, pp. 857–884. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-6486.2007.00763.x>

Thompson, C.S. (2018). Leadership behaviours that nurture organizational trust: Re-examining the fundamentals. *Journal of Human Resource Management*. Vol. XXI, no. 1, pp. 28–42.

Tikhomirova, O.G. (2008). *Organizatsionnaya kul'tura: formirovanie, razvitie i otsenka* [Organizational culture: formation, development and evaluation]. Saint Petersburg: ITMO University Publ., 156 p.

Yakhontova, E.S. (2004). *Doverie v upravlenii personalom. Zarubezhnye podkhody i otechestvennyy opyt otsenki* [Trust in personnel management. Foreign approaches and domestic experience of assessment]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9, pp. 117–121.

Yasir, M., Imran, R., Irshad, M.K., Mohamad, N.A. and Khan, M.M. (2016). Leadership styles in relation to employees' trust and organizational change capacity: evidence from non-profit organizations. *SAGE Open*. Vol. 6, iss. 4. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2158244016>

675396 (accessed 24.08.2020). DOI:

<https://doi.org/10.1177/2158244016675396>

Zavartseva, M.M. and Chernysheva, O.N. (2016). *Mnogoplanovaya refleksiya institutsional'nykh osnov deyatel'nosti personala i organizatsionnogo doveriya v kontekste obespecheniya effektivnogo funktsionirovaniya organizatsii* [Multidimensional reflection of the institutional foundations of personnel activity and organizational trust in the context of ensuring the effective functioning of the organization]. *Mir psikhologii* [World of Psychology]. No. 4(88), pp. 291–300.

Zborovskiy, G.E. (2020). *Mozhno li upravlyat' doveriem v otechestvennom vysshem obrazovanii* [Can

you manage the trust in the national higher education?]. *Voprosy upravleniya* [Management Issues]. No. 2(63), pp. 135–147. DOI:

<https://doi.org/10.22394/2304-3369-2020-2-135-147>

Zhakenov, O.G. (2009). *Issledovanie parametrov i tendentsiy razvitiya organizatsionnoy kul'tury na promyshlennom predpriyatii* [Investigation of parameters and trends in the development of organizational culture at an industrial enterprise]. *Vestnik universiteta Turan* [Turan University Vestnik]. No. 4(44), pp. 26–32.

Received 03.09.2020

Об авторах

Германов Игорь Анатольевич

кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры социологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: germanov1973@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2338-6693>

Маркова Юлия Сергеевна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: julyamarkova@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6271-9403>

Безруков Антон Витальевич

преподаватель кафедры социологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: anton.v.bezrukov@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2669-1781>

About the authors

Igor A. Germanov

Ph.D. in Sociology, Docent,
Associate Professor of the Department of Sociology

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: germanov1973@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2338-6693>

Yulia S. Markova

Ph.D. in Sociology, Associate Professor
of the Department of Sociology

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: julyamarkova@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6271-9403>

Anton V. Bezrukov

Lecturer of the Department of Sociology

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: anton.v.bezrukov@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2669-1781>

Пробьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Германов И.А., Маркова Ю.С., Безруков А.В. Роль организационной культуры и практик управления в развитии доверия в организациях: опыт российских и зарубежных исследований // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 4. С. 610–621. DOI: 10.17072/2078-7898/2020-4-610-621

For citation:

Germanov I.A., Markova Yu.S., Bezrukov A.V. [The role of organizational culture and management practices in the development of trust in organizations: experience of Russian and foreign research]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 4, pp. 610–621 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2020-4-610-621

УДК 316.334.23

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-4-622-636

РАЗВИТИЕ ЭКОСИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ РЕГИОНЕ РОССИИ*

Иванова Мария Михайловна, Бородкина Ольга Ивановна

Санкт-Петербургский государственный университет

Статья посвящена рассмотрению концепции экосистемы социального предпринимательства и анализу существующих практик социального предпринимательства в Северо-Западном регионе. Социальное предпринимательство предназначено для решения социальных проблем путем использования устойчивых экономических инструментов; результатом социального бизнеса являются социальные преобразования, связанные с повышением качества жизни отдельных социальных групп и граждан. В качестве основных элементов и субъектов экосистемы были выделены государство, социальный капитал, рынок социальных услуг и инфраструктурная поддержка. Основу эмпирической базы составили данные федеральной и региональной статистики относительно развития негосударственного сектора и социального предпринимательства, данные реестров поставщиков социальных услуг, а также нормативно-правовые акты, посвященные социальному предпринимательству. Анализ данных проводился по всем основным субъектам Северо-Западного региона (Санкт-Петербург, Ленинградская область, Калининградская область и др.). Результаты исследования показали, что в настоящее время заложены правовые основы для развития социального предпринимательства, имеют место различные меры государственной поддержки, включая государственные субсидии, займы, и при этом наблюдается достаточно широкое региональное разнообразие. Вместе с тем есть основания утверждать, что в настоящее время негосударственный сектор социальных услуг не отвечает в полной мере существующим потребностям. Это выражается и в недостаточной численности социально ориентированных НКО и социальных предпринимателей, и в относительно невысоких показателях численности населения, вовлеченного в негосударственный сектор социальных услуг. В то же время следует отметить активное развитие инфраструктуры подготовки социальных предпринимателей, которая включает акселераторы, бизнес-инкубатор, информационную и консалтинговую поддержку социальных предпринимателей.

Ключевые слова: экосистема, социальное предпринимательство, негосударственные организации, социальные услуги, Северо-Западный регион.

DEVELOPMENT OF THE ECOSYSTEM OF SOCIAL ENTREPRENEURSHIP IN THE NORTHWESTERN REGION OF RUSSIA

Maria M. Ivanova, Olga I. Borodkina

Saint Petersburg State University

The article deals with the concept of the social entrepreneurship ecosystem and analyzes existing practices of social entrepreneurship in the northwestern region of Russia. Social entrepreneurship is designed to solve social problems through the use of sustainable economic instruments; social business results in social transformations associated with improving the quality of life of individual social groups and citizens. The state, the social capital, the market for social services and the infrastructure support were identified as

* Работа выполнена в СПбГУ при поддержке РФФИ, проект «Вызовы трансформации социального государства в России: институциональные изменения, социальное инвестирование, цифровизация социальных услуг» (№ 19-18-00246).

the main elements and subjects of the ecosystem. The research is based on federal and regional statistics on the development of the non-governmental sector and social entrepreneurship, data from registers of social service providers, as well as regulatory legal acts on social entrepreneurship. Data analysis was carried out for all the main subjects of the northwestern region (St. Petersburg, Leningrad region, Kaliningrad region, etc.). The study results show that the legal foundations for the development of social entrepreneurship have been developed. There are various measures of state support, including state subsidies, loans, with a fairly wide regional diversity observed. At the same time, at present the non-governmental sector of social services does not fully meet the existing needs. This is reflected in the insufficient number of socially oriented nonprofit organizations and social entrepreneurs, and in the relatively small proportion of the population involved in the non-governmental sector of social services. However, we should note the active development of the infrastructure for training social entrepreneurs, which includes accelerators, a business incubator, information and consulting support for social entrepreneurs.

Keywords: ecosystem, social entrepreneurship, non-governmental organizations, social services, northwestern region.

Социальное предпринимательство как практическая деятельность, интегрирующая процесс получения финансовой выгоды и решения социальных проблем общества, сформировалась в конце XX в. Социальное предпринимательство характеризуется прежде всего главенством социальной цели над экономической, при этом социальный эффект является не побочным продуктом деятельности, как в предпринимательстве, а непосредственным результатом определенного целеполагания, что обусловлено распределением полученной прибыли, которая идет на социальные цели организации, а не в личный доход инвесторов или собственников предприятия [Venkataraman S., 1997, p. 120]; экономическим эффектом, выражающимся в самокупаемости и конкурентоспособности организации (данный результат обеспечивается получением дохода преимущественно от реализации товаров и услуг, а не спонсорской помощи в виде грантов и благотворительности, которые, тем не менее, не исключаются в качестве дополнительных финансовых инвестиций); инновационностью, объединяющей экономические и социальные ресурсы. При этом многие эксперты полагают, что социальные предприятия возникают в ситуации, когда попытки урегулировать социальную проблему инструментами государственного, частного или некоммерческого секторов экономики не приносят ожидаемого результата [Martin R., Osberg S., 2007, p. 39].

Социальное предпринимательство — явление, способствующее расширению социальных гарантий населению, росту численности организаций, урегулирующих социальные проблемы, увеличению объема услуг в сфере социального

обслуживания граждан, а в отдельных случаях — развитию конкурентной среды на рынках социальных услуг, с которой связан рост эффективности учреждений социального обслуживания, повышение уровня занятости и профессиональной адаптации социально уязвимых групп населения, что предоставляет государству возможность не столько сэкономить на формах материального обеспечения населения (так как зачастую при этом одни формы государственной поддержки заменяются другими), сколько улучшить социально-экономический статус уязвимых групп, поскольку их вовлечение в продуктивную деятельность создает более устойчивый результат, чем «пассивная» политика занятости населения.

За последнее десятилетие в Российской Федерации неуклонно растет интерес к практике социального предпринимательства. Отправной точкой вовлечения социального бизнеса в правовое поле стало вступление в силу Федерального закона от 26 июля 2019 г. № 245-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации” в части закрепления понятий “социальное предпринимательство”, “социальное предприятие”» [Федеральный закон № 245-ФЗ от 26.07.2019], который ввел в законодательство РФ понятия социального предпринимательства и социального предприятия.

Правовая институционализация способствовала внедрению новых практик среди бизнес-сообщества и потребителей социальных услуг, осознанию роли социального предпринимательства в общественном сознании, развитию взаимодействия с государственными структурами

власти. Развитие успешного диалога между социальными предпринимателями, бизнесом, научным сообществом и государством создает основы для их делового сотрудничества, данный процесс и называется «экосистемой социального предпринимательства».

По определению, экосистема представляет собой сложную систему взаимосвязанных элементов [Khan M., 2013, p. 29]. Данное понятие было использовано А. Тэнсли в 1935 г. [Tansley A., 1935, p. 286] для обозначения базовой биологической единицы, образованной природной средой, организмами и их взаимоотношениями. Позже, в 1993 г., Мур представил бизнес-экосистему как подобную биологической, перенеся это определение из биологии в предпринимательство: предприятия и заинтересованные стороны выстраивают несколько взаимосвязей в определенной среде, называемой «экосистемой» [Moore J., 1993, p. 76]. С. Прахалад определил предпринимательскую экосистему как «структуру, которая позволяет частному сектору и социальным субъектам, нередко с различными стимулами и культурными традициями, сферами влияния, совместно действовать, создавая богатство в симбиотических отношениях» [Prahalad S., 2005]. Д. Исенберг развил эти определения и завершил их, предложив модель предпринимательской экосистемы, состоящей из тринадцати факторов: лидерство, государство, культура, истории успеха, социальный капитал, финансовый капитал, бизнес, образование, инфраструктура, экономические кластеры, сети, вспомогательные услуги, клиенты [Isenberg D., 2010, p. 42]. Все эти факторы были разделены на шесть категорий: государство, рынок, инфраструктурная поддержка, культура, социальный капитал и финансовые ресурсы.

Теоретические предпосылки исследования экосистемы социального предпринимательства

Социальное предпринимательство изучается как явление, отличное от коммерческого предпринимательства, несмотря на общность некоторых характеристик [Austin J. et al., 2006, p. 5]. Дж. Корнуолл охарактеризовал социальных предпринимателей как личностей, которые социально ответственны и имеют стремление к улучшению своих сообществ; они признают существование возможностей и необходимость

объединения необходимых ресурсов для изменения социальной ситуации [Cornwall J., 1998, p. 142]. В более поздних определениях выделяются такие инструменты социального предпринимательства, как организационное управление, включающее социальные цели [Peredo A., McLeanb M., 2006, p. 62]; создание стабильного равновесия, которое приводит к более высокому уровню удовлетворенности заинтересованных сторон в системе [Martin R.L., Osberg S., 2007, p. 32].

Социальных предпринимателей отличает от традиционных предпринимателей ориентация на создание социально полезной ценности; некоторые авторы рассматривают социальные предприятия как механизм расширения прав и возможностей для уязвимых лиц и маргинализированных групп [Levander U., 2010, p. 215]. В любом случае ценность социального воздействия является руководящим принципом социального предпринимателя при создании социального проекта.

Наряду с зарождающимся движением социального предпринимательства происходит стремительное внедрение экосистемной терминологии в исследованиях этой социально-экономической практики. Исследователи выделяют макроуровневые детерминанты: правовые основы, политическая повестка, инфраструктура, рынок, культура, основанная на результатах деятельности, человеческий и образовательный капитал [Thai M., Turkina E., 2014, p. 494]. При этом подчеркивается динамическая природа экосистемы как эволюционного, а не статического явления [Mason C., Brown R., 2014].

Множество исследований посвящено внутренним атрибутам социального предпринимательства, включая социальную миссию, услуги как модель социальных изменений, продвижение коллективной идентичности [Hasenfeld Y., Gidron B., 2005, p. 98]. Между тем анализ литературы выявил ограничения в исследованиях экосистемы социального предпринимательства, в частности, относительно вопросов о том, чем экосистема социального предпринимательства отличается от других бизнес-моделей в контексте рынка, государства, социальных сетей и других отраслей экономики; в какой степени географическое различие как условие влияет на экосистему социального предпринимательства. В западной литературе представлены результаты

исследования экосистемы СП на городском уровне [Saxenian A., 2006, p. 124; Spigel B., 2017, p. 51; Vedula S., Kim P., 2019, p. 827], отмечаются преимущества расположения социального предприятия в регионах с развитой инфраструктурой, в том числе наличием научных бизнес-школ подготовки потенциальных кадров и рынка услуг [Van Stel A., Suddle K., 2018, p. 31–33].

Говоря о российской практике исследования экосистемы социального предпринимательства, стоит отметить фрагментарный характер как теоретических разработок, так и практических. Социальному предпринимательству доступен ряд механизмов поддержки (финансовой, информационной, образовательной), не объединенных в общую систему. Основные направления российского социального предпринимательства связаны со следующими сферами:

1. Трудовая интеграция: обучение и интеграция людей с ограниченными возможностями, безработных, иммигрантов, представителей этнических или расовых меньшинств и других маргинализованных групп населения.
2. Права человека: свобода слова и печати, антидискриминация, гендерное равенство.
3. Здравоохранение и социальное обслуживание: медицинское обслуживание, медицинские услуги, социальные услуги по уходу за детьми, социальное обслуживание пожилых людей и людей с ограниченными возможностями.
4. Образование: профессиональная подготовка, развитие личности и карьеры.
5. Региональное развитие: экономическое и социальное развитие отдаленных сельских районов/ восстановление инфраструктуры городских районов.
6. Защита окружающей среды и устойчивость: переработка, экологическая осведомленность и защита, рациональное использование природных ресурсов, использование возобновляемых источников энергии, био- и органическое сельское хозяйство, сохранение объектов культурного наследия.
7. Другое: развитие любительского спорта, проекты в области искусства и культуры, наука, исследования и инновации, защита потребителей, традиции, ремесла и

расширение этнического наследия, этическое потребление.

В данной статье особое внимание уделено состоянию экосистемы социального предпринимательства северо-западных регионов по таким структурным направлениям экосистемы, как государство, социальный капитал, рынок социальных услуг и инфраструктурная поддержка. Особое значение для нашего научного исследования имеет социальное предпринимательство в сфере социального обслуживания. Данный факт определяет методы анализа, базирующиеся на индикаторах деятельности гибридных организаций (НКО, осуществляющих в том числе предпринимательскую деятельность) и социальных предприятий в сфере социального обслуживания граждан.

Методы исследования

Анализ экосистемы социального предпринимательства был проведен на основе статистических данных оценки реализации механизмов поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций и субъектов социального предпринимательства, гарантии доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере и внедрения конкурентных способов оказания государственных услуг в социальной сфере, а также анализа законодательных актов региональных министерств СЗФО.

Государство как субъект экосистемы социального предпринимательства

Северо-Западный федеральный округ характеризуется огромным потенциалом развития социального предпринимательства. Несомненно, субъекты обладают разнородными ресурсами и потребностями, но в целом можно говорить о наличии достаточной государственной поддержки на региональных уровнях, активной деятельности научного сообщества в области подготовки компетентных специалистов, развитой информационной-консультационной инфраструктуре.

Государство является основным субъектом экосистемы социального предпринимательства, поскольку выполняет функцию нормативного регулятора общественных отношений, создает юридические рамки деятельности социального предприятия. Правовым документом, регулиру-

ющим функционирование социальных предприятий, является Федеральный закон № 245-ФЗ [Федеральный закон № 245-ФЗ от 26.07.2019]. На сегодняшний день в субъектах Северо-Западного федерального округа отсутствует нормативно-правовая база, отражающая региональную специфику развития социального предпринимательства. Между тем субъекты неодинаково определяют социальные проблемы и задачи, каждому региону присущ различный уровень бюджетных средств. Кроме того, регионы демонстрируют неравномерность тарифов при субсидировании социальных услуг, например, обслуживание в домах престарелых в Ленинградской области оценивается в 2,5 раза выше [Постановление правительства Ленинградской области № 420 от 25.11.2013], нежели в Новгородской области [Постановление Правительства Новгородской области № 596 от 05.12.2014]. Все эти факторы говорят о необходимости создания законодательства на региональном уровне с целью поддержки социальных предпринимателей и развития наиболее востребованных направлений социальной сферы.

Государственная финансовая поддержка социального предпринимательства выражается прежде всего в осуществлении государственных закупок среди малого и среднего бизнеса, а также социально ориентированных НКО. Согласно Федеральному закону от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [Федеральный закон № 44-ФЗ от 05.04.2013] не менее 15 % годовых государственных закупок субъектов должно осуществляться среди МСП. Кроме того, организации независимо от организационно-правовой формы (коммерческие или некоммерческие юридические лица), включенные в реестр поставщиков социальных услуг, имеют право на компенсацию оказанных социальных услуг населению.

Государственными структурами, обеспечивающими всестороннюю поддержку социального предпринимательства в регионах, являются Центры инноваций социальной сферы (ЦИСС). В настоящий момент в 8 из 11 субъектов Северо-Западного региона действуют ЦИСС. Центры инноваций социальной сферы оказывают информационную поддержку действующим социальным предпринимателям, а также делающим

первые шаги в социальном бизнесе, осуществляют содействие в вопросах участия в проводимых отборах (конкурсах) лучших социальных проектов, консультируют по вопросам осуществления деятельности в области социального предпринимательства, оказывают организационно-методическую поддержку субъектам социального предпринимательства и социально ориентированным организациям.

Одним из направлений работы ЦИССов является образовательная деятельность в сфере маркетинга: предоставление социальным предпринимателям возможности рассмотрения новых каналов продаж, форм коммуникации с потребителями услуг, увеличение конкурентоспособности социальных услуг. Данные мероприятия осуществляются при помощи специальных вебинаров, тренингов или консультаций при взаимодействии с профильными экспертами.

Кроме того, в Северо-Западном регионе функционирует представительство Агентства стратегических инициатив, оказывающее информационную, методологическую (построение бизнес-модели, поиск потенциального потребителя услуги) и административную поддержку социальным предпринимателям.

Сформированные данные демонстрируют незначительный уровень распределения финансовых средств регионов на развитие системы ресурсной поддержки СОНКО. При сравнении показателей регионов наиболее стимулирующим данный процесс оказывается Санкт-Петербург.

Развитие социального предпринимательства в регионе во многом определяется мерами поддержки социальных предпринимателей, осуществляемой региональными органами власти. В этой связи остановимся на регионах СЗФО, законодательно предусматривающих и реализующих специализированные меры поддержки непосредственно социальному предпринимательству.

Санкт-Петербург

Для социальных предприятий Санкт-Петербурга предусмотрены налоговые льготы. В рамках субъекта действует городская программа для представителей малого и среднего бизнеса «Поддержка социального предпринимательства» [Распоряжение Правительства Санкт-Петербурга № 1711-р от 15.05.2015]. В соответствии с этой программой небольшим

фирмам частично возмещаются затраты на арендные платежи и приобретение оборудования. В 2020 г. максимальный размер субсидии на одну организацию СП составляет 50 % относительно официально подтвержденных затраченных средств, но не более 700 тыс. руб. В целом городским бюджетом предусмотрено целевое выделение средств в размере 10 млн руб. в расчете на текущий год.

Ленинградская область

Действующие предприятия малого и среднего бизнеса Ленинградской области, относящиеся к категории «социальное предпринимательство», могут рассчитывать на следующие меры поддержки:

- субсидирование доли затрат на обеспечение текущей деятельности предприятия предоставляется Комитетом по развитию малого, среднего бизнеса и потребительского рынка Ленинградской области для предприятий МСП в размере, не превышающем 700 тыс. руб.;
- субсидия для начинающих социальных предпринимателей, направленная на компенсирование средств по организации бизнеса, — до 700 тыс. руб. (квотируется органами местного самоуправления);
- субсидирование предприятий, осуществляющих свою деятельности в сфере выпуска продукции народных художественных промыслов и ремесел — компенсация средств, затраченных на материальное обеспечение, аренду оборудования и т.д., до 500 тыс. руб.;
- субсидирование затрат частных образовательных учреждений в сфере дошкольного образования предоставляется Комитетом общего профессионального образования Ленинградской области;
- компенсирование затрат на организацию рабочих мест для людей с ограниченными возможностями предполагает выделение средств в размере до 500 тыс. руб. на каждое рабочее место.

Согласно Закону Ленинградской области от 20 ноября 2000 г. № 35-оз «О льготном налогообложении общественных организаций инвалидов, а также организаций, находящихся в

собственности общественных организаций инвалидов» [Областной закон Ленинградской области № 35-оз от 20.11.2000] предусмотрено льготное налогообложение на прибыль (в размере 13,5 %) общественных организаций для инвалидов и организаций, собственником которых являются общественные организации для инвалидов.

Законом Ленинградской области от 12 октября 2009 г. № 78-оз «Об установлении ставки налога, взимаемого в связи с применением упрощенной системы налогообложения, на территории Ленинградской области» [Областной закон Ленинградской области № 78-оз от 12.10.2009] для начинающих индивидуальных предпринимателей гарантированы налоговые каникулы, предоставляющие возможность применения нулевой налоговой ставки на протяжении 2 лет при условии осуществления деятельности в приоритетных сферах — социальной и сфере бытовых услуг населению.

Калининградская область

Постановлением Правительства Калининградской области от 22 сентября 2017 г. № 514 «О мерах по реализации абзацев пятого и шестого пункта 2 статьи 1 Закона Калининградской области от 20 октября 2008 года N 278 “О государственной поддержке малого и среднего предпринимательства в Калининградской области”» [Постановление Правительства Калининградской области № 514 от 22.09.2017] установлено, что при заключении имущественного договора аренды в отношении нежилых помещений, являющихся государственным имуществом Калининградской области, свободным от прав третьих лиц, целевое значение которых — передача во владение или в пользование на длительный период времени субъектам малого и среднего предпринимательства и организациям, образующим инфраструктуру поддержки МСП, предоставляется следующий размер платы за пользование нежилым помещением:

- первый год аренды — 40 % от общей суммы арендной платы;
- второй год аренды — 60 % от общей суммы арендной платы;
- третий год аренды — 80 % от общей суммы арендной платы;

– четвертый год аренды нежилого помещения и далее — 100 % относительно размера арендной платы.

Кроме, того из регионального бюджета социальным предпринимателям предоставляются льготные микрорайоны:

– от 100 тыс. до 300 тыс. без залога;

– от 300 тыс. до 5 млн по ставке рефинансирования Центробанка.

Вологодская область

Субсидирование доли затрат субъектов социального предпринимательства

В рамках Постановления мэрии города Череповца от 26 апреля 2017 г. № 1926 «Об утверждении Порядков предоставления субсидии на возмещение части затрат субъектам малого и среднего предпринимательства» [Постановление мэрии города Череповца № 1926 от 26.04.2017]. Субсидирование одного субъекта МСП составляет 1 500 000,00 (один млн пятьсот тыс.) руб.

По итогам государственного отбора субсидия предоставляется субъектам малого и среднего предпринимательства, соответствующим условиям на дату подачи конкурсной заявки: основное условие — являться социальным предприятием — субъектом малого или среднего предпринимательства, а также иметь государственную регистрацию и осуществлять деятельность на территории Вологодской области.

Анализ региональных мер поддержки позволяет говорить о достаточно широком спектре форм поддержки социального предпринимательства: субсидии на реализацию проектов в области социального предпринимательства; прямые субсидии на предоставление социальных услуг; займы и возмещения текущих расходов. Инфраструктура государственной поддержки социального предпринимательства в регионах СЗФО представлена центрами инновации социальной сферы (ЦИСС); отметим, что эти меры финансовой и инфраструктурной поддержки базируются на принятых региональных нормативных актах. Дополнительные шаги по стимулированию социального бизнеса от региональных властей требуются не только в направлении содействия начинающим социальным предпринимателям, но и уже функционирующему бизнесу.

Социальный капитал как элемент экосистемы социального предпринимательства

Как структурный элемент социальный капитал включает в себя личные отношения, основанные на доверии, различного рода связи (эмоциональные, культурные, социальные, институциональные и экономические), позволяющие социальным предпринимателям извлекать выгоду из положительных «внешних эффектов». Такое сетевое взаимодействие, особенно на начальном этапе, имеет особое значение для привлечения нематериальных ресурсов и различного рода знаний, таких, как технологические, коммерческие, административные и организационные, которыми не всегда единолично обладает предприниматель [Economist Intelligence Unit, 2016; Romano M. et al., 2017, p. 71–73]. Сетевые отношения могут облегчить приобретение финансовых ресурсов через такие механизмы, как краудфандинг [Giudici G. et al., 2018, p. 310–311].

Как видно на диаграмме (см. рис. 1), наиболее успешными являются Санкт-Петербург и Калининградская область, где доля занятых в некоммерческом и частном секторах социального обслуживания составила 11,4 и 10,7 % соответственно. Но в целом анализ данных продемонстрировал низкие показатели занятости населения СЗФО в негосударственном секторе социальной сферы.

Взаимосвязь социального предпринимательства с социальным капиталом определяется в том числе и двойственным характером самого предпринимательства: непосредственно развивается как предприниматель, так и субъекты, непосредственно включенные в процесс решения социальных проблем. Наряду с этим социальный капитал как компонент экосистемы социального предпринимательства напрямую зависит от рынка труда, который обеспечивает кадровые потребности в развитии социального предпринимательства. В российских условиях наиболее подготовленным и обладающим специальными знаниями, навыками и опытом работы в социальной сфере является кадровый потенциал СО НКО, который можно рассматривать как ресурсы развития социального предпринимательства.

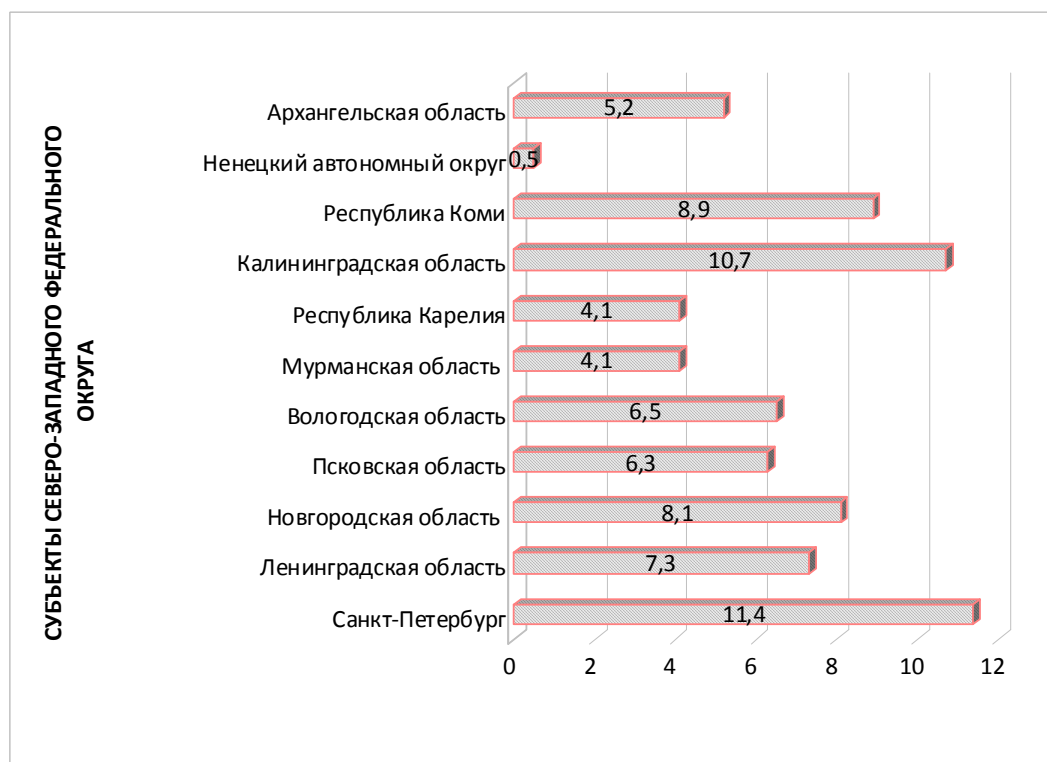

Рис. 1. Доля работников в негосударственных организациях в общей численности работников, занятых в социальной сфере (%) [сост. по: Распоряжение Правительства Российской Федерации № 1284-р от 19.07.2017]

Fig. 1. Percent of non-state organizations employees among total number of social sphere employees (%) [based on: Order of the Government of the Russian Federation of June 19, 2017 N 1284-r]

Рынок социальных услуг

Важнейшей составляющей экосистемы социального предпринимательства является наличие конкурентного рынка социальных услуг. В таблице представлены данные распределения предприятий по субъектам Северо-Западного федерального округа, включенных в государственный реестр социальных предпринимателей.

Всего на 07.2020 в реестре среднего и малого бизнеса зарегистрировано 259 социальных предприятий, что, конечно, не в полной мере отвечает потребностям в сфере социального обслуживания [Единый реестр субъектов..., 2020]. При этом наиболее высоким потенциалом развития социального предпринимательства в Северо-Западном регионе в настоящее время обладает Ленинградская область, поскольку имеет значительную долю негосударственных организаций в социальном обслуживании. Также высо-

кими показателями обладают Мурманская и Калининградская области (рис. 2).

Рынок сбыта социальных услуг субъектов Северо-Западного федерального округа предусматривает не только региональный уровень, но и международный, потенциальный поставщик имеет возможность предоставить свои товары и услуги организациям ООН в разных странах мира. Участие в международных закупках на портале UNGM.ORG позволяет заявить о своей продукции или услугах на международной арене, а также извлечь репутационную выгоду от получения статуса «поставщик ООН». Деятельность в условиях рынка обуславливает действия механизма спроса и предложения; очень часто в регионах рынок перенасыщен услугами одного типа и характеризуется отсутствием предложений других видов услуг даже при наличии спроса; необходима диагностика спроса при участии государства и информирование потенциальных социальных предпринимателей.

Распределение предприятий по субъектам Северо-Западного федерального округа, включенных в государственный реестр социальных предпринимателей [сост. по: Единый реестр субъектов..., 2020]

Distribution of enterprises in national register of social entrepreneurs over regions of Northwestern Federal District [based on Unified Register of Small and Medium Business Subjects..., 2020]

Название региона	Количество социальных предприятий, в том числе ИП (по состоянию на 20.07.2020)	Основные сферы деятельности
Санкт Петербург	74	Предоставление услуг по дневному уходу за детьми.
Ленинградская область	20	Предоставление услуг по дневному уходу за детьми; деятельность по уходу с обеспечением проживания прочая.
Калининградская область	16	Производство инвалидных колясок; торговля розничная изделиями, применяемыми в медицинских целях, ортопедическими изделиями в специализированных магазинах.
Новгородская область	3	Образование дополнительное детей и взрослых.
Вологодская область	45	Образование дополнительное детей и взрослых.
Псковская область	18	Предоставление прочих социальных услуг без обеспечения проживания; предоставление услуг по дневному уходу за детьми.
Архангельская область	10	Предоставление услуг по дневному уходу за детьми.
Ненецкий автономный округ	10	Предоставление социальных услуг без обеспечения проживания престарелым и инвалидам; деятельность учреждений клубного типа: клубов, дворцов и домов культуры, домов народного творчества.
Мурманская область	33	Предоставление услуг по дневному уходу за детьми; предоставление социальных услуг без обеспечения проживания престарелым и инвалидам.
Республика Карелия	0	—
Республика Коми	30	Образование дополнительное детей и взрослых.

Рис. 2. Удельный вес негосударственных организаций социального обслуживания в общем количестве организаций социального обслуживания всех форм собственности, включенных в реестр поставщиков социальных услуг субъектов Северо-Западного федерального округа (%) [сост. по: сост. по: Распоряжение Правительства Российской Федерации № 1284-р от 19.07.2017]

Fig. 2. Density of non-state social service organizations in total number of social service organizations of all forms of incorporation included in register of Northwestern Federal District social service providers (%) [based on Ranking of the Russian Federation Regions after Implementation of Socially Oriented Nonprofit Organizations and Social Entrepreneurship Support..., 2018]

Инфраструктура как элемент экосистемы социального предпринимательства

Социальное предпринимательство имеет следующую инфраструктуру подготовки социальных предпринимателей: акселераторы, бизнес-инкубатор, информационная и консалтинговая поддержка социальных предпринимателей.

Формирование системы бизнес-образования способствует развитию профессиональных компетенций предпринимательского сообщества и в зависимости от социально-экономического положения регионов позволяет качественно изменить предоставляемые социальные услуги и конкурентоспособность социального бизнеса. В связи с этим в региональных субъектах действуют образовательные программы для начинающих и действующих социальных предпринимателей.

Центры инноваций социальной сферы реализуют обучение и просвещение по вопросам осуществления деятельности в области социального предпринимательства в форме семинаров, мастер-классов, тренингов, деловых игр, акселерационных программ и др.

Наиболее востребованными формами долгосрочных образовательных программ являются школы социального предпринимательства и акселерационные программы.

В целях развития социального бизнеса, распространения социального эффекта и увеличения численности социальных предпринимателей в *Калининградской области* фондом «Наше будущее» проводятся мероприятия в рамках акселерационной программы «Формула роста» [Акселерационная программа..., 2020].

Программа направлена на совершенствование функционирования социального предприятия, действующего на протяжении не более 5 лет, ежегодная выручка которого составляет до 20 млн руб. в год. Акселератор «Формула роста» содержит три составляющие и проводится на протяжении 9 месяцев:

- 1) обучение, включающее 10 теоретических и практических интерактивных занятий по отдельным компонентам предпринимательской деятельности. Проводятся в формате очных бесед между куратором и участниками, дискуссий по различным темам, в том чис-

ле с обсуждением собственного опыта. Такой формат дает возможность выстроить систему знаний по основным аспектам ведения бизнеса, определить актуальные задачи социального бизнеса, участвующего в программе, способствует осмыслению важности и необходимости преобразований в деятельности предприятия;

- 2) менторство предполагает встречи (не менее 18) с региональными представителями успешного бизнеса, имеющими опыт непрерывной предпринимательской деятельности не менее 5 последних лет с годовым оборотом бизнеса не менее 10 млн руб;
- 3) деловые мероприятия, предполагающие обмен профессиональным опытом, помогают наладить деловые контакты, заключить соглашение о сотрудничестве, а также приобрести профильную информацию от предпринимателей и специалистов региона.

В Санкт-Петербурге на базе Центра инноваций социальной сферы создан бизнес-клуб в целях формирования сообщества предпринимателей, участвующих в преобразовании экономики и социальной сферы Санкт-Петербурга. В рамках бизнес-клуба происходит обмен лучшими практиками, совместная разработка эффективных бизнес-моделей социального предпринимательства, осуществляются образовательные программы, в том числе акселерация проектов и программы наставничества, онлайн-трансляции мероприятий с профильными экспертами, форумов и мастер-классов. Еще один инструмент, способствующий обучению практикам социального предпринимательства и инновационной деятельности в целом, — это Теплица социальных технологий.

Заключение

Социальное предпринимательство предназначено для решения социальных проблем путем использования устойчивых экономических инструментов; результатом социального бизнеса являются социальные преобразования, связанные с повышением качества жизни отдельных социальных групп и граждан. Успешное развитие социального предпринимательства возмож-

но в условиях формирования благоприятной экосистемы. Специфика экосистемы социального предпринимательства в сфере социального обслуживания Северо-Западного федерального округа обусловлена достаточно высоким уровнем развития негосударственного сектора социальных услуг (гибридных НКО, социальных предприятий), наличием крупных промышленных и торговых предприятий, способствующих благоприятному инвестиционному климату; значительным уровнем государственного участия в формировании рынка социального предпринимательства путем информационной, просветительской и финансовой поддержки. Анализ социального предпринимательства в сфере социального обслуживания в Северо-Западном регионе позволяет сделать вывод о необходимости дальнейшего совершенствования всех рассмотренных выше элементов экосистемы, что предполагает в том числе диверсифицированность государственной поддержки, развитие инфраструктуры, включая создание информационной, образовательной ресурсных баз, повышение доверия населения к негосударственным организациям, оказывающим социальные услуги. Выполнение данных условий будет способствовать появлению социально-предпринимательских инноваций и развитию эффективных социальных проектов.

Список литературы

Единый реестр субъектов среднего и малого предпринимательства / Федеральная налоговая служба. URL: <https://ofd.nalog.ru/search.html?mode=extended> (дата обращения: 27.07.2020).

Распоряжение Правительства Российской Федерации от 19 июня 2017 г. № 1284-р «О рейтинге субъектов Российской Федерации». URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/6bd6ea6dfed00d673dfe8e6f9911504d/rezultaty_reytinga_za_2018.pdf (дата обращения: 27.09.2020).

Областной закон Ленинградской области от 12 октября 2009 г. № 78-оз «Об установлении ставки налога, взимаемого в связи с применением упрощенной системы налогообложения, на территории Ленинградской области» (с изменениями на 23 октября 2020 г.). URL: <https://lenoblpravo.ru/zakon/2009-10-12-n-78-oz/> (дата обращения: 25.09.2020).

Областной закон Ленинградской области от 20 ноября 2000 г. № 35-оз «О льготном налогооб-

ложении общественных организаций инвалидов, а также организаций, находящихся в собственности общественных организаций инвалидов». URL: <http://docs.cntd.ru/document/3622741> (дата обращения: 25.09.2020).

Постановление мэрии города Череповца от 26 апреля 2017 г. № 1926 «Об утверждении Порядков предоставления субсидии на возмещение части затрат субъектам малого и среднего предпринимательства» URL: <https://mayor.cherinfo.ru/decree/87469-postanovlenie-merii-goroda-cerepovca-ot-26042017-no-1926-ob-utverzdenii-poradkov-predostavlenia-subsidii-na-vozmesenie-casti-zat> (дата обращения: 25.09.2020).

Постановление Правительства Калининградской области от 22 сентября 2017 г. № 514 «О мерах по реализации абзацев пятого и шестого пункта 2 статьи 1 Закона Калининградской области от 20 октября 2008 года № 278 “О государственной поддержке малого и среднего предпринимательства в Калининградской области”» (с изменениями на 29 ноября 2019 г.) URL: <http://docs.cntd.ru/document/436770551> (дата обращения: 25.09.2020).

Постановление правительства Ленинградской области от 25 ноября 2013 г. № 420 «Об утверждении стоимости социального обслуживания и тарифов на гарантированные социальные услуги, предоставляемые государственной системой социальных служб Ленинградской области гражданам пожилого возраста, инвалидам и гражданам, находящимся в трудной жизненной ситуации, детям-инвалидам, детям с ограниченными возможностями, несовершеннолетним детям и семьям с детьми, находящимся в трудной жизненной ситуации» (с изменениями на 16 октября 2014 г.). URL: <http://docs.cntd.ru/document/537943838> (дата обращения: 20.09.2020).

Постановление Правительства Новгородской области № 596 «Об утверждении Порядка предоставления социальных услуг поставщиками социальных услуг на территории Новгородской области» от 5 декабря 2014 г. URL: <http://social.novreg.ru/wp-content/uploads/2019/04/Постановление-Правительства-Новгородской-области-от-05.12.2014-№-596.pdf> (дата обращения 25.09.2020).

Распоряжение Правительства Санкт-Петербурга от 15 мая 2015 г. № 1711-р «Об утверждении специальной программы “Поддержка социального предпринимательства”» (с изменениями на 24 августа 2020 г.). URL: <http://docs.cntd.ru/document/537974259> (дата обращения: 28.07.2020).

Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения: 25.09.2020).

Федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 245-ФЗ. «О внесении изменений в Федеральный закон “О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации” в части закрепления понятий “социальное предпринимательство”, “социальное предприятие”». URL:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_329995/ (дата обращения: 20.09.2020).

Акселерационная программа. Фонд поддержки социальных проектов «Наше будущее».

URL:<https://www.fundsp.ru/predakselerator.html> (дата обращения: 20.09.2020).

Austin J., Stevenson H., Wei-Skillern J. Social or commercial entrepreneurship: Same, different, or both? // *Entrepreneurship: Theory and Practice*. 2006. Vol. 30, iss. 1. P. 1–22. DOI:

<https://doi.org/10.1111/j.1540-6520.2006.00107.x>

Cornwall J. The entrepreneur as building block for community // *Journal of Developmental Entrepreneurship*. 1998. Vol. 3(2). P. 141–148. DOI: <https://doi.org/10.1023/A:1023294626341>

Informal innovation: networks that power start-up cities // *The Economist*. 2016. May 17. URL: <https://eiperspectives.economist.com/strategy-leadership/informal-innovation-networks-power-start-cities> (accessed: 20.09.2020).

Giudici G., Guerini M., Rossi-Lamastra C. Reward-based crowdfunding of entrepreneurial projects: the effect of local altruism and localized social capital on proponents' success // *Small Business Economics*. 2018. Vol. 50, iss. 2. P. 307–324. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11187-016-9830-x>

Hasenfeld Y., Gidron B. Understanding Multi-Purpose Hybrid Voluntary Organizations: The Contributions of Theories on Civil Society, Social Movements and Nonprofit Organizations // *Journal of Civil Society*. 2005. Vol. 1, iss. 2. P. 97–112. DOI: <https://doi.org/10.1080/17448680500337350>

Isenberg D. How to start an entrepreneurial revolution // *Harvard Business Review*. 2010. Vol. 88(6). P. 40–51.

Khan M. Mapping entrepreneurship ecosystem of Saudi Arabia // *World Journal of Entrepreneurship, Management and Sustainable Development*. 2013. Vol. 9, iss. 1. P. 28–54. DOI: <https://doi.org/10.1108/20425961311315700>

Levander U. Social Enterprise: Implications of Emerging Institutionalised Constructions // *Journal of Social Entrepreneurship*. 2010. Vol. 1, iss. 2. P. 213–230. DOI: <https://doi.org/10.1080/19420676.2010.511815>

Martin R.L., Osberg S. Social Entrepreneurship: the Case for Definition // *Stanford Social Innovation Review*. 2007. Spring. P. 29–39.

Mason C., Brown R. Entrepreneurial Ecosystems and Growth-Oriented Enterprises // Background Paper Prepared for the Workshop Organised by the OECD LEED Programme and the Dutch Ministry of Economic Affairs. Discussion Paper. OECD. 2014.

Moore J. Predators and prey: A new ecology of competition // *Harvard Business Review*. 1993. Vol. 71, iss. 3, pp. 75–83. URL:

<http://www.hbr.org/1993/05/predators-and-prey-a-new-ecology-of-competition/ar/1> (дата обращения: 20.09.2020).

Peredo A., McLeanb M. Social entrepreneurship: A critical review of the concept // *Journal of World Business*. 2006. Vol. 41, no. 1. P. 56–65. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-531-92522-6_13

Prahalad C.K. The Fortune at the Bottom of the Pyramid: Eradicating Poverty through Profit. Wharton School Publishing. Upper Saddle River, NJ, 2005. 273 p.

Romano M., Nicotra M., Schillaci C. Nascent Entrepreneurship and Territorial Social Capital: Empirical Evidences from Italy // *Technology-Based Nascent Entrepreneurship*. Palgrave Macmillan. N.Y., 2017. P. 71–93. DOI: https://doi.org/10.1057/978-1-137-59594-2_4

Saxenian A. The new argonauts: Regional advantage in a global economy. Cambridge, MA: Harvard University Press. 2006. 424 p.

Spigel B. The relational organization of entrepreneurial ecosystems // *Entrepreneurship Theory and Practice*. 2017. Vol. 41, iss. 1. P. 49–72. DOI: <https://doi.org/10.1111/etap.12167>

Tansley A.G. The use and abuse of vegetational concepts and terms // *Ecology*. 1935. Vol. 16. P. 284–307.

Thai M., Turkina E. Macro-level determinants of formal entrepreneurship versus informal entrepreneurship // *Journal of Business Venturing*. 2014. Vol. 29, iss. 4. P. 490–510. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbusvent.2013.07.005>

Van Stel A., Suddle K. The impact of new firm formation on regional development in the Netherlands // *Small Business Economics*. 2018. Vol. 30, iss. 1. P. 31–47. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11187-007-9054-1>

Vedula S., Kim P. Gimme shelter or fade away: the impact of regional entrepreneurial ecosystem quality on venture survival // *Industrial and Corporate Change*. 2019. Vol. 28, iss. 4. P. 827–854. DOI: <https://doi.org/10.1093/icc/dtz032>

Venkataraman S. The distinctive domain of entrepreneurship research: an editor's perspective // *Advances in entrepreneurship, firm emergence, and growth* / ed. by J. Katz, R. Brockhaus. 1997. Vol. 3. P. 119–138.

Получено 01.11.2020

References

Akseleratsionnaya programma [Acceleration program.]. Social Initiatives Support Fund. The foundation «Nashe budushcheye». Available at: <https://www.fundsp.ru/predakselerator.html> (accessed 20.09.2020).

Austin, J., Stevenson, H. and Wei-Skillern, J. (2006). Social or commercial entrepreneurship: Same, different, or both? *Entrepreneurship: Theory and Practice*. Vol. 30, iss. 1, pp. 1–22. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1540-6520.2006.00107.x>

Cornwall, J. (1998). The entrepreneur as building block for community. *Journal of Developmental Entrepreneurship*. Vol. 3(2), pp. 141–148. DOI: <https://doi.org/10.1023/A:1023294626341>

Edinyy reyestr sub'yektov srednego i malogo predprinimatel'stva [Unified register of small and medium-sized businesses]. Federal Tax Service. Available at: <https://ofd.nalog.ru/search.html?mode=extended> (accessed 27.07.2020).

Federal'nyy zakon ot 05.04.2013 N 44-FZ «O kontraktnoy sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh nuzhd» [Federal Law N 44-FZ of April 5, 2013 «On the contractual system in the area of procurement of goods, works and services for meeting state and municipal needs (with amendments and additions)»]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (accessed 25.09.2020).

Federal'nyy zakon ot 26.07.2019 N 245-FZ «O vnesenii izmeneniy v Federalnyy zakon "O razviti malogo i srednego predprinimatel'stva v Rossiyskoy Federatsii" v chasti zakrepleniya ponyatiy "sotsial'noe predprinimatel'stvo", "sotsial'noe predpriyatie"» [Federal Law N 245-FZ of July 26, 2019 «On amending the Federal Law “On development of small and medium entrepreneurship in the Russian Federation” as related to setting forth of the terms “social

entrepreneurship” and “social enterprise”»]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_329995/ (accessed 20.09.2020).

Giudici, G., Guerini, M. and Rossi-Lamastra, C. (2018). Reward-based crowdfunding of entrepreneurial projects: the effect of local altruism and localized social capital on proponents' success. *Small Business Economics*. Vol. 50, iss. 2, pp. 307–324. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11187-016-9830-x>

Hasenfeld, Y. and Gidron, B. (2005). Understanding multi-purpose hybrid voluntary organizations: the contributions of theories on civil society, social movements and nonprofit organizations. *Journal of Civil Society*. Vol. 1, iss. 2, pp. 97–112. DOI: <https://doi.org/10.1080/17448680500337350>

Informal innovation: networks that power start-up cities (2016). *The Economist*. May 17. Available at: <https://eiuperspectives.economist.com/strategy-leadership/informal-innovation-networks-power-start-cities> (accessed: 20.09.2020).

Isenberg, D. (2010). How to start an entrepreneurial revolution. *Harvard Business Review*. Vol. 88(6), pp. 40–51.

Khan, M.R. (2013). Mapping entrepreneurship ecosystem of Saudi Arabia. *World Journal of Entrepreneurship, Management and Sustainable Development*. Vol. 9, iss. 1, pp. 28–54. DOI: <https://doi.org/10.1108/20425961311315700>

Levander, U. (2010). Social enterprise: implications of emerging institutionalized constructions. *Journal of Social Entrepreneurship*. Vol. 1, iss. 2, pp. 213–230. DOI: <https://doi.org/10.1080/19420676.2010.511815>

Martin, R.L. and Osberg, S. (2007). Social entrepreneurship: the case for definition. *Stanford Social Innovation Review*. Spring, pp. 29–39.

Mason, C. and Brown, R. (2014). Entrepreneurial ecosystems and growth-oriented enterprises. *Background paper prepared for the workshop organised by the OECD LEED programme and the Dutch Ministry of Economic Affairs*. Discussion Paper. OECD.

Moore, J. (1993). Predators and prey: a new ecology of competition. *Harvard Business Review*. Vol. 71, no. 3, pp. 75–83. Available at: www.hbr.org/1993/05/predators-and-prey-a-new-ecology-of-competition/ar/1 (accessed 20.09.2020).

Oblastnoy zakon Leningradskoy oblasti ot 12 oktyabrya 2009 g. N 78-oz «Ob ustanovlenii stavki naloga, vziataemogo v svyazi s primeneniem uproschennoy sistemy nalogooblozheniya, na territorii Leningradskoy oblasti» (s izmeneniyami na 23 oktyabrya 2020 goda) [Regional Law of the Leningrad Region of October 12, 2009 N 78-OZ «On establish-

ing the tax rate levied in connection with the application of the simplified tax system in the Territory of the Leningrad Region» (as amended on October 23, 2020)]. Available at: <https://lenoblpravo.ru/zakon/2009-10-12-n-78-oz/> (accessed 25.09.2020).

Oblastnoy zakon Leningradskoy oblasti ot 20 noyabrya 2000 g. N 35-oz «O l'gotnom nalogooblozhenii obschestvennykh organizatsiy invalidov, a takzhe organizatsiy, nakhodyashchimsya v sobstvennosti obschestvennykh organizatsiy invalidov» [Regional law of the Leningrad Region of November, 2000 N 35-OZ «On state taxation of public organizations of disabled people, as well as organizations owned by public organizations of disabled people»]. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/3622741> (accessed 25.09.2020).

Peredo, A. and McLean, M. (2006). Social entrepreneurship: A critical review of the concept. *Journal of World Business*. Vol. 41, no. 1, pp. 56–65. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-531-92522-6_13

Postanovlenie merii goroda Cherepovtsa ot 26 aprelya 2017 g. N 1926 «Ob utverzhenii poryadkov predostavleniya subsidii na vozmeschenie chasti zatrat sub'ektam malogo i srednego predprinimatel'stva» [Resolution of the Municipality of Cherepovets of April 26, 2017 N 1926 On approval of the procedure for granting subsidies for reimbursement of part of costs to small and medium-sized businesses]. Available at: <https://mayor.cherinfo.ru/decreed/87469-postanovlenie-merii-goroda-cerepovca-ot-26042017-no-1926-ob-utverzhenii-poradkov-predostavleniya-subsidii-na-vozmeschenie-chasti-zat> (accessed 25.09.2020).

Postanovlenie Pravitel'stva Kaliningradskoy oblasti ot 22 sentyabrya 2017 g. N 514 «O merakh po realizatsii abzatsev pyatogo i shestogo punkta 2 stat'i 1 Zakona Kaliningradskoy oblasti ot 20 oktyabrya 2008 g. N 278 «O gosudarstvennoy podderzhke malogo i srednego predprinimatel'stva v Kaliningradskoy oblasti»» (s izmeneniyami na 29 noyabrya 2019 goda) [Resolution of the Government of the Kaliningrad Region of September 22, 2017 N 514 «On measures to implement paragraphs of the fifth and sixth paragraph 2 of Article 1 of the Law of the Kaliningrad region of October 20, 2008 N 278 «On state support for small and medium-sized businesses in the Kaliningrad region»»]. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/436770551> (accessed 25.09.2020).

Postanovleniye pravitel'stva Leningradskoy oblasti ot 25 noyabrya 2013 g. N 420 «Ob utverzhenii stoimosti sotsial'nogo obsluzhivaniya i tarifov na

garantirovannyye sotsial'nyye uslugi, pre-dostavlyayemyye gosudarstvennoy sistemoy sotsial'nykh sluzhb Leningradskoy oblasti grazhdanam pozhilogo vozrasta, invalidam i grazhdanam, nakhodyashchimsya v trudnoy zhiznennoy situatsii, detyam-invalidam, detyam s ogranichennymi vozmozhnostyami, nesovershennoletnim detyam i sem'yam s det'mi, nakhodyashchimsya v trudnoy zhiznennoy situatsii» (s izmeneniyami na 16 oktyabrya 2014 g.). [Resolution of the Government of the Leningrad Region on November 25, 2013 N 420 «On Approval of the Cost of Social Services and Tariffs for Guaranteed Social Services Provided by the State System of Social Services of the Leningrad Region to Elderly Citizens, People with Disabilities and Citizens in Difficult Life Situations, Children with Disabilities, children with disabilities, minors and families with children in difficult life situations» (as amended on October 16, 2014)].

Postanovlenie Pravitel'stva Novgorodskoy oblasti ot 05.12.2014 N 596 «Ob utverzhenii Poryadka predostavleniya sotsial'nykh uslug postavschikami sotsial'nykh uslug na territorii Novgorodskoy oblasti» [Resolution of the Government of the Novgorod Region of December 5, 2014 N 596 «On approval of the procedure for providing social services by social service providers of the Novgorod Region»]. Available at: <http://social.novreg.ru/wp-content/uploads/2019/04/Postanovlenie-Pravitel'stva-Novgorodskoj-oblasti-ot-05.12.2014-N-596.pdf> (accessed 25.09.2020).

Prahalad, C.K. (2005). *The fortune at the bottom of the pyramid: eradicating Poverty through profits*. NJ: Wharton School Publishing Upper Saddle River, 273 p.

Rasporyazheniye Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 19 iyunya 2017 g. N 1284-r «O reytinge sub'yektov Rossiyskoy Federatsii» [Order of the Government of the Russian Federation of June 19, 2017 N 1284-r «On the rating of the constituent entities of the Russian Federation»]. Available at: https://www.economy.gov.ru/material/file/6bd6ea6dfed00d673dfe8e6f9911504d/rezultaty_reytinga_za_2018.pdf (accessed 20.09.2020).

Rasporyazheniye Pravitel'stva Sankt-Peterburga ot 15 maya 2015 g. N 1711-r (red. ot 24.08.2020) «Ob utverzhenii spetsial'noy programmy «Podderzhka sotsial'nogo predprinimatel'stva»» [Order of the Government of St. Petersburg of May 15, 2015 N 1711-R (ed. of 24.08.2020) «On approval of the special program «Support for Social Entrepreneurship»»]. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/537974259> (accessed 28.07.2020).

Romano, M., Nicotra, M., and Schillaci, C. (2017). Nascent entrepreneurship and territorial social capital: empirical evidences from Italy. *Technology-based nascent entrepreneurship*. New York: Palgrave Macmillan Publ., pp. 71–93. DOI: https://doi.org/10.1057/978-1-137-59594-2_4

Saxenian, A. (2006). *The new argonauts: Regional advantage in a global economy*. Cambridge, MA: Harvard University Press., 424 p.

Spigel, B. (2017). The relational organization of entrepreneurial ecosystems. *Entrepreneurship Theory and Practice*. Vol. 41, iss. 1, pp. 49–72. DOI: <https://doi.org/10.1111/etap.12167>

Tansley, A.G. (1935). The use and abuse of vegetational concepts and terms. *Ecology*. Vol. 16, pp. 284–307.

Thai, M. and Turkina, E. (2014). Macro-level determinants of formal entrepreneurship versus informal entrepreneurship. *Journal of Business Venturing*.

Vol. 29, iss. 4, pp. 490–510. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbusvent.2013.07.005>

Van Stel, A., and Suddle, K. (2018). The impact of new firm formation on regional development in the Netherlands. *Small Business Economics*. Vol. 30, iss. 1, pp. 31–47. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11187-007-9054-1>

Vedula, S. and Kim, P.H. (2019). Gimme shelter or fade away: the impact of regional entrepreneurial ecosystem quality on venture survival. *Industrial and Corporate Change*. Vol. 28, iss. 4, pp. 827–854. DOI: <https://doi.org/10.1093/icc/dtz032>

Venkataraman, S. (1997). The distinctive domain of entrepreneurship research: an editor's perspective. *Advances in entrepreneurship, firm emergence, and growth*, ed. by J. Katz, R. Brockhaus. Greenwich, CT: JAI Press, Vol. 3, pp. 119–138.

Received 01.11.2020

Об авторах

Иванова Мария Михайловна

аспирант факультета социологии

Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9;
e-mail: ivanova.mar-9308@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4419-3188>

Бородкина Ольга Ивановна

доктор социологических наук, доцент,
профессор кафедры теории и практики
социальной работы

Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9;
e-mail: oiborodkina@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0936-5757>

About the authors

Maria M. Ivanova

Ph.D. Student of the Faculty of Sociology

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg,
199034, Russia;
e-mail: ivanova.mar-9308@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4419-3188>

Olga I. Borodkina

Doctor of Sociology, Docent,
Professor of the Department of Theory
and Practice of Social Work

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg,
199034, Russia;
e-mail: oiborodkina@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0936-5757>

Пробьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Иванова М.М., Бородкина О.И. Развитие экосистемы социального предпринимательства в Северо-Западном регионе России // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 4. С. 622–636. DOI: [10.17072/2078-7898/2020-4-622-636](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2020-4-622-636)

For citation:

Ivanova M.M., Borodkina O.I. [Development of the ecosystem of social entrepreneurship in the Northwestern region of Russia]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofija. Psihologija. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 4, pp. 622–636 (in Russian). DOI: [10.17072/2078-7898/2020-4-622-636](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2020-4-622-636)

УДК 316.28:316.354

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-4-637-648

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕДИАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ: ОПЫТ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Крестьянова Любовь Сабирдяновна

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Ершова Анастасия Владимировна

Министерство образования и молодежной политики Свердловской области

Конфликты в образовательных организациях неизбежны. Их специфика, преимущественно, связана с возрастными и иными особенностями участников конфликтов, социальной группы, в которой протекает конфликт, инструментами ее управления, сложностью и многоаспектностью самих конфликтов в данной среде. Для управления конфликтами в образовательных организациях внедряются медиативные технологии. Анализ практики применения медиативных технологий в образовательных организациях свидетельствует об отсутствии единого термина, определяющего данное явление в нормативно-правовых актах, а также о многообразии моделей и форм реализации данного инструмента. В Свердловской области наибольшее распространение получила школьная служба примирения, реализуемая, преимущественно, тремя моделями. Проведенное исследование позволяет говорить о том, что применение медиативных технологий в образовательных организациях Свердловской области необходимо и востребовано. К основным проблемам реализации данного инструмента можно отнести отсутствие понимания механизма медиативных технологий со стороны администрации образовательного учреждения и педагогических работников. Проблемой является также сложность, нечеткость нормативно-правовых и иных подзаконных актов, регулирующих данную деятельность. Отмечен недостаток обученных кадров, связанный с отсутствием в необходимом количестве доступных программ обучения. Одна из существенных проблем реализации медиативных технологий в образовательных учреждениях — отсутствие мотивации у специалистов, обусловленное недостаточным материальным стимулированием. Проблема отсутствия целенаправленного финансирования данного направления деятельности в образовательных организациях является ключевой. В настоящий момент не созданы условия для масштабного внедрения медиативных технологий в деятельность образовательных организаций. Реальное использование медиативных технологий в образовательных организациях обеспечивается энтузиазмом педагогов и администрации образовательных организаций.

Ключевые слова: конфликты, медиация, медиативные технологии, образовательные организации, школьная служба примирения.

PROBLEMS OF USING MEDIATION TECHNOLOGIES IN EDUCATIONAL ORGANIZATIONS: EXPERIENCE OF THE SVERDLOVSK REGION

Lubov S. Krestyanova

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

Anastasiya V. Ershova

Ministry of education and youth policy of the Sverdlovsk region

Conflicts in educational organizations are imminent. They are specific because of the age of participants of conflicts. They are in a special social group with special management tools. These conflicts are complex and multidimensional. Mediation technologies are being introduced in educational organizations to manage con-

flicts. There is no single definition of this phenomenon in regulatory legal acts. There are many models and forms of implementation of mediation technologies in educational organizations. In the Sverdlovsk region, the most common school reconciliation service, which exists in three models. Mediation technologies in educational organizations of the Sverdlovsk region are necessary and demand. The problem is the lack of understanding of mediation technologies by the administration of an educational institution and teaching staff. The regulations in this area are complex and confusing. There are not enough qualified personnel. It's connected with the lack of available training programs. Some specialists are not motivated. The key problem is the lack of targeted financing. There are no conditions for large-scale implementation of mediation technologies in educational organizations. The real implementation of mediation technologies in educational organizations is based on the enthusiasm of teachers and the administration of educational organizations.

Keywords: conflicts, mediation, mediation technologies, educational organizations, school reconciliation service.

Введение

Конфликты — неотъемлемая сторона жизни любого социума. Это сложное, многоаспектное явление, изучению которого посвящены труды как классиков социологии, психологии и других наук, так и современных исследователей.

Особого анализа требуют конфликты в образовательных организациях, затрагивающие ши-

рокий круг лиц, прежде всего детей, и имеющие порой крайне тяжелые последствия.

Специфика конфликтов в образовательных организациях

В работах различных авторов можно обнаружить характеристики и особенности конфликтов в образовательных организациях, обобщенно сгруппированные нами следующим образом.

Таблица 1. Специфика социальных конфликтов в образовательных организациях

Table 1. The specificity of social conflicts in educational institutions

Особенность образовательной среды	Мнение специалистов
Возрастные особенности детской среды (материальный, этнический, культурный аспекты) выделяются отечественными и зарубежными авторами [Shmuel N. Eisenstadt., 1956; Арьес Ф., 1999; DeMause L., 1995; Выготский Л.С., 1984; Божович Л.И., 2001; Дружиненко Д.А., 2006]	Детский возраст анализируется с позиции объекта социализации. В процессе социализации могут возникнуть следующие трудности: «позднее взросление», «социальная пассивность», «малый социальный возраст», «позднее социальное взросление». Обосновывается ряд угроз, прежде всего взаимодействия подрастающего поколения с окружающим социумом, его адаптации к социальному окружению, профессиональной деятельности; угроза неточной оценки итогов социализации подрастающего поколения, которые определяются с использованием преимущественно педагогических средств, форм и методов.
Образовательная организация и школьный класс как коллектив, социальная группа подробно рассмотрены теоретиками и практиками советской педагогики [Шацкий С.Т., 1980; Макаренко А.С., 1960, 1978; Сухомлинский В.А., 1958, 1981; Анцупов А.Я., 2004]	Изменения во взаимоотношениях детей и подростков в образовательной среде во многом связаны с той ролью, которую выполняет в определенный период взросления общество сверстников. Социальные потребности, связанные с общением с другими детьми, принятием сверстниками, желанием иметь друзей, характерны для детей школьного возраста.
Специфика управления образовательным процессом отмечена рядом авторов [Андреева Г.М., 1981, 2009; Атаянц Н.Г., 2002а]	В образовательном процессе используются зачастую авторитарные методы разрешения конфликтов: принуждение, злоупотребление властью. Это неявное повседневное психологическое воздействие имеет серьезные последствия.
Взаимосвязь с личностью учителя, профессионализмом педагогов исследовалась в трудах ряда авторов [Анцупов А.Я., 2004; Коновалов А.Ю., 2012; Атаянц Н.Г., 2002б; Курочкина И.А., Шахматова О.Н., 2013]	Конфликты в школьной среде неоднородны, в разрешении конфликта особую роль играет позиция педагога. Одна из задач педагога — выявить скрытый конфликт, агрессора и жертву. В зависимости от профессионализма педагога конфликты могут быть рассмотрены как исключительно негативное явление либо как звено воспитательного процесса.
Сложность, многоаспектность конфликтов в образовательной среде отмечена во многих исследованиях [Солдатова Г.В., 2015; Патраков Э.В. и др., 2019; Максудов Р.Р., 2012; Анцупов А.Я., 2004; Гришина Н.В., 2008; Белкин А.С. и др., 1995; Крестьянова Л.С. и др., 2016]	Можно выделить следующие виды конфликтов: «обучающийся–обучающийся», «обучающийся–педагог», «педагог–родитель», «педагог–администрация», а также сложносоставные конфликты, такие как школьная травля (буллинг). Иные конфликтные ситуации, в которые попадает ребенок, к примеру, в семье, также оказывают влияние на взаимоотношения школьников и должны быть учтены.

Следует отметить, что школа, отдельный класс — это, прежде всего, социум, специфический детский коллектив, в котором каждому его члену приходится находиться длительное время. Особую роль здесь играет сохранение нормальных внутригрупповых отношений, что требует восстановления внутриличностных статусов участников конфликта, заглаживания вреда и восстановления отношений между участниками конфликта.

Вслед за Л. Козером [Козер Л., 2000] мы считаем, что не может существовать социальная общность, где присутствуют лишь силы «гармонии и притяжения». Конфликтов в школьной среде полностью избежать нельзя, поскольку они являются одним из видов социального взаимодействия.

Указанное положение определяет необходимость обоснования использования особого механизма управления конфликтами. В последние несколько лет с этой целью в образовательных организациях внедряется инновационный инструмент — медиативные технологии разрешения конфликтов.

Медиативные технологии как способ управления конфликтами

В наиболее общем виде под медиацией понимается способ урегулирования споров при содействии беспристрастной третьей стороны (медиатора) на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения.

Проведенный нами нормативно-правовой анализ (более подробно приведен в работе [Патраков Э.В. и др., 2019]) позволил сделать вывод о том, что в нормативно-правовых актах федерального и регионального уровней не сложилось единого мнения относительно термина, называющего данное понятие в образовательных организациях. В частности, используются такие номинации, как «восстановительные технологии», «школьные службы примирения», «службы школьной медиации».

Указанная особенность, на наш взгляд, обусловлена в том числе неоднородной практикой применения данного инструмента в образовательных организациях, наличием множества подходов, форм и методов использования медиативных технологий.

К примеру, методические рекомендации Минобрнауки России от 18.12.2015 содержат указание на отсутствие «строго регламентированной структуры» службы школьной медиации и возможность ее формирования на основании имеющихся в образовательных организациях потребностей и возможностей [Письмо № 07-4317 от 18.12.2015].

Во избежание терминологической путаницы и с учетом всех возможных видов реализации данного инструмента мы будем оперировать понятием «**медиативные технологии**», ключевым условием для выделения которых служит применение процедур посредничества.

«Медиативные технологии», таким образом, подразумевают инструменты как классической медиации, направленной на альтернативное разрешение конфликтов на основе взаимного договора сторон, так и восстановительной медиации, ориентирующейся на прекращение вражды и нормализацию отношений участников конфликта, примирение сторон, применяемые независимо или в различных сочетаниях для управления конфликтами.

Опыт Свердловской области

Наиболее распространенной формой реализации медиативных технологий в образовательных организациях Свердловской области являются школьные службы примирения. Их создание в образовательных организациях региона проводится с 2014 г.

Вместе с тем широкого распространения данная технология до сих пор не получила и деятельность отдельных школьных служб примирения оценивается неоднозначно. Можно предположить наличие системных проблем, препятствующих развитию медиативных технологий в образовательных организациях региона.

С целью анализа практики внедрения медиативных технологий в образовательных организациях Свердловской области, выявления проблем их применения в мае 2019 г. авторами проведено социологическое исследование, реализованное методом экспертного опроса в 2 этапа: формализованный опрос с использованием анкеты и неформализованное глубинное интервью. В качестве экспертов выступили специалисты, работающие в сфере профилактики конфликтов и имеющие опыт организации и применения медиативных технологий в обра-

зовательных организациях, — в количестве 16 чел. Среди них:

– специалист Аппарата Уполномоченного по правам ребенка Свердловской области;

– директор Государственного бюджетного образовательного учреждения Свердловской области для детей, нуждающихся в психолого-педагогической и медико-социальной помощи, Центр психолого-педагогической реабилитации и коррекции «Ладо» (далее — Центр «Ладо»);

– специалист Муниципального бюджетного учреждения Екатеринбургский Центр психолого-педагогической поддержки несовершеннолетних «Диалог» (далее — Центр «Диалог»);

– руководители ресурсных центров, курирующих школьные службы примирения всех семи административных районов г. Екатеринбурга;

– руководители школьных служб примирения шести образовательных организаций, где наиболее развиты медиативные технологии.

Эксперты владеют информацией о состоянии проблемы на уровне от региона до конкретного образовательного учреждения. Эксперты — преимущественно женщины (15 из 16) от 40 до 50 лет. Среди экспертов один мужчина в возрасте 26 лет.

Выводы основываются также на анализе статистических данных и документов, в том числе подготовленных в организациях, где проводилось исследование, включенном наблюдении, анализе результатов иных исследований, проведенных в образовательном пространстве Свердловской области.

Для большинства образовательных организаций Свердловской области (70,8%) характе-

рен сложный социальный состав обучающихся, включающий представителей 7 и более «групп социального риска» [Основные итоги мониторинга..., 2017]. В этих условиях внедрение инструментов профилактики конфликтов в образовательных организациях Свердловской области крайне актуально.

В настоящее время, по данным экспертов, принявших участие в исследовании, на территории Свердловской области создано 510 школьных служб примирения. В г. Екатеринбурге действует 15 школьных служб примирения, в то время как создано 47 таких служб. По результатам проведенного исследования было выявлено, что 32 службы числятся лишь формально.

Положительная динамика наблюдается в процессе подготовки и обучения кадров медиативным технологиям в образовательных организациях. В соответствии с информацией, представленной Центром «Ладо», в период с 2014 по 2017 г. организовано и проведено обучение 984 специалистов-кураторов школьных служб примирения. За три года деятельности проведено более 900 информационно-методических мероприятий. В 2018 г. школьными службами примирения Свердловской области было реализовано 305 примирительных программ.

Значительно увеличилось количество специалистов, освоивших программу дополнительного профессионального образования в объеме не менее 72 час. по основам медиации (данные Центра «Ладо»). Информация о количестве участников действующих служб медиации приведена в табл. 2.

Таблица 2. Количество участников действующих служб примирения (медиации) и количество специалистов, освоивших программу по основам медиации (2015–2018 гг.)

Table 2. The quantity of participants in active mediation services and the quantity of specialists who have mastered the program on the basics of mediation (2015–2018)

Показатель	2015	2016	2017	2018
Общее количество участников действующих служб примирения (медиации) в образовательных организациях	105	395	1321	1920
Количество специалистов, освоивших программу дополнительного профессионального образования в объеме не менее 72 час. по основам медиации	46	106	267	571

Таким образом, можно говорить о востребованности данного инструмента на территории региона, а также о наличии определенного опыта реализации медиативных технологий в образовательном процессе. Кроме того, указанные данные свидетельствуют о наличии в регионе сообщества профессиональных медиаторов, способных оказать и оказывающих методическую поддержку школам.

Результаты проведенного нами исследования показали важную роль методической поддержки и иного взаимодействия между образовательными организациями, внедряющими медиативные технологии, и организациями-экспертами в данном вопросе. К таким организациям-экспертам можно отнести, к примеру, Центр «Диалог», а также кафедры высших учебных заведений, специализирующиеся на профилактике конфликтов. Тесное взаимодействие образовательной организации с экспертами, владеющими медиативными технологиями, можно отнести к одному из существенных факторов развития данных технологий в образовательной организации.

По результатам проведенного нами исследования были выделены три модели реализации медиативных технологий в образовательных организациях г. Екатеринбурга, а именно: профилактико-воспитательная модель, практическая модель, партнерская.

Профилактико-воспитательная модель предполагает активную волонтерскую деятельность. Обучение основам медиации и профилактика конфликтов осуществляются с начальной школы. Для педагогов в образовательной организации проводятся обучающие занятия и практические семинары. Разработана система классных часов для родителей. Примером такой модели может служить служба примирения «КОНФЛИКТОВ.NET» лицея № 100 Орджоникидзевского района г. Екатеринбурга. Эта же модель используется в школе № 29 Верх-Исетского района Екатеринбурга.

Практическая модель представляет собой «классический» вариант создания и функционирования школьной службы примирения:

- руководитель/ведущий восстановительных программ прошел серьезную подготовку и сам не раз практиковал при-

менение медиативных техник при урегулировании конфликтов;

- создана стабильная детско-взрослая команда по реализации медиативных технологий;
- налажено многоступенчатое обучение и подготовка младших школьников к последующей работе в школьной службе примирения;
- школьники ведут профилактическую работу среди сверстников и младших школьников.

Примером такой модели могут служить: Школьная служба примирения гимназии № 210 «Корифей» Октябрьского района, Школьная служба примирения школы № 143 Верх-Исетского района г. Екатеринбурга.

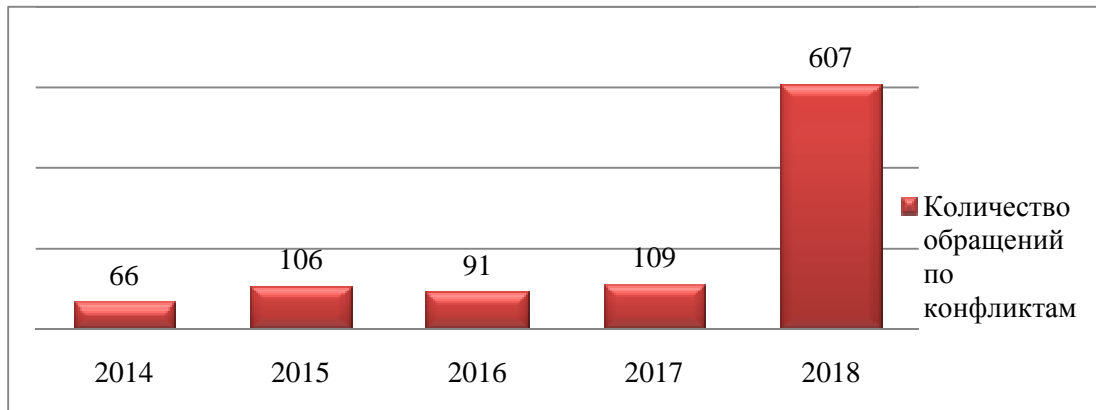
Партнерская модель может быть реализована там, где налажены прочные партнерские связи с организациями, которые в силу специфики деятельности обладают квалифицированными специалистами, прошедшими подготовку по медиативным, восстановительным практикам. Примером такой модели является Школьная служба примирения лицея № 173 Ленинского района г. Екатеринбурга, работающая в сотрудничестве со студентами и преподавателями ФГБУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» (кафедра конфликтологии). Еще один социальный партнер лицея — Центр «Диалог».

Можно говорить о том, что наиболее распространенной и эффективной с точки зрения затрат/результатов является первая модель. Ее деятельность направлена на создание благоприятной образовательной среды за счет участников учебного процесса. В перспективе обучающиеся получают сформированные коммуникативные компетенции и умения сотрудничать со сверстниками, детьми старшего и младшего возраста, взрослыми. Среди основных задач данной модели — прямое влияние на социально-психологический климат в образовательной организации, воспитание личности учащегося и профилактика девиантного поведения среди школьников, а также нормализация отношений школьников с их окружением.

Проблемы реализации медиативных технологий

Несмотря на показатели, говорящие о развитии медиативных технологий в образовательной среде Свердловской области, наблюдается положительная динамика обращений в школьные

службы примирения Свердловской области. Эти данные можно трактовать двояко. С одной стороны, школьная служба примирения становится все более популярной технологией, с другой стороны, ее внедрение не приводит к снижению конфликтов в образовательной среде. На рисунке представлена динамика обращений.

Количество обращений в школьные службы примирения Свердловской области в 2014–2018 гг.

The number of calls to the school conciliation service of the Sverdlovsk region in 2014–2018

В ходе нашего исследования была выявлена неравномерность внедрения медиативных технологий в образовательные организации Свердловской области. Можно отметить школьные службы примирения, регулярно реализующие медиативные технологии, активно участвующие в создании благоприятного социально-психологического климата в образовательной организации, в деятельность которых широко вовлечены обучающиеся, педагоги и родители. Вместе с тем существуют школьные службы примирения, где не реализуются медиативные технологии, активной деятельности не ведется. Есть образовательные организации, где медиативные технологии вообще не внедрялись.

По результатам проведенного исследования было определено, что степень развития медиативных технологий находится в зависимости от ряда факторов. Среди них:

- наличие информации о содержании и возможностях использования медиативных технологий среди широкого круга участников образовательного процесса в образовательной организации;

- наличие в образовательной организации квалифицированных кадров, владеющих медиативными технологиями;

- наличие дополнительных источников финансирования деятельности по реализации медиативных технологий;

- заинтересованность со стороны администрации образовательной организации во внедрении медиативных технологий.

Несмотря на имеющийся определенный положительный опыт применения медиативных технологий в образовательных организациях Свердловской области, непонимание со стороны различных субъектов образовательного процесса, прежде всего администрации, самих медиативных технологий, их преимуществ и содержания как одна из проблем внедрения и развития отмечается всеми экспертами, принявшими участие в нашем исследовании.

Данная ситуация экспертами обозначена, например, так: «Серьезная проблема, многие не имеют элементарных знаний. Существующие программы не дают полноценных знаний». «До сих пор есть те, кто вообще не имеет представления о медиации. Отсутствие знаний ведет к имитации деятельности».

Есть основания говорить о том, что неоднозначность трактовки используемых механизмов и инструментов при внедрении медиативных технологий на уровне нормативно-правового регулирования находит отражение в процессе их практического воплощения.

Результаты проведенного нами исследования свидетельствуют о том, что у педагогов большинства образовательных организаций Свердловской области нет какого-либо устоявшегося инструмента разрешения споров между обучающимися. Основные стратегии их поведения при урегулировании споров строятся на вмешательстве, пробах в поиске решений, в то время как существуют эффективные способы разрешения конфликтов — медиативные технологии. Если отдельные представители образовательных организаций владеют данными технологиями, то для широкого круга участников образовательного процесса данная деятельность остается малоизвестной, непонятной.

Об отсутствии в достаточном количестве профессиональных компетенций у педагогов по вопросам взаимодействия в условиях социальной напряженности говорится и в мониторинге этнических и конфессиональных процессов в образовательных организациях Свердловской области. По данным мониторинга, доля учителей Свердловской области, прошедших повышение квалификации по вопросам данной тематики в течение последних трех лет, является незначительной и составляет порядка 4 %. [Основные итоги социологического опроса..., 2018].

Проблема необходимости повышения квалификации как одна из причин отсутствия требуемой информации для внедрения медиативных технологий также отмечается всеми экспертами, принявшими участие в исследовании. Она тесно связана и во многом обусловлена проблемой финансирования данной деятельности в образовательных организациях.

Проблема финансирования заключается в следующем.

Бесплатные программы обучения не могут в полной мере удовлетворять потребность в подготовке специалистов-медиаторов. При этом большинство образовательных организаций не в состоянии выделять средства на эти цели.

Целенаправленное финансирование деятельности специалистов школьных служб примирения (медиации) из бюджета не предусмотрено.

Образовательным организациям приходится обеспечивать финансовые средства на стимулирование педагогов по ведению данной деятельности самостоятельно. Расходы, связанные с материальным обеспечением школьных служб медиации (примирения), также несет образовательная организация.

Зачастую указанная проблема образовательными организациями решается следующим образом. Деятельность школьной службы медиации (примирения) как дополнительная неоплачиваемая обязанность возлагается на школьных психологов и социальных педагогов, иногда на представителей администрации образовательной организации (к примеру, заместителя директора по воспитательной работе).

Недостаток финансирования программ повышения квалификации по вопросам внедрения медиативных технологий приводит к дефициту кадров в образовательных организациях, который также является одной из основных проблем, отмеченных экспертами.

На острую нехватку квалифицированных специалистов влияет и наличие либо отсутствие социального взаимодействия и профессионального сопровождения специалистов после обучения. Партнерство с организацией-экспертом по вопросам медиативных технологий позволяет получать квалифицированные консультации, перенимать положительный опыт, т.е. повышать квалификацию в данном направлении.

Следует отметить, что в настоящее время не созданы системы оценки знаний, умений и навыков в ходе профессиональной деятельности специалистов, прошедших обучение в объеме 72 час. Возникают ситуации, когда оказывается, что этого объема знаний не хватает для реализации медиативных технологий на требуемом уровне.

Отсутствие возможности в необходимом объеме осуществить финансирование деятельности по внедрению медиативных технологий, прежде всего труда специалистов-медиаторов, в образовательной организации обуславливает остроту проблемы мотивации.

Следует выделить проблему мотивации специалистов школьных служб примирения, про-

блему мотивации обучающихся и мотивации родителей обучающихся.

Проблема мотивации специалистов связана с тем, что для большинства — это дополнительная неоплачиваемая обязанность (отсутствие материального стимулирования), отнимающая время от основной работы. Отсутствие необходимого уровня профессиональной квалификации в вопросах применения медиативных технологий делает невозможным реализацию их преимуществ, в том числе для основного вида деятельности.

Проблема мотивации детей и родителей к участию в процедурах реализации медиативных технологий в образовательных организациях в основном обусловлена отсутствием понимания медиативных технологий, а также отсутствием вовлеченности детей и родителей в развитие системы образования.

Экспертами, принявшими участие в нашем исследовании, также отмечается нехватка отработанных механизмов обучения детей и их родителей. Необходимо расширение использования для обучения и подготовки внеурочного времени, привлечение нового потенциала (молодежные движения, волонтерские организации).

Нельзя не видеть, что указанные проблемы взаимосвязаны. Поскольку целенаправленное финансирование на государственном уровне данной деятельности не предусмотрено, а программы обучения не обеспечивают необходимым количеством специалистов, наблюдается дефицит кадров, владеющих медиативными технологиями, низкий уровень осведомленности участников образовательного процесса в целом о преимуществах данного инструмента. Вопросы обучения специалистов, их мотивации и обеспечения их деятельности по применению медиативных технологий по сути возложены на образовательные организации.

В итоге перечисленные проблемы приводят к тому, что часть служб создается в образовательных организациях «по принуждению», по принципу формального исполнения указаний, а реальной деятельности по разрешению конфликтов с помощью медиативных технологий не осуществляется.

По результатам проведенного исследования выявлено, что в г. Екатеринбурге 32 школьные

службы примирения из 47 созданных являются номинальными.

Заключение

Медиативные технологии являются востребованным и эффективным инструментом разрешения конфликтов в образовательных организациях Свердловской области.

Создание школьной службы примирения (медиации) позволяет постепенно вводить в образовательные организации цивилизованные методы реагирования на конфликты. Школьная служба примирения снимает с учителя и администрации часть функций по урегулированию спорных ситуаций между детьми, при этом не снимая ответственности за результат примирительной процедуры.

Вместе с тем внедрению данного инструмента препятствует ряд проблем как объективного, так и субъективного характера.

В большинстве своем образовательные организации не имеют четкого понимания и не обладают достаточной осведомленностью о механизмах медиации.

Отсутствие понимания механизма медиативных технологий со стороны администрации образовательного учреждения и педагогических работников, сложность, нечеткость нормативно-правовых и иных подзаконных актов усугубляется недостатком обученных кадров, а также отсутствием мотивации, недостатком финансирования данного направления.

В настоящий момент на государственном уровне не создано условий для масштабного внедрения медиативных технологий в образовательных организациях. Можно говорить о том, что реальное внедрение медиативных технологий в образовательных организациях строится подчас на энтузиазме педагогов и администрации образовательных организаций.

На наш взгляд, необходимо принятие целенаправленных мер на формирование эффективной системы профессиональной подготовки специалистов по применению медиативных технологий в образовательных организациях. Развитию данного инструмента также способствовало бы выделение целевого финансирования оплаты труда медиаторов.

Результаты проведенного исследования показали эффективную роль взаимодействия и обмена опытом в процессе развития школьной

службы примирения (медиации). По нашему мнению, необходимо создание территориальных координационных ресурсных центров, курирующих и объединяющих работу в сфере медиации в системе образования на основе ведомственного и межведомственного взаимодействия (Министерство образования и молодежной политики Свердловской области, Министерство социальной политики Свердловской области, Министерство здравоохранения Свердловской области, Министерство культуры Свердловской области). Подобные органы уже созданы в Пермском крае, Архангельской, Волгоградской, Кемеровской областях, г. Москве.

Список литературы

- Андреева Г.М.* Социальная психология сегодня: поиски и размышления. М: Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та, 2009. 159 с.
- Андреева Г.М.* Место межличностного восприятия в системе перцептивных процессов и особенности его содержания // Межличностное восприятие в группе / под ред. Г.М. Андреевой, А.И. Донцова. М.: Изд-во МГУ, 1981. 294 с.
- Анциупов А.Я.* Профилактика конфликтов в школьном коллективе. М.: Гуманит.-изд. центр ВЛАДОС, 2004. 208 с.
- Аррес Ф.* Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / пер. с франц. Я.Ю. Старцева при уч. В.А. Бабинцева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 416 с.
- Атаянц Н.Г.* Психологический анализ конфликтных ситуаций в школе: дис. ... канд. психол. наук. Владикавказ, 2002. 170 с.
- Атаянц Н.Г.* Психология конфликтов в средней школе. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2002. 124 с.
- Белкин А.С., Жаворонков В.Д., Зимица И.С.* Педагогическая конфликтология: учеб. пособие. Екатеринбург: Глаголь, 1995. 96 с.
- Божович Л.И.* Проблемы формирования личности. М.: Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. 352 с.
- Выготский Л.С.* Проблема возраста // Собр. соч.: в 6 т. Т. 4: Детская психология / под ред. Д.Б. Эльконина. М.: Педагогика, 1984. 432 с.
- Гришина Н.В.* Психология конфликта. 2-е изд. СПб.: Питер, 2008. 544 с.
- Дружиненко Д.А.* Чувство вины и моральная саморегуляция в подростковом возрасте // Сборник работ молодых ученых МГУ «Новые в психологии». М., 2006. С. 134–142.
- Козер Л.А.* Функции социального конфликта / пер. с англ. О. Назаровой; под общ. ред. Л.Г. Ионина. М.: Дом интеллект. книги: Идея-пресс, 2000. 295 с.
- Коновалов А.Ю.* Школьная служба примирения и восстановительная культура взаимоотношений: практическое руководство / под общ. ред. Л.М. Карнозовой. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2012. 256 с.
- Крестьянова Л.С., Патраков Э.В., Абдуллаева С.Г.К., Шапошникова Ю.С.* Этносоциальные отношения в общеобразовательном учреждении: специфика и инструменты воздействия (на примере города Екатеринбурга) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 4(28). С. 99–110. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2016-4-99-110>
- Курочкина И.А., Шахматова О.Н.* Педагогическая конфликтология: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во РГППУ, 2013. 229 с.
- Макаренко А.С.* Выступления по вопросам семейного воспитания // Соч. Т. 4. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1960. 490 с.
- Макаренко А.С.* Избранные педагогические сочинения: в 2 т. / сост. Л.Ю. Гордин; под ред. И.А. Каирова и др. М.: Педагогика, 1978. Т. 1. 397 с.
- Максудов Р.Р.* Круги сообществ: на пути к созданию российской модели // Школьные службы примирения и профилактика межэтнических конфликтов / под ред. Н.Л. Хананашвили. М: Благотв. фонд «Просвещение», 2012. 146 с.
- Основные итоги мониторинга «Эффективность деятельности органов государственного управления и общественной оценки качества учебно-воспитательной работы с детьми и семьями “групп социального риска”».* ГАОУ ДПО СО «ИРО». Екатеринбург, 2017. URL: <https://www.irro.ru/?id=3389> (дата обращения: 20.07.2020).
- Основные итоги социологического опроса «Потребности педагогических и руководящих работников образовательных организаций Свердловской области в дополнительном профессиональном образовании».* ГАОУ ДПО СО «ИРО». Екатеринбург, 2018. URL: <https://www.irro.ru/?id=3398> (дата обращения: 10.05.2020).
- Патраков Е.В.* Подростки и интернет: реакция родителей // Сибирский психологический журнал. 2019. № 72. С. 129–144. DOI: <https://doi.org/10.17223/17267080/72/7>

Патраков Э.В., Крестьянова Л.С., Еришова А.В. Социальная медиация в образовательных организациях: союз психологии, педагогики и права // Вопросы педагогики. 2019. № 11–2. С. 201–207.

Письмо № 07-4317 «О направлении методических рекомендаций» от 18 декабря 2015 г. / Министерство образования и науки Российской Федерации.

Солдатова Г.В. Служба медиации в образовательной организации: учеб.-метод. пособие. СПб.: СПб АППО, 2015. 94 с.

Сухомлинский В.А. Педагогический коллектив средней школы. М.: Просвещение, 1958. 206 с.

Сухомлинский В.А. Сто советов учителю. Ижевск: Удмуртия, 1981. 296 с.

Шацкий С.Т. Избранные педагогические сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1980. 304 с.

DeMause L. The History of Childhood. Northvale, NJ: Jason Aronson, 1995. 450 p.

Eisenstadt Sh.N. From Genegation to Generation: Age Groups and Social Structure. N.Y.: The Free Press; London: Collier – Macmillan Ltd, 1956. 357 p.

Получено 05.10.2020

References

- Andreeva, G.M. (2009). *Sotsial'naya psikhologiya segodnya: poiski i razmyshleniya* [Social psychology today: search and reflection]. Moscow: MPSU Publ., 159 p.
- Andreeva, G.M. (1981). *Mesto mezhlchnostnogo vospriyatiya v sisteme pertseptivnykh protsessov i osobennosti ego sodержaniya* [The place of interpersonal perception in the system of perceptual processes and features of its content]. *Mezhlchnostnoe vospriyatie v gruppe, pod red. G.M. Andreevoy i A.I. Dontsova* [Interpersonal perception in a group, ed. by G.M. Andreeva and A.I. Dontsov]. Moscow: MSU Publ., 294 p.
- Antsupov, A.Ya. (2004). *Profilaktika konfliktov v shkol'nom kollektive* [Prevention of conflicts in the school community]. Moscow: VLADOS Publ., 208 p.
- Ariès, Ph. (1999). *Rebenok i semeynaya zhizn' pri Starom poryadke. Per. s fr.* [Centuries of childhood. a social history of family life. Trans. from French] Yekaterinburg: URFU Publ., 416 p.
- Atayanz N.G. (2002). *Psikhologicheskiy analiz konfliktnykh situatsiy v shkole: dis. ... kand. psikhool. nauk* [Psychological analysis of conflict situations at school: dissertation]. Vladikavkaz, 170 p.
- Atayanz, N.G. (2002). *Psikhologiya konfliktov v sredney shkole* [Psychology of conflicts in high school]. Vladikavkaz: NOSU Publ., 124 p.
- Belkin, A.S., Zhavoronkov, V.D., Zimina, I.S. (1995). *Pedagogicheskaya konfliktologiya* [Pedagogical conflictology]. Yekaterinburg: Glagol Publ., 96 p.
- Bozhovich, L.I. (2001). *Problemy formirovaniya lichnosti* [Problems of personality formation] Moscow: MPSU Publ., Voronezh: MODEK Publ., 352 p.
- Coser, L.A. (2000). *Funktsii sotsial'nogo konflikta, per. s angl. O. Nazarovoy* [The function of social conflict, trans. from Eng. by O. Nazarova]. Moscow: Dom Intellektual'noy Knigi Publ., 295 p.
- DeMause, L. (1995). *The history of childhood*. Northvale, New Jersey: Jason Aronson Publ., 450 p.
- Druzhinenko, D.A. (2006). *Chuvstvo viny i moral'naya samoregulyatsiya v podrostkovom vozraste* [Guilt and moral self-regulation in adolescence]. *Sbornik rabot molodykh uchennykh MGU «Novye v psikhologii»* [New in psychology: collection of works of young scientists of Moscow State University]. Moscow, pp. 134–142.
- Grishina, N.V. (2008). *Psikhologiya konflikta. 2-e izd.* [Psychology of conflict. 2nd ed.]. Saint Petersburg: Piter Publ., 544 p.
- Kononov, A.Yu. (2012). *Shkol'naya sluzhba primireniya i vosstanovitel'naya kul'tura vzaimootnosheniy: prakticheskoe rukovodstvo* [School reconciliation service and a restorative relationship culture: a practical guide]. Moscow: MOO Tsentra «Sudebno-Pravovaya Reforma», Publ., 256 p.
- Krestyanova, L.S., Patrakov, E.V., Abdullayeva, S.H.Q. and Shaposhnikova, Y.S. (2016). *Etnosotsial'nye otnosheniya v obscheobrazovatel'nom uchrezhdenii: spetsifika i instrumenty vozdeystviya (na primere goroda Ekaterinburga)* [Ethnosocial relations in schools: specifics and impact tools (on materials of Yekaterinburg)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 4(28), pp. 99–110. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2016-4-99-110>
- Kurochkina, I.A. and Shakhmatova, O.N. (2013). *Pedagogicheskaya konfliktologiya* [Pedagogical conflictology]. Yekaterinburg: RSVPU Publ., 229 p.
- Makarenko, A.S. (1960). *Vystupeniya po voprosam semeynogo vospitaniya* [Presentations on family education]. *Sochineniya. T. 4* [Works. Vol. 4.]. Moscow: Akademiya Pedagogicheskikh Nauk RSFSR Publ., 490 p.

Makarenko, A.S. (1978). *Izbrannye pedagogicheskie sochineniya: v 2 t.* [Selected pedagogical works: in 2 vols]. Moscow: «Pedagogika» Publ., vol. 1, 397 p.

Maksudov, R.R. (2012). *Krugi soobschestv: na puti k sozdaniyu rossiyskoy modeli* [Community circles: on the way to creating a Russian model]. *Shkol'nye sluzhby primireniya i profilaktika mezhetnicheskikh konfliktov* [School reconciliation services and prevention of inter-ethnic conflicts]. Moscow: Blagotvoritel'nyy Fond «Prosveschenie» Publ., 146 p.

Pis'mo № 07-4317 «O napravlenii metodicheskikh rekomendatsiy» ot 18 dekabrya 2015 g. [Letter No. 07-4317 of December 18, 2015 «On sending methodological recommendations»]. Ministry of Education and Science of the Russian Federation.

Osnovnye itogi monitoringa «Effektivnost' deyatelnosti organov gosudarstvenno-obschestvennogo upravleniya i obschestvennoy otsenki kachestva uchebno-vospitatel'noy raboty s det'mi i sem'yami "grupp sotsial'nogo riska"» (2017) [The main results of monitoring «Effectiveness of state and public administration bodies and public assessment of the quality of educational work with children and families of “social risk groups”»]. Yekaterinburg. Available at: <https://www.irro.ru/?id=3389> (accessed 20.07.2020).

Osnovnye itogi sotsiologicheskogo oprosa «Potrebnosti pedagogicheskikh i rukovodyaschikh rabotnikov obrazovatel'nykh organizatsiy Sverdlovskoy oblasti v dopolnitel'nom professional'nom obrazovanii» (2018) [The main results of the sociological survey «Needs of teachers and managers of educational organizations in the Sverdlovsk region in additional professional education»]. Yekaterinburg. Available at: <https://www.irro.ru/?id=3398> (accessed 10.05.2020).

Patrakov, E.V. (2019). *Podroski i internet: reaktsiya roditeley* [Adolescents and the internet: reactions of parents]. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal* [Siberian Journal of Psychology]. No. 72, pp. 129–144. DOI: <https://doi.org/10.17223/17267080/72/7>

Patrakov, E.V., Krestyanova, L.S. and Ershova, A.V. (2019). *Soetsial'naya mediatsiya v obrazovatel'nykh organizatsiyakh: soyuz psikhologii, pedagogiki i prava* [Social mediation in educational organizations: union of psychology, pedagogy and law]. *Voprosy pedagogiki* [Questions of Pedagogy]. No. 11–2, pp. 201–207.

Shatskiy, S.T. (1980). *Izbrannye pedagogicheskie sochineniya: v 2 t.* [Selected pedagogical works: in 2 vols]. Moscow: Pedagogika Publ., vol. 1, 304 p.

Eisenstadt, Sh.N. (1956). *From generation to generation: age groups and social structure*. New York: The Free Press; London: Collier – Macmillan Publ., 357 p.

Soldatova, G.V. (2015). *Sluzhba mediatsii v obrazovatel'noy organizatsii* [Mediation service in an educational organization]. Saint Petersburg: APPO Publ., 94 p.

Sukhomlinskiy, V.A. (1958). *Pedagogicheskiy kollektiv sredney shkoly* [Secondary school teaching staff]. Moscow: Prosveschenie Publ., 206 p.

Sukhomlinskiy, V.A. (1981). *Sto sovetov uchitel'ny* [One hundred tips for teachers]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 296 p.

Vygotskiy, L.S. (1984). *Problema vozrasta: v 6 t. T. 4: Detskaya psikhologiya, pod red. D.B. El'konina* [The problem of age: in 6 vols. Vol. 4: Child psychology, ed. by D.B. El'konin]. Moscow: Pedagogika Publ., 432 p.

Received 05.10.2020

Об авторах

Крестьянова Любовь Сабирдзяновна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры инноватики
и интеллектуальной собственности

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19;
e-mail: gosslugashiy@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2862-3379>

Ершова Анастасия Владимировна

аналитик отдела мониторинга

Министерство образования и молодежной политики
Свердловской области,
620140, Екатеринбург, ул. Малышева, 33;
e-mail: anastae-97@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5369-4507>

About the authors

Lubov S. Krestyanova

Ph.D. in Sociology, Associate Professor
of the Department of Innovation
and Intellectual Property

Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin,
19, Mira st., Ekaterinburg, 620002, Russia;
e-mail: gosslugashiy@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2862-3379>

Anastasiya V. Ershova

Analyst of the Monitoring Department

Ministry of education and youth policy
of the Sverdlovsk region,
33, Malyshev st., Ekaterinburg, 620140, Russia;
e-mail: anastae-97@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5369-4507>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Крестьянова Л.С., Ершова А.В. Проблемы применения медиативных технологий в образовательных организациях: опыт Свердловской области // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 4. С. 637–648. DOI: 10.17072/2078-7898/2020-4-637-648

For citation:

Krestyanova L.S., Ershova A.V. [Problems of using mediation technologies in educational organizations: experience of the Sverdlovsk region]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 4, pp. 637–648 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2020-4-637-648

УДК 316.472.4:7.046

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-4-649-658

МИФОЛОГИЯ СЕТЕВЫХ СООБЩЕСТВ РУНЕТА**Плотичкина Наталья Викторовна**Кубанский государственный университет*

Статья является частью проекта, направленного на исследование субъективного пространства политики в условиях сетевого общества. Она посвящена мифологии онлайн-сообществ Рунета («МАМА™», «Реальный футбол»). Миф характеризуется как дискурсивный конструкт, транслирующий идеологию. Исследование проводилось с использованием контент-анализа, позволившего выявить тематическую структуру дискурса онлайн-сообществ, и дискурсивно-мифологического подхода, разработанного Д. Келси на основе интеграции критического дискурс-анализа и теории мифов. Исследование опирается на концепты мифа К. Флада, Р. Барта, экспликацию магии как техники изменения реальности М. Мосса. Сетевое сообщество «МАМА™» транслирует мифические нарративы о естественном материнстве, материнском инстинкте и альтруизме, универсальном материнском опыте, архетипы «вкусной мамочки» и «беременной красавицы». Мифы легитимируют идеологию интенсивного материнства; наблюдается дискурсивное фреймирование потребления как материального выражения материнской любви и заботы. На странице онлайн-сообщества «Реальный Футбол» футбольный клуб представлен как фабрика грез; игрокам и тренерам приписываются статусы героев и волшебников; создатели паблика объединяют сторонников посредством семейного мифа. Мифы распространяют и поддерживают идеологии «футболцентризма», «футбола как мужской игры»; мифология скрывает «микрофизику власти» футбольной жизни от взгляда «другого».

Ключевые слова: миф, мифологизация, социальные медиа, дискурсивно-мифологический подход, онлайн-сообщество, материнство, футбол.

MYTHOLOGY OF RUNET NETWORK COMMUNITIES*Natalia V. Plotichkina**Kuban State University*

The article is part of a project aimed at researching the subjective policy space in a network society. It is dedicated to the mythology of RuNet online communities («МАМА™», «Real Football»). The myth is characterized as a discursive construct that conveys ideology. The study was carried out using content analysis, which made it possible to identify the thematic discourse structure of online communities, and the discourse-mythological approach, developed by D. Kelsey based on the integration of critical discourse analysis and the theory of myths. The research is based on C. Flood, R. Barthes's concepts of the myth, M. Mauss's explication of magic as a technique for changing the reality. The network community «МАМА™» broadcasts mythical narratives about natural motherhood, maternal instinct and altruism, universal maternal experience, the archetypes of «yummy mummy» and «pregnant beauty». Myths legitimize the ideology of intensive motherhood; there is discursive framing of consumption as a material expression of maternal love and care. On the page of the online community «Real Football», the football club is presented as a dream factory; the status of heroes and wizards is attributed to players and coaches; the creators of community unite supporters through a family myth. Myths spread and support the ideolo-

* Статья выполнена при поддержке РФФИ, проект № 18-011-00975 А «Субъективное пространство политики: возможности и вызовы сетевого общества».

gies of «football-centrism», «football as a man's game»; mythology hides the «microphysics of power» of football life from the view of the «other».

Keywords: myth, mythologization, social media, discourse-mythological approach, online community, motherhood, football.

Введение

Медийная мифология — это «истории», выражающие доминирующие идеалы, идеологии, ценности, убеждения. Мифы продуцируют смыслы и предлагают ясность тем, кто верит в идеалы, которые они представляют. При этом мифологические нарративы легитимируют различные идеологии, избирательно нормализуя определенные ценности и принижая идеи, не совпадающие с убеждениями повествователя.

В сетевом обществе трансформируется логика мифоконструирования, появляются новые мифотехнологии и мифотворцы. На смену традиционным медиа как «окну в мир», ресурсу доступа к информации, знаниям и смыслам, приходят новые формы цифровой коллективности и общительности. Пользователи создают различный (в т.ч. мифологизированный) контент; создатели и участники сетевых сообществ обретают роли рассказчиков или творцов цифровых мифов, приобщаясь к сокровищнице архетипических историй и осмысливая мир. Цифровые технологии становятся объектом мифологизирования, средой или инструментом, посредством которого формируются и распространяются современные мифологии, которые отражают историю вовлеченности медиа в язык, практики и организационную логику обществ. Социальные медиа, будучи неоднородными (социотехническими) по составу, являются полем для сбора данных о сообществах и обществе в целом [Marres N., 2017], поскольку социальные сети вовлечены в различные формы дискурсивной работы с разными адресатами. Сохраняется необходимость деконструкции современных конфигураций власти и образа жизни через медиа. Как исследовать дискурсивные конструкты цифровых мифов? В чем специфика мифологии сетевых сообществ Рунета? Какие идеологии транслируют мифические конструкты? Поиску ответов на данные вопросы посвящена данная статья.

Методология исследования

Автором были рассмотрены сетевые сообщества «ВКонтакте», имеющие плотные дискурсивные взаимодействия, демонстрирующие активность в производстве публичного дискурса («МАМА™», «Реальный футбол»). В качестве критериев отбора выступили популярность, количество подписчиков, разнородность тематики (материнство, футбол). На основе сообщений, публикуемых пользователями в указанных онлайн-сообществах, были сформированы наборы данных, собранные через интерфейс прикладного программирования «ВКонтакте» (API) в период с декабря 2016 г. по июнь 2019 г. Полученные массивы цифровых эмпирических данных (прикладные модели) сетевых сообществ были структурированы, преобразованы в табличный формат, визуализированы, исследованы посредством контент-анализа, позволяющего определить и изучить корреляции между смысловым наполнением контента и элементами позиционирования сообществ в субъективном пространстве политики (мифология, идеология). В ходе количественного контент-анализа были выявлены частотности использования слов и словосочетаний, публикуемых пользователями в сетевых сообществах, что позволило установить тематическую структуру дискурса, поскольку мифы ограничивают или стимулируют способы обсуждения тем [Kelsey D., 2015, p. 27, 32]. На последующем этапе дискурсивные конструкты мифологии исследовались посредством методики дискурс-анализа (качественный анализ отдельных фрагментов дискурса).

Исследование цифровых эмпирических данных сопряжено с этическими факторами. Проблема заключается в сложности разграничения публичного/частного применительно к онлайн-материалам. Контент, размещаемый участниками анализируемых сообществ («МАМА™», «Реальный футбол»), находится в публичном доступе, открыт для просмотра любым пользователем (без обязательной регистрации в социальной сети «ВКонтакте»); фиксировалось значительное количество подписчиков и публикуе-

мых ими сообщений. Цитируемые в тексте статьи записи пользователей указаны без ссылки на профили подписчиков и выделены курсивом. Визуальный анализ изображений не иллюстрируется фотоснимками с целью обеспечения конфиденциальности источников информации.

Прикладная эксплорация проводилась с использованием дискурсивно-мифологического подхода (ДМП) (Д. Келси), позволяющего выявить дискурсивные конструкты и идеологические операции мифологии в медийных нарративах. ДМП реализует аналитический инструментарий критического дискурс-анализа (КДА) для исследования дискурсивных конструкций мифологии и выявления того, как они идеологически функционируют в медиа. Келси соединил концептуальную позицию К. Флада относительно разграничения дискурса, мифологии, идеологии и концепт мифологии Р. Барта с трехмерной моделью критического дискурс-анализа Н. Фэркло и дискурсивно-историческим подходом Р. Водак [Kelsey D., 2015, p. 28–29].

Д. Келси интерпретирует миф как тип дискурса и проводник идеологии. Дискурс конструирует историю (мифы), которая несет в себе идеологию, в то же время идеология также влияет на построение дискурса. Различие и связь между идеологией и мифом определяются ролью, которую играет дискурс в выражении идеологии через мифологические формы. Келси рассматривает идеологию как нейтральную, но инклюзивную; аналитик фокусируется на транслируемых смыслах и значениях, не предлагая фиксированных идеалов «ложного» versus «истинного», что позволяет критически оценивать идеологическую маркированность дискурса, выявлять эксплуататорские отношения власти, действующей посредством дискурса и мифологии [Kelsey D., 2017, p. 13].

Д. Келси предлагает набор аналитических инструментов ДМП, которые можно использовать для исследования мифических конструктов (т.н. лингвистические механизмы мифообразования): обобщение, гиперболизация, интертекстуальность, интердискурсивность, метафоризация, пресуппозиция, реконтекстуализация, стереотипизация и т.д. [Kelsey D., 2015, p. 44–49]. ДМП учитывает микро- и макроуровни дискурса; дискурсивные конструкты мифа эксплицируются в трех измерениях (текст, дискурсивная и социальная практики). В качестве элементов

дискурса выступают изображения и подписи к ним, текстовые сообщения, что релевантно идее Р. Барта о нарративной и визуальной формах мифа. Акцент ставится на текстуальной и визуальной составляющих постов: объединенная дискурсивная сила изображений и заголовков укрепляет мифы.

Результаты исследования

«Реальный Футбол»: футбольная команда как фабрика грез, героизация игроков, футболисты и тренеры в роли магов

Сетевое сообщество «Реальный Футбол» насчитывает более 2730 тыс. подписчиков. По мнению организаторов, это «лучшее информативно-развлекательное сообщество о футболе».

Контент-анализ позволил выявить следующие наиболее частотные словоупотребления в рассматриваемом сообществе: «news» (2589 связей в исследуемых наборах данных), «refoot» (2325), «гол» (1875), «тур» (1662), «АПЛ» (1313), «матч» (1163), «ЛЧ» (929), «лига» (718), «ЧМ» (656), «сборной» (607), «футбола» (542), «место» (425), «чемпионов» (362), «России» (350) и т.д.

Создатели сообщества распространяют среди своих участников, болельщиков семейный миф (*наша футбольная семья празднует юбилей, вместе с вами пережили горечь банов, ощутили вкус великих побед, стали свидетелями невероятных камбэков...¹*). Формируется образ футбольной семьи, принадлежность к которой обусловлена эмоциональной привязанностью к футболу (*футбол — самое главное; с возрастом понимаешь, что самое главное в жизни — семья*). Футбол создает формы массового отождествления себя с другими, с воображаемым сообществом; по сути дела, футбол — это машина по производству коллективных идентичностей. Отметим, что администраторы паблика регулярно предлагают пользователям пройти различные тесты, викторины на знание футбольной тематики, происходит активное обсуждение футбольных событий.

Футбольный клуб — фабрика грез; игроки, тренеры, фанаты загадывают желания, превра-

¹ В скобках курсивом выделены записи, опубликованные на странице сообщества в социальной сети «ВКонтакте».

щающиеся в реальность или в мифы (*сумеет ли Клопп со второй попытки воплотить мечту болельщиков «красных» в реальность?; ребяташки «Аякса» разрушили мечты «Юве»*). Волшебники находятся на различных этажах фабрики иллюзий, проявляя единство в реализации целей, демонстрируя различные коннотации грез и отсутствие стремления раскрыть «магическую» завесу футбола, маскирующую его метафизику власти. Мечты вплетены в мифическое полотно футбола (*«Рома» готов продолжить творить футбольную сказку*). Мифология возникает в ходе погони за идеалами, победой, успехом на чемпионатах, соревнованиях: *сегодня премьер-лига вновь порадует своей магией! все фанаты «Ливерпуля» ждут магии!; Пикфорд спасает мечту англичан; благодаря вчерашней победе Челси продолжает мечтать о Лиге чемпионов; англичане сегодня продолжают свой путь к мечте! способна эта команда выстрелить на Мундиале?*

Футбольные клубы мифологизированы и увековечены в истории и традициях (так, категория «истории» получила 525 связей в изучаемых наборах данных): *сегодня великий день в истории английского футбола! 141 год назад создан клуб «Ньютон Хит», который гордо носит название «Манчестер Юнайтед»!* Футбольная генеалогия, история клубов, т.е. список сыгранных матчей и добытых трофеев, открыта для индивидуальных интерпретаций. Происходит циркуляция мифических нарративов: *ровно 7 лет назад «Ливерпуль» выиграл свой последний трофей, «красные» засиделись без трофеев, пора исправить; похоже, «Реал» собирается повторить свой подвиг конца 50-х; прошлой ночью Неймар слетал в Турин, фаны Ювентуса заговорили о возможном дуэте Роналду – Неймар!* Странники, фанаты объединяют свои собственные истории с текущими футбольными событиями, давая право на существование отдельным мифическим конструктам.

Футбольные клубы репрезентируются как транслирующие миф об идентификации сообщества посредством дихотомии «мы» – «они», использования лексем совместности и форм сопричастности, архетипов «свои, чужие» («свой» (636)): *Бэкс продвигает свой клуб полным ходом; трехцветные продолжают свой поход за кубком мира; действующие чемпионы мира готовы повторить свой успех!* В записях

сообщества фигурировали различные футбольные клубы: «Реал» (1032), «Сити» (991), «Челси» (934), «МЮ» [«Манчестер Юнайтед»] (898), «Ливерпуль» (746), «ПСЖ» (727), «Арсенал» (675), «Барселона» (602), «Ювентус» (582), «Атлетико» (581), «Бавария» (547), «Наполи» (455), «Боруссия» (440), «Тоттенхэм» (440), «Зенит» (387), «ЦСКА» (358). В основном контент сообщества посвящен зарубежным футбольным командам. Администраторы публика регулярно предлагают фанатам: *выбираем самый популярный клуб среди болельщиков ВКонтакте!? голосуй за своих!*

Команды часто упоминаются по цветам, которые они используют. Коммерческая, а также символическая битва за футбол происходит на футболках, поскольку они могут выступать в качестве рекламных постеров, инструментов поддержки игроков команды, ресурсов политики памяти и т.д.: *мадридцы вышли на вчерашний матч в футболках с поддержкой Касильяса; игроки «Нанта» сегодня выйдут в футболках с именем Салы; именно в этот день в 1964 году «Ливерпуль» впервые вышел на поле в футболках красного цвета; ирландский «Богемиан» отдает Бобу Марли дань уважения, изобразив его на футболках; «Арсенал» в Сингапуре сыграет в футболках со стилизованными номерами; игроки «Интера» сегодня играют в футболках, на которых их никнеймы в Instagram!* Мифология клуба материализуется в цвете, майках, футбольной форме (*«Бавария» презентовала выездную форму для ЛЧ! отметим, форма сделана из океанического мусора! делаем природу чище*).

Героев драматизируют и персонифицируют, чтобы отразить идеалы общества, в котором фигурируют их истории [Kelsey D., 2016, p. 975]. Современные герои нацелены на достижение определенной цели (ср.: трансферы футбольных игроков). Героизация спортсменов детерминирована циркулирующими мифологическими спортивными повествованиями, архетипами и сложившимися представлениями о национальной идентичности.

На страницах сообщества происходит героизация футбольных игроков, которые и за пределами поля становятся образцами подражания для аудитории (*когда ты одержим футболом — нет предела совершенству!*). Футболисты характеризуются как машины по добыва-

нию трофеев, универсальные солдаты, легенды, бойцы, бэтмены, супергерои. Регулярно публикуются посты с поздравлениями в адрес игроков (дни рождения, рождение детей, нежные чувства футболистов к матерям, игроки в семейной обстановке), сообщения о том, что футболисты проводят тренировки с детьми, дарят им спортивную экипировку. Циркулируют нарративы, сфокусированные на истории достижений футболистов, вызывающие чувство ностальгии и «коллективную память» у поклонников. Среди полученных в ходе контент-анализа наиболее часто используемых категорий оказались: «пен» (861), «Месси» (751), «Роналду» (690), «свой» (636), «забивает» (557), «лучший» (486), «игрок» (467), «матча» (458), «первый» (380), «забил» (311).

Размещаются сообщения, в которых игрокам приписываются мифические свойства, статус мага: *Иско отдал 35 передач в первом тайме — настоящий волшебник; ровно 18 лет назад «ПСЖ» подписал контракт с Роналдиньо: старт большой европейской карьеры бразильского волшебника; Санти Касорла делает дубль! волшебник; фанаты Барселоны обеспокоены: «черная магия Зидана вернулась!»; хо-роши, Рияд особенно! магия Рияда Мареца!*

В интерпретации М. Мосса, магия не содержит понятия сакрального, а служит средством достижения цели; отправление магии носит индивидуальный характер; маги используют сноровку, ловкость рук и ног; ритуалы служат техническим целям, а не символизируют поклонения священному персонажу. Важно и то, что магические практики и ритуалы доступны повтору; их эффективность и, следовательно, авторитет мага определяются общественным мнением (в данном случае — футбольным сообществом). В процессе разыгрывания своей роли маг должен быть убедителен и вызывать доверие аудитории, которая, в свою очередь, требует от волшебника магии [Mauss M., 2005].

Обсуждение результативности команды и отдельных игроков, биографий футболистов нашло отражение в сказочном дискурсе сообщества: *возвращение легенды на родной стадион? сказка!; сказка Сульшера подошла к концу?; сезон — настоящая сказка!; невероятная сказка «Ливерпуля» продолжается!* Использование сказочных метафор помогает выразить

отношение к происходящим футбольным событиям, воссоздать спортивных героев.

Погоня за мечтой и разыгрывание магического перформанса осуществляется на стадионах, т.н. гетеротопиях (М. Фуко) с регулируемым доступом, кодификацией поведения, особым телесным режимом и мифическими «капсулами времени». Футбольное поле и стадион выступают в качестве общего символического ресурса в коллективных мифах, воспоминаниях сторонников, фанатов футбола: *магия «Энфилда»; будем помнить магию поля; «Ман Сити» назвал одно из тренировочных полей в честь легенды клуба Джо Харта! полностью заслужил; просто волшебство! каждый хотел побывать на таких аренах!* Футбольный стадион «Олд Траффорд» метафорично именуется как театр мечты (*кто, как не Польша, должен сегодня повести за собой «манкуньянцев»? в «театре мечты» француз особо опасен; целая плеяда легендарных игроков начала свой футбольный путь с «театра мечты»*). Домашнее футбольное поле с его отличительной историей, атмосферой и архитектурой создает основу для идентификации с клубом. В сообщениях публика стадионы мифологизируются и упоминаются как дома: *правда — дома стены помогают! «Камп Ноу» исключение; сегодня особый матч для Пике: Жерар вернется в свой второй дом; король «Энфилда»: на домашнем стадионе у Фирмино все ок; скоро «шпоры» переберутся на новую домашнюю арену; домашняя арена «Порту» под названием «Драгау»; «Олимпиаштадион», домашняя арена берлинской «Герты», выглядит очень по-немецки; домашняя арена — крепость!* Арена используется для обозначения принадлежности, приверженности, памяти, ностальгии, групповой идентичности, идеологической точки зрения и т.д. Качество газона на поле важно для достижения победы в матче: *Клопп в гневе! всему виной газон?; за полив газона отвечает фанат «Ливерпуля»; «Барса» еще жалуется на состояние газона стадиона «Вальядолида»?*

Успех в футболе требует магических способностей от тренеров руководить своими командами, наличия менеджеров с шестым чувством выбора игроков; победам и поражениям присуща аура уникальности, они нуждаются в нетривиальных объяснениях: *7 матчей — 5 поражений! магия Оле-Гуннара исчезла? бедный*

«МЮ»; сборная России по футболу проиграла Испании на евро-2008 из-за практики вуду. В ситуации, когда институционализированный спорт приобрел магический статус, тренер может взять на себя роль мессианской фигуры: *ровно 28 лет назад Пеп Гвардиола дебютировал в качестве игрока «Барселоны»! сначала делал игру «Барсы» на поле, потом перевернул ее, будучи тренером.* На странице сообщества футбол квалифицируется как шоу: *в Риме сегодня великолепное шоу! классика итальянского футбола; севильские клубы подарили настоящее шоу; сумасшедшее шоу в исполнении «красных».* Подобная интерпретация вызывает ответную реакцию пользователей, участников публика, жаждущих игры на пределе: *подарите нам шоу!*

Футбол позиционируется как мужское пространство: *футбол — игра настоящих мужчин; Юрген воспитал настоящих мужчин; женская команда «Челси» выиграла кубок Англии, бросили вызов мужикам!*

С помощью футбола осуществляется национальное мифотворчество (*чемпионат мира объединяет нации*); футболисты играют за государство, которое представляют; когда национальные сборные побеждают, они побеждают за свою страну. Стиль игры команд описывается стереотипно: *на очереди матч с участием немецкой машины! великий состав мюнхенской машины! игроки сборной Франции умеют делать шоу! «львы» демонстрируют характер! львиная мощь в центре поля «Арсенала»!* Международные футбольные достижения поднимают игроков национальной команды до символов «современного патриотизма», «неполитического национализма» (*главный игрок нации, герой нации*), продуцируя параллельно мифы, которые приравнивают футбольные успехи к национальному превосходству.

Контент в основном представлен профессиональными снимками; много новостных материалов. Спортивные фотографии иллюстрируют яркие эмоции (преимущественно, положительные) игроков, тренеров, болельщиков (редко встречаются), фиксируют радость от победы в игре, завоевания трофея; игроки в движении либо позируют с кубками. Размещены командные фото различных клубов, материалы с тренировок спортсменов, снимки новых комплектов футбольной экипировки на следующий се-

зон. Фото игроков сопровождаются магией цифр (количество выигранных матчей, забитых голов, добытых трофеев, сделанных ассистов). Комментарии к публикуемым снимкам небольшие, но информативные и эмоциональные. Добавим, что футбол визуализируется исключительно как мужская территория.

«МАМА™»: мифические конструкты материнства

Сетевое сообщество «МАМА™» является одним из крупных в «ВКонтакте», насчитывает более 2900 тыс. подписчиков. Организаторы отмечают, что «МАМА™» — группа, ориентированная на молодых родителей, созданная с целью решения проблем, возникающих в ходе воспитания и ухода за детьми, в т.ч. с помощью экспертов.

Контент-анализ позволил выявить следующие наиболее частотные словоупотребления в рассматриваемом сообществе: «https» (реклама товаров и услуг) (5940 связей в исследуемых наборах данных), «детей» (3329), «ребенка» (2587), «дети» (1701), «мама» (1668), «ребенок» (1549), «малыш» (1218), «мамы» (1187), «счастье» (1130), «сказки» (886), «выбор» (886), «семья» (531) и т.д.

Сетевое сообщество «МАМА™» распространяет традиционный миф о естественном материнстве, которое интерпретируется как профессия (*самая лучшая профессия в мире — быть мамой*), а воспитание ребенка как работа (*самая трудная, приятная*), ежедневный труд (*у всех выходные были, а у мамули — Я*). Подобным образом легитимируется свободный выбор матерей, сидящих с ребенком и не стремящихся к профессиональной самореализации через официальное трудоустройство (*семья — главная карьера женщины*). Наблюдается символическая натурализация работы матерей, которая предстает как «естественная», являющаяся результатом материнской любви [Douglas S.J., Michaels M.W., 2005]. Миф подпитывается обращением к естественным чувствам матерей, эмоциям, возникающим в ходе первой встречи мамы с ребенком, ощущениям первых шевелений плода и т.д. Регулярно публикуются посты: *самый дорогой запах — это запах своего ребенка, запах ребенка — это запах рая, Вы хотели бы еще раз ощутить чувство рождения малыша, Вы тоже плакали при первой встрече с ре-*

бенком? Миф о естественном материнстве тесно переплетен с мифическим конструктом о материнском инстинкте. Особенность мифа — вера в то, что материнство представляет собой тесную эмоциональную связь матери и ребенка с момента его рождения, формированию и укреплению которой способствует грудное вскармливание (*мамочки, а Вы тоже кормите ребенка грудью? существует невидимая ниточка между матерью и ребенком — грудное вскармливание*) и интенсивная забота о потомстве [Hall P.C., 1998]. Публикуются сообщения с описанием методики «мама-терапия», лечения детских болезней силой материнской любви.

На страницах сообщества матери в основном представлены в домашней обстановке («дома» (782)); размещены фотографии мамочек в публичном пространстве (бассейн, отель, парк, торговый центр, кафе), но при этом они кормят грудью младенцев, сидят или играют с детьми. Материнские мифы часто отражают эмоциональное состояние матерей [Johnston D.D., Swanson D.H., 2003, p. 27]; доминируют изображения счастливых, улыбающихся, гордых женщин (преимущественно домохозяйек), что вписывается в традиционную мифологию («счастье» (1130)). Матери в основном представлены в роли защитницы, товарища по играм и поставщика необходимых благ и услуг (любовь и забота передается через предоставление пищи). Достаточно часто транслируется образ счастливой многодетной мамы.

В отдельных постах проскальзывает мифологический образ супермамы, пытающейся сочетать роли успешного работника, мамы, жены, домохозяйки, профессиональные и домашние обязанности, что требует значительных усилий (*женщина должна строить свою жизнь так, чтобы в любой ситуации могла обеспечить своих детей*). Однако работающие матери изображены в негативном ключе как занятые и виноватые, например, запись на странице сообщества *«когда работа не ждет, приходится совмещать»* сопровождается фотографией уставшей мамы, кормящей грудью двух детей и одновременно работающей на ноутбуке. Мифологический дискурс, окружающий этот материнский идеал, вызывает синдром супермамы, подобный статус труднодостижим для большинства женщин. Пост под заголовком *«ночь пришла, уснули дети, все мамули в интернете»* (работа в период сна ребенка) соответствует традиционным иде-

ям материнства: всегда быть доступной для ребенка и соответственно корректировать собственные потребности. Исключение из репрезентаций идеального материнства работающих матерей, которые зачастую оправдывают свою оплачиваемую работу пользой для детей (а не для себя) [Hays S., 1996, p. 151], укрепляет мифические повествования.

Обсуждение опыта материнства и материнской заботы сопровождается трансляцией нормативного образа семейной повседневности, практически отсутствуют онлайн-репрезентации эгоистичного, «плохого» материнства, «slummy mummy» (непутевой мамочки), оспаривающие мифические нарративы «хорошей» матери (за исключением постов с приглашением вступить в сообщество «Я неидеальная мать»).

Матери представлены как альтруистические и самоотверженные, делятся своим универсальным опытом. Миф о материнском альтруизме проявляется в том, что матери показаны как ставящие нужды и желания своих детей выше собственных (*страх за ребенка — это больше, чем страх за собственную жизнь*), готовые жертвовать собственными интересами и благополучием ради своих семей. Миф подкрепляется предположением о том, что ресурсы и обучение, предоставляемые матери, пойдут на пользу ее детям и ее семье. Матери репрезентированы как обеспечивающие потребности своих детей, обычно играющие с ними или кормящие их, тем самым подчеркивается их активное участие в жизни потомства и их доступность для детей. Миф о материнском альтруизме натурализует роль женщин по уходу и укрепляет культурные ожидания материнского самопожертвования [Potvin J., 2015, p. 28–29].

Миф о материнстве как универсальном опыте подпитывается представлением о том, что все женщины когда-нибудь станут матерями; характеристики и роли матери транспонированы на всех женщин (*у кого из нас уже двое деток? а кто не только планирует, а уже мама? во сколько лет ты забеременела?* и т.д.). Так, пост с подписью *«маленькая эволюция: все девочки должны через это пройти»* сопровождался коллажем из фотоснимков положительного теста на беременность, результатов УЗИ, живота беременной женщины, спящего младенца. Подобная мифология (равно как и идеология интенсивного материнства) отрицает идентичность или инди-

видуальность женщин вне материнства. Однако не все женщины хотят или могут иметь детей и не все дети воспитаны биологическими матерями [Oakley A., 1974, p. 186].

Выявленные мифические конструкты поддерживают идеологию интенсивного материнства, эксплицируемого как «дето-центристское», ориентированное на помощь экспертов, эмоционально поглощающее и требующее значительного количества материнских ресурсов для воспитания детей [Haas S., 1996, p. 8].

На страницах сообщества происходит нормализация ориентированного на потребление материнства, которое легитимируется через риторику любви к ребенку, демонстрацию экспертных знаний и ответственности (так, категория «https» набрала 5940 связей в изучаемых наборах данных, «доставка» — 1010, «одежда» — 540). Значительную часть контента составляла реклама товаров для детей, мам (одежда, продукты для ухода за телом) (*я — мама, и мне нужны брови*), онлайн-сервисов по поиску врачей, мобильных приложений для грудного вскармливания. В ряде сообщений материнство репрезентировано как акт праздничного ухода (с детьми/без детей): фотографии тортов в форме беременной принцессы, оригинальная сервировка стола на детское торжество; происходит дискурсивное фреймирование товаров (потребления) как материального выражения материнской любви и заботы.

Помимо идеального образа «интенсивной мамы» сообщество транслирует *архетипы «вкусной мамочки»* («yummy mummy»), символизирующей гламурную, ухоженную, привлекательную успешную современную маму [Littler J., 2013], и «*беременной красавицы»* («pregnant beauty»). Наблюдается сексуализация материнского (не только беременного) тела, открытого для взгляда другого. Мифический дискурс призывает матерей к идеальной послеродовой внешности. Сообщество пестрит селфи сексуальных беременных женщин (зеркальное изображение сбоку), демонстрирующих обнаженный живот (и прежде всего его рост) в стилистике «откровенной интенсивной беременности», фотографиями мам до и после беременности, которые быстро обрели стройные формы, вернулись к прежнему (нормальному) весу до рождения ребенка. Для сообщества типичны сообщения: *мать пятерых детей считает, что нет оправ-*

дания лишнему весу после родов; дети — не приговор женскому телу. Изображения предметов потребления и тела демонстрируют, как материальные реалии жизни женщин мобилизуются в качестве мифического дискурса. Популяризация архетипов свидетельствует о нормализации материнского эстетического труда, конструировании материнской идентичности посредством техник ухода за телом, коммодификации материнства, сопротивлении нарративам интенсивного материнства, повествующим о самопожертвовании матерей.

Материнство рассматривается как соревнование, порожденное индивидуальными достижениями [Chae J., 2015, p. 509]. Значительная часть контента представлена сообщениями мам о собственных «триумфах» (сшитые или связанные крючком игрушки, одежда, школьная форма, наряды для утренников и т.д.), успехах и поделках детей, бабушек и дедушек, хозяйственных навыках мужей (ремонт, сделанная своими руками детская кроватка и т.д.), сопровождающимися просьбой дать оценку и поставить «лайк». Матери желают и ожидают, чтобы за ними наблюдали и давали комментарии или «награды» за правильное материнство. Дискурс интенсивного материнства предполагает, что другие матери являются пространством мониторинга собственных сценариев материнства. Публичные практики конструирования цифрового материнского «Я» посредством шерентинга ориентированы на обмен опытом, обсуждение практик ухода и заботы за потомством; участницы сообщества в то же время показывают, насколько они соответствуют идеализированным стандартам интенсивной матери.

Заключение

Футбол — гетеротопическое и волшебное пространство, его аура пронизана магией. Мифы являются «якорями», обеспечивающими стабильность футбольному миру: мифология скрывает «микрофизику власти» футбольной жизни от взгляда «другого». Подвиги футболистов и тренеров воспроизводятся в сетевых сообществах, которые наделяют их магической силой, спортивным гением. Футболисты распространяют мифы о национальной идентичности, представляют нацию и ее идеалы. Футбол и его герои служат укреплению определенных ценностей, которые считаются национальными репре-

зентациями в различных дискурсивных контекстах. Когда игра не проводится на футбольном поле, она существует в медиапространстве, реконструируется и обсуждается участниками сетевых сообществ. Открытость футбола для индивидуальных интерпретаций позволяет различным акторам продуцировать свои мифические повествования, легитимирующие идеологии «футболоцентризма», «футбола как мужской игры».

В цифровом пространстве мифические медиаконструкты материнства транслируются как «естественные», «инстинктивные» и «интуитивные» [Johnston D.D., Swanson D.H., 2003, p. 22]. Мифологизированные интерпретации материнства мешают молодым женщинам найти баланс между социальными ожиданиями и личным опытом. Подобные конструкты ориентированы на формирование идеального образа матери. Миф об идеальном материнстве в новых медиа может подавлять работающих матерей, для которых требуются более реалистичные образцы для подражания и советы, чтобы они могли успешно сбалансировать свою работу и материнство [Chae J., 2015, p. 518].

В каждом из рассмотренных кейсов был выявлен особый набор мифических конструктов; общим оказалось то, что социальные медиаплатформы формируют дискурс о создаваемых ими общностях, транслируя нарратив об онлайн-пространстве как естественном месте встречи и взаимодействия пользователей. Дискурсивная стратегия коллективизации, способствующая поддержанию общности участников, использовалась во всех пабликах (мы, они, команда, свой, наш и т.д.). В рассматриваемых сетевых сообществах Рунета циркулировали сходные мифические повествования, направленные на конструирование коллективной идентичности сторонников (мифы о семье, команде), героизацию футболистов, тренеров, матерей. В итоге цифровое мифостроительство инициировало переосмысление логики современных сообществ: мифические конструкты выступают в качестве зеркала и клея, отражающих, скрепляющих и информирующих комьюнити. К тому же циркулирующий в социальных сетях «миф о нас» как об активных пользователей, просьюмерах стимулирует участников онлайн-групп включаться в процессы мифотворчества.

References

- Chae, J. (2015). «Am I a better mother than you?»: Media and 21st-century motherhood in the context of the social comparison theory. *Communication Research*. Vol. 42, iss. 4, pp. 503–525. DOI: <https://doi.org/10.1177/0093650214534969>
- Douglas, S.J., Michaels, M.W. (2005) *The Mommy Myth: The Idealization of Motherhood and How it has Undermined all Women*. New York: Simon & Schuster, 400 p.
- Hall, P.C. (1998). Mothering mythology in the late twentieth century: science, gender lore and celebratory narrative. *Canadian Woman Studies*. Vol. 18, no. 2–3, pp. 59–63.
- Hays, S (1996). *The Cultural Contradictions of Motherhood*. New Haven: Yale University Press, 252 p.
- Johnston, D.D., Swanson, D.H. (2003). Invisible mothers: A content analysis of motherhood ideologies and myths in magazines. *Sex Roles*. Vol. 49, iss. 1–2, pp. 21–33.
- Kelsey, D. (2015). *Media, Myth and Terrorism: A discourse-mythological analysis of the 'Blitz Spirit' in British Newspaper Responses to the July 7th Bombings*. London: Palgrave Macmillan, 226 p. DOI: <https://doi.org/10.1057/9781137410696>
- Kelsey, D. (2016). Hero Mythology and Right-Wing Populism: A discourse-mythological case study of Nigel Farage in the Mail Online. *Journalism Studies*. Vol. 17, iss. 8, pp. 971–988. DOI: <https://doi.org/10.1080/1461670x.2015.1023571>
- Kelsey, D. (2017). *Media and Affective Mythologies: Discourse, Archetypes and Ideology in Contemporary Politics*. London: Palgrave, 181 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-60759-7>
- Littler, J. (2013). The Rise of the «Yummy Mummy»: Popular Conservatism and the Neoliberal Maternal in Contemporary British Culture. *Communication, Culture & Critique*. Vol. 6, iss. 2, pp. 227–243. DOI: <https://doi.org/10.1111/cccr.12010>
- Marres, N. (2017). *Digital Sociology: The Reinvention of Social Research*. Cambridge: Polity Press, 277 p.
- Mauss, M. (2005). *A General Theory of Magic*. London, New York: Routledge, 192 p.
- Oakley, A. (1974). *The sociology of housework*. New York: Pantheon Books, Random House, 242 p.
- Potvin, J.M. (2015). Mobilizing motherhood: the use of maternal myths in popular development discourse. *Global justice: theory practice rhetoric*. Vol. 8, no. 1, pp. 23–43.

Received 18.08.2020

Об авторе

Плотичкина Наталья Викторовна

кандидат политических наук, доцент,
доцент кафедры государственной политики
и государственного управления

Кубанский государственный университет,
350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149;

e-mail: oochronos@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2601-5107>

About the author

Natalia V. Plotichkina

Ph.D. in Political Science, Docent,
Associate Professor of the Department
of Public Policy and Public Administration

Kuban State University,
149, Stavropolskaya st., Krasnodar, 350040, Russia;

e-mail: oochronos@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2601-5107>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Плотичкина Н.В. Мифология сетевых сообществ Рунета // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 4. С. 649–658. DOI: 10.17072/2078-7898/2020-4-649-658

For citation:

Plotichkina N.V. [Mythology of RuNet network communities]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 4, pp. 649–658 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2020-4-649-658

УДК 314.174

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-4-659-668

**МНЕНИЕ РОССИЙСКИХ ЖЕНЩИН О ГОСУДАРСТВЕННЫХ
МЕРАХ СТИМУЛИРОВАНИЯ РОЖДАЕМОСТИ И ПОДДЕРЖКИ
СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ)**

Шрайбер Ангелина Николаевна, Артюхина Валентина Андреевна,

Колесникова Ольга Николаевна

Алтайский государственный университет

Эффективность реализации национальных проектов, касающихся решения социально значимых проблем, во многом определяется степенью одобрения широких слоев населения России. Следовательно, меры государственной политики по преодолению демографического кризиса должны подвергаться общественной оценке. Социологическое исследование в Алтайском крае проводилось с целью выяснения субъективных оценок женщин относительно эффективности реализуемых федеральных и региональных мер по стимулированию рождаемости и поддержке семей с детьми. В исследовании приняли участия женщины в репродуктивном возрасте. Результаты исследования определили, что дальнейшее деторождение зависит не только от экономических факторов, но и ряда других социально-демографических и психологических состояний: возраста, состояния здоровья, личностной мотивации на рождение и мнения супруга в этом вопросе. Возможность получения государственной поддержки является стимулом рождения ребенка для незначительной доли женщин. Материальные меры демографических программ постепенно достигают своего предела эффективности относительно воздействия на репродуктивное поведение женщин. Это приведет к проявлению негативных последствий материальной поддержки семей при рождении ребенка. Такие меры находят отклик среди групп населения с низким уровнем дохода, а для более обеспеченных семей не имеют стимулирующего значения. По мнению респонденток, к мерам, способствующим преодолению кризиса рождаемости в Алтайском крае, можно отнести: повышение уровня жизни семей и их экономической самостоятельности; развитие форм занятости, позволяющих совмещать работу с семьей; государственную финансовую поддержку при рождении и воспитании детей; государственную поддержку семей, нуждающихся в улучшении жилищных условий; развитие социальной инфраструктуры; пропаганду семейных ценностей, поддержку и укрепление престижа семьи; профилактические мероприятия, направленные на сохранение репродуктивного здоровья; повышение доступности современных репродуктивных технологий и повышение педагогической культуры родителей, ответственного родительства.

Ключевые слова: государственная политика по стимулированию рождаемости и поддержке семей с детьми, кризис рождаемости, общественное мнение женщин.

RUSSIAN WOMEN'S PUBLIC OPINION ON STATE MEASURES
TO STIMULATE THE BIRTH RATE AND SUPPORT FAMILIES
WITH CHILDREN (BASED ON THE MATERIALS
OF SOCIOLOGICAL STUDY IN ALTAI KRAI)

Angelina N. Shrayber, Valentina A. Artjukhina, Olga N. Kolesnikova

Altay State University

The effectiveness of national projects in solving socially significant problems is largely determined by the approval of the population of Russia. Consequently, public policy measures to overcome the demographic crisis should be subject to public evaluation. A sociological survey in Altai Krai was conducted to find out how women subjectively assess the effectiveness of federal and regional measures aimed at stimulating the birth rate and supporting families with children. The survey involved women of reproductive age. The results showed that further childbearing depends not only on economic factors but also on a number of other socio-demographic and psychological conditions: age, health status, personal motivation for birth and the opinion of the spouse in this matter. The possibility of receiving state support is an incentive to give birth to a child for a small percentage of women. The state measures of financial support are gradually reaching their limit of effectiveness with regard to the impact they have on women's reproductive behavior. This can lead to negative consequences of financial support for families at the birth of a child. Such measures resonate among low-income groups but do not have a stimulating effect on more affluent families. According to respondents, measures that can overcome the birth rate crisis in Altai Krai include: improving the standard of living and economic independence of families; developing forms of employment that allow combining work and family; state financial support for the birth and upbringing of children; state support for families in need of better housing conditions; development of social infrastructure; promoting family values, supporting and strengthening the prestige of the family; preventative measures aimed at reproductive health; increasing the availability of modern reproductive technologies and improving the pedagogical culture of parents and supporting responsible parenting.

Keywords: state policy to stimulate the birth rate and support families with children, birth rate crisis, public opinion of women.

Введение

Демографическая ситуация в современной России характеризуется отрицательными темпами прироста населения. Уровень смертности значительно превышает уровень рождаемости и даже миграционные потоки не в состоянии обеспечить сохранение численности населения страны. Низкий уровень рождаемости фиксируется в большинстве российских регионов начиная с 90-х гг. XX в. В этой связи одним из векторов государственной политики Российской Федерации с 2007 г. служат попытки преодоления демографического кризиса. Поскольку кризис прежде всего связан со значительным снижением числа рождений и среднего количества детей в семьях, разработанная и одобренная Правительством РФ Концепция демографической политики на период до 2025 г. направлена на стимулирование рождаемости. Реализация положений концепции происходит на фоне негативных тенденций в состоянии репродуктивного здоровья населения,

изменившихся социально-экономических и экологических условий, ухудшения качества жизни, развития пандемии коронавируса в 2020 г.

Эффективность реализации большинства национальных проектов в области решения социально значимых проблем во многом определяется степенью одобрения широких слоев населения России предлагаемых государственной властью мер. Следовательно, меры по стимулированию рождаемости и поддержке семей с детьми должны подвергаться общественной оценке. Представляется очевидным необходимость применения результатов социологического анализа оценок населением государственных и региональных мер стимулирования рождаемости и поддержки семей с детьми в процессе проектирования и внедрения актуальных мер в рамках демографической политики современной России. Несомненно, субъекты государственной власти осознают важность учета мнения населения относительно государственных мер стимулирования рождаемости. Так, в анкету в микро-

переписи 2015 г. были заложены индикаторы, направленные на выявление отношения населения к уже реализуемым и предполагаемым мерам государственной поддержки [Исупова О.Г., 2018].

С одной стороны, эффективность реализации мер по стимулированию рождаемости напрямую зависит от отношения к ним потенциальных потребителей, с другой стороны, удовлетворенность такими мерами — важный показатель достижения государством поставленных задач по оптимизации демографического состояния российского общества.

Методология и методика исследования

Среди отечественных исследователей проблематика демографической ситуации в России и разработки мер по преодолению кризиса рождаемости является, несомненно, актуальной. Исследованиями в этой сфере заняты ученые в каждом регионе России. Отечественные социологи, демографы, экономисты неоднократно анализировали современную демографическую ситуацию [Вотинова Е.М., 2017; Доброхлеб В.Г., Сигарева Е.П., 2019; Проказина Н.В., Перевозкин Л.М., 2016; Рыбаковский О.Л., Таюнова О.А., 2019], специфику репродуктивного населения России [Антипина Н.М. и др., 2020; Калачикова О.Н., Короленко А.В., 2018; Шадриков А.В., 2019], пути и меры оптимизации демографических программ [Аитова Ю.С., 2019; Ростовская Т.К. и др., 2019]. Алтайские социологи солидарны в оценке актуальности и необходимости подобных научных экспериментов. В арсенале алтайской социологической школы имеются результаты и аналитические материалы по таким направлениям, как проблемы и перспективы функционирования института родительства [Шрайбер А.Н., 2015], оценка демографической политики современной России [Гончарова Н.П. и др., 2019], демографическая безопасность и репродуктивное поведение молодежи [Максимова С.Г. и др., 2014].

Как отмечают исследователи, повысить уровень рождаемости в нашей стране без попыток корректировки репродуктивных установок ее жителей практически невозможно [Андрюшина Е.В., Панова Е.А., 2019]. В то же время авторы в качестве перспективных мер по стимулированию рождаемости называют исключительно меры экономического характера [Шабунова А.А., Калачикова О.Н., 2016]. Данные выводы

ставят перед исследователями вопрос о степени целесообразности и актуальности таких мер. В статье представлены результаты эмпирического социологического исследования, целью которого являлось выявить и проанализировать субъективные мнения женщин Алтайского края относительно эффективности реализуемых федеральных и региональных мер по стимулированию рождаемости и поддержке семей с детьми.

В настоящее время в Алтайском крае действуют государственные программы федерального и регионального уровней, включающие в себя меры социально-экономической поддержки материнства (пособия по беременности и родам; единовременное пособие при рождении ребенка; единовременное пособие женщинам, вставшим на учет в ранние сроки беременности; ежемесячное пособие по уходу за ребенком до 1,5 лет); меры поддержки семей, взявших на воспитание ребенка (ежемесячное пособие на содержание каждого подопечного ребенка опекуну; единовременное пособие при передаче ребенка в семью). С 2007 г. в крае действует Общероссийская демографическая программа «Материнский капитал»; краевая целевая программа «Демографическое развитие Алтайского края», в которую входит целый комплекс мероприятий и социальных мер, направленных на финансовую поддержку многодетных семей и социально незащищенных слоев населения, родивших ребенка.

Алтайский край прилагает немалые усилия по решению демографических проблем. Более десяти лет правительство региона ежегодно вносит поправки в местную программу «Демографическое развитие Алтайского края». За этот период реализованы программы «Жилище», «Дети Алтая», «Растем и развиваемся вместе», «50х50», «75х75», «80х80» и др. Данные региональные меры были направлены на решение проблем социально-экономического благополучия семей с детьми, улучшения жилищных условий, расширения строительства и восстановления медицинских и образовательных учреждений во многих муниципальных образованиях. Несмотря на широкий спектр мер, коэффициенты рождаемости в Алтайском крае не достигли величины, перекрывающей показатель убыли населения. Так, в период реализации демографической политики (2007–2019 гг.) суммарные коэффициенты рождаемости в Алтайском крае варьировались от 1,575 до 1,459, до-

стигая относительного максимума 1,841 в 2014 г. [Суммарный коэффициент..., 2019]. Такие показатели недостаточны для простого замещения населения в регионе.

Эмпирическое социологическое исследование по выяснению общественного мнения женщин в Алтайском крае относительно демографической политики проходило в период февраль–июль 2020 г. Генеральную совокупность исследования составили женщины в репродуктивном возрасте (15–49 лет), проживающие в Алтайском крае (N = 534538). Исследование носит выборочный характер, объем выборочной совокупности составил 1200 респондентов, такой объем является традиционным для проведения социологических исследований регионального масштаба. Была реализована одноступенчатая выборка, единицей отбора выступили женщины обозначенного возраста. Для построения выборочной совокупности были использованы принципы невероятностной, целенаправленной выборки. Методом отбора единиц генеральной совокупности стала квотная выборка. Квотами послужили место жительства и возраст респондента.

По данным Управления Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай, на 1 января 2019 г. в Алтайском крае проживало 56,7 % городских жителей (1322,6 тыс. чел.) и 43,3 % сельских жителей (1010,2 тыс. чел.). В анкетировании приняли участие 680 горожанок и 520 представительниц сельских муниципальных образований в репродуктивном возрасте. В квоты вошли 7 городов и 32 сельских района края.

Анкетирование в представленном исследовании осуществлялось в заочном формате посредством онлайн-опроса. Данный метод предполагает сбор первичной социологической информации о поведении, событиях жизни и мнениях людей с помощью сети Интернет. Целесообразность данного формата выяснения общественного мнения, прежде всего, связана с тем, что в Интернете респонденты легче идут на контакт. Интернет предоставляет возможность опрашивать респондентов из разных муниципальных образований региона, проводить исследования среди людей, которые чрезвычайно труднодоступны при традиционных подходах. Формат анкеты предполагал наличие трех блоков вопросов, в которые входили показатели и индикаторы, отражающие информацию об актуальных

проблемах региона, осведомленность респондентов о государственных и региональных мерах стимулирования рождаемости и поддержки семей с детьми, их использовании респондентами, а также субъективное мнение о целесообразности и эффективности существующих мер. В паспортную часть вошли индикаторы, определяющие возраст, место жительства, финансовое положение и профессиональный статус респондента. Содержательные вопросы построены с использованием номинальных, порядковых и интервальных шкал. Бланк анкеты содержал также оценочные, табличные вопросы, вопросы с единственным и множественным выбором.

Для полноты аналитического материала использовался и метод анализа статистических данных по коэффициентам и показателям, характеризующих социально-экономическую ситуацию как в целом по краю, так и по отдельным муниципальным образованиям: общий коэффициент рождаемости в муниципальных образованиях Алтайского края; возрастные коэффициенты рождаемости в Алтайском крае; мнение населения об условиях проживания в населенном пункте; данные о количестве обращений о выдаче государственного сертификата на материнский (семейный) капитал; данные о количестве принятых заявлений на ежемесячную выплату за счет средств материнского (семейного) капитала и принятых по ним решений; данные о распоряжении средствами материнского (семейного) капитала. Статистика по отмеченным показателям была предоставлена Управлением Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай, Отделением пенсионного фонда РФ по Алтайскому краю.

Результаты исследования

Порядок формирования законопроектов по созданию мер стимулирования рождаемости и поддержки семей с детьми должен основываться на реальных проблемах и потребностях жителей региона. Так на вопрос «Какие проблемы являются наиболее острыми для Алтайского края?» респонденты указали в 86,6 % случаев на «Снижение уровня жизни людей, маленькие зарплаты, повышение цен», 68,4 % — на «Безработицу, невозможность найти хорошую работу», 67,2 % — «Отсутствие перспектив для молодежи, отток населения из региона», 50,9 % — «Проблемы в сфере здравоохранения,

образования и культуры». Низкая рождаемость является острой социальной проблемой в регионе лишь для 12,4 % опрошенных. Демографические проблемы края воспринимаются его жителями как следствие вышеуказанных проблем. Это подтверждается данными, полученными на вопрос «Как вы думаете, по каким причинам семьи в Алтайском крае чаще всего откладывают или отказываются от рождения ребенка?». В ответах респондентов преобладают проблемы экономического характера: «Низкий уровень дохода, финансовые трудности» (86,5 %), «Плохие жилищные условия» (52,4 %), «Нестабильность на рынке труда, безработица членов семьи» (51,9 %). В ответах присутствовали причины и иного социального, культурного, психологического характера: плохое репродуктивное здоровье населения, кризис семейных ценностей, доступность контрацептивов и пр. На данные причины указывали около 15 % опрошенных женщин. Следовательно, основной причиной кризиса рождаемости является экономическая нестабильность в регионе. Данное мнение распространено среди широких слоев населения. Но, так или иначе, специфика репродуктивного поведения женщин далеко не однозначна. На прямой вопрос «Что мешает Вам лично родить ребенка в ближайшее время?» доля экономически ориентированных ответов резко снижается, преобладают причины сугубо субъективного характера. Так, 60,2 % женщин указывают, что они «слишком молоды и им рано заводить детей»; 33,9 % утверждают, что «не замужем, нет рядом близкого человека, с которым можно создать семью и родить детей», а 33,2 % «морально не готовы к рождению ребенка». Если говорить об экономических причинах откладывания рождения, то лидирует вариант ответа «мне не на что содержать ребенка, недостаточно финансовых средств» (27,4 %) и «не позволяют жилищные условия» (11,4 %). Все эти тенденции показывают смещение культурных ценностей материнства в сторону западных традиций, где на первый план молодые женщины в репродуктивном возрасте ставят такие ценности, как образование, карьера, «пожить для себя». Эту мысль подтверждают ответы 21,5 % респондентов, которые четко указали свою позицию отказа от рождения детей: «У меня в жизни есть другие планы: образование, карьера, творчество». Практически половина респондентов

(47,9 %) откладывают рождение детей по личным соображениям и лишь 18,2 % — по независящим от них обстоятельствам. Несмотря на то что женщины в основном указывают на добровольное, обдуманное, взвешенное решение отложить рождение ребенка или вовсе отказаться от него, но в качестве стимулирующих факторов дальнейшего деторождения они указывают на свои финансовые возможности (66,7 %) и жилищные условия (32,3 %). При этом женщины понимают, что дальнейшее деторождение зависит не только от объективных факторов экономического характера, но и ряда других социально-демографических и психологических состояний: от возраста (29,7 %), состояния их здоровья (53,9 %), личностной мотивации на рождение (37,3 %) и мнения супруга в этом вопросе (12,7 %). Необходимо подчеркнуть, что лишь 6,8 % респонденток указали на возможность получения государственной поддержки как стимулирующего фактора рождения ими ребенка. При этом большинство опрошенных подтверждают факт использования ими социальных пособий и льгот при рождении ребенка.

Наиболее актуальными для женщин являются пособия по беременности и родам, пособия по уходу за ребенком. Такие меры, как социально-экономическая помощь в связи с усыновлением/взятием под опеку ребенка, региональный материнский капитал, получение земельного участка, помогли незначительной доле респондентов, т.к. целевая группа потребителей данных мер не типична для современной демографической ситуации в Алтайском крае.

Начиная с 2007 г. основным источником финансовой помощи для семей, родивших второго и последующего ребенка, стала программа «Материнский капитал». Представленные в табл. 1 статистические данные по Алтайскому краю свидетельствуют о снижении количества оформленных сертификатов в период с 2011 по 2019 г. на 15 %. По данным Росстата, за аналогичный период общероссийские показатели имеют аналогичную тенденцию. Количество полученных сертификатов снизилось на 10,5 % (с 700 тыс. выданных сертификатов до 626 тыс.). Необходимо отметить, что основным направлением использования средств материнского капитала для алтайских женщин является улучшение жилищных условий, в том числе с использованием заемных средств. Так, в 2019 г.

на улучшение жилищных условий средства материнского капитала направили 81 % россиян относительно общего числа распорядившихся данной социальной помощью. В Алтайском крае этот показатель выше и составляет 87 %. Обратная тенденция по показателю «получение образования ребенком»: 18,9 % по России и 10,75 % по Алтайскому краю [Семья, материнство и детство, 2020]. Население нашего региона вынуждено удовлетворять базовые потребности в жилье, а образование и обеспеченная

старость как ценности отодвигаются на второй план. Тревожным индикатором материального благосостояния жителей Алтайского края является оформление женщинами заявлений на ежемесячные выплаты в счет материнского капитала. Почти 10 % заявлений в 2019 г. поступило от женщин именно по этой статье расходов. Население вынуждено тратить средства материнского капитала для обеспечения повседневных нужд ввиду низких доходов и высокого уровня безработицы.

Таблица 1. Динамика количества заявлений о распоряжении средствами материального (семейного) капитала на различные нужды, удовлетворенных Отделением Пенсионного фонда РФ по Алтайскому краю в 2009–2019 гг.

Table 1. Dynamics of the applications for the disposal of funds of material (family) capital for various needs number, satisfied By the Department of the Pension Fund of the Russian Federation in the Altai krai in 2009–2019

Год	Всего удовлетворенных заявлений (ед.)	В том числе (%):				
		на улучшение жилищных условий без привлечения кредитных средств	на получение образования ребенком	на формирование накопительной части трудовой пенсии женщины	на погашение основного долга и уплату процентов по кредитам или займам	на ежемесячную выплату
2009	3075	0,94	0,16	0,10	98,80	
2010	8494	21,29	1,13	0,04	77,55	
2011	15795	32,48	1,14	0,09	66,28	
2012	16817	30,81	3,03	0,09	66,08	
2013	16474	27,95	4,44	0,02	67,59	
2014	17401	25,99	5,97	0,07	67,97	
2015	15550	26,53	6,71	0,03	66,73	
2016	15606	26,16	6,11	0,01	67,73	
2017	14127	25,95	7,38	0,01	66,67	
2018	13895	23,64	9,31	0,06	63,59	3,39
2019	13484	22,98	10,75	0,01	56,82	9,44

В своем послании Федеральному собранию президент РФ В.В. Путин в конце 2019 г. огласил ряд предложений по изменению и оптимизации государственной демографической политики. Нововведенные в 2020 г. национальные проекты «Демография» и «Здравоохранение» обеспечат российские семьи дополнительными пособиями и льготами при рождении детей, но их количественную и качественную результативность можно оценить только через несколько лет.

Результаты проведенного авторами исследования свидетельствуют об осведомленности населения региона о предложениях президента в области государственной демографической политики. На вопрос «Слышали ли Вы о демографических инициативах президента, направленных

на поддержку семей при рождении детей (введение материнского капитала за рождение первого ребенка, бесплатное питание в школе, увеличение пособий и т.д.)?» лишь 6,9 % респонденток ответили «нет, не знаю»; «что-то слышали» — 37,3 % опрошенных; «да, я знаю о них» — 52,6 % участников опроса и 3,2 % — затруднились ответить.

Безусловно одобряют и верят в их эффективность лишь 15,2% опрошенных женщин. Основная же часть респонденток выражают определенные сомнения в целесообразности таких социально-экономических инициатив. Среди них 6,7 % указали на негативные последствия реализации обновленной демографической политики (табл. 2).

Таблица 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы оцениваете указанные демографические инициативы Президента?» (в процентах к числу ответивших)

Table 2. Distribution of respondents' responses to the question «How do You assess these demographic initiatives of the President?» (as a percentage of the respondents number)

Варианты ответа	Всего (%)
Безусловно одобряю, они помогут преодолеть кризис рождаемости и сформировать систему поддержки семей с детьми	15,2
Я их одобряю, однако этого недостаточно для стимулирования рождаемости, нужны дополнительные меры (по охране материнского здоровья, развитию детского здравоохранения, созданию гарантий сохранения рабочих мест для матерей и т.д.)	40,5
Я их не поддерживаю, считаю, что решение о рождении ребенка принимают родители и только тогда, когда они морально и материально готовы расширить семью	11,5
Я их не поддерживаю, так как они формируют безответственное поведение в отношении рождения и воспитания детей, перекладывают ответственность за воспитание детей на государство	6,7
Думаю, что эти меры не принесут видимого эффекта, на принятие решения о рождении ребенка влияют не только размер пособия и государственные выплаты	8,7
Затрудняюсь ответить	17,4
Итого	100

Все государственные меры направлены на оптимизацию преимущественно экономических факторов, способных тормозить процессы рождаемости. Однако другие социальные проблемы играют не менее важную роль и определяют репродуктивное поведение женщин.

Превалирование только экономических мер как основного стимула для рождения детей весьма условно. Это проявляется и в государственной политике. С одной стороны, делаются попытки решать прежде всего финансовые проблемы, с которыми сталкиваются семьи при рождении детей. С другой стороны, ее успех во многом определяется субъективным отношением к ней.

Основные выводы

При столь внушительном списке различных федеральных и региональных программ все больше проявляются негативные тенденции в репродуктивном поведении современных женщин, которые заключаются не только в низкой рождаемости, но и увеличении рождения среди социально неблагополучных слоев населения, сознательный отказ или откладывание на более позднее время рождения ребенка. Нецелевое материальное стимулирование уже привело к случаям рождения детей из-за денег, «обналичивания» материнского капитала, все эти негативные последствия должны наводить на мысль о создании целевых программ не только материальной, но и социально-психологической поддержки. Каждая женщина должна знать и чувствовать,

что материнство — это почетно, похвально, престижно. Это возможно с помощью мер государственной демографической политики, нацеленной на решение конкретных потребностей семей с детьми как финансового, так и социально-психологического характера.

По мнению респонденток, к мерам, способным решить демографическую проблему в Алтайском крае, можно отнести: повышение уровня жизни семей и их экономической самостоятельности; развитие форм занятости, позволяющих совмещать работу с семьей; государственную финансовую поддержку при рождении и воспитании детей; государственную поддержку семей, нуждающихся в улучшении жилищных условий; развитие социальной инфраструктуры; пропаганду семейных ценностей, поддержку и укрепление престижа семьи; профилактические мероприятия, направленные на репродуктивное здоровье; повышение доступности современных репродуктивных технологий и повышение педагогической культуры родителей, ответственного родительства. Таким образом, в рамках государственной программы «Демография» целесообразно создание комплекса морально-материальных мер, направленных на поддержку социально ответственных семей, способных обеспечить материальное, физическое и духовное благополучие своих детей.

Идея создания комплекса мер морально-материальной поддержки отчасти реализуется в нашем регионе. Но объектами такой помощи,

как правило, выступают малообеспеченные и социально незащищенные семьи, а также многодетные и приемные родители. Хотя в такой поддержке нуждаются все без исключения семьи с детьми, в том числе и в первую очередь социально ответственные. Результаты исследования предопределили также основной вектор дальнейшего развития государственной материальной помощи семьям с детьми. Материальная поддержка целесообразна семьям, которые не только нуждаются в ней, но и способны разумно распоряжаться денежными субсидиями на благо семьи и детей. При определении размера финансовой поддержки должны учитываться средние расходы семьи на содержание ребенка. В ином случае велика вероятность, что новые демографические программы найдут отклик среди групп населения с низким уровнем дохода, а для более обеспеченных семей не будут иметь стимулирующего значения и вызывать негативное отношение. Поэтому помощь должна быть дифференцированной. Материальные меры демографических программ постепенно достигают своего предела эффективности относительно воздействия на репродуктивное поведение женщин. Следовательно, комплекс морально-материальной поддержки семей при рождении ребенка должен иметь потенциал, помогающий сочетать материнство с активной социальной жизнью, возможностью профессиональной и личностной самореализации в непростых экономических условиях и жесткой профессиональной конкуренции.

Список литературы

- Аитова Ю.С.* Анализ государственной политики России в сфере регулирования демографических процессов // Вестник евразийской науки. 2019. Т. 11, № 6. URL: <https://esj.today/PDF/26ECVN619.pdf> (дата обращения 20.08.2020). DOI: <https://doi.org/10.15862/26ecvn619>
- Андрюшина Е.В., Панова Е.А.* Государственная политика по стимулированию рождаемости и поддержке семей с детьми: практика современной России // Власть. 2019. Т. 27, №5. С. 105–111. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i5.6727>
- Антитипина Н.М., Жигирева Е.Г., Гусева Т.А., Лыкова В.П.* Материнский капитал: практика государственной поддержки рождаемости // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 5–1(63). С. 24–31 DOI: <https://doi.org/10.24411/2411-0450-2020-10369>
- Вотинова Е.М.* Демографическая ситуация и демографическая политика России // Символ науки. 2017. Т. 1, № 2. С. 40–43.
- Гончарова Н.П., Еремин А.А., Тарасова Е.В.* Демографическая динамика и оценка результативности демографической политики в регионах России // Economic Consultant. 2019. № 3(27). С. 101–108.
- Доброхлеб В.Г., Сигарева Е.П.* Демографический потенциал Вологодской области // Проблемы развития территории. 2019. № 4(102). С. 118–131. DOI: <https://doi.org/10.15838/ptd.2019.4.102.7>
- Исунова О.Г.* Отношение к мерам стимулирования рождаемости по данным микропереписи 2015 г. // Демографическое обозрение. 2018. Т. 5, № 3. С. 25–56.
- Калачикова О.Н., Короленко А.В.* Модели репродуктивного поведения населения (на материалах Вологодской области) // Народонаселение. 2018. Т. 21, № 4. С. 109–121. DOI: <https://doi.org/10.26653/1561-7785-2018-21-4-10>
- Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Максимова М.М.* Демографическая безопасность и репродуктивное поведение молодежи в современных социально-экономических условиях // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2014. № 11(121). С. 168–174.
- Проказина Н.В., Перевозкин Л.М.* Особенности демографического развития в Центральном федеральном округе Российской Федерации // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Т. 11, № 1. С. 18–27. DOI: <https://doi.org/10.12737/18227>
- Ростовская Т.К., Кучмаева О.В., Безвербина Н.А.* Состояние и перспективы семейной политики в России: социально-демографический анализ // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12, № 6. С. 209–227. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2019.6.66.12>
- Рыбаковский О.Л., Таюнова О.А.* Демографическая динамика регионов России и ее компоненты в 1959–2017 гг. // Народонаселение. 2019. Т. 22, № 1. С. 4–20.
- Семья, материнство и детство / Федеральная служба государственной статистики.* URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13807> (дата обращения: 02.10.2020).
- Суммарный коэффициент рождаемости в Алтайском крае / Управление ФСГС по Алтайскому краю и Республике Алтай.* URL: <https://akstat.gks.ru/folder/33247> (дата обращения: 20.07.2020).
- Шабунцова А.А., Калачикова О.Н.* Демографический потенциал и стимулирование рождаемости // Народонаселение. 2016. № 4(74). С. 47–56.

Шадриков А.В. Репродуктивные установки молодых сельских женщин Республики Татарстан // Регионоведение. 2019. Т. 27, № 1(106). С. 122–137. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201901.122-137>

Шрайбер А.Н., Коростелева О.Т. Социальный институт родительства в Алтайском крае: факторы функционирования и пути дальнейшего развития. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. 178 с.

Получено 22.08.2020

References

- Aitova, Yu.S. (2019). *Analiz gosudarstvennoy politiki Rossii v sfere regulirovaniya demograficheskikh protsessov* [Analysis of the Russian Federation's policy in regulation of demographic processes]. *Vestnik evraziyskoy nauki* [The Eurasian Scientific Journal]. Vol. 11, no. 6, Available at: <https://esj.today/PDF/26ECVN619.pdf> (accessed 20.08.2020). DOI: <https://doi.org/10.15862/26ecvn619>
- Andryushina E.V., Panova E.A. (2019) *Gosudarstvennaya politika po stimulirovaniyu rozhdaemosti i podderzhki semey s det'mi: praktika sovremennoy Rossii* [Government policy on fertility stimulation and support of families with children: the practice of modern Russia]. *Vlast'*. Vol. 27, no. 5, pp. 105–111. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i5.6727>
- Antipina, N.M., Zhigireva, E.G., Guseva, T.A. and Lykova, V.P. (2020). *Materinskij kapital: praktika gosudarstvennoj podderzhki rozhdaemosti* [Mater's capital: practice of state fertility support]. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika* [Economy and Business: Theory and Practice]. No. 5–1(63), pp. 24–31. DOI: <https://doi.org/10.24411/2411-0450-2020-10369>
- Dobrokhleb, V.G. and Sigareva, E.P. (2019). *Demograficheskij potencial Vologodskoj oblasti* [The demographic capacity of the Vologda oblast]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Territory's Development]. No. 4(102), pp. 118–131. DOI: <https://doi.org/10.15838/ptd.2019.4.102.7>
- Goncharova, N.P., Eremin, A.A. and Tarasova, E.V. (2019). *Demograficheskaya dinamika i otsenka rezul'tativnosti demograficheskoy politiki v regionakh Rossii* [Demographic dynamics and assessment of the effectiveness of demographic policy in the regions of Russia]. *Gosudarstvennyy sovetnik* [Economic Consultant]. No. 3(27), pp. 101–108.
- Isupova, O.G. (2018). *Otnoshenie k meram stimulirovaniya rozhdaemosti po dannym mikroperepisi 2015 g.* [Attitudes to pronatalist policy measures according to the data of the 2015 micro-census]. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review]. Vol. 5, no. 3, pp. 25–56.
- Kalachikova, O.N. and Korolenko, A.V. (2018) *Modeli reproduktivnogo povedeniya naseleniya (na materialah Vologodskoj oblasti)* [Patterns of reproductive behavior of population (on the materials of Vologda oblast)]. *Narodonaselenie* [Population]. Vol. 21, no. 4, pp. 109–121. DOI: <https://doi.org/10.26653/1561-7785-2018-21-4-10>
- Maksimova S.G., Noyanzina O.E., Maksimova M.M. (2014) *Demograficheskaya bezopasnost' i reproduktivnoe povedenie molodezhi v sovremennykh sotsial'no-ekonomicheskikh usloviyakh* [Demographic security and reproductive behavior of the youth in the contemporary social-economic conditions]. *Vestnik Altayskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Bulletin of Altai State Agricultural University]. No. 11(121), pp. 168–174.
- Prokazina, N.V., Perevozkin, L.M. (2016) *Osobennosti demograficheskogo razvitiya v Central'nom federal'nom okruge Rossijskoj Federacii* [Features of demographic development in the Central Federal district of the Russian Federation]. *Srednerusskij vestnik obshchestvennykh nauk* [Central Russian Bulletin of social Sciences]. Vol. 11, no. 1, pp. 18–27. DOI: <https://doi.org/10.12737/18227>
- Rostovskaya, T.K., Kuchmaeva, O.V., Bezverbnaya, N.A. (2019) *Sostoyanie i perspektivy semeynoy politiki v Rossii: sotsial'no-demograficheskij analiz* [Current state and prospects of family policy in Russia: socio-demographic analysis]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. Vol. 12, no. 6, pp. 209–227. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2019.6.66.12>
- Rybakovskiy, O.L. and Tayunova, O.A. (2009). *Demograficheskaya dinamika regionov Rossii i ee komponenty v 1959–2017 gg.* [Demographic dynamics of Russian regions and its components in 1959–2017]. *Narodonaselenie* [Population]. Vol. 22, no. 1, pp. 4–20.
- Sem'ya, materinstvo i detstvo* [Family, motherhood and childhood]. Federal State Statistics Service. Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/13807> (accessed 02.10.2020).
- Shabunova, A.A. and Kalachikova, O.N. (2016). *Demograficheskij potentsial i stimulirovanie rozhdaemosti* [Demographic capacity and fertility promotion]. *Narodonaselenie* [Population]. No. 4(74), pp. 47–56.
- Shadrikov, A.V. (2019). *Reproduktivnye ustanovki molodykh sel'skikh zhenschin Respubliki Tatarstan*

[Reproductive attitudes of young rural women in the Republic of Tatarstan]. *Regionologiya* [Russian Journal of Regional Studies]. Vol. 27, no. 1(106), pp. 122–137. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201901.122-137>

Shrayber, A.N. and Korosteleva, O.T. (2015). *Sotsial'nyy institut roditel'stva v Altayskom krae: faktory funktsionirovaniya i puti dal'neyshego razvitiya* [Social institution of parenthood in the Altai territory: factors of functioning and ways of further development]. Barnaul: ASU Publ., 178 p.

Summarnyy koeffitsient rozhdaemosti v Altayskom krae [Total birth rate in the Altai territory]. Available at: <https://akstat.gks.ru/folder/33247> (accessed 20.07.2020).

Votinova, E.M. (2017). *Demograficheskaya situatsiya i demograficheskaya politika Rossii* [Demographic situation and demographic policy of Russia]. *Simvol nauki* [Symbol of Science]. Vol. 1, no. 2, pp. 40–43.

Received 22.08.2020

Об авторах

Шрайбер Ангелина Николаевна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры эмпирической социологии
и конфликтологии

Алтайский государственный университет,
656049, Барнаул, пр. Ленина, 61;
e-mail: 336680@bk.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5846-1297>

Артюхина Валентина Андреевна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры эмпирической социологии
и конфликтологии

Алтайский государственный университет,
656049, Барнаул, пр. Ленина, 61;
e-mail: a-walentina@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7130-7208>

Колесникова Ольга Николаевна

кандидат социологических наук, доцент,
руководитель института социальных наук

Алтайский государственный университет,
656049, Барнаул, пр. Ленина, 61;
e-mail: kolesnikova@socio.asu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5802-7642>

About the authors

Angelina N. Shrayber

Ph.D. in Sociology, Associate Professor
of the Department of Empirical Sociology
and Conflictology

Altay State University,
61, Lenin av., Barnaul, 656049, Russia;
e-mail: 336680@bk.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5846-1297>

Valentina A. Artjukhina

Ph.D. in Sociology, Associate Professor
of the Department of Empirical Sociology
and Conflictology

Altay State University,
61, Lenin av., Barnaul, 656049, Russia;
e-mail: a-walentina@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7130-7208>

Olga N. Kolesnikova

Ph.D. in Sociology, Docent,
Head of the Institute of Social Sciences

Altay State University,
61, Lenin av., Barnaul, 656049, Russia;
e-mail: kolesnikova@socio.asu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5802-7642>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Шрайбер А.Н., Артюхина В.А., Колесникова О.Н. Мнение российских женщин о государственных мерах стимулирования рождаемости и поддержки семей с детьми (по материалам социологического исследования в Алтайском крае) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 4. С. 659–668. DOI: 10.17072/2078-7898/2020-4-659-668

For citation:

Shrayber A.N., Artjukhina V.A., Kolesnikova O.N. [Russian women's public opinion on state measures to stimulate the birth rate and support families with children (based on the materials of sociological study in Altai krai)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 3, pp. 659–668 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2020-4-659-668

УДК 316.344.27–053.6

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-4-669-678

ПРОБЛЕМЫ ЗАНЯТОСТИ И МИГРАЦИИ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ*

Бадмаева Ноган Вячеславовна

Калмыцкий научный центр РАН

Актуальной, злободневной проблемой Калмыкии является миграция сельской молодежи. Цель статьи — анализ причин миграции сельской молодежи, выявление факторов, влияющих на возвращение молодых людей в сельскую местность, на их желание остаться там, жить и работать. Основные методы исследования — количественный опрос и глубинные интервью. Анализ полученных результатов исследования показал, что более половины опрошенных респондентов желает выехать за пределы своего села, поселка. Основными факторами миграции из сельской местности являются низкий уровень оплаты труда, отсутствие рабочих мест, неразвитая инфраструктура, отсутствие качественной медицинской помощи и др. Учебная миграция в большинстве случаев является невозвратной. Для части респондентов «учебная миграция» начинается раньше, поскольку в их поселке или селе нет старших классов или они хотят получить качественное среднее образование и иметь возможность готовиться к поступлению в вуз или ссуз. Главным фактором, влияющим на возвращение молодежи обратно в сельскую местность, является наличие рабочих мест с достойной заработной платой, возможность иметь собственное жилье, а также развитие социальной сферы и сферы проведения досуга. Полученные результаты исследования могут быть использованы при реализации региональных программ развития сельских территорий. Анализ мероприятий по привлечению молодежи в сельскую местность в других регионах показал, что необходима разработка программ, главной целью которых должно стать налаженное взаимодействие с выпускниками школ, разработка финансовых механизмов поддержки обучающихся студентов. Особенно важно решение вопроса гарантированного финансирования отраслевых программ по привлечению молодежи в сельскую местность.

Ключевые слова: миграция, учебная миграция, миграционный отток, сельская молодежь, региональные программы регулирования занятости, Республика Калмыкия.

EMPLOYMENT AND MIGRATION PROBLEMS OF RURAL YOUTH IN THE REPUBLIC OF KALMYKIA

Nogan V. Badmaeva

Kalmyk Scientific Center of the RAS

Migration of rural youth is a topical problem in Kalmykia. The purpose of the article is to analyze the reasons for the migration of rural youth, to identify the factors influencing the return of young people to the countryside, their desire to stay and work there. The main research methods are quantitative survey and in-depth interview. The analysis of the study results showed that more than half of the respondents want to leave their village or settlement. The main push factors for migration from rural areas are low wages, lack of jobs, underdeveloped infrastructure, lack of good quality medical care, etc. In most cases, educational migration is irrevocable. For some of the respondents, 'educational migration' begins earlier, because there are no senior grades at schools in their settlement or village, or they want to get a high-quality

* Исследование проведено в рамках госзадания КалмНЦ РАН «Развитие сельских территорий Юга России: комплексный социально-экономический и экологический мониторинг» (Пер. № НИОКТР АААА–А19–1190111490037–8).

secondary education and to have the possibility to prepare for entering a university or specialized secondary school. The main factor influencing the return of young people to the countryside is the availability of jobs with decent wages, the possibility to have their own housing, as well as the developed of social sphere and sphere of leisure. The obtained results can be used in regional programs for the development of rural areas. Analysis of measures aimed at attracting youth to rural areas in other regions showed it is necessary to develop programs aimed at establishing interaction with school graduates and elaborating financial mechanisms to support students. It is also critical to resolve the issue of guaranteed financing of sectoral programs to attract young people to rural areas.

Keywords: migration, educational migration, migration outflow, rural youth, regional employment regulation programs, Republic of Kalmykia.

Введение

Безработица и трудовая миграция сельского населения Калмыкии на протяжении ряда лет являются актуальными проблемами региона. Кризисное состояние сельскохозяйственной отрасли и сложное социально-экономическое положение региона в целом влияют на региональный рынок труда, напряженную ситуацию в сфере занятости населения. Стоит отметить, что в республике отмечается самый высокий в Южном федеральном округе уровень безработицы, особенно в сельской местности [Бадмаева Н.В., 2019, с. 70].

Проблемы занятости обостряются демографическими проблемами, а именно сокращением численности сельского населения, вследствие как миграционного оттока, так и низкого уровня естественного прироста населения. При этом в республике, как и в целом в России, в настоящее время ощущается нехватка квалифицированных кадров традиционных специальностей для сельскохозяйственной отрасли (агрономов, ветеринаров, специалистов по кормлению животных и др.). Сокращение численности сельского населения влияет на трудовой потенциал сельского населения республики и, соответственно, на проблему кадрового обеспечения сельского хозяйства региона.

Актуальной проблемой республики является миграция сельской молодежи. В перспективе рост миграционной подвижности молодых сельских жителей в город может оказать влияние на деформацию возрастной структуры и старение сельского населения. Учитывая перманентный характер и длительность экономического кризиса в аграрной сфере региона, можно говорить о трудновосполнимой потере человеческого капитала, что отразится на перспективах социально-экономического развития региона. Негативным

последствием роста трудовой миграции сельской молодежи может стать нехватка квалифицированных кадров в основной сельскохозяйственной отрасли республики.

Миграция молодежи связана со значительным разрывом в уровне и качестве жизни городского и сельского населения. Современное село не предоставляет всех возможностей для реализации молодежи. Сохранение данной тенденции в регионе может привести к необратимым процессам в развитии села.

Предметом изучения в данной статье является сопоставление результатов количественного опроса молодежи республики по вопросам миграции и миграционных настроений и результатов глубинных интервью среди студентов на тему учебной миграции. Цель статьи — анализ причин миграции сельской молодежи, выявление факторов, влияющих на желание молодых людей жить и работать в сельской местности.

Анализ проблем сельской молодежи Калмыкии представлен в трудах региональных исследователей. Вопросы занятости сельской молодежи в неформальном секторе рассмотрены в работах М.Н. Мухановой. Она прослеживает связь занятости в неформальном секторе экономики с уровнем образования молодых людей. По результатам проведенных ею исследований делается вывод о том, что в неформальном секторе занята сельская молодежь с начальным и средним образованием [Муханова М.Н., 2016а, 2016б, 2018]. В трудах Л.В. Намруевой рассмотрены вопросы влияния учебной миграции на дальнейшие жизненные стратегии сельской молодежи. Также она исследует проблему кадрового обеспечения сельскохозяйственной отрасли республики [Намруева Л.В., 2014, 2017]. Экономисты Н.А. Эльдяева и Е.С. Кованова отмечают высокую миграционную активность сельских жителей. Они обращают внимание на

тот факт, что сельская молодежь активнее участвует в миграционных процессах, чем городская [Эльдеева Н.А., Кованова Е.С., 2017].

Методы исследования

Основные методы исследования — количественный опрос и глубинные интервью. Исследования проведены отделом комплексного мониторинга и информационных технологий Калмыцкого научного центра РАН в апреле–мае 2020 г. В социологическом опросе приняли участие респонденты возрасте от 16 до 35 лет. Основным требованием выборки был факт рождения в сельской местности. Всего было опрошено 288 чел. Из них в возрасте 16–18 лет — 13,6 %; 19–23 года — 47,5 %; 24–27 лет — 5,9 %; 28–35 лет — 33,1 %. Мужчины составили 38,8 %, женщины — 61,2 %.

Представлены также результаты глубинных интервью по проблеме учебной миграции сельской молодежи. Поиск респондентов осуществлялся методом «снежного кома». Всего было проведено 13 полустандартизированных интервью. Из них 5 интервью — со студентами Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова, 3 интервью — со студентами, обучающимися за пределами республики (Южный федеральный университет, Российский университет дружбы народов, Астраханский государственный медицинский университет), 2 интервью — с магистрантами (Южный федеральный университет, Калмыцкий госу-

дарственный университет), 3 интервью — со студентами средних специальных учебных заведений республики (Торгово-технологический колледж, Калмыцкий медицинский колледж им. Т. Хахлыновой). В итоге получены и проанализированы результаты ответов по вопросам, касающимся причин миграции, предпосылок принятия решения о выбранном учебном заведении, а также стратегий и перспектив трудоустройства.

Результаты количественного опроса

Рассмотрим результаты опроса сельской молодежи республики. В первую очередь нами был задан вопрос о том, есть ли желание выехать за пределы своего села или поселка. На данный вопрос было получено следующее распределение ответов респондентов: более половины опрошенных респондентов желает выехать за пределы своего села, поселка (54,2 %), треть респондентов затруднилась ответить (30,5 %), не собираются уезжать — 15,3 % молодых людей. Такие данные отражают сложное социально-экономическое положение республики, свидетельствуют о проблемах отсутствия работы, т.е., скорее, о разбалансированности рынка труда в регионе, об инфраструктурных проблемах сельских территорий. Рассмотрим основные цели миграции сельской молодежи (табл. 1).

Таблица 1. Цели миграции молодежи

Table 1. Goals of youth migration

Вариант ответа	%
Не собираюсь уезжать	11,9
Получение образования и возвращение обратно	5,1
Получение образования	6,8
Получение хорошо оплачиваемой работы	33,1
Получение возможностей для самореализации	22,9
Профессиональное развитие, повышение квалификации	7,6
Получение большей возможности для культурного развития, досуга	0,8
Желание проживать в другом городе с развитой инфраструктурой	10,2
Затрудняюсь ответить	1,7

По результатам, представленным в таблице, видно, что большая часть респондентов собирается уехать с целью устройства на хорошо оплачиваемую работу, получения возможностей для самореализации, а также в связи с же-

ланием проживать в другом городе с развитой инфраструктурой.

Выясним направления, в какие планируют уехать и где хотят жить молодые люди (табл. 2).

Таблица 2. Направления миграции молодежи

Table 2. Directions of youth migration

Вариант ответа	%
Не собираюсь уезжать	15,3
Мегаполис (Москва, Санкт-Петербург)	26,3
Большой город (более 1 млн жителей)	41,5
Небольшой город за пределами республики	9,3
Сельская местность	0,8
Районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности	2,5

Данные в таблице показывают, что респонденты в своем большинстве планируют жить в мегаполисах и городах-миллиониках России. В сельской местности из опрошенных молодых людей практически никто жить не собирается. Причем некоторые респонденты указали, что их миграция будет носить временный характер: «хочу немного пожить в другом месте, но при этом работая на интересы Республики Калмы-

кия, дети будут воспитываться в республике среди земляков»; «временно жить там, где будет проходить стажировка»; «я уеду, чтобы накопить деньги на свое дело в Калмыкии» и др. Небольшая часть респондентов планирует уехать в европейские страны. Рассмотрим причины миграции молодого населения (табл. 3).

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Что Вас не устраивает в родном селе, поселке?»

Table 3. Distribution of answers to the question «What does not suit you in your native village, settlement?»

Вариант ответа	%
Меня все устраивает	5,9
Низкая заработная плата	83,9
Качество образования	22
Отсутствие качественной медицинской помощи	45,8
Неразвитая инфраструктура	55,1
Отсутствие рабочих мест	65,3
Отсутствие досуга	41,5
Меня все устраивает	5,9
Низкая заработная плата	83,9

Распределение ответов на данный вопрос показывает, что основными «выталкивающими» факторами миграции из сельской местности являются низкий уровень оплаты труда, отсутствие рабочих мест, неразвитая инфраструктура, отсутствие качественной медицинской помощи и др. Респонденты также дополнили варианты ответов на данный вопрос своими наблюдениями. Они отмечают, что само отношение людей к своему поселку, селу вызывает у них тревогу: «люди не заботятся о своем поселке, о его будущем, о том, что скоро не останется практически никого и “село умрет”». Беспокоит их и проблема коррупции и кумовства в селе, поселке, в котором они проживают или проживали.

Исследование также выявило, что из всех опрошенных респондентов 42,4 % не имеют

желания работать в сельском хозяйстве; 31,4 % не желают, поскольку заняты в других сферах или получают другую специальность, не связанную с сельским хозяйством; 7,4 % имеют желание и планируют работать в сельском хозяйстве; 5,8 % респондентов работают в этой отрасли и планируют там остаться; 5,9 % респондентов задумываются заняться сельским хозяйством; 3,4 % респондентов работают в сельском хозяйстве, но планируют заняться другой деятельностью; 3,7 % — затруднились ответить.

Мнение респондентов об изменении жизни в селах Калмыкии за последние годы разделилось: более трети молодых людей отмечает положительные перемены (35,6 %), чуть более четверти респондентов (26,3 %) ответили, что не видят перемен и об ухудшении жизни в

сельской местности отметили более 18 % респондентов.

На вопрос «Решению каких социально-бытовых проблем необходимо уделить перво-степенное внимание в населенном пункте, в котором Вы проживаете?» было получено следующее распределение ответов. В первую очередь респонденты отметили наличие проблемы алкоголизма в сельской местности (55,5 %), отсутствие благоустройства территорий (48,7 %), ремонта и строительства социальных объектов (43,7 %), борьбы с незаконными свалками мусора (41,2 %).

Таким образом, результаты опроса показали, что молодое население республики в своем большинстве планирует выехать за пределы республики.

Миграционный отток молодого населения является серьезной проблемой сельских территорий, поскольку миграция влияет на демографический и трудовой потенциал села. Стремление жить в городах достаточно обосновано и связано с понятием качества жизни. Уровень жизни по многим социально-экономическим показателям между крупным городом, мегаполисом и сельской местностью резко различается. Отток именно молодого населения является показателем сложного положения современных сел и сельскохозяйственной отрасли в частности.

По результатам исследования можно констатировать, что современной молодежью отмечается низкий уровень привлекательности и престижности сельских поселений, связанный прежде всего с низким качеством и уровнем жизни, отсутствием предпосылок для реализации жизненных планов и стратегий молодежи республики.

Учебная миграция

Переход на следующую ступень обучения является распространенной причиной смены места жительства молодыми людьми. Как отмечают исследователи, пик оттока из сельской местности в города приходится на возраст 18 лет, когда массово осуществляется миграция в вузы [Нефедова Т.Г., Мкртчян Н.В., 2017, с. 59].

Однако в ходе беседы с респондентами выяснилось, что 8 из 13 студентов переехали из своего села или поселка в г. Элисту, когда пе-

реходили в старшие классы, некоторые — еще в средней школе. Они это объясняют тем, что либо в школе не было старших классов, либо, что сами респонденты и их родители решили переехать в город, чтобы получать более качественное образование, чем в сельской школе. Часть респондентов отметила, что сначала они с семьей переезжали в районный центр, а затем — в город. В ходе интервью было выявлено, что в настоящее время в поселковых школах обучается совсем небольшое количество учащихся — в классах всего по несколько учеников или существуют сборные классы, где одновременно обучаются ученики разных ступеней обучения. Важно уточнить, что для того, чтобы респонденты имели возможность обучаться в райцентре или городе, их родители были готовы на переезд, причем не всегда всей семьей — обычно глава семьи оставался еще некоторое время в поселке, следил за хозяйством. Вместе с тем некоторые из интервьюируемых отметили, что им «приходилось жить у родственников без родителей». Таким образом, для части респондентов «учебная миграция» началась еще раньше, чем, как обычно считается — в 18 лет после окончания школы.

Несмотря на то что для некоторых молодых людей миграция начинается на несколько лет раньше, для большей части сельской молодежи основной причиной миграции из села в город является получение среднего специального или высшего образования. Интервьюируемые, к примеру, отвечали: «хотел получить профессию в сфере управления и экономики», «хотел получить профессию в сфере здравоохранения»; «считаю, что сейчас востребованы профессии именно моей специальности (фельдшер, повар, дантист)».

При рассмотрении вопроса о возвращении в родное село или поселок после окончания учебного заведения было выявлено, что ни один из интервьюируемых не ответил утвердительно. Некоторые считают возможным вернуться в район при определенных условиях. Преимущественное большинство интервьюируемых не желает возвращаться, т.к. полагает, что в родном районе, поселке, селе «нет перспективы жизни и работы», т.е. важной причиной является невостребованность будущей профессии. По их мнению, в селе «неинтересно жить»; часть респондентов считает, что в сель-

ской местности нет возможности полноценно воспитывать детей.

Таким образом, анализ интервью показал, что учебная миграция в большинстве случаев является невозвратной. Главным фактором, влияющим на возвращение молодежи обратно в сельскую местность, является наличие рабочих мест с достойной заработной платой, возможность иметь собственное жилье, а также развитые социальная сфера и сфера проведения досуга.

Обсуждение

Согласимся с мнением П.Е. Сушко, что бесперспективность в поиске постоянной и хорошо оплачиваемой работы, создании комфортных и благоприятных условий жизни и условий для успешной самореализации повлияла на отток из села активной молодежи. При этом молодые люди, уезжающие из села, мотивированы на достижение успеха, реализацию своих возможностей. Он отмечает, что «...молодежь покидает кризисные районы и стремится в области процветания, где для нее есть надежды обрести статус, высокооплачиваемую работу. Другими словами, они выбирают такое место, где смогут максимизировать свою полезность» [Сушко П.Е., 2013, с. 113].

Что касается кадров для сельскохозяйственной отрасли региона, необходимо отметить проблему «утечки мозгов» в городскую местность. Сельскохозяйственные университеты готовят высококвалифицированных специалистов, но после обучения молодые выпускники в большинстве своем предпочитают не работать в сельскохозяйственном секторе экономики. Лишь единицы приходят работать в сельскохозяйственную отрасль. Часть молодых специалистов переучивается, находит работу в других отраслях экономики, в основном в сфере услуг. С каждым годом все меньше выпускников выбирают сельскохозяйственную отрасль. Тем не менее растущее население требует все больше продуктов питания и сельскому хозяйству нужны квалифицированные работники, отвечающие требованиям современного развития сельского хозяйства. Г.Г. Силласте отмечает, что очень низкий престиж сельского труда является одним из самых сильных факторов, влияющих на миграцию молодых людей из сел в города после школы [Силласте Г.Г., 2004, с. 96].

Согласимся с мнением исследователя, что специфичность учебной миграции в России заключается в том, что уезжающие абитуриенты, в основном, не возвращаются обратно в сельскую местность [Ислакаева Г.Р., 2016, с. 78]. Таким образом, в настоящее время происходит количественное и качественное ухудшение трудового потенциала сельских территорий [Ильин А.Е., Конорев А.М., 2013, с. 10].

Программы по привлечению молодежи в сельскую местность

Рассмотрим некоторые программы отраслевых министерств, в той или иной степени регулирующие процессы занятости в сельской местности. Это, в первую очередь, Федеральная целевая программа «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года», принятая в 2013 г. и утратившая силу в 2017 г. [Постановление Правительства РФ от 15 июля 2013 г. № 598], а также программы «Земский доктор», «Земский фельдшер», направленные на привлечение медицинских кадров в сельскую местность. Однако реализация этих программ проходила с рядом затруднений. Федеральная целевая программа «Устойчивое развитие сельских территорий» была закрыта в большей степени в связи со сложностью реализации всего комплекса мер по развитию сельских территорий страны. В настоящее время Правительство перешло на поддержку государственной программы «Развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» [Постановление Правительства РФ от 13 декабря 2017 г. № 1544].

В рамках действия Федеральной целевой программы «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года» предоставлялись субсидии на улучшение жилищных условий граждан, проживающих в сельской местности, в том числе молодых семей и молодых специалистов. В Калмыкии вышло также Постановление Правительства Республики Калмыкия от 31 декабря 2013 года № 614 «О порядке предоставления социальных выплат на строительство (приобретение) жилья гражданам Российской Федерации, проживающим в сельской местности Республики Калмыкия, в том числе молодым семь-

ям и молодым специалистам» [Постановление Правительства Республики Калмыкия..., 2013].

Программа «Земский доктор», в частности в Калмыкии, в настоящее время практически не работает. Министерство здравоохранения Республики Калмыкия отмечает, что на сегодняшний день в ведомство практически не поступает заявок на участие в этом проекте. Это связано с тем, что в республике возникли проблемы с финансированием региональной части программы [Будгоряева В., 2019].

Такие государственные программы являются механизмами регулирования трудовыми ресурсами во внутрироссийской миграции. Они обеспечивают приток тех или иных специалистов в сельскую местность за счет материального стимулирования, предоставления льгот. Однако в процессе реализации этих программ органы управления сталкиваются с целым рядом проблем. Среди них наиболее частыми являются слабое или полное отсутствие финансирования местным региональным или муниципальным бюджетом, некорректное управление, коррупция, отсутствие учета специфики той или иной территории, ее локальных особенностей и проблем.

Заключение

Проведенный анализ результатов исследования показал, что для современной молодежи уровень привлекательности и престижности сельских поселений слишком низкий, что связано прежде всего с низким качеством и уровнем жизни, отсутствием предпосылок для реализации жизненных планов и стратегий молодежи региона. Учебная миграция в большинстве случаев является невозвратной. Полученные результаты подтверждают сложное социально-экономическое положение республики, говорят о проблемах отсутствия работы или, скорее, о разбалансированности рынка труда региона, об инфраструктурных проблемах сельских территорий. Исследование показало, что условиями возвращения молодежи в село являются следующие факторы: наличие рабочих мест не только в сельском хозяйстве и бюджетных организациях, но и в других сферах приложения труда; создание благоприятных условий для проживания, построения карьеры и развития собственного бизнеса; развитая инфраструктура в

сфере здравоохранения, образования, досуга и др.

Анализ мероприятий по привлечению молодежи в сельскую местность в других регионах показал, что необходимо проводить работу в по нескольким направлениям [Панина Т., 2019]. Во-первых необходима разработка программ, главной целью которых должно быть налаженное взаимодействие с выпускниками школ, разработка финансовых механизмов поддержки обучающихся студентов, кропотливая работа на уровне сельских муниципалитетов. Все это нужно для того, чтобы после учебы они возвращались на работу в республику, в родные села и поселки. Также необходимы, на наш взгляд, поиск средств для софинансирования федеральных программ или их полное финансирование правительством страны. Исследуемый регион не имел возможности софинансировать эти программы, в связи с чем эти мероприятия не показали своей эффективности.

Список литературы

- Бадмаева Н.В.* Занятость и безработица сельского населения Республики Калмыкия: проблемы и вопросы регулирования // Научная мысль Кавказа. 2019. № 4(100). С. 70–74. DOI: <https://doi.org/10.18522/2072-0181-2019-100-4-70-74>
- Будгоряева В.* Миллион есть, а желающих на него нет. Или почему в Калмыкии дала сбой программа «Земский доктор»? // РИА «Калмыкия». 2019. 9 янв. URL: <https://riakalm.ru/index.php/news/health/15982-million-est-a-zhelayushchikh-na-nego-net-ili-pochemu-v-kalmykii-dala-sboj-programma-zemskij-doktor> (дата обращения: 05.09.2020).
- Ильин А.Е., Конорев А.М.* Трудовой потенциал аграрного сектора Курской области // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2013. № 5. С. 10–12.
- Ислакаева Г.Р.* Образовательная межрегиональная миграция: причины и социально-экономические следствия // Уровень жизни населения регионов России. 2016. № 3(201). С. 77–88.
- Муханова М.Н.* Занятость сельской молодежи в неформальном секторе // Управление социальными изменениями в нестабильных условиях: материалы Всерос. науч. конф. М.: МАКС пресс, 2016. С. 424–428.
- Муханова М.Н.* Молодежь в социально-структурных процессах российского села // Жизнь исследования после исследования: как

сделать результаты понятными и полезными. М.: ВЦИОМ, 2016. С. 1512–1516.

Муханова М.Н. Сельская молодежь России: состояние и перспективы развития // Традиции и инновации в сфере образования и воспитания. М.: РИТМ, 2018. С. 214–237.

Намруева Л.В. Кадровый потенциал агропромышленного комплекса (на примере Республики Калмыкия) // Интеллигенция: естественнонаучные, социальные и гуманитарные знания на пути интеграции. М.: Изд-во РГГУ, 2014. С. 251–258.

Намруева Л.В. Подготовка кадров для АПК Республики Калмыкия: реалии и перспективы // Университет в глобальном мире: новый статус и миссия: сб. материалов XI Междунар. науч. конф. М.: МАКС пресс, 2017. С. 675–676.

Нефедова Т. Г., Мкртчян Н. В. Миграция сельского населения и динамика сельскохозяйственной занятости в регионах России // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2017. № 5. С. 58–67.

Панина Т. Пора домой. Почему после учебы молодежь не спешит в свои регионы // Российская газета. 2019. 4 дек. URL: <https://rg.ru/2019/12/04/reg-pfo/pochemu-posle-ucheby-molodezh-ne-speshit-v-svoi-regiony.html> (дата обращения: 01.10.2020).

Постановление Правительства Республики Калмыкия от 31 декабря 2013 года № 614 «О порядке предоставления социальных выплат на строительство (приобретение) жилья гражданам Российской Федерации, проживающим в сельской местности Республики Калмыкия, в том числе молодым семьям и молодым специалистам». URL: <http://docs.cntd.ru/document/460220218> (дата обращения: 01.10.2020).

Постановление Правительства РФ от 13 декабря 2017 г. № 1544 «О внесении изменений в Государственную программу развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы» URL: <https://base.garant.ru/71839796/> (дата обращения: 07.09.2020).

Постановление Правительства РФ от 15 июля 2013 г. № 598 «О федеральной целевой программе “Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года”». URL: <https://base.garant.ru/70419016/> (дата обращения: 07.09.2020).

Силласте Г.Г. Влияние СМИ на жизненные планы сельской учащейся молодежи // Социологические исследования. 2004. № 12(248). С. 95–102.

Сушко П. Е. Социальная мобильность сельской молодежи: институциональный аспект // Теория и практика общественного развития. 2013. № 8. С. 113–115.

Эльдеева Н.А., Кованова Е.С. Особенности современного положения сельской молодежи региона и формирование молодежной политики в контексте глобальных тенденций // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2017. № 3. С. 11–15.

Получено 01.11.2020

References

Badmaeva, N.V. (2019). *Zanyatost' i bezrabotitsa sel'skogo naseleniya Respubliki Kalmykiya: problemy i voprosy regulirovaniya* [Employment and unemployment of the rural population of Kalmykia: problems and regulatory issues]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza* [Scientific Thought of Caucasus]. No. 4(100), pp. 70–74. DOI: <https://doi.org/10.18522/2072-0181-2019-100-4-70-74>

Budgoryaeva, V. (2019). *Million est' a zhelayushchikh na nego net. Ili pochemu v Kalmykii dala sboy programma «Zemskiy doktor»?* [There is a million, but there are no willing ones. Or why the zemsky Doctor program failed in Kalmykia?]. RIA «Kalmykia». Jan. 9. Available at: <https://riakalm.ru/index.php/news/health/15982-million-est-a-zhelayushchikh-na-nego-net-ili-pochemu-v-kalmykii-dala-sboy-programma-zemskij-doktor> (accessed 05.09.2020).

Eldyaeva, N.A., Kovanova, E.S. (2017). *Osobennosti sovremennogo polozheniya sel'skoy molodezhi regiona i formirovaniye molodezhnoy politiki v kontekste global'nykh tendentsiy* [Peculiarities of current situation of the rural youth of the region and formation of youth policy in the context of global tendencies]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Sotsiologiya. Ekonomika. Politika* [Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics]. No. 3, pp. 11–15.

Ilyin, A.E. and Konorev, A.M. (2013). *Trudovoy potentsial agrarnogo sektora Kurskoy oblasti* [Labor potential of the agrarian sector of the Kursk region]. *Vestnik Kurskoy gosudarstvennoy sel'skokhozyaystvennoy akademii* [Vestnik of Kursk State Agricultural Academy]. No. 5, pp. 10–12.

Islakaeva, G.R. (2016). *Obrazovatel'naya mezhregional'naya migratsiya: prichiny i sotsial'no-ekonomicheskie sledstviya* [Educational interregional migration: causes and socioeconomic consequences].

Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. No. 3(201), pp. 77–88.

Mukhanova, M.N. (2016). *Molodezh' v sotsial'no-strukturnykh protsessakh rossiyskogo sela* [Youth in the social and structural processes of the Russian countryside]. *Zhizn' issledovaniya posle issledovaniya: kak sdelat' rezul'taty ponyatnymi i poleznymi* [Life of Research after Research: How to Make the Results Understandable and Useful]. Moscow: RPOPC Publ., pp. 1512–1516.

Mukhanova, M.N. (2018). *Sel'skaya molodezh' Rossii: sostoyanie i perspektivy razvitiya* [Rural youth of Russia: state and development prospects]. *Traditsii i innovatsii v sfere obrazovaniya i vospitaniya* [Traditions and innovations in the field of education and upbringing]. Moscow: RITM Publ., pp. 214–237.

Mukhanova, M.N. (2016). *Zanyatost' sel'skoy molodezhi v neformal'nom sektore* [Employment of rural youth in the informal sector]. *Upravlenie sotsial'nymi izmeneniyami v nestabil'nykh usloviyakh* [Management of social changes in unstable conditions]. Moscow: MAKS Publ., pp. 424–428.

Namrueva, L.V. (2014). *Kadrovyy potentsial agropromyshlennogo kompleksa (na primere Respubliki Kalmykiya)* [Personnel potential of the agro-industrial complex (on the example of the Republic of Kalmykia)]. *Intelligentsiya: estestvennonauchnye, sotsial'nye i gumanitarnye znaniya na puti integratsii* [Intelligentsia: natural science, social and humanitarian knowledge on the path of integration]. Moscow: PSUH Publ., pp. 251–258.

Namrueva, L.V. (2017). *Podgotovka kadrov dlya APK Respubliki Kalmykiya: realii i perspektivy* [Training of personnel for the agro-industrial complex of the Republic of Kalmykia: realities and prospects]. *Universitet v global'nom mire: novyy status i missiya* [University in the global world: new status and mission]. Moscow: MAKS Publ., pp. 675–676.

Nefedova, T.G. and Mkrtychyan, N.V. (2017). *Migratsiya sel'skogo naseleniya i dinamika sel'skokhozyaystvennoy zanyatosti v regionakh Rossii* [Migration of rural population and dynamics of agricultural employment in the regions of Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya* [Moscow University Bulletin. Series 5. Geography]. No. 5, pp. 58–67.

Panina, T. (2019). *Pora domoy. Pochemu posle ucheby molodezh' ne speshit v svoj region* [Time to go home. Why, after studying, young people do not rush to their regions]. *Rossiyskaya gazeta*. Dec. 4. Available at: <https://rg.ru/2019/12/04/reg-pfo/pochemu->

[posle-ucheby-molodezh-ne-speshit-v-svoiy-regiony.html](https://rg.ru/2019/12/04/reg-pfo/pochemu-posle-ucheby-molodezh-ne-speshit-v-svoiy-regiony.html) (accessed 01.10.2020).

Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 13 dekabrya 2017 g. № 1544 «O vnesenii izmeneniy v Gosudarstvennyuyu programmu razvitiya sel'skogo khozyaystva i regulirovaniya rynkov sel'skokhozyaystvennoy produktsii, syr'ya i prodovol'stviya na 2013–2020 gody» [Decree of the Government of the Russian Federation of December 13, 2017 No. 1544 «On amendments to the State Program for the development of agriculture and regulation of markets for agricultural products, raw materials and food for 2013–2020»]. Available at: <https://base.garant.ru/71839796/> (accessed 07.09.2020).

Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 15 iyulya 2013 g. № 598 «O federal'noy tselevoy programme “Ustoychivoe razvitie sel'skikh territoriy na 2014–2017 gody i na period do 2020 goda”» [Decree of the Government of the Russian Federation of July 15, 2013 No. 598 «On the federal target program “Sustainable development of rural areas for 2014–2017 and for the period until 2020”»]. Available at: <https://base.garant.ru/70419016/> (accessed 07.09.2020).

Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kalmykiya ot 31 dekabrya 2013 goda № 614 «O poryadke predostavleniya sotsial'nykh vyplat na stroitel'stvo (priobretenie) zhil'ya grazhdanam Rossiyskoy Federatsii, prozhivayuschim v sel'skoy mestnosti Respubliki Kalmykiya, v tom chisle molodym sem'yam i molodym spetsialistam» [Resolution of the Government of the Republic of Kalmykia dated December 31, 2013 No. 614 «On the procedure for providing social benefits for the construction (purchase) of housing to citizens of the Russian Federation living in rural areas of the Republic of Kalmykia, including young families and young professionals»]. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/460220218> (accessed 01.10.2020).

Sillaste, G.G. (2004). *Vliyanie SMI na zhiznennyye plany sel'skoy uchascheyasya molodezhi* [The influence of the media on the life plans of rural students]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12(248), pp. 95–102.

Sushko, P.E. (2013). *Sotsial'naya mobil'nost' sel'skoy molodezhi: institutsional'nyy aspekt* [Social mobility of rural youth: institutional aspect]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development]. No. 8, pp. 113–115.

Received 01.11.2020

Об авторе

Бадмаева Ноган Вячеславовна
научный сотрудник

Калмыцкий научный центр РАН,
358000, Республика Калмыкия, Элиста,
ул. Илишкина, 8;
e-mail: noganabadmaeva@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4799-5506>

About the author

Nogan V. Badmaeva
Researcher

Kalmyk Scientific Center of the RAS,
8, Ilishkin st., Elista, Republic of Kalmykia,
358000, Russia;
e-mail: noganabadmaeva@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4799-5506>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Бадмаева Н.В. Проблемы занятости и миграции сельской молодежи Республики Калмыкия // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 4. С. 669–678.
DOI: 10.17072/2078-7898/2020-4-669-678

For citation:

Badmaeva N.V. [Employment and migration problems of rural youth in the Republic of Kalmykia]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 4, pp. 669–678 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2020-4-669-678

УДК 316.74

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-4-679-687

**ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕАЛИЗАЦИИ
СОЦИАЛЬНЫХ И БОГОСЛУЖЕБНЫХ ПРАКТИК
РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ГОРОДА ПЕРМИ
ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ САМОИЗОЛЯЦИИ И ПАНДЕМИИ**

Сироткин Павел Федорович

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Дается краткая характеристика религиозного пространства Пермского края и анализируются социальные и богослужебные практики и основные варианты их трансформации в результате самоизоляции жителей Пермского края с апреля по декабрь 2020 г. Выявлен всеобщий тренд на виртуализацию религиозного пространства, использование которой перестает быть спецификой только новых религиозных учений. Традиционные религиозные конфессии начинают активно использовать интернет-пространство, предлагая верующим виртуальный религиозный продукт, однако при этом делается важное допущение, что традиционные организации не готовы на полную замену традиционных социальных и богослужебных практик, являющихся важной частью религиозного процесса, на их виртуальные аналоги. В статье уточняется понятие «религиозные практики» и делается предположение о том, что скорость трансформационных процессов зависит от величины городской агломерации и сложности построения религиозного пространства конкретной местности. В частности, проанализировано протестантское религиозное пространство, отличающееся повышенной организационной сложностью и малой вертикальной структурированностью, что позволяет протестантским религиозным группам, организациям или объединениям максимально быстро внедрять в своей социальной и богослужебной практике не традиционные для данного религиозного архетипа новации. Рассматриваются особенности трансформации социальных и богослужебных практик в большинстве зарегистрированных на территории города Перми религиозных организаций и объединений. Анализ происходящих в религиозной среде процессов в крупной городской агломерации, имеющей сложное построение религиозного пространства, показывает наличие трансформационных изменений в реализации социальных и богослужебных практик религиозных организаций и объединений под воздействием самоизоляции и пандемии, несмотря на консервативные условия внутренней религиозной среды.

Ключевые слова: социальные практики, религиозные организации, виртуализация религии.

**TRANSFORMATION OF SOCIAL AND LITURGICAL PRACTICES
OF PERM RELIGIOUS ORGANIZATIONS UNDER THE INFLUENCE
OF LOCKDOWN AND THE PANDEMIC**

Pavel F. Sirotkin

Perm State University

The article provides a brief description of the religious space of the Perm region and analyzes social and liturgical practices and possible options for their transformation as a result of self-isolation of residents of the Perm region from April to December 2020. There is a General trend towards the virtualization of religious space, the use of which ceases to be specific only for new religious teachings. Traditional religious denominations are beginning to actively use the Internet space, offering believers a virtual religious product, however, an important assumption is made that traditional organizations are not ready to completely replace tra-

ditional social and liturgical practices, which are an important part of the religious process, with their virtual counterparts. The article clarifies the concept of «religious practices» and suggests that the speed of transformation processes depends on the size of urban agglomeration and the complexity of building a religious space in a particular area. In particular, the analysis of Protestant religious space, high organizational complexity and low vertical structure that allows Protestant religious groups, organizations or associations as quickly as possible to implement its social and liturgical practice traditional religious archetype innovations. The article deals with the peculiarities of transformation of social and liturgical practices in the majority of religious organizations and associations registered in the territory of the city of Perm. The analysis of the processes taking place in the religious environment in a large urban agglomeration with a complex structure of religious space shows the presence of transformational changes in the implementation of social and liturgical practices of religious organizations and associations under the influence of self-isolation and a pandemic, despite the conservative conditions of the internal religious environment.

Keywords: social practices, religious organizations, virtualization of religion.

Исследование религиозных практик, частью которых являются социальные и богослужebные практики религиозных организаций, является чрезвычайно актуальным в современной социологии религии, так как во многом именно религиозные практики формируют социальное поведение верующих соответствующей конфессии. Верующие, в свою очередь, — это значительная часть населения города, и при принятии различных социально ориентированных решений небесполезно понимать реакцию различных слоев городского населения на те или иные социальные новшества. Религиозные практики периодически становятся предметом исследования российских и зарубежных социологов. Специфичность изучаемого феномена такова, что большинство из них применяют качественную методологию, позволяющую в большей степени выявить или уточнить различные элементы религиозных практик, а также исследовать вопрос о ее трансформации и влиянии на социум. Авторская работа продолжает качественную традицию исследования социальных и богослужebных практик и включает в себя использование таких методов, как включенное наблюдение, свободное и фокусированное интервью. Применяются методы вторичного анализа данных и анализа документов.

Н. Шадрин-Оболенский, анализируя исследования по этому вопросу российских и иностранных авторов, приходит к мнению, что необходимо учитывать два определения термина «религиозные практики», которые он рассматривает как статическое и динамическое определения термина [Шадрин-Оболенский Н., 2020]. Однако его динамическое определение термина фактически сводится к констатации

наличия определенной трансформации статических религиозных практик, что позволяет объединить оба эти определения. В своей работе мы понимаем религиозные практики как определенный свод социальных и богослужebных действий (в том числе религиозных обрядов), предписанных верующим, их интерпретации, а также использования верующими своего религиозного опыта в социальной сфере. При этом мы учитываем и обратный процесс, когда трансформация религиозных практик напрямую зависит от величины городской агломерации и сложности построения религиозного пространства, его наполненности разнородными конфессиональными структурами.

Город Пермь является крупной городской агломерацией, растянутой по реке Каме на расстояние более семидесяти километров, с числом жителей более одного миллиона. Аккумулируя в себе немногим менее 40 % жителей Пермского края [Пермский край в цифрах..., 2019, с. 31], город фактически является центром религиозной жизни Прикамья. В столице Пермского края представлены многие религиозные направления, существующие в России. Религиозные объединения Перми развиваются в особой, доброжелательной среде. Как показывают социологические исследования, 93 % сограждан нашего края (по их наблюдениям по месту своего проживания) характеризуют отношения между приверженцами разного вероисповедания как доброжелательные и бесконфликтные [Религиозные отношения..., 2020]. Конфессиональная политика властей, основанная на соблюдении свободы совести и регулировании деятельности религиозных объединений, создает условия для того, чтобы подавля-

ющее большинство жителей Перми могли беспрепятственно реализовывать и удовлетворять свои религиозные потребности. Сегодня мы можем наблюдать, как религиозное пространство развивается и меняется вместе с городской средой.

Сама природа мегаполиса, которым является г. Пермь, подразумевает уникальное сочетание различных этнических групп и мировоззренческих течений, что воплощается в многоцветии религиозных движений, представленных на территории города. По данным Управления министерства юстиции по Пермскому краю на 1 декабря 2019 г. на территории г. Перми зарегистрировано 94 религиозные организации, представляющие 17 конфессиональных групп [Пермь конфессиональная..., 2019, с. 1]. На территории Перми функционирует ряд культовых зданий, из которых 40 храмов относится к двум благочиниям Пермской епархии Русской Православной Церкви (Московский патриархат), из них один кафедральный и четыре монастырских; 3 мечети: историческая Соборная мечеть Духовного управления мусульман Пермского края (структура Духовного управления мусульман РФ под управлением Равиля Гайнутдина) и две мечети Регионального Духовного управления мусульман Пермского края (структура Центрального Духовного управления России под управлением Талгата Таджудина); историческая синагога Иудейского религиозного общества г. Перми (входит в Централизованную религиозную организацию ортодоксального иудаизма «Конгресс еврейских религиозных организаций и объединений в России»); исторические римско-католический и евангелическо-лютеранский храмы; храм Русской Православной Старообрядческой Церкви. Действуют 5 церковных зданий (по одному у Церкви Иисуса Христа последних дней и Церкви Адвентистов седьмого дня, три — у Евангельских Христиан-Баптистов), а также 29 мест для отправления религиозных потребностей различных протестантских религиозных организаций [Церкви города Перми..., 2020]. Различные религиозные группы ориенталистского и неоязыческого толка действуют поквартирно или снимают небольшие помещения в офисных зданиях на непостоянной основе. Реализация социальных и богослужебных практик у действующих на территории Пермского края рели-

гиозных организаций оставалась неизменной на протяжении длительного периода их существования в регионе и определялась традиционными уложениями религиозной жизни той или иной конфессии или деноминации.

По мнению пермских исследователей С.Г. Дюкина и О.В. Самойловой, «отмечается неготовность местного религиозного сообщества к принятию новых форм взаимодействия, обоюдная консервативность духовенства и прихожан» [Дюкин С.Г., Самойлова И.В., 2016]. Можно уточнить, что изменения в современном российском обществе незначительно влияли на жизнедеятельность и социальные, а точнее, на социальные и богослужебные практики религиозных организаций. В заглавии статьи мы вынесли вопрос о социальных и богослужебных практиках, однако если рассмотреть вопрос более предметно, то скорее надо говорить не о чисто социальных практиках религиозных организаций, а именно социально-религиозных, потому что источником действующих социальных практик религиозных организаций являются религиозные послы, опирающиеся на богословские первоисточники. Сама социальная деятельность религиозных организаций приобретает явный или скрытый религиозный подтекст, на апогее которого лежит вопрос об увеличении количества верующих, или усилении влияния религиозной организации в социально-культурном пространстве.

По мнению В.В. Заболотневой, «фундаментальные положения социальных концепций и социальных проектов НРД получают обоснования в вероучительных книгах, проповедях основателей или лидеров конкретных типов новых религиозных образований. Социальные построения новых религиозных образований — это разновидность светских общественных теорий, они органично связаны с вероучительным комплексом и призваны укреплять позиции религиозной организации» [Заболотнева В.В., 2012].

По мнению О.С. Бабешко, «в современном постсекулярном обществе проявления религиозности обретают медийное выражение, что наиболее ярко проявляется именно в социальных медиа, то есть в сообществах в социальных сетях. При этом участие в православных интернет-сообществах не заменяет их членам участие в реальной духовной жизни в рамках общины определенного храма» [Бабешко О.С., 2017,

с. 53]. Процесс трансформации реализации социальных и богослужебных практик практически не наблюдался, хотя религиозные организации активно осваивали новые информационные технологии, в частности сеть Интернет.

По мнению К.В. Лученко, «к началу XXI века в России постепенно складывается система религиозных СМИ, которая объединяет печатную периодику, радиостанции, а также отдельные телеканалы и телепередачи. Особое место в этой системе занимают религиозные интернет-ресурсы. Первые сайты религиозного содержания в доменной зоне “ru” появились в 1996 году. К 2008 приостановился активный количественный рост сайтов религиозного содержания» [Лученко К.В., 2009]. Более того, часть исследователей говорят о снижении активности интернет-коммуникаций в традиционных религиозных сообществах, в частности у православных. Дюкин и Самойлова отмечают, что «de facto региональные епархии (что мы увидели на пермском примере) формируют ситуацию сетевой самоизоляции и “виртуального застоя”» [Дюкин С.Г., Самойлова И.В., 2016]. А вышеупомянутая К.В. Лученко считает, что «для Русской Православной Церкви одна из основных функций Интернета — система электронного документооборота, позволяющая синодальным структурам и административным единицам эффективнее координировать свою деятельность» [Лученко К.В., 2008]. Касаясь Перми, исследователи Дюкин и Самойлова говорят о построенной Пермской епархией модели, демонстрирующей авторитарный характер коммуникации, при этом они фиксируют закрытие разделов сайтов, направленных на развитие коммуникации и обратной связи. Похожая ситуация наблюдалась и у мусульманских общин.

Авторские исследования в религиозном пространстве г. Перми дают возможность отметить, что до изменения социальной ситуации, связанного с социальными коронавирусными ограничениями, основные (православные и исламские) религиозные организации мало включали в свою социально-религиозную практику новые технологии, не активно использовали интернет-ресурсы, не обогащали свою социальную практику инновационной религиозной деятельностью, чем существенно отличались от незначительных по объему верующих, но пуб-

лично и массмедиа активных протестантских общин. В г. Перми протестантские религиозные организации охватывают лишь около 1 % совокупности тех жителей, которые считают себя верующими. При этом новые религиозные организации составляют около 17 % всех зарегистрированных религиозных организаций. Интересно, что при сравнении с данными по Российской Федерации можно увидеть тесную корреляцию данных. В среднем по стране протестантские и евангелические организации составляют около 16 % всех зарегистрированных в стране религиозных организаций. [Состав и количество..., 2015]. Протестантские сообщества имеют одну интересную организационную особенность — одна и та же деноминация может иметь в городе по несколько местных религиозных организаций и групп, при этом общины, надорганизационные формы управления в пределах городской агломерации не создаются, религиозные организации действуют автономно. Так, евангельские христиане-баптисты, входящие в Российский Союз евангельских христиан-баптистов, имеют в Перми три религиозные организации: «Церковь Надежды», «Церковь Преображения» и «Церковь Святой Троицы». Без регистрации действует община Международного Союза баптистов. Следует отметить, что баптисты-международники уклоняются от регистрации своей организации. Из более 10 действующих в регионе общин баптистов этого направления ни одна не подала заявления и документов о регистрации в качестве религиозной группы или религиозной организации. По данным справочника «Пермь конфессиональная» [Пермь конфессиональная..., 2019] в краевой столице зарегистрировано несколько направлений евангельского христианского движения различного подчинения. Так, Церковь евангельских христиан «Виноградник» входит в Христианское братство «Виноградник» (штаб-квартира в США). Церковь евангельских христиан «Свет Истины» входит в Ассоциацию Евангельских Христианских Церквей (АЕХЦ). Религиозные организации христиан веры евангельской «Западно-Уральская миссия» и «Христиане Веры Евангельской» (Миссионерский Центр «Молодежь с Миссией») входят в Ассоциацию христианских евангельских церквей «Союз Христиан» (АХЦ). Харизматическая «Церковь Царя

Иисуса» христиан веры евангельской входит в международную религиозную структуру служения «Царь Иисус». Внеденоминационная «Церковь Иисуса Христа» входит во «Всемирное движение Христовой Церкви».

В Перми зарегистрированы местные религиозные организации Христиан Веры Евангельской-пятидесятников, которые имеют различные управленческие центры. Так, в структуру Российской Церкви Христиан Веры Евангельской (РЦХВЕ) помимо Пермского Епархиального управления ХВЕП входят две организации местной Церкви «Новый завет», а также Церкви «Воскресение Христово» и «Дом Надежды». В структуру Российского объединенного союза Христиан Веры Евангельской (РОСХВЕ) входят Церкви «Гора Сион» и «Божья Благодать». В состав Объединенной Церкви Христиан Веры Евангельской России (ОЦ ХВЕ) входит Пермский центр христиан веры евангельской. Последователи адвентизма г. Перми входят в Евро-Азиатский дивизион международной протестантской организации «Церкви Христиан Адвентистов седьмого дня». К действующим в городе протестантским организациям можно отнести и местную религиозную организацию Церкви Иисуса Христа Святых Последних Дней (в просторечии — мормоны), которая является структурным подразделением Церкви Иисуса Христа Святых Последних Дней. Правда, не все исследователи относят мормонов к христианам протестантского направления, но сами мормоны настойчиво идентифицируют себя как христиане. Одной из особенностей социальных и богослужебных практик протестантского сообщества является активное использование новых технологий, новых социальных практик в публичном пространстве. В течение последних 10 лет протестантские религиозные организации в Перми отметились проведением большого количества публичных акций, к примеру, музыкальными уличными концертами с песнями по религиозной тематике, христианскими фестивалями в шатрах и на открытом пространстве, в том числе и по вопросам христианского подхода к здоровью и правильному питанию, «картонной» миссионеризацией на улицах с использованием граффити на заборах, домах и раздачи (продажи) религиозной литературы. Естественно, что протестантами не обойдены и интернет-технологии. Ак-

тивно ведутся тематические страницы, выкладываются записи богослужений, устраиваются прямые эфиры. Однако, как и у представителей православного и исламского религиозного сообществ, основной богослужебной практикой до появления эпидемии было «живое» общение в молитвенных помещениях или церквях.

Авторские интервью с представителями пасторского состава различных протестантских деноминаций, действующих в Перми, говорят о понимании важности инновационных действий в религиозном пространстве и организации возможных попыток религиозной инвентаризации. К примеру церковь евангельских христиан «Свет истины», используя незначительные технические возможности, организовала в городе филиал всемирной христианской телекомпании «Телевидение Без Насилия (ТБН)» и в течение 10 лет снимала и размещала самостоятельно ролики социально-религиозного содержания. Следует отметить, что телеканал ТБН был основан в 1999 г. российским евангелистом Игорем Никитиным, являвшимся Старшим епископом Ассоциации Христианских Церквей «Союз христиан» и Председателем Всемирного Христианского Совета. По информации, изложенной на рекламном сайте ТБН, «Сегодня общественный телеканал “ТБН” имеет 3 спутника, транслируется в 184 странах через 850 кабельных сетей и эфирных станций в России, а также через тысячи телевизионных операторов и интернет-телеканалов в США, Центральной Америке, Западной и Восточной Европе и на Ближнем Востоке. Студии, прессы и колл-центры и корреспондентские пункты телеканала находятся в 23 странах мира» [История телеканала..., 2020].

С началом распространения коронавирусной инфекции ситуация с реализацией социальных и богослужебных практик стала претерпевать существенные изменения. Указ губернатора Пермского края № 18 от 19 марта 2020 г. фактически запретил, приостановив, «проведение на территории края любых спортивных, культурных, научных, общественных и досуговых мероприятий с участием граждан на открытых пространствах, а также в зданиях, строениях, сооружениях (и помещениях в них) с числом участников более 50 человек одновременно» [Указ губернатора Пермского края № 18 от 19.03.2020]. Запрет, введенный данным указом

губернатора Пермского края, на проведение публичных мероприятий и общественных собраний изначально не вызвал особой озабоченности у пермских религиозных организаций. Представители доминирующих в городе религиозных групп — православных и мусульман — посчитали, что данные ограничения не существенны, так как в непраздничные дни наполнение церквей и мечетей города незначительно, а протестантское сообщество, за исключение церквей «Новый Завет» и «Свет истины», не собирает на богослужения в свои церкви более указанного числа последователей вероучения. В первую очередь данный указ послужил началом трансформации реализуемой богослужебной и социальной деятельности крупных протестантских религиозных организаций, первой реакцией которых стал отказ от одновременных массовых, по 400–800 чел., богослужений. Например, церковь «Новый завет» занялась дроблением единого богослужения в центральном зале на параллельно проходящие в разных залах богослужения, с использованием трансляции центрального богослужения, при этом на сайте церкви была организована прямая трансляция. Церковь «Свет Истины» перевела всех своих адептов на домашние богослужения и сбор пожертвований посредством интернет-трансляции и электронных кошельков. В связи с ухудшением эпидемиологической ситуации 31 марта 2020 г. губернатором Пермского края подписан указ № 26, согласно которому приостанавливалось до особого распоряжения проведение «любых спортивных, культурных, научных, общественных и досуговых мероприятий с участием граждан на открытых пространствах, а также в зданиях, строениях, сооружениях (и помещениях в них)» [Указ губернатора Пермского края № 26 от 31.03.2020]. Дальнейшее продление норм данного указа привело в активной трансформации реализации практик всех акторов религиозного сообщества города. Протестантские религиозные организации полностью ушли в виртуальное пространство, что, по мнению опрошенных пасторов, существенно усложнило ряд моментов внутрицерковной жизни (снизилась включенность верующих в дела церкви, ухудшилась ситуация со сбором средств и пожертвований, снизилась эмоциональная связь между членами общины), однако при этом активная интернет-

деятельность привела к резкому увеличению просмотров программ религиозного содержания в сети. Один из пасторов в авторском интервью пояснил, что аудитория его интернет-трансляций за время самоизоляции выросла в три-четыре раза, периодически достигая 1000–1200 просмотров на один ролик, притом, что численность его церкви не превышает 400 чел. Мусульманская умма города попыталась отреагировать путем изменения нормы участников обязательного пятничного намаза. Официально закрыв мечети, мусульмане каждую пятницу проводили службы, в каждой мечети собираясь по три человека. Трое — это минимально необходимое число прихожан на пятничной службе. Остальным рекомендовалось делать намаз в домашних условиях. По мнению муфтия Пермского края Анвара Хазрата Аблаева, «есть учения пророка Мухаммеда. Если чума выходит, лучше оставаться там, где вы находитесь. Поэтому все понимали ситуацию. Конфликтов, как таковых, не было. Некая напряженность присутствовала. Например, для нас каждая пятничная молитва — это очень серьезно. Имамы стали читать молитвы онлайн. Ближе к Курбан-байрам договорились с губернатором Прикамья. Нам выделили время на региональном “Россия-1”, велся прямой эфир» [Петров С.А., 2020].

Наиболее сложная ситуация с трансформированием практик возникла у доминирующей религиозной группы — православных. В частности, особую остроту проблеме придало выпадение дня празднования Пасхи Христовой на промежуток жесткого карантина. Часть священников перешла в интернет-пространство, выкладывая записи служб из своих храмов, часть существенно ограничила время богослужений, часть начала использовать одноразовые ложки и стаканы при церковных ритуалах, применять иные меры антивирусной профилактики. В частности, 24 марта 2020 г. по благословению правящего архиерея состоялся объезд на машине с иконой Божией Матери «Пермская» всех районов краевой столицы [В Перми священники..., 2020]. Однако существенных изменений в практиках деятельности церкви не произошло. Несмотря на обращение Мефодия, митрополита Пермского и Кунгурского от 16 апреля 2020 г. [Обращение митрополита..., 2020], в православной среде появилось значи-

тельное числа ковид-диссидентов, отрицавших саму болезнь или считавших, что в храмах вирус убивает Бог и соблюдать масочный режим, меры социального дистанционирования не обязательно. По мнению благочинного Второго городского церковного округа г. Перми Дмитрия Таранченко, «конечно, есть отдельные моменты. Например, прийти, помолиться за усопшего никто не может отказать. А вот собраться для общей молитвы, тут все уже зависит от сознательности пришедших. Никого из храма выгонять не будут. Мы просто не имеем права этого делать. Если даже вы без маски и не примете общепринятых правил, то я, к примеру, к вам подойду, поговорю и думаю, вы маску наденете. Надеюсь на это. А так все по правилам. Даже хор. Хотя, мне даже подумать сложно, как им тяжело» [Петров С.А., 2020].

Анализ происходящих в религиозной среде процессов показывает, что несмотря на консервативные условия внутренней религиозной среды, трансформация реализации социальных и богослужебных практик религиозных организаций г. Перми под воздействием самоизоляции и пандемии началась. Скорость протекания трансформационных процессов зависит как от субъективной социокультурной и теологической традиции определенной религиозной группы, так и от силы воздействия внешней среды, одним из ведущих элементов которой, несомненно, является деятельность органов власти, ее ограничительно-карантинные действия. Возможно, что протекание данных трансформационных процессов послужит фактором некоторых изменений в религиозной среде, появления новых религиозных направлений или выделения из традиционных религиозных направлений новых внутренних течений, что добавит научного интереса к изучению религиозной сферы современного социума.

Список литературы

Бабешко О.С. Информационное общество и религия: постсекулярное общество // Вопросы экономики и управления. 2017. № 2(9). С. 52–54.

В Перми священники катались по городу с иконой, чтобы помочь врачам победить коронавирус // Селдон Новости. 2020. 27 мар. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/226520925> (дата обращения: 11.11.2020).

Дюкин С.Г., Самойлова И.В. Православные виртуальные ресурсы в борьбе за веру (на материале города Перми) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 3(27). С. 172–179. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2016-3-172-179>

Заболотнева В.В. Социальные учения и социальная деятельность новых религиозных объединений в современной России: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2012. 30 с.

История телеканала ТБН. URL: <https://tbn-tv.com/about/istoriya-telekanala/> (дата обращения: 10.11.2020).

Лученко К.В. Интернет в информационно-коммуникационной деятельности религиозных организаций России: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 22 с.

Лученко К.В. Интернет и религиозные коммуникации в России // RELGA. 2008. № 12(175). URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2228&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 01.11.2020).

Обращение митрополита Пермского и Кунгурского Мефодия от 16.04.2020 / Официальный портал Пермской Епархии. URL: https://pravperm.ru/novosti_eparhii/obrawenie_mitropolita_permского_i_kungursкого_mefodiya/ (дата обращения: 11.11.2020).

Пермский край в цифрах. 2019: Краткий статистический сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю. Пермь, 2019. 200 с.

Пермь конфессиональная: справ. издание. Пермь, 2019. 96 с.

Петров С.А. Вера в Бога сплачивает жителей Прикамья в период пандемии // Федеральное агентство новостей. 2020. 7 нояб. URL: <https://riafan.ru/region/perm/1331787-vera-v-boga-splachivaet-zhitelei-prikame-v-period-pandemii> (дата обращения: 10.11.2020).

Религиозные отношения в Пермском крае / Сайт губернатора и Правительства Пермского края. 2020. URL: <https://admin.permkrai.ru/activities/religioznye-otnosheniya-v-permskom-krae/> (дата обращения: 21.10.2020).

Состав и количество религиозных организаций, сведения о которых внесены в ведомственный реестр зарегистрированных в Российской Федерации некоммерческих организаций на 01.07.2015 // Интерфакс. 2015. 1 сент. URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=reference&div=98> (дата обращения: 10.11.2020).

Указ губернатора Пермского края № 18 от 19.03.2020 «О мероприятиях, реализуемых в связи с угрозой распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) в Пермском крае». URL: <https://www.permkrai.ru/antivirus/18.pdf> (дата обращения: 10.11.2020).

Указ губернатора Пермского края № 26 от 31.03.2020 «О внесении изменений в указ губернатора Пермского края от 29 марта 2020 г. № 23 “О мероприятиях, реализуемых в связи с угрозой распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) в Пермском крае”». URL: <https://www.permkrai.ru/upload/iblock/a21/26.pdf> (дата обращения: 10.11.2020).

Церкви города Перми на карте / Карта протестантских церквей России. URL: <http://map.drevolife.ru/russia/permskiy/perm/> (дата обращения: 01.11.2020).

Шадрин-Оболенский Н. Методология исследования повседневных религиозных практик. URL: <https://pandia.ru/text/78/335/20185.php> (дата обращения: 01.12.2020).

Получено 01.11.2020

References

Babeshko, O.S. (2017) *Informatsionnoe obschestvo i religiya: postsekulyarnoe obschestvo* [Information society and religion: a post-secular society]. *Voprosy ekonomiki i upravleniya* [Economic and Management Issues]. No. 2(9), pp. 52–54.

Dyukin, S.G. and Samoylova, I.V. (2016). *Pravoslavnye virtual'nye resursy v bor'be za veru (na materiale goroda Permi)* [Virtual recourses of Orthodox Church in the process of struggle for belief (on the Perm city materials)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 3(27), pp. 172–179. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2016-3-172-179>

Istoriya telekanala TBN [History of TBN]. Available at: <https://tbn-tv.com/about/istoriya-telekanala/> (accessed 10.11.2020).

Luchenko, K.V. (2008). *Internet i religioznye kommunikatsii v Rossii* [The internet and religious communication in Russia]. RELGA. No. 12(175). Available at: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2228&level1=main&level2=articles> (accessed 01.11.2020).

Luchenko, K.V. (2009). *Internet v informatsionno-kommunikatsionnoy deyatel'nosti religioznykh or-*

ganizatsiy Rossii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Internet in information and communication activities of religious organizations in Russia: Abstract of PhD. dissertation]. Moscow, 22 p.

Obraschenie mitropolita Permskogo i Kungurskogo Mefodiya ot 16.04.2020 goda [The appeal of Metropolitan of Perm and Kungur Methodius from April 16, 2020]. Perm Diocese. Available at: https://pravperm.ru/novosti_eparhii/obrawenie_mitropolita_permskogo_i_kungurskogo_mefodiya/ (accessed 11.11.2020).

Permskiy kray v tsifrakh. 2019: Kratkiy statisticheskiy sbornik [Perm Krai in figures. 2019: A brief statistical compilation]. Territorial body of Federal State Statistics Service on Perm Territory, Perm, 200 p.

Perm' konfessional'naya: spravochnoe izdanie [Perm confessional: reference edition]. Perm, 96 p.

Petrov, S.A. (2020). *Vera v Boga splachivaet zhiteley Prikam'ya v period pandemii* [Faith in god unites residents of the Perm region during the pandemic]. Federal news agency. Nov. 7. Available at: <https://riafan.ru/region/perm/1331787-vera-v-boga-splachivaet-zhitelei-prikame-v-period-pandemii> (accessed 10.11.2020).

Religioznye otnosheniya v Permskom krae [Religious relations in the Perm region]. Official site of the Governor and the Government of Perm Krai. Available at: <https://admin.permkrai.ru/activities/religioznye-otnosheniya-v-permskom-krae/> (accessed 21.10.2020).

Шадрин-Оболенский, Н. *Методология исследования повседневных религиозных практик* [Methodology for the study of everyday religious practices]. Available at: <https://pandia.ru/text/78/335/20185.php> (accessed 01.12.2020).

Sostav i kolichestvo religioznykh organizatsiy, svedeniya o kotorykh vneseny v vedomstvennyy reestr zaregistrirrovannykh v Rossiyskoy Federatsii nekommercheskikh organizatsiy na 01.07.2015 goda [Composition and number of religious organizations, information about which is included in the departmental register of non-profit organizations registered in the Russian Federation as of July 1, 2015]. *Interfax*. Sept. 1. Available at: <http://www.interfax-religion.ru/?act=reference&div=98> (accessed 10.11.2020).

Tserkvi goroda Permi na karte [Churches of Perm on the map]. Protestant Churches in Russia. Available at: <http://map.drevolife.ru/russia/permskiy/perm/> (accessed 01.11.2020).

Ukaz gubernatora Permskogo kraya № 18 «O meropriyatiyakh, realizuyemykh v svyazi s ugrozoy rasprostraneniya novoy koronavirusnoy infektsii (COVID-19) v Permskom krae» ot 19.03.2020 goda

[The decree of the Governor of the Perm territory No. 18 «On measures taken in connection with the threat of the spread of a new coronavirus infection (COVID-19) in the Perm Krai» of March 19, 2020]. Available at: <https://www.permkrai.ru/antivirus/18.pdf> (accessed 10.11.2020).

Ukaz gubernatora Permskogo kraya № 26 «O vnesenii izmeneniy v ukaz gubernatora Permskogo kraya ot 29 marta 2020 g. № 23 “O meropriyatiyakh, realizuyemykh v svyazi s ugrozoy rasprostraneniya novoy koronavirusnoy infektsii (COVID-19) v Permskom kraye”» ot 31.03.2020 goda [The decree of the Governor of the Perm territory No. 26 «On Amendments to the Decree of the Governor of the Perm Territory dated March 29, 2020 No. 23 “On measures taken in connection with the threat of the spread of a new coronavirus infection (COVID-19) in

the Perm Krai”» of March 31, 2020]. Available at: <https://www.permkrai.ru/upload/iblock/a21/26.pdf.pdf> (accessed 10.11.2020).

V Permi svyaschenniki katalis' po gorodu s ikonoj, chtoby pomoch' vracham pobedit' koronavirus [In Perm priests rode around the city with an icon to help doctors defeat the coronavirus]. Seldon news, Mar. 27. Available at: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/226520925> (accessed: 11.11.2020).

Zabolotneva, V.V. (2012). *Sotsial'nye ucheniya i sotsial'naya deyatel'nost' novykh religioznykh ob'edineniy v sovremennoj Rossii: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [Social teachings and social activities of new religious associations in modern Russia: Abstract of PhD. dissertation]. Moscow, 30 p.

Received 01.11.2020

Об авторе

Сироткин Павел Федорович

кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: spf@list.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2838-7679>

About the author

Pavel F. Sirotkin

Ph.D. in Sociology, Associate Professor
of the Department of Sociology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: spf@list.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2838-7679>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Сироткин П.Ф. Трансформация реализации социальных и богослужебных практик религиозных организаций города Перми под воздействием самоизоляции и пандемии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 4. С. 679–687. DOI: 10.17072/2078-7898/2020-4-679-687

For citation:

Sirotkin P.F. [Transformation of social and liturgical practices of Perm religious organizations under the influence of lockdown and the pandemic]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofija. Psihologija. Sociologija* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 4, pp. 679–687 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2020-4-679-687

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

УДК 001:159.9

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-4-688-692

**ИНФОРМАЦИЯ О ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ
«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ
ВУЗА В НОВЫХ РЕАЛИЯХ»*****Макарова Ирина Вилориевна****Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»****Жданова Светлана Юрьевна****Пермский государственный национальный исследовательский университет****Бузина Татьяна Сергеевна****Московский государственный медико-стоматологический университет им. А.И. Евдокимова****Юдина Татьяна Олеговна****Московский физико-технический институт****Кулыгина Майя Александровна****Московский государственный институт международных отношений (университет)**Министерства иностранных дел Российской Федерации****Хломов Кирилл Данилович****Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва)*

Современные российские ВУЗы сталкиваются с новым типом образовательных, воспитательных и психологических проблем, связанных с инклюзивным образованием, с мультикультурностью контингента учащихся, с высоким уровнем неоднородности познавательного и социального развития молодого поколения. Все это формирует мощный социальный запрос на развитие психологической службы образования. Новая социокультурная ситуация развития молодого поколения ставит совершенно новые задачи психологического обеспечения системы образования, которые отражены в результатах обсуждений и дискуссий, состоявшихся в рамках Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы психологической службы вуза в новых реалиях», которая прошла 25–26 сентября 2020 г. в онлайн-формате. Во время конференции обсуждались следующие вопросы: социально-психологические аспекты современного образования, охрана здоровья студентов, специфика работы психологических служб вузов, психосоциальные аспекты дистанционного обучения в вузе в условиях пандемии. По итогам конференции была разработана резолюция. В рамках резолюции конференции было предложено: распространять и внедрять положительные результаты деятельности психологических служб в области охраны психического здоровья в практику работы отечественных вузов; способствовать созданию общего интернет-пространства для обмена опытом между психологическими службами образовательных организаций; разработать методические рекомендации для профессорско-преподавательского состава, касающиеся специфики преподавания в условиях дистанционного обучения.

Ключевые слова: психологическая служба вуза, психическое здоровье, дистанционное обучение, психологическая поддержка, психологическое сопровождение.

INFORMATION ABOUT THE RUSSIAN SCIENTIFIC AND PRACTICAL
CONFERENCE WITH INTERNATIONAL PARTICIPATION
«MODERN PROBLEMS OF THE UNIVERSITY PSYCHOLOGICAL
SERVICE IN NEW REALITIES»

Irina V. Makarova

National Research University Higher School of Economics

Svetlana Yu. Zhdanova

Perm State University

Tatyana S. Buzina

A.I. Yevdokimov Moscow State University of Medicine and Dentistry

Tatyana O. Yudina

Moscow Institute of Physics and Technology

Maya A. Kulygina

Moscow State Institute of International Relations

Kirill D. Khlokov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Modern Russian Universities face a new type of educational, educational and psychological problems related to inclusive education, multiculturalism of the student population, and a high level of heterogeneity in the cognitive and social development of the younger generation. All this forms a powerful social demand for the development of the psychological service of education. The new socio-cultural situation of development of the young generation poses a new problems of psychological support of the educational system, which are reflected in the deliberations and discussions held in the framework of all-Russian scientific-practical conference with international participation «Actual problems of psychological service of the University in the new reality», which took place on 25–26 September 2020 in an online format. During the conference, the following issues were discussed: socio-psychological aspects of modern education, health protection of students, the specifics of the work of psychological services of universities and psychosocial aspects of distance learning at a university in a pandemic. As a result of the conference, it was proposed: to disseminate and implement the positive results of the activities of psychological services in the field of mental health protection among domestic universities; promote the creation of a common Internet space for the exchange of experience between psychological services of educational organizations; to develop a number of methodological recommendations on the specifics of teaching in conditions of distance learning for the teaching staff.

Keywords: psychological service of the university, mental health, distance learning, psychological support, psychological support.

25–26 сентября 2020 г. состоялась Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Актуальные проблемы психологической службы вуза в новых реалиях».

Организаторами Конференции выступили следующие учреждения: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (г. Пермь), Федеральное государственное автономное образовательное учреждение

высшего образования Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва), Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет)» (г. Москва), Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Москва), Федеральное государ-

ственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (г. Москва) при поддержке Министерства здравоохранения Российской Федерации.

Конференция проходила в режиме онлайн.

В работе Конференции приняли участие более 200 человек, представляющих 18 субъектов Российской Федерации, а также страны ближнего и дальнего зарубежья: Республику Беларусь, Республику Молдова, Республику Болгария, Восточную Республику Уругвай, Соединенные Штаты Америки. Во время онлайн-трансляции непосредственно присутствовали 70 чел.

Состав участников конференции включал представителей Министерства образования и науки Российской Федерации; руководителей и сотрудников психологических служб вузов, руководителей и представителей профессорско-преподавательского состава образовательных организаций.

Статьи ряда авторов — участников конференции после проведения рецензирования будут опубликованы в журнале «Социальные и гуманитарные науки: теория и практика».

Конференция проведена с **целью** консолидации ресурсов профессионального сообщества для дальнейшего развития системы психологического сопровождения в вузе, что особенно важно в современных беспрецедентных условиях влияния пандемии COVID-19 и дистанционного обучения на психологическое благополучие и психическое здоровье всех участников образовательного процесса.

Основными **формами работы** Конференции были:

- *пленарное заседание* по проблемам социально-психологических аспектов современного образования;
- *круглый стол* «Психосоциальные уроки дистанционного обучения в вузе в условиях пандемии»;
- *параллельные секции*, предусматривающие профессионально-общественное обсуждение следующих тем:
- охрана здоровья студентов — приоритетное направление психологического

сопровождения в вузе на современном этапе;

- специфика психологической службы вуза в условиях пандемии;
- психологические особенности студентов;
- *мастер-класс* по использованию арт-терапии в работе с депрессией.

Участники конференции отметили, что перевод обучения на дистанционный формат вызвал у студентов обострение проблем с психическим и соматическим здоровьем, обусловил тревожные реакции, повышение требований к когнитивным функциям (внимание, восприятие), дополнительную нагрузку на зрительный и голосовой аппараты, ограничение социальных связей.

Было отмечено также, что растущая вариативность и разнообразие современного студенческого сообщества порождает новые типы образовательных, воспитательных и психологических задач, которые связаны с инклюзивным образованием, с мультикультурностью, с высоким уровнем неоднородности познавательного и социального потенциала молодого поколения. Все это формирует мощный социальный запрос на совершенствование психологической службы высшего образования.

По итогам Конференции предложено:

1. Распространять и внедрять положительные результаты деятельности психологических служб в области охраны психического здоровья и психологической поддержки молодежи на площадках отечественных вузов.
2. Способствовать созданию общего интернет-пространства для обмена информацией, опытом, методическими материалами между психологическими службами вузов Российской Федерации.
3. Подготовить методическое пособие с обобщением опыта работы психологических служб вузов в период пандемии.
4. Поставить вопрос о создании общегородских Центров психического здоровья студентов для оказания комплексной медико-психологической и психиатрической помощи.
5. Опубликовать материалы по итогам Всероссийской научно-практической конференции с международным участи-

- ем «Актуальные проблемы психологической службы вуза в новых реалиях» в электронном и печатном формате.
- Отметить положительный эффект практической деятельности участников конференции в оказании психологической помощи молодежи в условиях дистанционного обучения.
 - Разработать ряд методических рекомендаций о специфике преподавания в условиях дистанционного обучения для профессорско-преподавательского состава вузов Российской Федерации.

- Продолжить продвижение идеи визитов сотрудников психологических служб вузов для обмена опытом.
- Подготовить справочник с описанием структуры и деятельности психологических служб в университетах России.

Провести очередную Всероссийскую научно-практическую конференцию «Актуальные проблемы психологической службы вуза» в декабре 2021 г.

Получено 06.10.2020

Об авторах

Макарова Ирина Вилориевна

кандидат психологических наук, доцент,
директор Центра психологического консультирования

Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики,
117312, Москва, ул. Вавилова, 7;
e-mail: makarovamoscow@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1881-3846>

Жданова Светлана Юрьевна

доктор психологических наук, доцент,
заведующая кафедрой психологии развития

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: svetlanaur@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5496-0531>

Бузина Татьяна Сергеевна

доктор психологических наук, доцент,
заведующая кафедрой общей психологии

Московский государственный
медико-стоматологический университет
им. А.И. Евдокимова,
127473, Москва, ул. Десятская, 20;
e-mail: tbuzina@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8834-251X>

Юдина Татьяна Олеговна

заместитель начальника отдела социально-психологического сопровождения

Московский физико-технический институт,
141701, Московская обл., Долгопрудный, ул. Институтский пер., 9;
e-mail: Judinatatyana@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3692-7636>

About the authors

Irina V. Makarova

PhD in Psychology, Docent,
Director of the Center for Psychological Counseling

National Research University
Higher School of Economics,
7, Vavilov st., Moscow, 117312, Russia;
e-mail: makarovamoscow@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1881-3846>

Svetlana Yu. Zhdanova

Doctor of Psychology, Docent,
Head of the Department of Developmental
Psychology

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: svetlanaur@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5496-0531>

Tatyana S. Buzina

Doctor of Psychology, Docent,
Head of the Department of General Psychology

A.I. Yevdokimov Moscow State University
of Medicine and Dentistry,
20, Delegatskaya st., Moscow, 614990, Russia;
e-mail: tbuzina@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8834-251X>

Tatyana O. Yudina

Deputy Head of the Department
of Social Psychological Support

Moscow Institute of Physics and Technology,
9, Institutskiy ln., Dolgoprudny, Moscow Region,
141701, Russia;
e-mail: Judinatatyana@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3692-7636>

Кулыгина Майя Александровна

кандидат психологических наук

старший научный сотрудник Учебного центра,
ГБУЗ «Психиатрическая клиническая больница № 1
им. Н.А. Алексеева» Департамента
здравоохранения г. Москвы,
117152, Москва, Загородное ш., 2;

психолог Медико-психологического центра,
Московский государственный институт междуна-
родных отношений (университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации,
119454, Москва, пр. Вернадского, 76;

e-mail: mkulygina@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4255-8240>

Хломов Кирилл Данилович

кандидат психологических наук,
старший научный сотрудник лаборатории когни-
тивных исследований,
руководитель психологической службы института
общественных наук

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
119571, Москва, пр. Вернадского, 82;

e-mail: kirklhomov@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1016-6154>

Maya A. Kulygina

PhD in Psychology

Senior Researcher at the Educational Center,
Psychiatric Hospital no. 1 named after N.A. Alexeev
of the Department of Health of Moscow,
2, Zagorodnoye hwy., Moscow, 117152, Russia;

Psychologist of the Medical and Psychological Center,
Moscow State Institute of International Relations,
76, Vernadskiy av., Moscow, 119454, Russia;

e-mail: mkulygina@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4255-8240>

Kirill D. Khlomov

PhD in Psychology, Senior Researcher
of the Laboratory of Cognitive Research,
Head of the Psychological Service
of the Institute of Social Sciences

Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
82, Vernadskiy av., Moscow, 119571, Russia;

e-mail: kirklhomov@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1016-6154>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Макарова И.В., Жданова С.Ю., Бузина Т.С., Юдина Т.О., Кулыгина М.А., Хломов К.Д. Информация о Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы психологической службы вуза в новых реалиях» // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 4. С. 688–692. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-4-688-692

For citation:

Makarova I.V., Zhdanova S.Yu., Buzina T.S., Yudina T.O., Kulygina M.A., Khlomov K.D. [Information about the Russian scientific and practical conference with international participation «Modern problems of the university psychological service in new realities»]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 4, pp. 688–692 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2019-4-688-692

НАШИ РЕЦЕНЗЕНТЫ

*Редколлегия журнала
«Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология»
выражает глубокую благодарность рецензентам 2020 года*

OUR REVIEWERS

*Editorial Board of «Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology»
expresses deepest gratitude to 2020 reviewers*

Антипов Константин Анатольевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии Пермского национального исследовательского политехнического университета.

Балева Милена Валерьевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития ПГНИУ.

Барз Олег Александрович — доктор философских наук, профессор кафедры философии ПГНИУ.

Березина Елена Михайловна — кандидат философских наук, заведующий кафедрой культурологии и социально-гуманитарных технологий ПГНИУ.

Береснева Наталья Ириковна — доктор философских наук, декан философско-социологического факультета, профессор кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий ПГНИУ.

Бурко Виктор Александрович — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии Пермского национального исследовательского политехнического университета.

Василевская Елена Александровна — кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики Самарского филиала Московского городского педагогического университета (Самара).

Войскунский Александр Евгеньевич — кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник кафедры общей психологии МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва).

Волегов Владимир Сергеевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии ПГНИУ.

Воронова Ксения Андреевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии ПГНИУ.

Гасумова Светлана Евгеньевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы и конфликтологии ПГНИУ.

Гриценко Виктория Сергеевна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник научной школы Экономическая теория Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (Москва).

Жданова Светлана Юрьевна — доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии развития ПГНИУ.

Замараева Зинаида Петровна — доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной работы и конфликтологии ПГНИУ.

Игнатова Екатерина Сергеевна — кандидат психологических наук, и.о. заведующего кафедрой общей и клинической психологии ПГНИУ.

Имакаев Виктор Раульевич — доктор философских наук, заведующий кафедрой образовательных технологий высшей школы Регионального института непрерывного образования ПГНИУ.

Калугин Алексей Юрьевич — кандидат психологических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой практической психологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета.

Комаров Сергей Владимирович — доктор философских наук, профессор кафедры философии ПГНИУ.

Коромыслов Виталий Валерьевич — кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии Пермского государственного аграрно-технологического университета.

Корякин Вячеслав Владимирович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии ПГНИУ.

Краснов Алексей Витальевич — кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и клинической психологии ПГНИУ.

Круглов Дмитрий Николаевич — кандидат философских наук, заведующий кафедрой теории и истории государства и права ПГНИУ.

Кузнецов Александр Евгеньевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии ПГНИУ.

Ламберов Лев Дмитриевич — кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург).

Маркова Юлия Сергеевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии ПГНИУ.

Мишкевич Арина Михайловна — кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры психологии развития ПГНИУ.

Некрасов Станислав Николаевич — доктор философских наук, профессор кафедры культурологии и дизайна Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург).

Орлов Сергей Владимирович — доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения (Санкт-Петербург).

Панов Вячеслав Федорович — доктор физико-математических наук, профессор кафедры высшей математики ПГНИУ.

Патырбаева Ксения Вадимовна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии ПГНИУ.

Политов Андрей Викторович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и права Пермского национального исследовательского политехнического университета.

Полянина Ольга Ивановна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития ПГНИУ.

Руднова Наталья Александровна — кандидат психологических наук, ассистент кафедры общей и клинической психологии ПГНИУ.

Светлов Роман Викторович — доктор философских наук, директор Института философии человека Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург).

Снетова Нина Васильевна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии ПГНИУ.

Таллибулина Марина Тимергалиевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной психологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета.

Торубарова Татьяна Викторовна — доктор философских наук, профессор кафедры философии Курского государственного университета (Курск).

Хафизова Наталья Алексеевна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и права Пермского национального исследовательского политехнического университета.

Хачатрян Людмила Александровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии ПГНИУ.

Шевкова Елена Викторовна — кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и клинической психологии ПГНИУ.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия научного журнала «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология» (ISSN 2078-7898, ISSN online 2686-7532) приглашает опубликовать статьи, содержащие оригинальные идеи и результаты исследований, а также переводы и литературные обзоры. Журнал включен в **Перечень рецензируемых научных изданий ВАК России**.

Редакционная коллегия принимает к рассмотрению оригинальные статьи на русском и английском языке по следующим отраслям науки и соответствующим научным специальностям:

09.00.00 Философские науки (рубрика «Философия»)

09.00.01 Онтология и теория познания

09.00.11 Социальная философия

09.00.03 История философии

09.00.13 Философская антропология, философия культуры

19.00.00 Психологические науки (рубрика «Психология»)

19.00.01 Общая психология, психология личности, история психологии

22.00.00 Социологические науки (рубрика «Социология»)

22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы

22.00.08 Социология управления

22.00.01 Теория, методология и история социологии

Издание включено в международные базы данных **Ulrich's Periodicals Directory** и **EBSCO Discovery Service**, в электронные библиотеки «**IPRbooks**», «**Университетская библиотека on-line**», «**КиберЛенинка**», «**Рукопт**», в электронную систему **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**.

Правила оформления текста

При подготовке статей используется редактор Microsoft Word (версия 2003 и ниже). Статья представляется в электронном виде (в формате RTF). Имя файла — фамилия автора (первого из соавторов).

Параметры страницы. Формат страниц А4, поля по 2 см с каждой стороны. Расстояние до верхнего и нижнего колонтитулов — 1,25 см.

Заглавие статьи набирается строчными буквами жирным шрифтом и форматируется по центру.

Основной текст статьи оформляется стилем «Обычный/Normal»: шрифт — Times New Roman, 11 pt, интервал — 1, абзацный отступ — 1 см. Объем статьи от 20000 знаков до 40000 знаков с пробелами. Допускаются выделения курсивом и полужирным шрифтом, а также вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol). В тексте следует четко различать О (букву) и 0 (ноль); 1 (арабскую цифру), I (римскую цифру) и I (латинскую букву); а также дефис (-) и тире (—). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX в.). Рекомендуемые кавычки «...», при выделениях внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например: «...“...”...».

В журнал не принимаются материалы в формате эссе. Рекомендуется разбить текст статьи на **разделы**:

– введение;

– основное содержание (рекомендуется разбить тело статьи на несколько тематических частей и присвоить каждой собственное наименование);

– результаты/обсуждение;

– заключение /выводы.

Заголовки к основным разделам статьи необходимо оформлять в едином стиле. Использование автоматических списков не допускается. Нумерованные списки набираются вручную.

Таблицы должны сопровождаться заголовком вида «Таблица 1. Название таблицы». Слова в таблицах должны быть написаны полностью. В конце заголовков и ячеек таблицы точка не ставится. Русская версия заголовка, названия таблицы и примечания (при наличии) к таблице должна сопровождаться ее переводом на английский язык.

Рисунки должны быть размещены в тексте статьи в виде внедренных объектов. Под рисунками должны располагаться подписи типа «Рис. 1. Название рисунка». В конце всех заголовков и подписей к рисункам точка не ставится. Подписи и примечания (при наличии) к рисункам должны приводиться как на русском, так и на английском языках. Рисунки, графики, диаграммы должны быть четкими, легко читаемыми.

Формулы выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже.

Библиографические ссылки в тексте оформляются на языке источников согласно принципами **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) с указанием страниц источника цитирования (в случае прямого цитирования на конкретных страницах или обращения к конкретному фрагменту источника без прямого цитирования). При этом ссылки на использованную литературу даются в самом тексте статьи в квадратных скобках. В списке литературы не должно быть источников, на которые отсутствуют ссылки в тексте статьи. В списке литературы должны быть все источники, на которые дается ссылка в тексте статьи.

Постраничные сноски для ссылок на литературу *не допускаются*. Не рекомендуются и другие постраничные сноски — за исключением указания на *программу*, в рамках которой выполнена работа, или наименования *фонда поддержки*.

Ссылки в тексте оформляются в следующем виде:

– один автор: [Новиков А.М., 2002, с. 52], [Vernaleken A., 2006, p. 7];

– два автора: [Обухов, Иванова, 1999, с. 130];

– несколько авторов: указывается имя первого автора с последующим «и др.» [Иванова и др., 2002], но в списке литературы издание должно включать все имена авторов;

– несколько ссылок в алфавитном порядке разделяются точкой с запятой: [Орлов, Васильева, 2006; Рябухин, 2009], [Социология города..., 2010, с. 71; Петров, 2010, с. 55];

– две или более работ одного автора: [Береснева, 2014, 2016], [Внутских, 2017а, 2017б];

– книги под редакцией, материалы конференций, энциклопедии, словари, иные публикации: [Психолого-педагогическая..., 2014, с. 198], [Sociology and the end..., 2011].

Список литературы в соответствии с практикой международных научных журналов должен состоять как минимум из 15–20 источников.

Список литературы в конце статьи оформляется *автором (авторами)* в двух вариантах: в русском, согласно ГОСТ 7.1-2003 (<http://www.internet-law.ru/gosts/gost/1560/>), но без нумерации источников, и в *английском*, согласно принципам **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) также без нумерации источников.

Русский вариант списка литературы должен содержать все источники, оформленные по ГОСТ 7.1.-2003 *в алфавитном (русского языка) порядке без нумерации*. Обязательно указывается: *для книг* — фамилия и инициалы автора (выделенные курсивом), название, город, издательство, год издания, том, *количество страниц*; *для журнальных статей, сборников трудов* — фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала, серия, год, том, номер, выпуск, *страницы*; *для материалов конференций* — фамилия и инициалы автора, название статьи, название издания, время и место проведения конференции, город, издательство, год, *страницы*.

Внимание: если источник, помещенный в библиографический список, имеет **идентификатор DOI**, то его указание в разделе Библиографический список в виде активной гиперссылки является обязательным! DOI указывается в конце библиографической записи, отделяясь от страниц точкой и пробелом. Информацию о DOI источников можно найти по адресу: <https://www.crossref.org/>.

Пример:

Внутских А.Ю. Глобальные катастрофические риски в свете концепции единого закономерного мирового процесса // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 4. С. 528–536. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2017-4-528-536>.

Bard, P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. 1934, vol. 41, p. 309. DOI: <https://doi.org/10.1037%2Fh0070765>.

Ссылки на кириллице в не русском варианте (белорусском, украинском, словенском и т.д.) должны сопровождаться переводом на русский или английский язык.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники**, список литературы делается **только один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Английский вариант списка литературы («References») должен быть выполнен в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления** и содержать все источники *в алфавитном (английского языка) порядке без нумерации*.

Необходимо указывать всех авторов цитируемой работы, не ограничиваясь тремя или четырьмя, для того, чтобы они все учитывались в базе данных. Используйте союз and для связи имен последних двух авторов. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «>» и «<». Знаки «:», «-», «/», «//» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т.п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если таковой существует (например, роман Н.Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Просим сверяться с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной Википедией и другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия. Основное, что должно быть понятно иностранному читателю, не знакомому с русским языком, — это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Правила транслитерации для оформления References:

а б в г д е ё ж з и й к л м н о п р с т у ф х ц ч ш щ ь ы ь э ю я
a b v g d e e zh z i y k l m n o p r s t u f kh ts ch sh sch y e yu ya

Для помощи в транслитерации можно воспользоваться сайтом <https://transltonline.com/nastrojki/> настроив транслитерацию в соответствии с указанными выше правилами (следует особо проверить транслитерированное изображение буквы щ).

Русские имена можно транслитерировать либо по приведенным правилам (например, «Ivanov», «Ignatev»), либо по другим, если их иное написание встречается в других источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatstsi», «Marx», а не «Marks»).

По правилам английского языка с заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

Шаблон для оформления книг:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие. Сведения об издании (информация о переиздании, номер издания, серия)*, Место издания, Издательство. Объем — количество страниц.

Название русскоязычной книги приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). **Для англоязычных книг** приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Panina, T.S. and Vavilova, L.N. (2008). *Sovremennye sposoby aktivizacii obucheniya* [Modern ways of activating learning]. Moscow: Akademiya Publ., 176 p.

Black, V., Kraakman, R. and Tarasova A. (1999). *Kommentariy Federal'nogo zakona «Ob aktsionernykh obshchestvakh»* [Commentary to the Federal Law «On Joint-Stock Companies»]. Moscow: COLPI Labirint, 720 p.

Porter, M. (2008). *Konkurentnaya strategiya: metodika analiza otraslei i konkurentov. Per. s angl. 3-e izd.* [Competitive strategy: methodology for analyzing industries and competitors. Trans. from Eng. 3rd ed.]. Moscow, Al'pina Biznes Buks Publ., 453 p.

Turner, A. (2006). *Introduction to Neogeography*. London, O'Reilly Media, 56 p.

Шаблон для оформления статей или отдельных глав с указанием разных авторов из книги или сборника:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи: сведения, относящиеся к заглавию. *Заглавие книги: сведения, сведения, относящиеся к заглавию.* Место издания, Издательство, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). **Для англоязычных источников** приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Gonobolin, F.N. (1962) *Psihologicheskij analiz pedagogicheskikh sposobnostey* [Psychological analysis of pedagogical abilities]. *Sposobnosti i interesy* [Abilities and interests]. Moscow, APN RSFSR Publ., pp. 63–72.

Шаблон для оформления диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие: Ph.D. Thesis/D.Sc. Thesis*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Voskresenskaya, E.V. (2003). *Pravovoe regulirovanie otsenочноi deyatel'nosti: dis. ... kand. jurid. nauk* [Legal regulation of valuation activities: dissertation]. St. Petersburg, 187 p.

Meadows, K. (2017). *Aristotle on ontological priority: Ph.D. Thesis*. Stanford: Stanford University, 185 p.

Шаблон для оформления авторефератов диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие: Abstract of Ph.D./D.Sc. dissertation*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Bezrodnaya, V.F. (2004). *Osobennosti formirovaniya grazhdanskogo obshchestva v protsesse politicheskoi modernizatsii Ukrainy: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk* [Features of civil society development in the process of political modernization of Ukraine: Abstract of Ph.D. dissertation]. Odessa, 16 p.

Шаблон для оформления статей из газет или журналов:

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи: сведения, относящиеся к заглавию. *Название журнала*. Номер выпуска, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Nazarchuk, A.V. (2011). *O setevykh issledovaniyakh v sotsial'nykh naukakh* [Network research in the social sciences]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1, pp. 39–51.

Fedosiuk, O. (2005). Trafficking in human beings in criminal law and practice of courts. *Law*. No. 54, pp. 72–73.

Шаблон для оформления источников электронного ресурса удаленного доступа:

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год. Заглавие. Available at: URL (без знаков препинания в конце) (accessed — дата обращения).

Примеры:

Bauman, Z. (2011). *Tekuchaya modernost: vzglyad iz 2011 goda* [Flowing Modernity: view from 2011]. Available at: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/> (accessed 21.07.2017).

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только один, в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления**.

Для источников **на других языках** (например, немецком) данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz, F. (1892). *Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns* [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только **один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Допускается указание в формате постраничной сноски на **программу**, в рамках которой выполнена работа, или наименование **фонда поддержки**.

Статья должна сопровождаться:

- **индексом УДК;**

- **аннотацией** на русском и английском языках состоящей минимум из 200 слов;

- **ключевыми словами** (до 15 слов) на русском и английском языках (ключевые слова просим разделять запятыми) с заголовком *Ключевые слова/Keywords*;

- **информацией об авторе** в отдельном файле (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, полный почтовый адрес (с индексом) — рабочий и адрес, на который будет выслан авторский экземпляр журнала, телефон, адрес электронной почты;

- **информацией об идентификаторах автора в виде активных гиперссылок: ORCID** (в обязательном порядке, регистрация возможна на сайте <http://orcid.org/>) и **ResearcherID** (желательно);

- **рецензией** научного руководителя (только для аспирантов и соискателей).

- **скан-копией справки об обучении в аспирантуре**, заверенной руководителем учреждения (только для аспирантов).

Текст аннотации не следует разбивать на абзацы. В аннотации следует избегать лишних вводных фраз (например, «В статье рассматриваются...» или «Автором рассматривается...») Аннотация должна раскрывать содержание исследования и включать информацию:

– предмет, тема, цели работы (если они не очевидны из названия статьи);

– метод или методологию проведения работы (если они отличаются новизной и представляют специальный интерес);

– результаты работы;

– область применения результатов;

– выводы (могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье).

При подготовке аннотации на английском следует избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: «The study tested», а не «It was tested in the study».

Подробные рекомендации по подготовке качественной аннотации можно найти в работе эксперта БД SCOPUS О.В. Кирилловой (<http://www.elsevierscience.ru/files/add-journal-to-scopus-2013.pdf>).

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором. Мнение членов редколлегии может не совпадать с мнением авторов статей.

Статьи и сопутствующие материалы отправляются автором **на электронный адрес fsf-vestnik@yandex.ru** Датой поступления статьи считается день получения рукописи статьи редакцией.

В соответствии с «Положением об этических стандартах редакционной политики Пермского государственного национально-исследовательского университета», автор, направляя рукопись в редакцию, принимает личную ответственность за оригинальность исследования и достоверность представленной в нем информации. Автор несет ответственность за неправомерное использование в научной статье объектов интеллектуальной собственности, объектов авторского права в полном объеме в соответствии с действующим законодательством РФ. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что направляемая статья нигде ранее не была опубликована, не направлялась и не будет направляться для опубликования в другие научные издания. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что ознакомлен и согласен с приведенными выше требованиями, и готов подписать лицензионный договор с Издателем (с текстом лицензионного договора можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <http://philsoc.psu.ru/nauka-na-fsf/nauchnyj-zhurnal-fsf/89-nauka/282-litsenzionnyj-dogovor-s-avtorami>).

Предоставление авторами сторонних рецензий не требуется (кроме аспирантов и соискателей). Все статьи в обязательном порядке подвергаются процедуре двойного «слепого» рецензирования. Принятые статьи рейтинуются и отбираются к публикации в ближайших выпусках.

Публикации для аспирантов бесплатные.

Редакционная коллегия информирует, что публикации и для остальных авторов в 2021 году будут **бесплатными**.

Сроки представления рукописей статей и запланированные сроки выхода издания в 2021 году:

Сроки представления рукописей статей	Запланированный срок выхода соответствующего номера Вестника
в № 1 — до 01 февраля	26 марта
в № 2 — до 01 мая	25 июня
в № 3 — до 01 августа	24 сентября
в № 4 — до 01 ноября	24 декабря

С электронными версиями опубликованных ранее выпусков Вестника можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

Контактная информация редколлегии:

e-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, тел. +7(342) 2396-305

GUIDELINES FOR ENGLISH-SPEAKING AUTHORS

The Editorial Board of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* (ISSN 2078-7898, ISSN online 2686-7532) invites authors of original research to publish their findings in the journal. The journal is on the Russian list of the leading peer-reviewed scientific journals and periodicals where the results of scientific research required for getting the scientific degree of Candidate or Doctor of Sciences (PhD) must be published.

The Editorial Board of the journal receipts original papers in Russian and in English accordingly study fields as follows:

09.00.00 Philosophy

09.00.01 Ontology and Epistemology

09.00.11 Social Philosophy

09.00.03 History of Philosophy

09.00.13 Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture

19.00.00 Psychology

19.00.01 General Psychology, Personality Psychology, History of Psychology

22.00.00 Sociology

22.00.04 Social Structure, Social Institutions and Processes

22.00.08 Sociology of Management

22.00.01 Theory, methodology and History of Sociology

The journal is included in the international databases *Ulrich's Periodicals Directory* and *EBSCO Discovery Service*, in the digital library *IPRbooks*, *electronic library system «The University Library On-line»*, *open access scientific library «CyberLeninka»*, *national digital resource «RUCONT»* and *national information-analytical system «Russian Science Citation Index (RSCI)»*.

Guidelines for submission

Articles should be submitted electronically in Microsoft Word (version 2003 or earlier) as a Rich Text File (rtf). The file should be named after the surname of the author (or the first coauthor).

Page Parameters. Please use A4 page size with 2 cm margins on each side with 1.25 cm to headers and footers.

The title of your contribution should be placed centrally in lowercase letters and in bold type.

The main text of your contribution should be typed in Normal style: Times New Roman, 11 pt, interval — 1, paragraph spacing — 1 cm. Articles should aim for a target length of 20 000 to 40 000 characters with spaces. You may use **boldface** or *italic*. Special symbols should be introduced by means of Symbol fonts. Please make sure that there observed distinctions between O (the letter) and 0 (zero); 1 (one), I (Roman figure) and l (Latin letter); intra-word hyphen (-) and dash (—). Centuries should be represented by with Roman numerals (e.g. XIX century). Recommended quotation marks are «...»; inside the quotations please use a different type of quotation marks (e.g. «...”...”...»).

The materials in the essay format are not accepted in the journal. We urge to divide the text of your article into the following parts:

– introduction;

– principal content (we recommend subdivide the article body into several components giving a title to each of them);

– results / discussion;

– conclusions / statements.

Headings of the main sections of your paper should be in one style. Please do not use automatic lists. Numbered lists should be done manually.

Tables should be signed as follows «Table 1. Name of Table». Words in tables should not be contracted. Full stop should not be used at the end of headings and in table cells.

Pictures should be placed in the text as embedded objects. Captions should be placed under the pictures (e.g. «Pic. 1. Name of the picture»). Full stop should not be used at the end of headings and captions to pictures. Pictures, graphs, diagrams should be clear, easy to read.

Formulas should be written in Microsoft Word Equation, version 3.0 or earlier.

References should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>) If a quotation is included, the page of the source should also be mentioned in square brackets, e.g.: [Vernaleken A., 2006, p. 7].

Reference list has include from 15 to 20 citations as minimum, and should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>). Generally, Harvard Reference List citations follow this format: Last name, First Initial. (Year published). *Title*. City: Publisher, Page(s), e.g.: Turner, A. (2006), *Introduction to Neogeography*, London, O'Reilly Media, 56 p.

Citations are listed in alphabetical order by the author's last name. If there are multiple sources by the same author, then citations are listed in the order of the date of publication.

Each resource should be mentioned in the list of references just once. The list of references should contain only those resources, which were cited in the text. All the resources cited in the text should be included in the list of references. Please provide Russian or English translation to non-Russian Cyrillic references.

Note: If cited source has DOI, then DOI name should be given in References as active hyperlink. DOI name should be placed at the end of the item, and it should be divided from the previous text by dot and void interval.

For example:

Bard, P. (1934). On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. Vol. 41, p. 309. DOI: <https://doi.org/10.1037%2Fh0070765>.

For **resources in English** the imprint should be given in English only.

For example:

Head, H. and Holmes, G. (1911–1912). Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*. Vol. 34, p. 102.

For **resources in other languages** (e.g. German) the imprint should be given both in English and in the resource language

For example:

Goltz, F. (1892). Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Please do not use footnotes. You may only use a footnote to indicate a **project, scholarship or foundation**, which supported your research.

Your contribution should be accompanied by:

- the index of the Universal Decimal Classification;
- abstract of 200 words (as minimum); abstract should include information about subject, objectives, methodology of the article, discussion of results and conclusion;
- key words (up to 15);
- information about the author (in separate file): surname and first name; place of work and position; academic degree; academic title; information about author's ID as active hyperlink (ORCID, ResearcherID); mail address (with postal code) for your author's copy to be sent to; phone number and e-mail address;
- reference letter of the academic supervisor (for PhD students only);
- scanned copy of verified certificate of study (for PhD students only).

Please take notice that submissions received by the Editorial Board will not return to the authors. The editorship may edit the text of the article and make minor amendments, which do not change the general meaning of the text, without the author's consent. Opinions of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the author.

Submissions should be sent **to the e-mail address of the Herald: fsf-vestnik@yandex.ru**. The date when the Editorial Board receives the manuscript is considered to be the date of the submission receipt.

According to «Regulations of Ethical Standards of Editorial Policy of Perm State University» the author of the article is responsible for the originality of research and authenticity of the information presented. The author is equally responsible for all copyright permissions in accordance with national and international legislation. By sending his or her article the author confirms that the manuscript has not been published previously and has not been sent to other journals for consideration before and will not be sent to other journals for publication afterwards. By sending his or her article the author confirms that he or she agrees with the requirements of the Guidelines, and is ready to sign the license agreement with the Publisher (see the text of the agreement at web-site: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>).

Providing outside reviews by authors isn't obligatory (excepting PhD students). All articles are exposed to double «blind» reviewing. The approved articles are ranked for selection to the publication in the next issues.

The publication of manuscript of PhD students is **free**.

The Editorial Board informs that the publication of manuscripts is free for all authors in 2021.

Submission deadlines in 2020

Submission deadlines	Planned date of publication
No 1 February 1	March 26
No 2 May 1	June 25
No 3 August 1	September 24
No 4 November 1	December 24

Electronic versions of the previously published issues of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* may be found here: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

Contacts

Phone: +7(342) 2396-305

E-mail of the Herald: fsf-vestnik@yandex.ru

Научное издание
Вестник Пермского университета

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2020
Выпуск 4

Редактор *Л.А. Богданова*
Корректор *Л.И. Семицветова*
Компьютерная верстка *И.Н. Черемных*
(ответственный секретарь коллегии)
Макет обложки *Н.С. Щеколовой*

Подписано в печать 24.12.2020
Дата выхода в свет 28.12.2020
Формат 60X84/8. Усл. печ. л. 20,34
Тираж 500 экз. Заказ

Адрес учредителя и издателя:

614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д.15
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Адрес редакции:

614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
(Философско-социологический факультет).
Тел. +7 (342) 239-63-05

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15 Тел.+7 (342) 239-66-36

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии издательства
Пермского национального исследовательского политехнического университета.

614990, г. Пермь, Комсомольский пр., 29, к. 113. Тел. (342) 219-80-33

Распространяется бесплатно и по подписке